ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Рязанова Валерия Александровна

АББРЕВИАТУРНЫЕ ГРУППЫ В СТРУКТУРНОМ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация
на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филол. наук, профессор
Теркулов Вячеслав Исаевич

Донецк
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 4

ВВЕДЕНИЕ 5

РАЗДЕЛ I ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СИНХРОННО-ЭКВИВАЛЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА К АББРЕВИАЦИИ 19

1.1. История изучения процессов универбализации 19

1.2. Средства лексической универбализации 22

1.3. Понятие конструкта сложного слова 27

1.4. Степень исследования средств лексической универбализации 31

1.5. Синхронно-эквивалентностный подход к процессу универбализации 36

1.6. Дешифровальный стимул в структурной и когнитивной трактовках .. 46

1.7. Гнездо эквивалентности группы 55

1.8. Понятие аббревиатурной группы 58

1.9. Гибридные аббревиатурно-композитные группы 61

1.10. Прогнозирование отношений эквивалентности в группе 72

1.11. Особенности лексикографического описания сложносокращенных слов 79

Выводы к Разделу I 85

РАЗДЕЛ II ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АББРЕВИАТУРНЫХ ГРУПП 92

2.1. Общие принципы описания аббревиатурных групп 92

2.2. Дополнительные параметры описания аббревиатурных групп 107

2.3. Аббревиатурная группа «зав» 111

2.4. Аббревиатурная группа «лингво» 112

2.5. Аббревиатурная группа «мед» 114

2.6. Аббревиатурная группа «теле» 115
2.7. Гибридная группа «банд» 118
2.8. Гибридная группа «ветро» 120
2.9. Гибридная группа «газо» 121
2.10. Гибридная группа «грузо» 123
2.11. Гибридная группа «домо» 125
2.12. Гибридная группа «жиро» 126
Выводы к Разделу II 128
РАЗДЕЛ III АББРЕВИАТУРНО-КОМПОЗИТНАЯ ГИБРИДНАЯ ГРУППА «НЕФТЕ» В СИНХРОННОМ РАССМОТРЕНИИ 132
3.1. Квантитативный аспект описания аббревиатурной группы 132
3.2. Ономасиологический аспект описания аббревиатурной группы 137
3.3. Формальные разновидности дешифровальных стимулов ГГ «нефте» 157
3.4. Дешифровальные матрицы ГГ «нефте» 164
3.5. Ядро и периферия гибридной группы «нефте» 169
3.6. Параллельное и последовательное формирование гибридности 170
3.7. Семантический аспект описания аббревиатурной группы 173
Выводы к Разделу III 177
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 182
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 192

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГ – аббревиатурная группа

АДС – аббревиатурный дешифровальный стимул

АП – аналитическое прилагательное

БИ – баланс индексов

ГГ – гибридная группа

ГК – гибридный конструкт

ГЭ – гнездо эквивалентности

ДС – дешифровальный стимул

ДМ – дешифровальная матрица

ДЦ – дешифровальная цепочка

КДС – композитный дешифровальный стимул

КС – композитное слово

ОК – ономасиологический класс

ОП – ономасиологический признак

ССА – сложносокращённый апеллятив

ССО – сложносокращённый оним

ССС – сложносокращённое слово

СЭ – синтаксический эквивалент

ЮДС – юкстапозитный дешифровальный стимул

ВВЕДЕНИЕ

Развитие аббревиации в русском языке связывают с XX веком: именно в это время она становится распространённым способом словообразования, причём «небывалая тяга к теснейшему сцеплению слов, благодаря которой у нас появились *колхоз*, *комсомол*, *профсоюз*, *универмаг* и т. д., была в то время так сильна и активна, что заодно подчинила себе даже такие слова, которые в готовых сочетаниях существовали задолго до советской эпохи» [Чуковский 1966]. Изучение аббревиатур и сложных слов получило развитие со второй половины XX века в трудах Д. И. Алексеева [Алексеев 1977], В. В. Борисова [Борисов 1972], Е. А. Земской [Земская 1996], Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1988а; 1988б], Л. А. Кудрявцевой [Кудрявцева 2004], В. В. Лопатина [Лопатин 1977], А. Мартине [Мартине 2004], Р. И. Могилевского [Могилевский 1983.], Л. В. Сахарного [Сахарный 1974], Б. А. Серебренникова [Серебренников 1988], А. М. Сухотина [Сухотин 1933], И. С Улуханова [Улуханов 2005], Н. М. Шанского [Шанский 1968] и многих других учёных. Под аббревиацией обычно понимается способ словообразования, при котором происходит «произвольное (безразличное к морфемному членению) усечение основ входящих в мотивирующее словосочетание слов (последнее из которых может и не быть сокращено)» [Востоков 1839, § 203].

В результате многочисленных исследований сложилось представление об аббревиации как о деривационном процессе трансформации словосочетания в слово. Языковые единицы рассматриваются как противопоставленные компоненты аббревиатурной пары, в которой аббревиатура определяется как вторичное наименование, полностью ретранслирующее структуру и семантику словосочетания.

Внимание исследователей в первую очередь было сосредоточено на изучении инициальных и слоговых аббревиатур. Об этом свидетельствует количественное преимущество инициальных и слоговых сокращений среди

аббревиатур разных типов, зафиксированных в словарях сокращений. Такая асимметрия может объясняться тем, что в 60-е годы «наблюдается новая тенденция в производстве звуковых и буквенных аббревиатур» [Ганноха 2015, с. 159], тогда как в настоящее время значительное распространение получили «слова, построенные по принципу сокращения либо одного из компонентов словосочетания (*Госдума, госзакупки, нацпроект, политтехнолог, бандподполье, допсоглашение, танцпол*), либо всех (двух и более) компонентов (*Совфед, Центризбирком, фармпром, химпром*)» [Журавлев 2012, с. 47.].

Кроме того, ряд учёных (В. В. Лопатин [Лопатин 1978], В. Н. Немченко [Немченко 1985], Е. А. Дюжикова [Дюжикова 1995]) обратили внимание на существование языковых единиц, которые находятся на границе между аббревиацией и сложением (т.н. «переходные явления», например слово *пионерлагерь*, первая часть которого может быть образована путём сокращения прилагательного *пионерский* или путём присоединения к базовой части основы слова *пионер*). Е. А. Дюжикова, анализируя материал современного английского языка, впервые провела сопоставление сложного слова и аббревиатуры, отмечая при этом, что ранее как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике рассматривались многие вопросы, связанные отдельно как со словосложением, так и с аббревиацией, однако проблема их соотношения ещё никем не рассматривалась. Вслед за Е. А. Дюжиковой, В. И. Теркулов, сопоставив аббревиацию и словосложение, пришел к выводу, что между двумя этими процессами больше общего, нежели различного [Теркулов 2016б.].

Традиционный подход к словообразованию не позволял конкретизировать статус таких сложных слов, как *бандглаварь* и *спортплощадка*, которые могут трактоваться и как аббревиатуры, и как композиты: ср. *бандитский главарь* и *главарь банды*; *спортивная площадка* и *площадка для спорта.* Кроме того, он не предполагал возможности одновременного сосуществования двух способов словообразования для одной

языковой единицы, поскольку такая трактовка может осуществиться только при отграничении синхронного подхода от диахронии.

Новый синхронно-эквивалентностный подход к процессу универбализации, разработанный Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) под рук. В. И. Теркулова, позволил рассмотреть процессы, переходные между аббревиацией и сложением/сращением, в новом модусе, и выделить помимо абброконструктов и композитных конструктов ещё и гибридные конструкты – начальные компоненты сложных слов, имеющие двойственную синхронную трактовку при развёртывании в расчленённый эквивалент.

Синхронный подход пересматривает характер актуальных отношений между сложным словом и соответствующим ему словосочетанием. Анализ текстов, размещённых в сети Интернет, показал: аббревиатура на актуальном срезе языка довольно часто связана мотивационными отношениями не с одним словосочетанием, а сразу с несколькими, что приводит к возникновению у неё гнезда эквивалентности. **Гнездо эквивалентности** определяется как «совокупность актуально сосуществующих единиц, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах» [Теркулов 2017б, с. 76]. Например, для сложного слова *маслозавод* насчитывается 7 эквивалентных словосочетаний, регулярно используемых в эквивалентных текстах и отвечающих формально-семантической структуре сложного слова: *маслоэкстракционный завод*, *маслодельный завод, завод по производству масла, маслоперерабатывающий завод, масляный завод, завод по переработке масла, масложировой завод.*

В результате исследований в рамках нового подхода было обнаружено, что целый ряд вопросов, связанных со сложными словами и аббревиатурами, требует переосмысления. Прежде всего это вопросы о гнезде эквивалентности сложного слова и о причинах появления альтернативных синтаксических эквивалентов при его дешифровке.

Таким образом, **актуальность** нашего исследования определяется несколькими причинами:

- частично сокращенные слова остаются малоизученной группой слов в системе словообразования, поскольку внимание исследователей долгое время было сосредоточено на инициальных и слоговых аббревиатурах;

- исследование сложносокращённых слов (как и аббревиатур в целом) не предполагало углубления в семантический аспект, так как считалось, что сокращения полностью дублируют семантику исходных словосочетаний, а потому обладают «прозрачным» значением;

- более тщательного изучения требуют сложные слова с гибридным аббревиатурно-композитным конструктом, обнаружение которого произошло при разработке синхронного подхода к аббревиации.

Степень разработанности проблемы.

Формированию традиционного подхода к аббревиации предшествовало появление исследований, раскрывающих разные аспекты словообразования в целом. Это работы Е. А. Василевской [Василевская 1968], Г. О. Винокура [Винокур 1959], А. Х. Востокова [Востоков 1839], А. В. Исаченко [Исаченко 1959], К. А. Левковской [Левковская 1954], А. Мартине [Мартине 2004], Л. В. Сахарного [Сахарный 1985], Н. Ю. Шведовой [Шведова 1970] и других.

Особый интерес для нашего исследования представляют работы Д. И. Алексеева [Алексеев 1977], В. В. Борисова [Борисов 1972], Е. А. Дюжиковой [Дюжикова 1995], Ю. А. Ермоленко [Ермоленко 2012], Р. И. Могилевского [Могилевский 1983], которые посвящены изучению образования и функционирования аббревиатур в русском языке. Именно на их основе в русистике на долгие годы утвердился мотивационный подход к аббревиации.

Аббревиатуры стали также объектом лексикографического исследования. В течение XX столетия появляется целый ряд специализированных словарей, которые в первую очередь нацелены на демонстрацию т. н. расшифровок аббревиатур. Среди наиболее авторитетных

– «Словарь сокращений русского языка» под ред. Д. И. Алексеева [Алексеев 1984], «Новые сокращения в русском языке 1996—1999» под ред. И. В. Фаградянца [Новые сокращения в русском языке 2000], «Словарь сокращений современного русского языка» Г. С. Скляревской [Скляревская 2004], «Тематический словарь сокращений современного русского языка» С. В. Фадеева [Фадеев 1998], «Словарь современных русских сокращений и аббревиатур» Н. Н. Новичкова [Новичков 1995], «Словарь аббревиатур и акронимов русского языка» И. А. Елисеева [Елисеев 2015], «Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб» А. А. Щелокова [Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб 2003]. Отметим, однако, что в представленных словарях не отражаются семантические и стилистические аспекты функционирования аббревиатур, что вызывает некоторые трудности при их использовании широкой аудиторией читателей.

Изучением семантических и ономасиологических особенностей сокращений в разное время занимались Ю. Д. Апресян [Апресян 1974], О. В. Блюмина [Блюмина 2010], Ю. А. Дубовский [Дубовский 2017], Н. В. Дьячок [Дьячок 2015], Г. Р. Искандарова [Искандарова 2011], И. Г. Милославский [Милославский 1975], Е. А. Селиванова [Селиванова 2000], И. А. Устименко [Устименко 2001] и др.

Синхронно-эквивалентностный подход, который привёл к обнаружению целого ряда ранее не описанных явлений в области аббревиации, представлен работами В. И. Теркулова [Теркулов 2015–2019], Е. Ю. Аламайрех [Аламайрех 2016], Е. А. Акулич [Акулич 2017], Д. А. Брацун [Брацун 2018], А. И. Бровца [Бровец 2016-2018], К. Ю. Емельяновой [Емельянова 2018], Е. С. Крестьяниновой [Крестьянинова 2017], А. А. Лялюк [Лялюк 2017, 2020], Е. Н. Михайловой [Михайлова 2016-2018], А. А. Рештаненко [Рештаненко 2018], В. Ю. Ровной [Ровная 2016], И. Р. Смирновой [Смирнова 2019] и других. В работе использованы теоретические выводы, полученные участниками Лаборатории в ходе изучения сложных слов русского языка в

рамках составления «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» под ред. В. И. Теркулова.

Целью представленной работы является определение структурно-ономасиологических характеристик аббревиатурных групп, исследуемых в рамках синхронно-эквивалентностного подхода.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

1) обосновать продуктивность синхронно-эквивалентностного подхода к исследованию процессов аббревиации;

2) уточнить объём основных понятий словообразования («аббревиатура», «сложное слово», «универбализация») с точки зрения синхронно-эквивалентностног подхода и конкретизировать понятия, которые были разработаны в рамках нового подхода («гнездо эквивалентности», «синтаксический эквивалент», «аббревиатурная группа», «гибридная группа», «конструкт», «дешифровальный стимул», «дешифровальная матрица» и т.д.);

3) установить различия между собственно аббревиатурной и гибридной аббревиатурной группой как её особой структурной разновидности

4) разработать критерии описания аббревиатурной группы, базирующиеся на структурном, ономасиологическом и квантитативном анализе компонентов группы;

5) апробировать разработанные методы описания на аббревиатурных группах русского языка, составляющих «Толково-эквивалентностный словарь сложных слов русского языка»;

6) провести комплексное структурно-ономасиологическое описание гибридной аббревиатурной группы «нефте».

Объектом исследования в работе являются частично сокращённые слова, представляющие собой сочетание усечённой основы в препозитивном положении с целым словом, которые входят в аббревиатурные группы русского языка, а также композитные слова, которые вместе с частично сокращенными словами формируют гибридные аббревиатурно-композитные группы. **Предмет** исследования – структурные, семантические,

ономасиологические и стилистические особенности функционирования аббревиатурных групп.

Методология и методика исследования. В качестве методологической базы исследования используется **синхронный подход к изучению языка** [Курс общей лингвистики 1999], который предполагает изучение системных явлений в языке в том виде, в каком они воспринимаются в данный момент языковым коллективом. Основные постулаты синхронии используются для разработки методов исследования словообразовательных процессов в русском языке.

В ходе данного исследования были использованы следующие **методы**:

- метод сплошной выборки применяется для первичного поиска материала исследования. Данный метод применяется для анализа электронных текстов, зафиксированных в информационно-поисковой системе «Google» (далее – Google);

- квантитативный анализ используется, с одной стороны, для отбора регулярно используемых аббревиатур и их эквивалентов; с другой стороны – для установления отношений языковых единиц внутри аббревиатурной группы;

- метод прогнозирования используется для моделирования матрицы потенциальных синтаксических эквивалентов;

- метод сопоставления позволяет определить основополагающие различия между абброконструктом и гибридным конструктом; данный метод применяется также для определения структурных особенностей разных аббревиатурных групп;

- компонентный анализ используется при изучении структуры конкретных гнёзд эквивалентности;

- метод ономасиологического анализа применяется для определения ономасиологического статуса исследуемых единиц;

- метод формализации применяется при построении моделей дешифровальных стимулов, для демонстрации структуры дешифровальных

матриц группы, для составления ономасиологических моделей языковых единиц;

- для комплексного описания аббревиатурной группы используются также методы описания и классификации.

Источником фактического языкового материала послужили языковые единицы, зафиксированные в базе «Национального корпуса русского языка», а также слова и эквиваленты, отобранные при работе по составлению «Словаря» и входящие в его рабочую картотеку. В качестве **иллюстративного материала** используются словарные статьи, размещённые в словарях сокращений Д. И. Алексеева [Алексеев 1084], И. В. Фаградянца [Новые сокращения в русском языке 2000], Г. С. Скляревской [Скляревская 2004], Л А. Барановой [Баранова 2009], и тексты, обнаруженные в поисковой системе Google преимущественно в разделе «Новости».

Материалом для исследования стали 701 сложное слово и 1758 синтаксических эквивалентов, вошедших в состав аббревиатурных групп «банд», «ветро», «газо», «грузо», «домо», «жиро», «зав», «лингво», «мед», «нефте», «теле», отобранных путём сплошной выборки в текстах, зафиксированных в поисковой системе Google.

Научная новизна работы определяется следующими положениями:

- сложносокращённые апеллятивы, в отличие от инициальных аббревиатур, ранее практически не становились специальным объектом лингвистических исследований;

- впервые комплексному исследованию подвергается гибридная группа – особая полиэквивалентностная разновидность аббревиатурной группы;

- в работе предпринимается попытка совместить результаты структурного и ономасиологического анализа с целью выявления общих тенденций функционирования конструкта в сложных словах одной аббревиатурной группы.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для дополнения учения о

словообразовании в современном русском языке и для дальнейшего исследования аббревиатурных групп; в обосновании статуса гибридного конструкта как отдельного типа структурных языковых единиц; в уточнении ряда понятий, сформулированных в рамках синхронно-эквивалентностного подхода; в проведении комплексного анализа языкового материала, вошедшего в состав «Словаря», для выяснения особенностей становления сложных слов, относящихся к гибридным группам, и для прогнозирования пути развития аббревиатурных и композитных групп.

Практическая значимость. Полученные теоретические и практические сведения могут быть использованы, с одной стороны, для оптимизации статей разрабатываемого «Словаря» и других словарей сокращений, с другой – в учебной практике: в школьных и вузовских курсах, посвящённых описанию словообразовательной системы языка.

Гипотеза исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Рассмотрение сложносокращённых слов может проводиться двумя путями – в синхронии и в диахронии. Диахронный подход позволяет определить деривационные отношения между словосочетанием и сокращённой единицей. Синхронный подход рассматривает сложное слово и все связанные с ним расчленённые наименования как равнозначные единицы, способные взаимозаменять друг друга в тексте без смысловых аберраций языкового сообщения независимо от типа и направления деривационных отношений между ними.

2. Вариативность развёртывания сложного слова в словосочетания объясняется влиянием дешифровальных стимулов – стереотипных моделей расшифровок, хранящихся в сознании носителя языка.

3. В результате возможной множественной интерпретации сложное слово вступает в отношения текстовой эквивалентности не с одним словосочетанием, а с множеством эквивалентных единиц, формирующих гнездо эквивалентности.

4. Сложносокращённые слова, имеющие одинаковый препозитивный конструкт, формируют аббревиатурные группы. Аббревиатурная группа связана с системой дешифровальных стимулов, которые в разных комбинациях реализуются в гнёздах эквивалентности. Каждое гнездо потенциально может увеличиться синтаксическими эквивалентами за счёт нереализованных дешифровальных стимулов.

5. Существует ряд конструктов, которые одновременно имеют статус и аббревиатурных, и композитных, поскольку могут развёртываться по разноструктурным моделям.

6. Один и тот же конструкт в пределах одного гнезда эквивалентности может иметь разные структурный и ономасиологический статусы.

Работа **апробирована** на III, IV, VI, VII, VIII и IX Международных научных чтениях студентов и молодых учёных памяти Г.И. Рихтера (Донецк); Международных научных конференции студентов и молодых ученых «Донецкие чтения 2017», «Донецкие чтения 2019», «Донецкие чтения 2020», «Донецкие чтения 2021», «Донецкие чтения 2022» (Донецк); II Республиканской очно-заочной научной конференции «Наука и мир в языковом пространстве» (Макеевка); I, II и IV Международном симпозиуме «Русский язык в поликультурном мире» (Ялта); XXIV, XXV, XXVIII и XXIX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва); Международной научно-практической конференции «Социокультурная среда вуза и языковое развитие личности иностранного студента» (Москва); Девятой конференции-школе «Проблемы языка: взгляд молодых учёных» (Москва) и т.д.

Материалы работы изложены в 23 авторских публикациях, четыре из которых входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, включённых Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание учёной степени кандидата и доктора наук, а одна – в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, включённых Высшей

аттестационной комиссией ДНР в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание учёной степени кандидата и доктора наук: **1**. Рязанова В. А. Сопоставительный анализ гнезд эквивалентности мутантных групп «нефте» и «газо» / В. А. Рязанова // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 544–548. **2**. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул как фактор образования мутантной группы / В. А. Рязанова // Новые горизонты русистики: научный журнал. – Донецк, 2017. – С. 33–37. **3**. Рязанова В. А. Мутантные аббревиатурно-композитные группы в словообразовательной системе языка / В. А. Рязанова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. № 6. – С. 108–116. **4**. Рязанова В. А., Теркулов В. И. Гнёзда эквивалентности композитного типа в структуре гибридной группы / В. А. Рязанова, В. И. Теркулов // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17-20 октября 2017 г.). – Том 4: Филологические науки. Ч. 2: Языкознание, литературоведение, культурология, журналистика / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017 – С. 57–59. **5**. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул и дешифровальная матрица мутантной группы: модель описания / В. А. Рязанова // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 198–204. **6**. Рязанова В. А. Методика прогнозирования отношений эквивалентности в гибридных группах / В. А. Рязанова // Новые горизонты русистики: научный журнал. – Донецк, 2018. –№ 6. – С. 44–49. **7**. Рязанова В. А. Дешифровальные стимулы гибридной группы «дымо» / В. А. Рязанова // Развитие интеллектуально-творческого потенциала молодежи: из прошлого в современность: Материалы I Международной научно-практической конференции (Донецк, 8 февраля2018

г.) – Ч. 2 / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 54–56. **8**. Рязанова В. А. Текстовые модели формирования структурных разновидностей эквивалентности мутантных (гибридных) композитов / В. А. Рязанова // Русский язык в поликультурном мире : II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – С. 301–306. **9**. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул как источник интерпретации сложного слова / В. А. Рязанова // Социокультурная среда вуза и языковое развитие личности иностранного студента: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Москва, 2019. – С. 84–88. **10**. Рязанова В. А. Дешифровальные стимулы как индивидуальные критерии развертывания сложного слова / В. А Рязанова // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции. под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 23–25. **11**. Рязанова В. А. Когнитивная трактовка дешифровальных стимулов сложного слова / В. А. Рязанова, В. И. Теркулов // Язык и культура : Сборник научных трудов V Республиканской очно-заочной научной конференции (с международным участием), Макеевка, 18 ноября 2019 года. – Макеевка: Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, 2019. – С. 133–135. **12**. Рязанова В. А. Идиоматичность семантики сложносокращённых слов / В. А. Рязанова // Новые горизонты русистики. – 2020. – № 11. – С. 52–60. **13**. Рязанова В. А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация / В. А. Рязанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2020. №1. – С. 114–122. **14**. Рязанова В. А. Структура комплексного описания гибридной аббревиатурно-композитной группы / В. А. Рязанова // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17–18 ноября 2020 года / под общей редакцией С.В. Беспаловой. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. – С. 54–56. **15**.

Рязанова В. А. Принципы типологии аббревиатурных групп / В. А. Рязанова // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей IV Международного симпозиума: в 2 томах, Симферополь, 09–11 июня 2020 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2020. – С. 450–455. **16**. Рязанова В. А. Толкование лексического значения аббревиатур в словарях сокращений / В. А. Рязанова // Новые горизонты русистики. – 2021. – № 14. – С. 49–55. **17**. Рязанова В. А. Гибридная аббревиатурно-композитная группа: параметры выделения / В. А. Рязанова // Новые горизонты русистики. – 2021. – № 16. – С. 25–31. **18**. Рязанова В. А. Множественная трактовка сложных слов в эквивалентных словосочетаниях / В. А. Рязанова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 3(43). – С. 143–148. **19**. Рязанова В. А. История словарей сокращений / В. А. Рязанова, А. И. Бровец // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2021. – № 3. – С. 70–76. **20**. Рязанова В. А. Аббревиатурная группа и смежные понятия / В. А. Рязанова // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VI Международной научной конференции, Донецк, 26–28 октября 2021 года / Под общей редакцией С. В. Беспаловой. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. – С. 28–30. **21**. Рязанова В. А. Соотношение квантитативных характеристик в аббревиатурных группах / В. А. Рязанова // Новые горизонты русистики. – 2022. – № 18. – С. 42–47. **22**. Рязанова В. А. Специфика словарной интерпретации семантики аббревиатур / В. А. Рязанова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8. – № 1. – С. 158–169. **23**. Рязанова В. А. Аббревиатуры-апеллятивы и аббревиатуры-онимы как объекты словарного описания / В. А. Рязанова // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VII Международной научной конференции, Донецк, 27–28

октября 2022 года / Под общей редакцией С. В. Беспаловой. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 40–42.

Количество цитирований в РИНЦ – 80, индекс Хирша – 4.

Работа выполнена в рамках НИР кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»: 1) грантовый проект фонда «Русский мир», шифр 2016/II-238 «Историко-эквивалентностное описание системы аббревиатур русского языка в студенческой Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации: теория, словари», 2) инициативная тема «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX—XXI столетий в его региолектном и общеязыковом воплощениях», шифр Г 20/7, номер государственного учета НИОКТР 0120Д000037.

Структура работы включает Список сокращений, Введение, 3 Раздела (с внутренней разбивкой на пункты), Заключение, Список использованной литературы. Объем основного текста работы составляет 191 страницу, список использованной литературы состоит из 174 источников.

РАЗДЕЛ I
ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СИНХРОННО-ЭКВИВАЛЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА К АББРЕВИАЦИИ

1.1. История изучения процессов универбализации

Категоризация всех словообразовательных единиц происходит с учётом типологии их словообразовательных значений (СЗ). СЗ выводится из семантического соотношения производной и производящей единиц. Типология была сформирована на основе ономасиологического подхода к деривации, разработанного М. Докулилом, и впоследствии легла «в основу организации словообразовательной системы» русского языка [Косова 2013].

В рамках мотивационной типологии традиционно рассматривают 3 типа словообразовательных отношений:

● транспозиционные отношения, при которых семантика производного слова «тождественна значению мотивирующего слова, за исключением частеречного компонента»: *высокий — высота* [Косова 2013, с.143];

● модификационные отношения, при которых семантика производного слова основывается на значении производящей единицы и «включает в себя помимо значения мотивирующего слова дополнительный модифицирующий признак»: *кот — котик* (словообразовательный формант привносит значение уменьшительности) [Косова 2013, с.143];

● мутационные отношения, которые «приводят к значительным изменениям в семантике деривата и не зависят от его частеречной принадлежности, называют субстанцию, признак, действие, полностью отличные от того, что названо мотивирующим словом»: *будить – будильник* [Соснина 2016, С. 48–49].

Л. С. Филиппова рассматривает также эквивалентностный тип словообразовательных отношений [Филиппова 2009]. Эквивалентность наблюдается на уровне семантики: производная и производящие единицы имеют тождественное значение. В отличие от отношений транспозиции, в

эквивалентностных отношениях отмечается также тождественная частеречная характеристика обеих единиц. Такие отношения, по мнению исследователя, возникают между производящим словосочетанием и аббревиатурой; между производящим словом и усечением и т.д. В результате словообразовательных процессов формируется языковая единица, которая отличается от производящей только способом формального выражения.

Процесс образования языковых единиц, связанных эквивалентностным типом отношений, впервые был рассмотрен А. В. Исаченко. Исследователь выдвинул идею универбации как утраты формальной расчленённости наименования. А. В. Исаченко выделил шесть разновидностей этого процесса:

1) словосложение (*место жительства – местожительство*); 2) сращение (*на + канун – накануне*); 3) эллиптический пропуск одного из элементов: а) эллипс означаемого члена (*передовая линия – передовая*); б) эллипс означающего члена (*патефонная пластинка – пластинка*); 4) аффиксальная деривация (*футбольная майка — футболка*); 5) нулевая суффиксация (*противогазовая маска — противогаз*); 6) разные типы аббревиации (*медицинская сестра – медсестра*; *Московский государственный университет – МГУ*) (Цит. по: [Теркулов 2010]). В широком смысле универбат – результат возникновения «нерасчленённой формы наименования, который характерен для любого новообразования, независимо от того, зафиксированы ли в языке соответствующие расчленённые формы наименования» [цит. по Воротникова 2005, с. 83].

Такое понимание универбализации разделяют лишь некоторые ученые (А. В. Петров [Петров 2006], Л. В. Сахарный [Сахарный 1974, 1985], И. А. Устименко [Устименко 2001]). В. В. Борисов подчёркивал, что аббревиация как сокращение расчленённого наименования требует сосуществования её в языке с несокращённой единицей на синхронном уровне (т.е. одновременно); явления же, которые являются результатом многовековой эволюции наименования (с утратой некоторых элементов), к аббревиации не относятся [Борисов 1972].

Более точное определение универбации принадлежит группе австрийских и чешских лингвистов (И. А. Исаченко, М. Докулил), которые приняли во внимание определяющий для универбации фактор – наличие у универбата на актуальном срезе языка эквивалентного, взаимозаменяемого словосочетания, «носящее характер устойчивой языковой номинации» [Борисов 1972, с.73].

Таким образом, в узком смысле универбация – это замена расчленённой раздельнооформленной единицы цельнооформленной единицей. При этом в языке обязательно должны быть представлены обе формы обозначения одного и того же референта: расчленённая и нерасчлёненная [Воротникова 2005]. Такая трактовка термина «универбация» нашла много приверженцев среди исследователей (Л. В. Копоть [Копоть 2005], И. П. Глотова [Глотова 1977], В. В. Лопатин [Лопатин 1978], Л. А. Кудрявцева [Кудрявцева 1983], Е. А. Земская [Земская 1992], Л. И. Осипова [Осипова 1994] и др.).

В настоящее время термин «универбация» специализируется на обозначении одной разновидности замены расчленённого наименования нерасчленённым: компрессии словосочетания, при которой «в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, поэтому дериват (универб) по форме соотносится с одним словом, а по смыслу – со всем мотивирующим словосочетанием (*зачетная книжка – зачётка*)» [Теркулов 2010, с. 136].

В силу специализации термина «универбация» возникла необходимость в создании термина, который обозначал бы процессы замены словосочетания сокращённой языковой единицей. В. И. Теркулов предложил ввести термин «универбализация», которым ученый обозначает:

● семантическую универбализацию, характеризующуюся тем, что «коммуникант создает слово, произведенное только от одного из членов словосочетания, семантически включающее все словосочетание» [Присная 2015, с. 29]: *шампанское вино – шампанское*; *молочная продукция – молочка* и

т.д. Семантическая универбализация соотносится с эллипсами различного типа и аффиксальными словами по типологии А. В. Исаченко;

● лексическую универбализацию, при которой происходит стяжение компонентов устойчивого расчленённого наименования в одно слово, в результате чего «в структуре универбата представлены в том или ином виде как минимум два компонента развернутого наименования» [там же, с. 11]. Лексическая универбализация объединяет композиты (*вольный слушатель – вольнослушатель*), аббревиатуры (*станция скорой медицинской помощи – ССМП*; *кабинет министров – кабмин*; *автомобильная магистраль – автомагистраль*) и юкстапозиты (*кинорежиссёр – режиссёр кино*).

1.2. Средства лексической универбализации

Среди единиц, реализующих отношения лексической универбализации мы рассматриваем сложносокращенные слова (ССС), композиты и юкстапозиты, поскольку все эти единицы способны вступать в отношения эквивалентности со словосочетаниями; различие между ними заключается в степени формальной репрезентации (в них) компонентов эквивалентных словосочетаний.

Аббревиация представляет собой усечение основ компонентов словосочетания и их соединение в нерасчленённую единицу. **Аббревиатура** — это существительное, состоящее из усечённых отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание, последний из которых (опорный компонент) может быть целым, не усечённым словом [Шведова 1970]. Н. Ю. Шведова выделяет частные типы аббревиатур по структурному принципу:

1) Аббревиатуры инициального типа, с двумя подтипами: а) образования из сочетаний начальных звуков слов: *высшее учебное заведение — вуз*, *загс*, *МХАТ*, *ТЮЗ*; б) образования из названий начальных букв слов: *Союз Советских Социалистических Республик — СССР*, *ЦК*, *РСФСР*, *ВДНХ* (произносится: *эсэсэсэр*, *цека*, *эрэсэфэсэр*, *вэдээнха*).

2) Слоговые аббревиатуры: *местный комитет — местком, продмаг, завхоз, комсомол*.

3) Смешанный тип образований, совмещающий элементы двух предыдущих: *социальное обеспечение* — собес, *городской отдел народного образования — гороно*, *главк*, *сельпо*, *ГОСТ*.

4) Аббревиатуры из сочетания начальной части слова (слов) с целым словом: *запасные части — запчасти*, *роддом*, *оргработа*, *гострудсберкасса*.

5) Аббревиатуры из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного: *комроты, поммастера, завкафедрой, управделами*.

6) Аббревиатуры из сочетания начала первого слова с концом второго (телескопическая аббревиатура): *мотоцикл + велосипед — мопед*, *эскадренный миноносец — эсминец*, *военный комиссариат — военкомат*.

Композитная универбализация (также **композитообразование**) – процесс, при котором несокращённые основы компонентов словосочетания присоединяются к базисному компоненту. В результате композитной универбализации образовываются **композитные слова** (КС) *добыча нефти – нефтедобыча, хранилище для овощей – овощехранилище.*

В. И. Теркуловым определяются два типа композитообразования – деривационный и универбализационный. К деривационной композиции относится, например, слово *легкоатлет,* «которое образовано от словосочетания *лёгкая атлетика* и включает в свою семантику не только значение производящего словосочетания, но и формантную семантику «лицо», выступающую в новом слове в качестве ономасиологического базиса (словообразовательная мутация)» [Теркулов 2016б, с. 230]. В отличие от деривационных композитов, универбализационные композиты образовываются в результате сложения – предельной лексической конденсации словосочетания в слово без смысловых аберраций, при которой опорный (последний) компонент равен целому слову, а предшествующий ему

компонент (или компоненты) представляет собой чистую основу: *нефтедобыча – добыча нефти* [Русская грамматика 1980].

В работе рассматриваются композиты универбализационного типа, поскольку именно они отражают эквивалентностное лексико-семантическое значение производящего словосочетания, в отличие от деривационных композитов, имеющих мутационное значение [Теркулов 2016б].

Лаборатория в своих исследованиях использует также термин **юкстапозит**. В основе трактовки юкстапозитов лежит главное свойство таких единиц, сформулированное Л. А. Кудрявцевой – предельное структурное соответствие компонентов, отражённых в универбате, компонентам словосочетания. К юкстапозитам учёный относит слова, которые были образованы путём сложения слов независимо от типа синтагматической релевантности единиц [Кудрявцева 2004]: *метростанция – станция метро*; *киноблог – блог о кино*; *авторынок – рынок по продаже авто* и т.д.

1.2.1. Разграничение сложносокращенных апеллятивов и онимов

Данная работа посвящена исследованию апеллятивных **сложносокращённых слов** (ССС), которые включают частично сокращённые слова (*баканализ*), слоговые (*завкаф*) и смешанные (*агитАБ*) аббревиатуры. Под сложносокращёнными апеллятивами подразумеваются «нарицательные лексемы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом» [Теркулов 2020, с. 104].

Сложносокращённый апеллятив – это всегда устоявшееся комплексное наименование, которое приобрело «признаки целостной единицы, то есть характеризуется синтаксической и семантической устойчивостью, идиоматичностью» [Лялюк 2020, с. 188].

Сложносокращённые онимы – это «аббревиатуры, используемые для обозначения единичных объектов» [Штельман 2022, с. 71]. Чаще всего сложносокращённые онимы используются для наименования организаций,

учреждений, объединений людей (*ИвНИТИ – Ивановский научно-исследовательский институт хлопчатобумажной промышленности*, *Упрочмашдеталь – Производственно-экспериментальное предприятие по упрочнению и восстановлению деталей машин* и т.д.).

Сложносокращённые апеллятивы не становились специальным объектом исследования в традиционных лингвистических трудах, поскольку апеллятивы и онимы рассматривались в одной общей парадигме. Разграничение сложносокращённых апеллятивов и онимов при исследовании и лексикографическом описании продиктовано различиями в принципах и способах их формирования и функционирования.

Сложносокращённые онимы возникают не в результате преобразования устойчивого словосочетания в слово, а конструируются номинатором одновременно с развёрнутым наименованием по установленным в обществе законам формирования номенклатурных единиц.

Конструирование онимов зачастую сопровождается нарушением структурной эквивалентности между аббревиатурой и развёрнутым наименованием. В процессе образования сложносокращённых апеллятивов происходит замещение компонентов словосочетания их сокращёнными эквивалентами. При этом, как правило, наблюдается релевантность структур словосочетания и сокращения: например, словосочетание *кондитерский цех преобразуется* в эквивалент *кондцех*; *племенное хозяйство* – в *племхоз*, *плата за квартиру* – в *квартплата* и т.д.

Такая релевантность не является существенным фактором образования сокращений-онимов: случаи изоморфизма онима и расчленённого наименования являются одним из вариантов «сокращённого оформления официальных названий деловых объединений» [Штельман 2022, с. 75]. Например, сложносокращённый оним *горводоканал* с СЭ *городской водоканал* построен по принципу универбализации, а оним *минспорта* – это «не *министерство спорта*, а *министерство по физической культуре, спорту и туризму*» [Штельман 2021, с. 88]; *гостехнадзор* – не *государственный*

технический надзор, а *государственный надзор за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники*.

Нарушение релевантности структуры сокращения и его СЭ приводит к затемнению внутренней формы сокращённого наименования, в то время как у сложносокращенного апеллятива сохраняются мотивационные отношения с исходным словосочетанием. Очевидная внутренняя форма позволяет носителю языка с лёгкостью расшифровывать сложносокращённые апеллятивы; сложносокращённые онимы же «не могут быть развернуты в словосочетания путем простой дешифровки абброконструктов, так как отличаются от соотносительных составных названий количеством, расположением, формально-ономасиологическими свойствами компонентов» [Штельман 2021, с. 88].

Ещё одним принципиальным различием является возможность множественной расшифровки сложносокращённых апеллятивов: в этом случае образованные расчленённые эквиваленты могут использоваться в качестве абсолютных синонимов как сокращения, так и друг друга. Для онимов единственным верным может быть только один эквивалент, установленный средствами кодификации. Сокращенный оним *ПАЗ* имеет регламентированную расшифровку *Павловский автобусный завод*. Развертывание данного онима в словосочетание **Павловский автомобильный завод* недопустимо: происходит неадекватная расшифровка имени собственного.

Многие исследователи (Д. И. Алексеев [Алексеев 1977], В. В. Лопатин [Русская грамматика 1980], М. Я. Блох [Блох 2014] и др.) указывают на произвольный характер образования аббревиатур (в частности – сложносокращённых апеллятивов). Существует иная точка зрения, предполагающая существование закономерности в процессе универбализации. В. В. Борисов, например, отмечает наличие факторов, ограничивающих возможности аббревиации, которые доказывают, что «аббревиация не произвольна, а подчиняется определенным <языковым>

закономерностям» [Борисов 1972, с.77]. К этим факторам относятся ограниченность языковыми нормами, прагматический фактор опознаваемости, фонетическая приемлемость и т.д.

В. И. Теркулов указывает на стереотипизированность процессов сокращения. В сознании носителей языка действует представление, что, например, слово *агитационный* в любом словосочетании можно заменить сокращённой формой *агит-*, слово *государственный* – сокращением *гос-* и т.д. Сложносокращённые апеллятивы создаются «путём стереотипного замещения абброконструктом мотивационно связанного с ним слова в словосочетании» [Теркулов 2020, с. 104].

Таким образом, сложносокращённые апеллятивы необходимо рассматривать в качестве самостоятельного объекта исследования.

1.3. Понятие конструкта сложного слова

Среди исследователей сложилось большое количество точек зрения относительно природы и статуса инициального элемента аббревиатур.

К. Ю. Емельянова отмечает: «термину абброконструкт соответствует большое количество других наименований: абброоснова, абброкорень, абброморфема, аффиксоид, формализованный компонент, структурная морфема, компонент аббревиатуры, префиксальные морфемы (аббропрефиксы), препозитивные компоненты, лексемо-морфемы. При этом перечисленные единицы не только именовались, но и трактовались по-разному в работах учёных» [Емельянова 2020, с. 127].

Широкое развитие получила идея А. А. Реформатского [Реформатский 2000] и М. В. Панова [Панов 1971] о существовании в русском языке т. н. аналитических прилагательных. В 1937 году А. А. Реформатский высказал мысль о том, что сложение типа *профбилет* распадается на слова, что *проф, глав, спец* и др. – это новая, намечающаяся категория морфологически не оформленных аналитических слов, которые можно назвать аналитическими прилагательными [Герасимова 2015].

Аналитическим прилагательным считается «неизменяемая языковая единица, обозначающая непроцессуальный признак и выполняющая в пост- или препозиции (при любом варианте написания, включая слитное) атрибутивную функцию по отношению к имени существительному (*картофель фри*, *куры гриль*, *онлайн аптека*, *кофе инстант*)» [Маринова 2010].

М. В. Панов предложил выделять среди аналитических прилагательных 19 групп, «принципы разграничения которых не всегда ясны: по-видимому, при группировке автор руководствовался не грамматическими свойствами классифицируемых единиц, а их происхождением и/или, возможно, иными критериями, которые в статье четко не сформулированы. В результате в одну и ту же группу зачастую объединяются элементы с различными свойствами, а единицы с одинаковыми или очень близкими свойствами оказываются в разных группах» [Горбов 2015].

Границы объекта, обозначаемого термином «аналитическое прилагательное», до сих пор остаются не установленными. В частности, начальные компоненты сложений (например *авто-*, *вибро-*, *зоо-*, *кино-*, *фото-*, *электро-*, *лесо-*, *нано-*, *псевдо-*, *ультра-*, *микро-*, *нео-*) разными исследователями причисляются либо к аналитическим прилагательным (Е. А. Земская), либо к аффиксоидам (Л. П. Крысин), либо к лексико-морфемам (С. И. Ожегов), либо к препозитивным блокам (В. В. Акуленко).

Некоторые исследователи (Н. А. Николина, Е. И. Голованова) относят образования типа *онлайн-урок*, *веган-продукт*, *нано-технологии* к сложносоставным словам «с неизменяемым первым компонентом» или «с нулевым интерфиксом» [Маринова 2010, с. 628].

А. А. Горбов предложил процедуру «тестирования» начального элемента на степень его самостоятельного функционирования (в том числе в качестве аналитического прилагательного). Учёный выделяет три критерия для оценки позиционной самостоятельности словоформы: автономность (способность образовывать высказывания, например, употребляться как ответ

на вопрос), отделимость (возможность вставки сегмента, содержащего хотя бы одну позиционно самостоятельную единицу, между тестируемой единицей и остальной частью высказывания) и переместимость тестируемой единицы в составе высказывания [Горбов 2015].

А. А. Горбов предлагает сопоставить конструкции *техно-стиль* и *стиль техно*; *кантри-музыка* и *музыка кантри*; *фитнес-зал* и **зал фитнес, бизнес-план* и **план бизнес; интернет-конференция* и **конференция-интернет, лизинг-схема* и **схема лизинг* и т. д. В результате сопоставления было установлено, что элементы типа *шоу-*, *фитнес-*, *интернет-*, близкие по значению к относительным прилагательным, не используются отдельно от определяемого слова и не переставляются, а потому не являются аналитическими прилагательными. В то же время элементы *блютус-*, *техно-*, *кантри-* способны к автономному употреблению, потому могут быть признаны самостоятельными словоформами. «Атрибутивные элементы, не проявляющие свойств самостоятельных словоформ, следует считать частями слов, являющихся, однако, не инвентарными (словарными), а конструктивными единицами» [Горбов 2015].

Таким образом, вопрос о статусе аналитических прилагательных, об объеме этого грамматического класса и о критериях выделения в современной лингвистике остаётся открытым.

А. В. Петров использует термин абброоснова для обозначения заимствованных компонентов, которые входят в состав аббревитур в пре- или постпозиции, например *инфо-, гео-, эко-, соц-, -ал, -метр* и т. д [Петров 2016]. На наш взгляд, данные компоненты являются достаточно редуцированными по сравнению с исходными основами *информационн-*, *географическ-*, *экономическ-*, *социальн-*, *алюминиев-*; рассматриваемые компоненты представляют собой усечённые корни слов, потому они несколько не соответствуют понятию основы. Кроме того, сокращённые компоненты исконного происхождения (*бое-*, *все-*, *дымо-* и т.д.) образовываются и

функционируют в текстах так же, как и заимствованные: ср. *информационная группа – инфогруппа*; *дымовой датчик – дымодатчик*.

Е. А. Левашов отмечает, что ближе к 70-м годам XX века появился термин аффиксоид, получающий достаточно много схожих определений [Левашов 2008]. Например, в энциклопедии «Русский язык» (1979) представлено следующее определение: «Компонент сложного слова или сложносокращённого слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу-суффиксу (для последних компонентов сложений) или префиксу (для первых компонентов); соответственно А. подразделяются на суффиксоиды и префиксоиды». Н. М. Шанский определяет аффиксоид как «корневую морфему, выступающую в функции аффикса» [Шанский 1970, с. 163]. К разряду префиксоидов Л. С. Филиппова относит конструкции *все-* (*всесильный*, *всевозможный*, *всеславный*), *обще-* (*общеизвестный*, *общеобязательный*), *много-*(*многоопытный*, *многоуважаемый*, *многопрославленный*), *полу-* (*полумрак*, *полумгла*, *полутьма*, *полутень*, *полутон*, *полусмерть*); *лже-* (*лженаука*, *лжеакция*, *лжеосина*, *лжелиственница*, *лжескорпион*), при этом отдельно рассматривает компоненты «интернационального характера» иноязычного происхождения, которые являются результатом усечения: *авто-* (греч. autos — сам): *автопортрет* (*авторский*), *агро-* (греч. agros — поле): *агрошкола*, *аэро-* (греч. aer — воздух): *аэросев*, *астро-* (греч. astron — звезда): *астрофизика* (*астрономическая*), *био-* (греч. bios — жизнь): *биохимия* (*биологическая*) и т. д. [Филиппова с.161]

К. Ю. Емельянова отмечает, что трактовка сокращённых компонентов аббревиатур в качестве аффиксоидов «отрицает саму возможность выделения сложносокращённых слов как единиц универбализационного словопроизводства», поскольку подобное обобщение стирает «различие между двумя процессами образования сложносокращённых слов,

обнаруженными в результате исследований Лаборатории – универбализацией и квазиунивербализацией» [Емельянова 2020, с 128].

Участниками Лаборатории разрабатывается понятие **абброконструкта** (**АК**). Абброконструкт трактуется как часть аббревиатуры, которая является сокращённым дублетом компонента комплексного наименования (т.е. словосочетания), повторяющийся в ряде других сложносокращённых слов, т.е. представляет собой «воспроизводимое средство предсказуемого замещения <...> компонента производящего словосочетания» [Теркулов 2020, с. 104]. Абброконструкт отличается от аффиксоида по нескольким параметрам:

1) абброконструкт эквивалентен существующему в языке знаменательному слову (в то время как аффиксоид нефозможно развернуть в простое прилагательное). Ср. абброконструкты *бое = боевой, инфо = информационный* и аффиксоид *гидро-* : он не расшифровывается в прилагательное **гидровый* по аналогии с абброконструктами;

2) абброконструкт имеет лексемную семантику, в то время как аффиксоид служит квалификатором семантики главного компонента аббревиатуры. Например, элемент *аква-* в слове *аквапарк* только конкретизирует сферу услуг, которые предоставляются на территории парка.

В ходе исследования были определены разновидности конструктов в зависимости от способа их формирования (абброэквиваленты, абброаффиксоиды и абброморфемы – см. п. 1.5), степени репрезентации компонентов (абброконструкты, композитные конструкты и юкстапозитные конструкты – см. п. 1.9), сложности формальной структуры (простые и составные конструкты и т.д. – см. п. 2.1).

1.4. Степень исследования средств лексической универбализации

Отечественные исследования в области процессов универбализации сосредоточены на аббревиации. В работах широко представлены типологии аббревиатур и их функционирование как в русском, так и в иностранных языках.

Дискуссионным оказался вопрос о причинах появления аббревиатур и о распространённости аббревиации как способа словообразования.

Д. И. Алексеев отмечает, что аббревиация — самый незакономерный способ словообразования в русском языке, вследствие чего возникает многочисленная вариативность и окказиональность как при создании аббревиатур, так и развёртывании их в расчленённые наименования. Однако востребованность аббревиации как способа словообразования, по мнению исследователя, сформировалась потому, что «она позволила создавать цельнооформленное слово, где раньше было лишь описание понятия» [Алексеев 1962, с. 8].

В. В. Борисов отводит весомую роль закону экономии языковых средств, который вообще лежит в основе эволюции языка. Также исследователь указывает на принцип точности, особенно важный для терминологической лексики, к которой чаще всего относятся аббревиатуры. Расчленённое наименование, будучи неудобным для регулярного использования, относительно быстро упрощается, становится более кратким или заменяется нерасчленённой единицей [Борисов 1972]. В дополнение к этому необходимо учитывать тенденцию к устранению информационной избыточности: закрепившееся в узусе нерасчленённое значение многокомпонентной единицы отклоняет необходимость наличия компонента, который дублирует информацию. Например, сложное слово *авиахимпрополка* вторично сократилось до слова *авиапрополка* (поскольку авиационная прополка бывает только химической); словосочетание *нефтепеперабатывающий завод* сократилось до слова *нефтезавод* (существуют только нефтеперерабатывающие заводы). В. В. Борисов указывает и на экстралингвистические факторы появления аббревиатур – условия речевой коммуникации (развитие СМИ, подъем массовой культуры), научно-технический прогресс и т.д.

Н. К. Махмудова, сопоставляя различные концепции лингвистов о причинах появления аббревиатур, отмечает также «стремление к

необычности, словесным новшествам», когда аббревиатуры возникают «как сознательное нарушение нормы, протест против неё» [Махмудова 2016, с. 60].

В. И. Теркулов объясняет появление аббревиатур стремлением носителя языка преодолеть асимметрический дуализм расчлененного наименования, которое передает лексическое значение подобно целостной единице (т.е. простому слову), но является раздробленным на синтаксическом уровне [Теркулов 2020].

Композитные слова также являются дискуссионным объектом в исследованиях учёных-русистов. Как отмечает Т. И. Кочеткова, в современной русистике отсутствует единое понимание словосложения. В рамках лексической деривации способ словосложения рассматривается как разновидность сложения вообще (наряду со сращением, аббревиацией, чистым сложением, а также в тождестве с последним) [Кочеткова 2005]. Большинство работ исследователей направлено на изучение композитообразования в английском и немецком языках [Максименко 2017, Дубовский 2019, Корытова 2009; Zakhtser 2019, Гагарина 2011, Кукушкина 2014] , для которых этот способ словообразования является устоявшимся, а сами процессы образования композитных существительных более разнообразны и вариативны [Adams 2001].

В исследованиях современных отечественных учёных обнаруживается тенденция к неразличению разнородных явлений, относимых авторами в разряд композитов. Традиционное определение композита — лексической единицы, состоящей из нескольких знаменательных элементов и отличающейся единством значения — довольно широкое и может характеризовать разные способы лексической конденсации. «В силу этого композитами традиционно считают любые многокорневые сущности: и юкстапозиты (*быстрорастворимый, вагон-ресторан*), и собственно композиты (*белобилетник, взяткодатель*), и аббревиатуры (*СНО, автомастерская*), и сложные заимствования (*филология, вокзал*), и сложнопроизводные слова (*комсомолец, нефтедобытчик*) и т.д.» [Теркулов

2008, с 5]. Например, в исследовании о композитных языковых единицах сферы бизнеса и коммерции Ю. А. Дубовский и Т. Б. Заграевская в одном ряду приводят слова *авиатранспортный*, *автомат-кассир*, *бизнес-имидж*, *европолис*, *зарплата*, *конгресс-холл*, *самокоррекция*, *сельскохозяйственный*, которые трактуются авторами как композиты, хотя среди них обнаруживаются и сложносокращенные слова (*авиатранспортный, зарплата*), и юкстапозиты (*конгресс-холл, бизнес-имидж*) [Дубовский 2017]. Е. П. Снегова относит к числу именных композитов юкстапозиты и аббревиатуры *шоу-бизнес*, *ВИЧ-инфекция*, *ЖКХ-услуга*, *ро-ро-терминал*, *нетто-импортер*, *цунами-опасность*, *бистро-сеть* и т.д. Относительно приведённых примеров исследователь указывает: «Появляется всё больше композитов рассматриваемого типа, не имеющих иноязычного оригинала, т. е. возникших не как результат заимствования, а построенных носителями русского языка по усвоенной модели» [Снегова 2017, С.583-584].

Малоизученными в русистике на сегодняшний момент остаются и юкстапозиты. Термин «юкстапозит» был введен А. А. Белецким для обозначения сложных слов в одном ряду с аббревиатурой и композитом [Білецький 1962]. При этом под композицией понимается ситуация, когда «объединяются в одно слово несколько основ в большинстве случаев с помощью соединительного гласного» [Кудрявцева 2004, с. 133]. Юкстапозицией же считается «способ словообразования двух- или несколькокорневых производных – юкстапозитов путём объединения отдельных слов или словоформ» с особым графическим обликом сложного слова – сочетанием его частей с помощью дефиса (*бал-маскарад*, *лётчик-испытатель*, *бизнес-ланч*, *ток-шоу, веган-продукт, интернет-кабель*) [Сухобрус 2017, с. 5]. Л. А. Радомская указывает на существование юкстапозитных дериватов с семантически неравноправными и равноправными отношениями между компонентами. Сравним. юкстапозиты *мышь-полёвка* и *адмирал-генерал*: в первом случае один компонент юкстапозита актуализирует значение другого (*полевая мышь*); во втором

случае оба компонента юкстапозита служат для выражения единого составного понятия [Радомская 2015].

Л. А. Кудрявцева рассматривает юкстапозиты как единицы, являющиеся «примером чистой конденсации», для которых характерно соединение компонентов без соединительных гласных, стяжение словосочетания в одно слово, как правило, без изменения формы его составляющих [Кудрявцева 2004, с. 133] (*быстропротекающий* < *быстро протекающий*). К юкстапозитам исследователь относит и сложные слова, компоненты которых только формально тождественны самостоятельным лексемам, но семантически выводятся не из них, а из атрибутивных словосочетаний, реализуя словообразовательные модели композиции (слово *остроконфликтный* возникло, скорее, не от стяжения словосочетания **остро конфликтный*, а как дериват от словосочетания *острый конфликт*).

В целом относительно процесса сращения в русистике сформировалось две точки зрения. Часть исследователей (А. А. Василевская [Василевская 1968], К. А. Левковская [Левковская 1954.], Н. И. Греч [Греч 1845]) причисляет стяжение слов скорее к синтаксическому, а не к морфологическому способу образования слов. В качестве аргумента исследователи указывают на отсутствие цельнооформленности у единиц, определяемых юкстапозитами: при формоизменении и начальный, и конечный компонент таких языковых единиц может меняться.

Более распространённый, «морфологический» подход разделяют А. Х. Востоков [Востоков 1839], Д. Е. Розенталь, Н. С. Валгина [Валгина 2002], В. М. Немченко [Немченко 1984]. Исследователи относят юкстапозицию к категории морфологических способов словообразования, поскольку юкстапозиты имеют закрепленный порядок компонентов и единое ударение.

Подобная дискуссия развернулась о составных существительных и среди английских лингвистов. Общую направленность этой полемики обозначил Лоуренс Бауэр: исследователи рассматривают соединения типа

wage-earner (‘наёмный работник’), *daisy-wheel* (‘ромашка’), *river-bed* (‘русло’) как синтаксические или морфологические конструкции, поскольку не существует единого и последовательного критерия для разграничения таких случаев [Bauer 1998]. Л. Бауэр называет наиболее весомым из имеющихся критериев цельнооформленности таких сочетаний фиксированное ударение, которые в английских составных наименованиях ставится на начальный компонент.

1.5. Синхронно-эквивалентностный подход к процессу универбализации

Идея разделения синхронного и диахронного подхода при изучении словообразовательных процессов возникала в исследования зарубежных лингвистов еще в прошлом столетии [Marchand 1966]. Исследователи отмечают, что в лингвистике длительное время господствовал диахронный подход, потому «первая научная классификация способов словообразования, разработанная В. В. Виноградовым, не разграничивает явления синхронии и диахронии» [Кромер 2013, с.189].

Участники Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации разделяют синхронный (эквивалентностный) и диахронный (исторический) подходы к изучению универбализации.

Диахронный подход

Диахронный подход позволяет определить производящее словосочетание в гнезде эквивалентности и способ трансформации словосочетания в эквивалентную нерасчленённую единицу (слово) [Теркулов 2016а].

Сама природа сложносокращённого слова стимулирует представление о том, что любое сокращение всегда вторично по отношению к своему многокомпонентному синтаксическому эквиваленту, следовательно, сложносокращённое слово всегда является производным от словосочетания. В. И. Теркуловым и группой по составлению «Словаря» была обоснована

другая позиция. Согласно внутриязыковым закономерностям расчленённая языковая единица в силу ряда причин стремится к формированию нерасчленённого эквивалента. Так образовываются аббревиатуры, композиты и юкстапозиты, в которых сокращённые компоненты (конструкты) полностью воспроизводят лексико-семантическое содержание мотивирующего словосочетания.

В случае реального замещения расчленённого наименования аббревиатурой сокращённый компонент исходного словосочетания имеет статус **абброэквивалента**; в случае композитной универбализации словосочетания конструкт имеет статус **композитного эквивалента**.

Параллельно с универбализацией в языке существует противоположное явление: «ССС может и не быть произведено от структурно и семантически эквивалентного словосочетания, может и не выступать сначала как вариант этого словосочетания. Наоборот, в ряде случаев такое словосочетание возникает в результате развёртывания ССС, является не первичным, а вторичным знаком по отношению к нему» [Теркулов 2015в]. Данный процесс в работах Лаборатории обозначен термином «псевдоуниверсализация».

В процессе деривации могут появляться квазиаббревиатуры – единицы, возникающие не на основе расчленённого мотивирующего эквивалента, а путём прибавления к производящему слову **абброморфемы** (термин Д. И. Алексеева [Алексеев 1979]) – особой морфемы, которая в ССС выступает абброконструктом (композитным конструктом в КС, соответственно).

При развёртывании квазиаббревиатуры в словосочетание эта морфема трансформируется в полнозначное слово и получает статус части основы (*авиабилет – авиационный билет*) и таким образом занимает пограничное положение между аффиксоидом и частью основы (то есть абброконстуктом). В зависимости от того, совпадает ли формально объём морфемы и основы производного компонента СЭ, выделяются

а) абброморфемы (если морфема составляет часть основы; при универбализации её аналог – абброэквивалент). К абброморфемам, например,

относится морфема «авиа», которая может развёртываться в эквиваленты *авиационный*, *авиации*, *авиатехнический* и т.д.

б) композитные морфемы (при совпадении морфемы и основы; соотносится с композитным эквивалентом при универбализации). Например, морфема «право» расшифровывается в эквивалентные слова *права*, *прав*: *правозащитник – защитник прав*, *правоприменение – применения права* и *применение прав* [Теркулов 2015в].

На квазиаббревиатуру воздействует принцип языковой аналогии, согласно которому любое сокращение имеет в языке полнозначный эквивалент. По аналогии с реальными сокращениями, квазиаббревиатура развёртывается по наиболее распространённым формально-ономасиологическим моделям словосочетаний – эквивалентов сложных слов одной аббревиационной группы.

Процесс псевдоунивербализации можно описать следующим образом. Для конкретизации семантики простое слово путём морфологической деривации принимает в состав морфему, которая встречается в ряде других слов и несёт в них тождественное лексическое значение (подобно конструкту, встречающемуся в ряде слов одной АГ).

Например, простое слово *анализатор* (прибор, который для проведения количественных и качественных исследований какого-либо вещества) для конкретизации сферы применения получает абброморфему *газо-*: *газоанализатор*. Формально мотивированное слово совпадает со ССС как конечным результатом универбализации (слово *газоанализатор* с СЭ *газовый анализатор* и *анализатор газа* формально соответствует сложносокращенным словам *газодинамика* с СЭ *газовая динамика* и *динамика газа*, *газосепарация* с СЭ *газовая сепарация* и *сепарация газа* и т.д.) и в сознании носителя языка приравнивается к аббревиатуре, вследствие чего образованное слово получает статус квазиаббревиатуры. По аналогии со ССС квазиаббревиатура развёртывается по наиболее распространённым формально-ономасиологическим моделям словосочетаний, эквивалентов сложных слов

одной аббревиационной группы (квазиаббревиатура *газоанализатор* развёртывается в расчленённый СЭ *газовый анализатор*).

Первичность слова *газоанализатор* по отношению к развёрнутому эквиваленту подтверждается сроками и регулярностью фиксации употребления этих языковых единиц в поисковых сервисах.

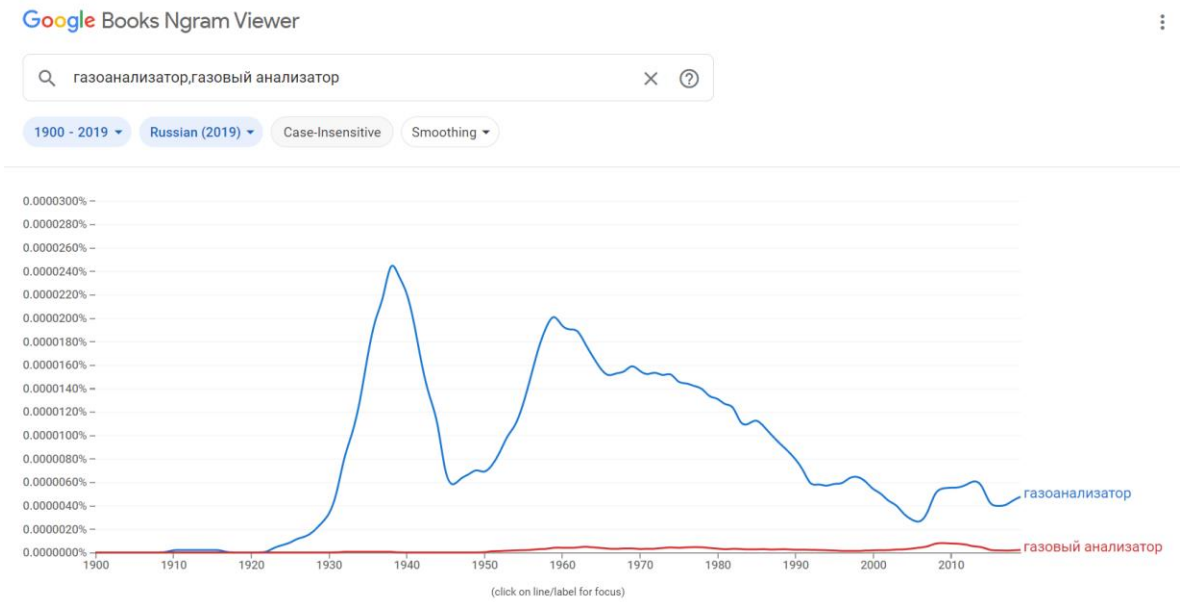
Для определения деривационного статуса языковых единиц по отношению друг к другу сотрудниками Лаборатории предлагаются два веб-сервиса поисковой системы Google. Google AdWords – сервис для работы с комплексной рекламой, созданный для упрощения поиска ключевых слов, которые будут наиболее востребованы для поисковой оптимизации сайта. При работе с Google AdWords мы оперируем таким понятием как «индекс востребованности». Он определяется как количество запросов данного слова в последние два месяца. Индекс востребованности представляет собой отношения индекса востребованности ССС к индексу востребованности словосочетания.

Предлагается также использовать созданный специально для расчета частотности употребления слов сервис Google Ngram – постоянно обновляемый архив, содержащий все имеющиеся в цифровом виде книги, статьи и т.д. Сервис позволяет определять частотность употребления слов и словосочетаний за любой период, предоставляет статистику употребления слова и словосочетаний в разные периоды времени в процентном отношении либо с частотой употребления начальной формы слова и словосочетаний, либо – в процентах от всех употребляемых слов. Сервис предоставляет данные о первом зафиксированном упоминании слова, а также сравнительный анализ употребления слова [Березницкая 2017]. Однако данный сервис не учитывает употребление языковых единиц пользователями интернета в социальных сетях, в блогах, на форумах и под., что может существенно искажать статистику за последние десятилетия. Кроме того, корпус сервиса содержит тексты, опубликованные до 2008 г., а значит, мы не имеем возможности проследить за варьированием отношений языковых единиц в самом

современном состоянии. Тем не менее, на основе данных, предоставляемых этим сервисом, можно установить первичность анализируемых единиц:

Рисунок 1

График фиксации языковых единиц в сервисе Google Ngram Viewer



Согласно графику, слово *газоанализатор* активно фиксируется в текстах с 1920-х гг., а расчленённый эквивалент *газовый анализатор* появляется после 1950-х гг. Кроме того, квазиаббревиатура в целом использовалась носителями языка гораздо чаще, чем словосочетание. Эти два положения свидетельствуют о псевдоунивербализационных отношениях между сопоставляемыми единицами.

Конечно, разграничить абброэквивалент и абброморфему можно только при комплексном подходе: учитывая характер деривационных отношений между словом и словосочетанием; тождественность ономасиологической стуктуры данной пары другим парам слов и словосочетаний, существующих в языке на синхронном уровне. Участниками Лаборатории была разработана трёхкомпонентная методика разграничения абброэквивалента и абброморфемы.

Первый шаг методики: определение баланса индексов упоминания ССС и СЭ в поисковых системах. Лабораторией разработана методика квантитативного анализа аббревиационных и квазиаббревиационных пар,

который проводится с помощью поисковых систем сети Интернет. Важнейшим показателем при таком анализе является баланс индексов (БИ), представляющий собой частное от деления фиксированного количества употреблений слова на количество употреблений эквивалентного словосочетания. Подсчёт употреблений проводится с учётом всех грамматических форм анализируемых единиц в режиме принудительного поиска точного совпадения. Баланс индексов < 1 свидетельствует в пользу большей частоты употребления словосочетания, а значит, по всей видимости, и о универбализационной природе появления аббревиатуры. В свою очередь, баланс > 1 свидетельствует о вторичном развёртывании реального универбадизационного сокращения в «новое» словосочетание или о процессе псевдоуниверbализации – моделирования словосочетания на основе простого слова с абброморфемой [Теркулов 2015а].

К примеру, ССС *нефтепромышленность* имеет 29781 включения в тексты в поисковой системе по состоянию на октябрь 2016 г., а СЭ *нефтяная промышленность* – 721784 упоминания. Баланс индексов, составляющий 0,041, свидетельствует о вторичности ССС по отношению к словосочетанию. В свою очередь, слово *нефтерубль* упоминается 28444 раз, а его эквивалент – словосочетание *нефтяной рубль* – лишь 2875 раз, следовательно, оно возникло на базе слова с абброморфемой в процессе псевдоуниверbализации.

Второй шаг: установление соответствия семантической структуры словосочетания моделям русского языка. Если семантика словосочетания не противоречит семантическим нормам языка, то оно может квалифицироваться как источник для возникновения сокращения. Если же семантика словосочетания «искусственна», это словосочетание рассматривается как возникшее в результате псевдоуниверbализации. Например, слово *зоопарк* (научно-просветительское учреждение, в котором содержат в неволе диких **животных**) имеет регулярный СЭ *зоологический парк* (БИ = 300), где расшифровка *зоологический* имеет значение «связанный с зоологией» (т.е. с **наукой**). Таким образом, конструкт и его расшифровка связаны с

обозначением разных денотатов, что приводит к выводу о конструировании словосочетании на базе слова с абброаффиксоидом.

Искусственность расшифровки *зоологический парк* подтверждает также этимологический анализ компонента *зоо*-: данный конструкт является заимствованной из греческого языка приставкой, присоединяемой к словам, имеющим отношение к животному миру (ср. с англ. *zoo* «зоопарк») [Чудинов 1894].

Третий шаг: установление тождественности ономасиологической структуры ССС и СЭ ономасиологической структуре других пар языковых единиц, построенных по тождественным моделям и имеющих сходную семантику. Если ономасиологическая структура СЭ встречается в других парах языковых единиц с одним и тем же базисным компонентом, мы можем предположить, что анализируемый СЭ создан по классической модели модификации главного слова, а ССС возникает на его базе. Например, для сложных слов с базисом *совет* в значении «коллегиальный орган» характерной является ономасиологическая структура «учреждение + квалификатив / локатив», при этом признаковый компонент, как правило, квалифицирует место функционирования учреждения: ср. *горсовет – городской совет, райсовет – районный совет, сельсовет – сельский совет, облсовет – областной совет* и т.д. Обнаруживается сокращение *диссовет* с СЭ *диссертационный совет*. Схема словообразовательного значения прилагательного в данном случае строится при помощи двух реляционных связей: «служащий [rel^1] для рассмотрения и защиты [rel^2] *диссертаций* на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук». Таким образом, *диссовет* имеет отличную от других мотивационных пар с базисом *совет* ономасиологическую структуру «учреждение + аллатив», что может указывать на неувербализационный способ образования сокращения.

Разработанная методика разграничения абброэквивалента и абброморфемы позволяет оценить деривационные отношения между

синтаксическим эквивалентом и цельнооформленной единицей в комплексе, учитывая различные аспекты функционирования аббревиатурной пары.

Синхронный подход

На синхронном уровне невозможно определить исторически верные деривационные отношения между словом и его текстовым эквивалентом, назвать первичной конкретную языковую единицу. Синхронный подход сводит диахронную аббревиатуру и псевдоунивербализационную квазиаббревиатуру к явлениям одного порядка. Синхронный подход-прежде всего учитывает возможность регулярного использования носителями языка сокращений и соответствующих им словосочетаний в качестве эквивалентов.

Например, слово *нефтемагистраль* является реальным сокращением, которое возникло на базе словосочетания (БИ употребления с СЭ *нефтяная магистраль* = 0,31; глосса соответствует характерной для номинатемы *магистраль* ономасиологической модели «пространственный объект + квалификатив / дистрибутив»), а слово *нефтеловушка* – простое слово с абброморфемой (баланс индексов с СЭ *нефтяная ловушка* = 7,11; глосса соответствует характерной для номинатемы *ловушка* ономасиологической модели «приспособление + квалификатив / дестинатив»). Отметим, что языковые единицы, трактуемые нами как вторичные образования (ССС *нефтемагистраль* и СЭ *нефтяная ловушка*) не фиксируются в корпусе сервиса Google Ngram, что может свидетельствовать, во-первых, о низкой частоте их использования, а во-вторых – об их недавнем появлении в языке. На синхронном уровне оба слова воспринимаются носителями языка как реальные сокращения коллокаций, поскольку, во-первых, в обоих случаях цельнооформленные единицы построены по схожим структурам, а во-вторых – оба слова имеют регулярные расчленённые эквиваленты.

Показателем синхронного сосуществования ССС и СЭ является наличие текстов, в которых употребляется как ССС, так и его многокомпонентный текстовый эквивалент. В зависимости от того, как в одном или в нескольких текстах сложное слово взаимодействует со своими синтаксическими

эквивалентами, можно выделить 4 типа эквивалентных текстов [Теркулов 2018г]:

• **Собственно эквивалентный текст**. Текст, в котором сложное слово и его расчленённый эквивалент синхронно употребляются для обозначения одного и того же референта. Эквивалентное словосочетание дублирует структурные компоненты сложного слова и имеет абсолютно тождественное с ним значение. Например, сложное слово *газообмен* обнаруживается в одном тексте с эквивалентом *газовый обмен*: *Процедуры нравственного и физического очищения, голодание, диета, физические упражнения замедляют дыхание, улучшают общее состояние организма, состояние нервной и сосудистой систем и качество* ***газообмена*** *между атмосферным воздухом и кровью – Для того чтобы легкие успевали наиболее полно выполнить процедуру* ***газового обмена****, необходимо дышать как можно медленнее как на вдохе, так и на выдохе* (http://www.aif.ru/archive/1676427; 20.11.2019).

• **Параллельно эквивалентные тексты**. Разные контексты, в которых сложное слово и расчленённый эквивалент используются для обозначения одного и того же референта. Например, сложное слово *бандлидер* и его наиболее частотный эквивалент *лидер банды* используются только в параллельных текстах: *Это очень серьезный* ***бандлидер****, на руках которого большая кровь, человек, который владел различными формами противодействия, и, конечно, мог бы применить их, пойти на крайние меры* (http://www.interfax.ru/russia/8354; 20.11.2019) – *Как выяснилось,* ***лидер банды*** *создал группу в одной из соцсетей, все ее участники должны были пройти специальный обряд посвящения и каждый месяц перечислять организатору деньги* (https://www.1tv.ru/news/2019-09-27/373023v_moskve_arestovana_banda_kotoraya_sponsirovala_terroristov_zapreschennoy_v_rossii_gruppirovki_igil; 20.11.2019).

• **Условно эквивалентные тексты**. Тексты, в которых сложное слово и его эквиваленты имеют тождественное сигнификативное значение, но обозначают разные референты. В гнезде эквивалентности слова

автоаксессуары обнаруживаем эквиваленты *аксессуары в автомобиль* (т.е. в салон) и *аксессуары на автомобиль*: *Особенность* ***аксессуаров в автомобиль*** *в том, что многие полезные для транспортного средства вещи могут быть использованы не только как необходимая покупка, но и в качестве отличного подарка для друзей и знакомых – Для этого мы предлагаем купить такой* ***автоаксессуар****, как небольшой авточайник, кофеварка или раскладной, удобный и в то же время вместительный столик* (http://www.avto-podarok.ru/catalog; 20.11.2019); *Для начала необходимо определиться какие* ***автоаксессуары*** *нужны водителю и пассажирам –* ***Аксессуары на автомобиль*** *делятся на первостепенные и второстепенные* (https://www.autodela.ru/main/blogs/Ira_Avto/kak-vybrati-khoroshiye-avtotovary-i-aksessuary-dlya-avtomobilya; 06.09.2022)

• **Косвенно-эквивалентный текст**. Текст, в котором как синонимы используются эквиваленты сложного слова, но само слово не используется. Например, обнаруживаются тексты, в которых синхронно используются эквиваленты *ветряной двигатель* и *ветровой двигатель*, но не используется связанное с ними сложное слово *ветродвигатель*: ***Ветряной двигатель*** *работает при плоскостях устройства ориентации, обращенных к ветру – Регулирование числа оборотов ветряных колес и предохранение* ***ветрового двигателя*** *от перегрузки осуществляется за счет того, что при усилении ветра рамы с ветровыми колесами преодолевают сопротивление пружин, поворачиваются на шарнирах и отклоняются в зону, защищенную от ветра плоскостями ветронаправляющего устройства* (http://www.ideasandmoney.ru/Ntrr/Details/131590; 20.11.2019).

Среди текстов публицистического стиля, размещённых в новостных ресурсах сети интернет, нами были обнаружены такие, в которых сокращения *нефтемагистраль* и *нефтеловушка* и соответствующие им словосочетания встречаются в одном контексте в качестве эквивалентов:

До последнего времени край действующего золотодобывающего карьера находился в 43 м от оси ***нефтяной магистрали*** *– Хотя в свое время,*

когда только разрабатывался Березняковский карьер, нефтепроводчики пошли навстречу, особо оговорив условия ведения горных работ вблизи ***нефтемагистрали*** (www.kp.ru/daily/26623/3641144; 14.02.2022); ***Нефтеловушки*** *по типу конструкции разделяют на горизонтальные и вертикальные – Выбор* ***нефтяной ловушки*** (https://www.pnsk-online.ru/news/poleznaya-informatsiya/272; 14.02.2021).

В результате текстово-эквивалентностного анализа словообразовательных единиц было обнаружено, что сокращение может синхронно вступать в отношения эквивалентности не с одним словосочетанием, а сразу с несколькими, независимо от деривационного статуса аббревиатуры. Возможность множественной трактовки аббревиатуры является одним из главных положений разрабатываемого синхронного подхода к процессу универбализации.

1.6. Дешифровальный стимул в структурной и когнитивной трактовках

Возможная полиэквивалентность аббревиатуры объясняется влиянием **дешифровальных стимулов** (**ДС**) – имплицитных знаний носителей языка, которые обусловливают создание синтаксического эквивалента определённой модели в результате развёртывания сложного слова.

Утверждение существования ДС приводит к переосмыслению представления о стихийной природе процесса аббревиации, предложенного Д. И. Алексеевым [Алексеев 1977]. Абброконструкт квалифицируется как «воспроизводимое средство предсказуемого замещения <...> компонента производящего словосочетания» [Теркулов 2020, с. 104]. Отсюда следует, что носитель языка для развёртывания сложного слова в подавляющем большинстве случаев не создаёт уникальные конструкции словосочетаний, а обращается к воспроизведению известных ему ранее стереотипных моделей.

С позиции формального подхода дешифровальный стимул понимается «как стереотипная модель развёртывания слова в словосочетание» на синхронном срезе языка [Теркулов 2016в, с. 18].

Лабораторией (см.: [Акулич 2017, Бровец 2016-2017, Михайлова 2017, Рязанова 2017б]) разработана типология дешифровальных стимулов по характеру соответствия сложного слова и его эквивалента. Исследователями выделяются:

а) **презентативный ДС**, «грамматически подчинённый ономасиологическому базису ономасиологический признак, выраженный адъективно и имеющий обобщённое значение, что обеспечивает нулевую степень интерпретации аббревиатуры» [Бровец 2017а, с. 100], например *дизтопливо – дизельное топливо*; *дипсостав – дипломатический состав*, *инфоповод – информационный повод*. Презентативный ДС реализует синтаксическую модель «прилагательное + существительное», полностью воспроизводит ССС и является его абсолютным синонимом.

б) интерпретативный ДС, генерирующий эквиваленты с дополнительными признаками, не выраженными в сложном слове. Интерпретативные дешифровальные стимулы подразделяются на два типа: релятивные и модификационные ДС.

Релятивные ДС создают «формально релевантные аббревиатуре, совпадающие с ней по количеству ономасиологических признаков текстовые эквиваленты, выраженные падежными и предложно-падежными формами, актуализирующими грамматические значения числа и падежа» [Бровец 2017а, с. 100]. Различается два типа релятивных ДС: актантный и акантно-числовой. **Актантный** дешифровальный стимул указывает на актантную роль референта с помощью определённой падежной или предложно-падежной формы: *информресурс – ресурс информации* и *ресурс для информации* (в этом случае референт имеет ономасиологическое значение «источник» и «назначение» соответственно), *канцбумага – бумага для канцелярии* («материал» + «назначение»). **Актантно-числовой** дешифровальный стимул добавляет к

указанию на актантную роль референта его количественную характеристику: *домовладелец – владелец дома* (одного) и *владелец домов* (нескольких).

Модификационные ДС, которые «создают формально более сложные, чем аббревиатура, словосочетания и включают в свой состав дополнительный ономасиологический признак, отсутствующий в структуре сложносокращённого слова» [Бровец 2017а, с. 100]: *администр – центрадмин*[1]*услуг*[2]. Как правило, модификационный ДС обеспечивает расшифровку конструкта сложного слова посредством другого сложного слова или словосочетания: *диетменю – меню* ***диетпитания*** и *меню диетического* ***питания***; *жилинспектор – инспектор жилинспекции* и *инспектор жилищного* ***надзора***.

При сложной расшифровке происходит переподчинение первого ономасиологического признака вторичному признаку, не представленному в структуре сокращения (вторичным является, например, компонент *надзора* для ССС *жилинспектор*). «Данному факту присваивается второй ранг модификации <…> Нулевой ранг в таком случае отмечается для презентативных и релятивных эквивалентов, а первый ранг соответствует одному новому для аббревиатуры признаку» [Бровец 2017в, с. 163].

При когнитивной трактовке термин дешифровальный стимул обозначает «имплицитные знания носителя языка, которые стимулируют возможность дешифрования сложного слова тем или иным способом» [Рязанова 2019]. Потребность в разработке когнитивного метода изучения развёртывания аббревиатур объясняется тем, что «для полной характеристики аббревиации необходимо изучить не только структурные типы аббревиатур (поскольку способы сокращения слов чрезвычайно многообразны и принимают различные формы), но и механизмы инференции» [Дюжикова 2015, с. 30].

Представление о том, что каждому сложному слову соответствует эквивалентное словосочетание, побуждает носителя языка, использующего в речи сложное слово, генерировать эти словосочетания в соответствии с

усвоенными моделями расшифровки аббревиатур прохожей структуры и потребностями номинации – семантического уточнения значения ССС. Таким образом, языковая личность формирует индивидуальные критерии, которые регламентируют совокупность возможных способов расшифровки отдельно взятого сложного слова [Рязанова 2021а].

Верифицированные методом квантитативного анализа синтаксические эквиваленты являются основой для наполнения эквивалентностного блока разрабатываемого «Словаря». Составителями определены критерии, при соблюдении которых словосочетание получает статус синтаксического эквивалента:

а) формальное соответствие структурных компонентов словосочетания и сложного слова (составные компоненты сложного слова отражаются в словосочетании);

б) текстуально подтверждаемая тождественность значений сложного слова и предполагаемого эквивалента;

в) высокая частотность употребления, исключающая единичные, окказиональные случаи использования конструкции (допустимым количеством считается не менее 500 употреблений языковой единицы);

г) целесообразность применения синтаксического эквивалента, необходимого для корректной трактовки сокращения.

В рамках исследования из эквивалентностного блока «Словаря» были отобраны синтаксические эквиваленты, содержащие отклонения от языковых норм (см. ниже). На основе анализа данных единиц можем сделать предположение о наиболее частых причинах появления регулярно используемых единиц с лексическими, грамматическими, синтаксическими и другими несоответствиями.

• Развёртывание заимствованных единиц по моделям исконных сложных слов. Заимствованные слова с префиксом *арт-* (от англ. *art* ‘искусство’) зачастую трактуются носителями русского языка как сложные слова с абброморфемой. В результате развёртывания префикс преобразуется в

зависимое слово *артистический*: *артдиректор* > *артистическй директор* (*Сейчас в Hermes, с одной стороны, **арт-директор** Надеж Ване-Цибульски, которая делает очень строгую, даже рассудочную моду, а с другой — вы, которая делает очень чувственные, эмоциональные ароматы. — Было действительно рискованно вот так делать аромат, но артистический департамент, Пьер-Алексис Дюма (**артистический директор** Hermes), поддержал меня на сто процентов*; www.kommersant.ru/doc/3072314; 23.11.2020); *артагентство* > *артистическое агентство*; *артперсонал* > *артистический персонал* и т.д. Отметим, что заимствованное *арт-директор* имеет в русском языке регулярный эквивалент *художественный руководитель*.

• Неупорядоченное использование синтаксических эквивалентов вследствие омонимии нерасчленённых форм. Например, от языковых единиц *автоматический гидроподъёмник* и *автомобильный гидравлический подъёмник* образуются омонимичные *автогидроподъёмник*[1] ‘гидравлическое подъёмное устройство, специализирующееся на подъёме оборудования вместе с работниками на определённую высоту для проведения различных видов работ’ (то же, что *автовышка*) и *автогидроподъёмник*[2] ‘подъёмное устройство на СТО, предназначенное для обслуживания и ремонта автомобилей с низкой посадкой’. Возникают ситуации смешения омонимов, когда в одном и том же тексте эти языковые единицы используются в качестве семантических дублетов: ***Автомобильный гидроподъемник** можно смело отнести к категории спецтехники, имеющей оптимальное соотношение рабочего потенциала и удобства при работе с ней – **Автоматический гидроподъемник** может быть использован в работах самого широкого спектра назначения: строительных и монтажных, при прокладке коммуникаций, в городском озеленении, аварийных высотных работах – Перечислим основные средства контроля, которые могут быть установлены на **автогидроподъемник*** (technograd-spb.com/avtovyshka-bezopasnaya-i-funkcionalnaya-spectexnika; 23.11.2020)

• Использование суффиксальных паронимов для формирования синтаксических эквивалентов. Носители языка часто не осознают разницу в лексических значениях паронимов при развёртывании сложных слов.

Например, для интерпретации конструкта *драм-* неупорядоченно используются прилагательные *драматический* ‘относящийся к драме как литературному роду или на ней основанный’ и *драматургический* ‘относящийся к драматургии, характерный для неё’. *Драмтеатр* – 'один из видов театра, основой представления в котором служит драматическое литературное произведение'. Очевидно, что слово соотносится с прилагательным *драматический*. Тем не менее, в интернет-пространстве обнаруживается немало текстов, в которых в качестве эквивалента слову *драмтеатр* приводят словосочетание *драматургический театр*: *Красноярский* ***драмтеатр*** *проведет читки на книжной ярмарке – Красноярский* ***драматургический театр*** *имени Пушкина в рамка Книжной ярмарки покажет посетителям цикл читок «Современная пьеса Швейцарии»* (https://krsk.aif.ru/culture/1010669; 20.11.2020).

Обнаруживаются также косвенно-эквивалентные тексты, в которых происходит смешение расшифровок *драматический* и *драматургический*: *Белгородский* ***драматургический театр*** *приедет с гастролями в Северную Осетию 22 сентября – Белгородский государственный академический* ***драматический театр*** *имени М.С. Щепкина в рамках проекта "Большие гастроли" представит в Северной Осетии постановки по произведениям Франсиса Вебера и Алексея Толстого* (https://tass.ru/severnyy-kavkaz/5590311?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https:%2F%2Fyandex.ru%2Fnews; 20.11.2020).

Носители языка чаще всего не разграничивают понятия «*ветровой*» ‘относящийся к ветру’ и «*ветряной*» ‘приводимый в действие при помощи ветра’. Указанные прилагательные являются регулярными дешифровальными стимулами, которые параллельно встречаются почти во всех гнёздах эквивалентности аббревиатурно-композитной группы «ветро». Например, в

гнезде эквивалентности слова *ветроэнергетика* (‘отрасль энергетики, которая преобразовывает кинетическую энергию воздушного потока в определенную форму энергии’ – *ветровая э.*) обнаруживаем эквиваленты *ветровая энергетика* и *ветряная энергетика*: *Именно здесь в провинциях Цзянсу, Гуандун, Фуцзянь наиболее динамично развивается* ***ветряная энергетика****, энергетика будущего — По прогнозу Bloomberg, установленная мощность* ***ветроэнергетики*** *в Китае через десятилетие будет увеличиваться на 70-140 ГВт каждый год*; news.rambler.ru/other/42132637-kitay-puskaet-dengi-na-veter-i-ne-tratit-ih-zrya; 23.11.2020); *Одним из наиболее успешных и прогрессивных вариантов альтернативного вида электроэнергии может стать* ***ветроэнергетика*** *– Нужно отметить, что* ***ветровая энергетика****, наряду с солнечной и гидро-, относится к возобновляемым экологически чистым источникам энергии* (https://economist.kg/novosti/ekonomika/2021/10/08/da-budet-svet-kak-my-stroim-pervyj-v-kyrgyzstane-vetropark/; 20.11.2021)

Использование паронимов возможно в ряде гнёзд эквивалентности указанной группы. Это относится к словам, которые обозначают устройства, приводимые в действие при помощи ветра (*ветротурбина*, *ветроустановка*, *ветродвигатель* и т.д.). В этом случае прилагательное *ветровой* будет выступать в роли гиперонима (на ономасиологическом уровне слово *ветровой* имеет более широкое значение): *ветряная турбина* и *ветровая турбина*, *ветряная установка* и *ветровая установка* и т.д.

• Ошибочное установление актантной роли конструкта или неверное определение семантики конструкта. Носитель языка, возможно, в силу недостаточной компетенции, подбирает синтаксический эквивалент таким образом, что ономасиологический статус развёртываемого конструкта трансформируется. Например, контрагентив переходит в фабрикатив в паре *бронеснаряд – бронированный снаряд*, где *бронеснаряд* – это 'боеприпас, предназначенный для поражения бронированных целей' (т.е. ***бронебойный снаряд***), а прилагательное *бронированный* используется в значении ‘защищённый бронёй’. В данном случае лексическое значение расчленённого

наименования *бронированный снаряд* противоречит семантике сокращения *бронеснаряд*: *Резервуар был эффективен из-за его точности стрельбы, сильного* ***бронированного снаряда*** *и долговечности в суровых условиях пустыни* (ru.routestofinance.com/abrams-tank-next-generation; 22.11.2020) – *На горящем военном складе в Приморье начали взрываться* ***бронеснаряды*** (www.topnews.ru/news_id_50814.html; 22.11.2020).

Значение словосочетания *автомобильное кресло* после появления его нерасчленённого эквивалента *автокресло* подверглось конкретизации: вместо ‘места для сидения в автомобиле’ значение сузилось до ‘удерживающего устройства, предназначенного для транспортировки детей в автомобиле’. Носители языка в ряде случаев отождествляют значение сложного слова *автокресло* с любым типом сидений в автомобиле: *Но пока мы не окунулись в негу блаженства, которое нам может подарить купленное* ***автомобильное кресло*** *для массажа, немного истории о развитии* ***автокресел*** *с функцией массажа вообще и о тестируемых нами современных автомобилях с такими сидениями, в частности* (autochrome.ru/raznoe/massazhnoe-kreslo-dlya-avtomobilya.html; 22.11.2020).

Вследствие коллективных затруднений в интерпретации сложных слов формируются подобного рода синтаксические эквиваленты. В силу того, что они активно используются в эквивалентных текстах, они не могут быть проигнорированы составителями словаря – так же, как не могут быть проигнорированы, например, единицы разговорного лексикона.

Эквивалентностный блок «Словаря» составлен на материале большого количества русскоязычных текстов, созданных множеством носителей языка. В обычных условиях индивид не способен охватить весь объем эквивалентных текстов для дальнейшего формирования личностных критериев интерпретации сложного слова. Эти критерии у каждого носителя языка формируются на основе индивидуального когнитивного опыта. Отсюда следует, что совокупность дешифровальных стимулов, отраженных в «Словаре», не может совпасть с дешифровальными стимулами конкретного

пользователя – она всегда шире индивидуальных реестров. Влияние субъективного опыта на интерпретацию содержания «Словаря» может привести к ложным выводам об ошибочности синтаксических эквивалентов, которые в действительности успешно применяются носителями языка в интернет-пространстве.

Предполагается, что на появление альтернативных СЭ оказывают влияние следующие факторы:

• ССС относится к узкой сфере деятельности: некомпетентный носитель языка, не зная словосочетания-источника, развёртывает ССС «интуитивно». Сложное слово *газостанция* является эквивалентом для словосочетаний *газозаправочная станция*, *газораспределительная станция*, *газонаполнительная станция*. СЭ *газовая станция* возникло на базе сложного слова и не включает в свою структуру уточняющего компонента.

• ССС имеет словосочетание-источник, модель которого редко встречается в русском языке (например, в случае с модификационным ДС); носитель языка подбирает СЭ более привычной конструкции. Слово *ветдепартамент* образовано от нетипичного для данной группы словосочетания *департамент ветеринарного надзора*; новый СЭ *ветеринарный департамент* построен по регулярной структурной модели.

• Словосочетание-источник содержит избыточную информацию, потому носитель языка подбирает для ССС более компактный эквивалент. Например, словосочетание *нефтеперерабатывающий завод* косвенно получило эквивалент *нефтяной завод* (нефтезавод занимается только переработкой нефти, потому уточняющий компонент «перерабатывающий» утрачивает свою необходимость).

Во всех подобных случаях носитель языка подбирает такие модели СЭ, которые часто встречаются в гнёздах эквивалентности одной группы.

1.7. Гнездо эквивалентности группы

В результате действия дешифровальных стимулов вокруг сложного слова формируется совокупность синхронных синтаксических эквивалентов, которые образуют **гнездо эквивалентности** аббревиатуры (в противовес традиционной паре «многокомпонентный источник – сокращение»).

Гнездо эквивалентности формируется на основе актуальной текстовой эквивалентности, наполняется компонентами по мере фиксации таких эквивалентных единиц в общих текстах [Теркулов 2015б]. Например, для слова *допвыпуск* зафиксирован всего один синтаксический эквивалент (*дополнительный выпуск*), а для слова *автомагазин* обнаруживается не менее 30 эквивалентных словосочетаний: *автомобильный магазин*, *магазин автоаксессуаров*, *магазин автодеталей*, *магазин автозапчастей*, *магазин автомобилей*, *магазин автомобильных товаров*, *магазин автомобильных деталей*, *магазин автотоваров*, *магазин товаров для автомобилей*, *магазин аксессуаров для автомобилей*, *магазин товаров для автомобиля*, *магазин аксессуаров для автомобиля*, *магазин запчастей для автомобиля*, *магазин запчастей для авто*, *магазин товаров для авто*, *магазин деталей для авто*, *магазин запчастей на авто*, *магазин товаров для автомобилистов*, *магазин деталей для автомобилей*, *магазин запчастей для автомобилей*, *магазин деталей на авто*, *магазин запчастей на автомобили*, *магазин запчастей на автомобиль*, *магазин деталей на автомобиль*, *магазин по продаже авто*, *магазин по продаже автомобилей*, *магазин запасных частей для автомобилей*, *магазин автомобильных запасных частей*, *магазин запчастей к автомобилям*, *магазин по продаже автотоваров*.

Поскольку синтаксические эквиваленты, составляющие гнездо эквивалентности, отличаются друг от друга характером репрезентации сложного слова, принято различать типы текстовой эквивалентности.

Текстово-деривационная эквивалентность (**ТДЭ**). Под ТДЭ понимается такой тип мотивационных отношений между номинативными единицами, при которых значение производящего и производного совпадают,

как, например, в парах *автопарковка – автомобильная парковка*, *архвыставка – архитектурная выставка* и т.д. Внутри текстово-деривационной эквивалентности выделяются подвиды, которые учитывают отношения производности внутри гнезда эквивалентности: **универбализационная ТДЭ** (ТДЭ[1]), отражающая свёртывание словосочетания в сложное слово: *государственное предприятие → госпредприятие*, *филологический факультет → филфак*; **псевдоунивербализационная ТДЭ** (ТДЭ[2]), обусловленная развёртыванием словосочетания на базе слова с абброморфемой: *зоомагазин → зоологический магазин*, *агротехника → аграрная техника*; **неунивербализационная ТДЭ** (ТДЭ[3]), отражающая вторичное свёртывание аббревиатуры: *адмотдел → адмот*, *аэрофотокарта → аэрокарта*; **компрессионная ТДЭ** (ТДЭ[4]), «предполагающая, что на параллельной ССС деривационной линии возникает дублет ССС, созданный в результате такого сокращения исходного словосочетания, которое не приводит к образованию ССС» [Теркулов 2016г]: *центр административных услуг → центр адмінуслуг*; *депутат Европейского парламента → депутат Европарламента*; **трансформационная ТДЭ** (ТДЭ[5]) возникает в результате структурной трансформации словосочетаний: *подножка для велосипеда → велосипедная подножка*, *описание жизни → жизненное описание*; **псевдокомпрессионная ТДЭ** (ТДЭ[6]) возникает, когда на базе словосочетания развёртывается элемент данного словосочетания в более сложное сочетание слов: *заместитель гендиректора → заместитель генерального директора*, *автотехнический центр → автомобильный технический центр.*

Текстово-мотивационная эквивалентность (ТМЭ). ТМЭ отражает ситуацию текстовой взаимозамены единиц, находящихся в прямых или опосредованных модификационных мотивационных отношениях. Мотивационные отношения приводят к формированию различий в способе представления тождественной семантики в производящей и производной единицах. Различаются следующие подвиды ТМЭ: **непосредственная ТМЭ**

(ТМЭ[1]), предполагающая прямые модификационные отношения между компонентами гнезда эквивалентности: *билет → авиабилет*; *макет → дизайн-макет* (в представленных примерах формируются прозводные, маркированные при помощи абброморфем); **опосредованная ТМЭ** (ТМЭ[2]), «при которой между ССС и его текстово-модификационным эквивалентом (обычно – простым словом) находится словосочетание, связанное с последним отношениями ТМЭ» [Теркулов 2015г, с. 102]: *материальная потребность* ← (*матпотребность*) ← *потребность, звуковое изменение* ← (*звукоизменение*) ← *изменение*; **параллельная ТМЭ** (ТМЭ[3]), при которой происходит параллельное образование модификатора словосочетания: (*грузоконтейнер*) → *грузовой контейнер* → *контейнер для грузоперевозок* (вторично образованное словосочетание уточняет семантику словосочетания *грузовой контейнер*, которое вместе с ССС имеет значение «единица транспортного оборудования многократного применения, предназначенная для *перевозки* и *временного хранения* грузов»).

В связи с рассмотрением базовых трактовок сложносокращённых слов В. И. Теркулов предлагает также типологию формального соответствия компонентов аббревиатур и эквивалентных словосочетаний. В своей работе [Теркулов 2018а] исследователь дает описание аббревиатурным трактовкам сложносокращенных слов и приводит модели их ДС. На основе представленного описания сопоставим типологию формального соответствия трактовки сложного слова:

1. **Прямое соответствие**. Структура сложного слова и количественно и порядком расположения компонентов абсолютно релевантна структуре словосочетания (*драмтеатр – драматический театр*).

2. **Компонентное соответствие**. Характеризуется несовпадением количества компонентов эквивалентных единиц в пользу слова или в пользу словосочетания (*дымоаппаратура – дымовая термическая аппаратура*).

3. **Метатезное соответствие**, когда сохранение количества совпадающих компонентов сопровождается их перестановкой в аббревиатуре

(*бандглаварь – главарь банды*; *радиодеталь – деталь радио*; *диско-стиль – стиль диско*).

4. **Компонентно-метатезное соответствие**. Компоненты эквивалентных единиц различаются и количественно и порядком следования. Количественное несовпадение может происходить в пользу слова (характерна для аббревиатурно-композитных эквивалентов: *ветрозащита – защита от ветра*) и в пользу словосочетания (характерно и для аббревиатурно-композитных, и для аббревиатурно-юкстапозитных эквивалентов: *жирозавод – завод по переработке жира*; *фотоклуб – клуб любителей фото*).

1.8. Понятие аббревиатурной группы

При работе над «Толково-эквивалентностным словарём сложносокращённых слов русского языка» было собрано более пятисот аббревиатурных групп. **Аббревиатурная группа** – это совокупность сложносокращённых слов одной части речи, имеющих одинаковый препозитивный сокращённый компонент (конструкт). Например, все сложносокращённые слова, имеющие в абсолютном начале конструкт био- (*биоагент*, *биоблок*, *биодатчик*, *биозавивка*, *биозащита*, *биоиспытания*, *биоконтроль*, *биоматериал*, *биополимер*, *биореактор*, *биосистема*, *биоспутник*, *биотипливо*, *биофабрика*, *биохимия* и мн. др.), объединены в абброгруппу «био».

Аббревиатурные группы уже становились объектом исследования учёных (Ю. С. Дубковой [Дубкова 2011], В. П. Антонова [Антонов 2012]), однако с разработкой синхронно-эквивалентностного подхода описание абброгрупп получило развитие в работах В. И. Теркулова, А. И. Бровца, А. А. Рештаненко, К. Ю. Емельяновой, И. А. Устиновой, Е. С. Крестьяниновой и др.

В. П. Антонов для обозначения совокупности слов с общим препозитивным конструктом использует термин тематическое поле: «Результатом действия одного из словообразовательных "микровзрывов"

стало появление нового тематического поля лексем с элементом "нано-" (*нановещество*, *наноуровень*, *наноразмер*, *нанообъект*, *наноробот*, *наносредство* и мн. др.), которое активно пополняется новыми единицами» [Антонов 2012].

Необходимо уточнить: тематическое поле – это «группы лексем разных частей речи, объединённых общностью темы. В состав семантического поля входят лексемы разных частей речи, объединенные общностью семантического значения и словообразовательными отношениями» [Темнова 2019]. Сам же В. П. Антонов в тематическом поле «нано-» рассматривает только существительные, а именно – термины и сложные наименования.

С тематическим полем соотносится также дискуссионный термин «тематическая группа». Ю. Д. Апресян указывает, что в состав тематической группы «входят лексемы разных частей речи, объединённые на основе классификации самих реалий, а не лексико-семантических связей» [Апресян 1974]. В свою очередь А. И. Дьяков отмечает, что тематические группы «содержат слова одной части речи» [Дьяков 2012].

Объём и характер языковых единиц, которые составляют аббревиатурную группу, тематическое поле и тематическую группу, очевидно, не совпадает. Различаются также принципы, по которым происходит объединение составляющих их лексем. Совокупности составных номинативных единиц с общим препозитивным компонентом не становились самостоятельным объектом исследования. Аббревиатурная группа формируется в большей степени на структурном принципе, а не на семантическом, поскольку одним из основных критериев объединения сложных слов в одну группу является наличие общего конструкта, который, к тому же, в разных сложных словах может иметь разный ономасиологический статус. Этим обусловлена необходимость выделить аббревиатурную группу в отдельный способ объединения языковых единиц.

В рамках синхронного подхода к аббревиации разработано также понятие аббревиатурного ономасиологического поля (ОАП), которое объединяет полевой и ономасиологический подход к исследованию аббревиатур [Лялюк 2017]. Под ОАП понимается «объединение ССС, которые характеризуются наличием тождественного компонента в составе значений, но обладают различной спецификой представленности концептуальных знаний» [Брацун 2020]. Языковые единицы, входящие в одно аббревиатурное поле, содержат синонимичные базисные компоненты. Например, в ОАП «дорога» входят сложносокращенные *слова авиалиния*, *авиамагистраль*, *авиамаршрут*, *авиапуть*, *авиатрасса*, *автодорога*, *автозимник*, *автокоридор*, *автомагистраль*, *автотракт*, *автотрасса*, *автошоссе*, *альпмаршрут*, *велоаллея*, *велобульвар*, *велодорога*, *велодорожка*, *велополоса*, *велотрасса*, *велошоссе*, *гумкоридор*.

Более узким является понятие «аббревиатурное гнездо», которое представляет собой совокупность гнёзд эквивалентности с тождественным базисом. Например, в аббревиатурное гнездо «завод» входят аббревиатуры *автозавод*, *конезавод*, *машзавод*, *молокозавод*, *нефтезавод*, *курзавод*, *овцезавод*, *птицезавод*, *пчелозавод*, *рыбзавод*, *свинзавод*. Вершиной гнезда эквивалентности аббревиатурного гнезда является дешифровальный стимул с наиболее низким балансом индексов.

Таким образом, сложносокращённые слова могут объединяться по двум критериям – по общему признаковому компоненту (в аббревиатурные группы) и по общему базисному компоненту (в аббревиатурные гнезда).

В результате исследования около 600 аббревиатурных групп нами разработана их типология, основанная на квантитативном, структурно-формальном и семантическом принципах. Рассмотрению типов аббревиатурных групп посвящён Раздел 2 данного исследования.

1.9. Гибридные аббревиатурно-композитные группы

Проблема определения статуса гибридного конструкта была поставлена лингвистами еще во второй половине XX века, однако подробного и последовательного изучения этих языковых единиц всё ещё не было проведено. Данная проблема освещалась в академической «Грамматике-80». Автор раздела «Словообразование имен существительных» В. В. Лопатин отдельно рассматривает явления, смежные между аббревиацией и словосложением: «Большая группа аббревиатур <…>, представляющих собой сокращение сочетаний прилагательного с существительным, первый (сокращенный) компонент которых является целой основой: *пионерлагерь* (*пионер* и *пионерский лагерь*), *бортмеханик* (*борт* и *бортовой механик*), *кожизделия* (*кожа* и *кожевенные изделия*) <…>. Такие аббревиатуры не могут быть строго отграничены от сложных существительных с нулевым интерфиксом» [Русская грамматика 1980, с. 255].

Е. А. Дюжикова, анализируя сокращения современного английского языка, впервые провела сопоставление сложного слова и аббревиатуры, отмечая при этом, что ранее как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике «рассматривались многие вопросы, связанные отдельно как со словосложением, так и с аббревиатурой, однако проблема их соотношения еще никем не ставилась» [Дюжикова 1995, с.115].

Исследователь выделяет следующие признаки, общие для процесса аббревиатуры и сложного слова.

1. И аббревиатура, и сложное слово создаются на базе знаков, которые уже закреплены и активно используются в языке как самостоятельные единицы. «Другое дело, как эти полнозначные лексические единицы сохраняются или воспроизводятся в результативной единице. <…> Если в структуре сложного слова полностью повторяются знаки, содержащиеся в исходной мотивирующей единице, то в аббревиатуре они редуцируются до неузнаваемости» [там же, с. 117].

2. Формирование сложных слов и аббревиатур происходит по определённым моделям. «Процесс моделирования присущ и сложному слову, и аббревиатуре, однако последняя демонстрирует более многочисленный и разнообразный набор моделей, а разные типы аббревиатур характеризуются различной степенью эксплицитности в выражении одного и того же значения» [там же, с. 118].

3. Формирование у сложного слова собственной семантики. «Трудность интерпретации сложных слов заключается в том, что связь между базисом и признаком в них допускает иногда *несколько прочтений*. <…> Трудности анализа композитов могут быть объяснены тем, что обычно выражаемые при помощи предлогов отношения между словами переходят в разряд латентных, когда эти слова становятся компонентами сложного слова. Так, эксплицитно выраженное отношение назначения в словосочетании *kettle for fish* становится имплицитным в сложном слове fish-kettle, т.к. его можно понять как "котел с рыбой" или как "котел для рыбы", а fish-sauce - как "соус, сделанный из рыбы" и как "соус к рыбе"» [там же, С. 118–119].

В результате Е. А. Дюжикова делает вывод, что между словосложением и аббревиацией имеется больше сходств, чем различий.

Е. А. Зайцева говорит о том, что ряд наименований лица могут совмещать признаки аббревиатуры и сложного слова. Например, слово *бандглаварь* («*главарь банды, бандитский главарь*») может быть охарактеризовано как образованное по способу аббревиации (*бандглаварь* < *бандитский* + *главарь*) и как созданное способом сложения с нулевым интерфиксом (*бандглаварь* < *банд*(*а*) + *ø* + *главарь*) [Зайцева 2014, с. 942]. Наименования лица с первым компонентом *кибер-* (сокр. слова *кибернетический*) также могут быть проанализированы с различных позиций: как результат словосокращения (*киберпанк* < *кибернетический* + *панк*) и как сложение основ с нулевым интерфиксом (*киберпанк* < *кибер* + *ø* + *панк*).

Таким образом, идея о близости аббревиации и словосложения в лингвистике не нова: наличие большого количества слов, которые находятся

на границе двух этих способов словообразования, лишь подтверждает актуальность проблемы, поставленной исследователями. Традиционный подход в словообразовании не представлял возможности конкретизировать статус таких сложных слов, как *бандглаварь* и *спортплощадка*. Кроме того, он не предполагал возможности слияния двух способов словообразования для одной языковой единицы, поскольку такое представление может осуществиться только при отграничении синхронного подхода от диахронии.

В. И. Теркулов в процессе разработки синхронного подхода также обратился к данной проблеме. Как и Е. А. Дюжикова, исследователь определил ряд сходств аббревиации и словосложения (композитообразования) и указал, что в одном ряду должны рассматриваться не только универбализационные композиты и ССС, но и квазикомпозиты и квазиаббревиатуры, «поскольку в конечном итоге все эти единицы существуют на фоне актуального параллельного употребления в языке их деривационных эквивалентов» [Теркулов 2016б, с. 232].

Учёный привел ряд сходств ССС и КС. Во-первых, и КС, и ССС имеют функционально-семантические, параллельно существующие в языке синтаксические эквиваленты (например, КС *нефтепереработка* и ССС *нефтескважина* употребляются в современном русском языке наряду с эквивалентами *переработка нефти* и *нефтяная скважина*). Во-вторых, образование ССС и КС очень часто осуществляется не просто в пределах одной ономасиологической модели, но даже в пределах одной номинатемы (т.е. в пределах фактурно тождественных ономасиологических базисов; например, номинатема *добыча* реализуется в ССС *гидродобыча – гидравлическая добыча* и в композитах *газодобыча – добыча газа* и *нефтедобыча – добыча нефти*). В-третьих, как аббревиатурные, так и композитные конструкты, регулярно используемые в языке, формируют группы сложных слов – аббревиатурные или композитные.

Некоторыми исследователями выдвигается идея об интерфиксе как об особом структурном элементе, который появляется в композитных словах и

отсутствует в аббревиатурах и который «способствует нейтрализации грамматических значений первого компонента» [Теркулов 2016д, с. 83]. В. И. Теркулов приводит ряд аргументов, которые опровергают дифференцирующую роль интерфикса: «не существует никаких семантических (десигнатных) различий, определенных наличием или отсутствием интерфикса, например, между ***кожзаменителем*** и ***домовладельцем***» [там же]). Фиксируется большое количество прецедентов использования интерфиксов при образовании ССС. Кроме того, нейтрализация грамматических значений начального компонента происходит как в композитных словах, так и в сложносокращённых словах вне зависимости от использования интерфикса (ср. КС *домовладелец* и ССС *домработница*; *дымодатчик* и *дымзавеса*); нейтрализация грамматических значений происходит как раз в результате простого опущения грамматических показателей слова-источника, при этом интерфикс может быть удалён из образуемого слова без ущерба для его лексического значения. Таким образом, интерфиксы «выступают в качестве элементов оформления, но не создания слова» [там же, с. 84].

Из этого следует, что различие ССС и КС заключается лишь в формальном тождестве / нетождестве их конструктов основам: у КС конструкт равен основе слова, у ССС — части основы. Вслед за В. И. Теркуловым мы делаем вывод о том, что универбализационная композиция и аббревиация – это формальные разновидности одного процесса – предельной компрессии в слово словосочетаний.

Образования, совмещающие признаки аббревиатур и универбализационных композитов, В. И. Теркулов вывел в отдельную категорию слов с **мутантным аббревиатурно-композитным конструктом** (переименованным в дальнейшем в гибридный аббревиатурно-композитный конструкт) [Теркулов 2016б].

Гибридный аббревиатурно-композитный конструкт (ГК) – это конструкт сложного слова, который совмещает в себе свойства и

абброконструкта, и композитного конструкта, синхронно эквивалентен нескольким словосочетаниям, построенным по разным моделям, а в соединении с базисным компонентом формирует слово, которое может трактоваться и как сложносокращённое, и как композитное [Рязанова 2017в].

Из более 500 конструктов, внесенных в словник «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов русского языка», 80 нами отнесены к гибридным (*газо-*, *грязе-*, *крупо-*, *музыко-*, *нефте-*, *фрукто-*, *хлебо-*, *цвето-* и др.). Сложные слова, имеющие общий гибридный конструкт, объединяются в аббревиатурно-композитную **гибридную группу (ГГ)**. Анализ функционирования гибридного конструкта представлен в работах донецких исследователей [Блюмина 2017, Рештаненко 2018б].

Рассматривая способы трактовки словосочетания сложного слова, В. И. Теркулов обратил внимание на то, что помимо классической аббревиатурной трактовки сложносокращённых слов существует также композитная (при которой формальным эквивалентом абброконструкта становится основа слова эквивалентного словосочетания) и юкстапозитная (которая формально соответствует сращению).

При этом исследователь выделяет базовые трактовки – собственно аббревиатурную, основанную на репрезентации слова только как аббревиатуры (*бортжурнал – бортовой журнал*), и смешанную гибридную, при которой аббревиатурная трактовка может соединяться с композитной (*дымоулавливание – улавливание дымов*) или юкстапозитной (*кинопросмотр – просмотр кино*).

Таким образом, мы можем говорить о выделении подвидов гибридных конструктов – аббревиатурно-композитных и аббревиатурно-юкстапозитных.

Часть юкстапозитов способна развёртываться в эквивалентное словосочетание, имитируя таким образом процесс аббревиации (*метростанция – станция метро* и *станция метрополитена*; *кинопросмотр – просмотр кино* и *просмотр кинофильма*). Смешение способов трактовки универбата приводит к формированию **гибридной аббревиатурно-**

юкстапозитной группы (АЮ группы). В рамках синхронно-эквивалентностного подхода к сложному слову Лабораторией исследованы АЮ группы «кино» [Рештаненко 2018а] и «метро» [Рештаненко 2018б].

Аббревиатурно-композитные и аббревиатурно-юкстапозитные группы функционируют одинаково. Различие наблюдается только на структурном уровне: если аббревиатурно-композитный конструкт соответствует части основы + основе слова-эквивалента, то аббревиатурно-юкстапозитный соответствует части основы слова-эквивалента + целому слову.

В гнезде эквивалентности АЮ группы также применятся разные способы трактовки конструкта: *кинофильмов – кино* (*кинообзор*: *обзор кинофильмов, обзор кино*); *для автомобиля – для авто* (*автоаксессуары*: *аксессуары для автомобиля, аксессуары для авто*). Юкстапозитная трактовка определяется А. А. Рештаненко как «разновидность гибридно-аббревиатурной трактовки сложносокращенных слов, которая указывает на совпадение форм конструкта и эквивалентов» [Рештаненко 2018, с. 309]. Также исследователь выделяет два типа юкстапозитной трактовки: простую, которая «подразумевают наличие 2 полнознаменательных слов» (*кинофестиваль – фестиваль кино*) и сложную, в состав которой входит более двух полнознаменательных слов (*киноклуб – клуб любителей кино*) [там же, с. 310].

1.9.1. Формирование гнезда эквивалентности в гибридной группе. Гнездо эквивалентности гибридной группы может формироваться на базе универбализации – аббревиатурной или композитной – и на базе квазиунивербализации. Развёрнутые на базе простых слов эквиваленты имитируют такие же актуальные текстовые отношения, что и отношения между универбатами и мотивирующими словосочетаниями.

Дешифрование сложного слова с гибридным конструктом происходит по стереотипным моделям, в которых конструкт развёртывается разными способами, при этом реализуя одну из своих формально-семантических разновидностей (абброконструкт или композитный конструкт). В случае,

когда гибридный конструкт в словосочетании трактуется как аббревиатурный, мы относим его дешифровальный стимул к **аббревиатурному типу** (АДС: *нефтегавань – нефтяная гавань*). Если конструкт развёртывается как композитный, значит, применяется **композитный** дешифровальный стимул (КДС: *грузовладелец – владелец груза*). В гнезде эквивалентности аббревиатурно-юкстапозитной группы помимо АДС применяются **юкстапозитные** дешифровальные стимулы (ЮДС): *кинофильма – кино* (*кинообзор*: *обзор кинофильмов, обзор кино*). Совокупность всех дешифровальных стимулов слова (собственно моделей, по которым происходит развертывание элементов гнезда эквивалентности сложного слова) составляет его **дешифровальную матрицу** [Рязанова 2017а]. Например, конструкт *газо-* в гибридном гнезде эквивалентности слова *газообмен* представляет дешифровальную матрицу «сущ. + прил., сущ. + сущ. в Р.п., Тв.п. ед. и мн. ч.»: *газовый* (*обмен*), (*обмен*) *газа*, (*обмен*) *газов*, (*обмен*) *газом* и (*обмен*) *газами*.

Аббревиатурно-композитная гибридность конструкта в пределах одного гнезда эквивалентности формируется разными путями. При анализе последовательности дешифрования слова в эквивалентные расчлененные единицы в гнёздах эквивалентности гибридных групп выявлено два способа формирования гибридности конструкта [Рязанова 2017г, Рязанова 2018].

Первый способ – **параллельный веер** – свойственен всем рассмотренным нами гибридным группам («банд», «ветро», «газо», «дымо», «домо», «жир», «нефте» и т.д.). В этом случае гнездо эквивалентности слова состоит из нескольких сегментов расшифровки, в каждом из которых используется один из типов ДС: *домовладелец* – 1) *владелец домохозяйства – владелец домашнего хозяйства*; 2) *владелец домов* (в первой цепочке задействован АДС: все её компоненты образованы путём сокращения слов; во второй цепочке задействован КДС). Статус конструкта внутри дешифровального сегмента не изменяется. Гибридность конструкта проявляется при использовании в текстах элементов гнезда эквивалентности

из разных дешифровальных сегментов: ***Владелец домохозяйства*** *в этот момент был на работе, но быстро приехал по звонку родственников – Лишь спустя 4 часа после первого «неуправляемого полета»* ***домовладелец*** *позвонил в ДЧ местного отдела полиции и сообщил о случившемся* (https://stolica-s.su/incident/road/94418; 25.02.2018); *В данное время это положение пересматривается, и в перспективе* ***владелец дома****, в котором никто не зарегистрирован и проживают в его стенах преимущественно в теплое время года, будет освобожден от уплаты за вывоз отходов на период до шести месяцев – Получив приглашение разрешить возникший спор таким путем,* ***домовладелец*** *обычно задумывается* (http://newsgomel.by; 25.02.2018).

Второй способ – **последовательная дешифровальная цепочка (ДЦ)**. В дешифровальной цепочке на определенном этапе происходит замена ДС одного типа на другой, что приводит к изменению актуального статуса гибридного конструкта. Такой переход возможен во многокомпонентных дешифровальных цепочках, где конструкт формально соответствует последнему элементу или его компоненту: *нефтепоставки – поставки нефтепродуктов – поставки продуктов нефтепереработки – поставки продуктов переработки нефти*. В этом случае конструкт «нефте» в промежуточных звеньях трактуется как аббревиатурный, а в последнем – как композитный, поскольку он структурно совпадает с признаковым компонентом словосочетания. Данный способ формирования гибридности встречается намного реже, чем параллельный, но именно он вызывает интерес, поскольку в ДЦ происходит взаимодействие двух явлений – аббревиации и словосложения.

1.9.2. Ядро и периферия гибридной группы. При исследовании гибридных групп возникают вопросы: все ли гнёзда эквивалентности ГГ соответствуют «требованиям» ГК, т.е. параллельному расшифровыванию конструкта как аббревиатурного и композитного / юкстапозитного? Что можно включить в гибридную группу: все сложные слова с повторяющимся гибридным конструктом или только те, в ГЭ которых присутствуют

словосочетания, построенные по разным моделям и за счет этого дающие конструкту возможность двойственно расшифровываться?

Была выдвинута гипотеза о наличии *ядра* и *периферии* в гибридной группе. К ядру ГГ относятся слова, ГЭ которых полностью соответствуют критериям ГК: в них присутствуют синхронные синтаксические эквиваленты, построенные по моделям аббревиатурного и неаббревиатурного типа (например, слово *газоэкспорт*, имеющее СЭ *газовый экспорт* и *экспорт газа*).

На периферии ГГ находятся единицы, в ГЭ которых представлен только один тип дешифровальных стимулов (аббревиатурный или неаббревиатурный), что соответствует гнездам эквивалентности ССС и композитов/юкстапозитов (*газосварка* с СЭ *газовая сварка*; *газосбережение* с СЭ *сбережение газа*). Справедливо было бы причислить такие случаи к аббревиации или композитообразованию, однако комплексный подход к исследованию универбализации дает возможность предположить, что слова, находящиеся на периферии ГГ, потенциально могут перейти в её ядро. Если принять во внимание тот факт, что изначально любое сокращение с т. з. диахронии соответствует одному конкретному словосочетанию, то можно прийти к заключению, что каждое слово, которое на текущий момент находится в ядре, когда-то имело один СЭ и, следовательно, соотносилось либо с ССС, либо с КС (или юкстапозитом). Со временем, в результате действия ДС гнездо эквивалентности расширяется, и в зависимости от его структуры мы можем отнести разворачиваемый в них конструкт к гибридным.

Таким образом, любое слово из периферии ГГ под влиянием дешифровальных стимулов может приобрести новые СЭ и сбалансировать гнездо эквивалентности. Например, слово *газоокуривание*, находящееся на периферии ГГ, имеет гнездо эквивалентности по типу КС с синтаксическими эквивалентами *окуривание газом* и *окуривание газами*. ГЭ реализует ономасиологическую модель (ОМ) *«процедура + медиатив»*. В ядре группы находим слова с однотипной ономасиологической моделью: *газонаполнение* с ДС *наполнение газом*, *наполнение газами*, *газовое наполнение*. Аналогично

гнездам слов с однотипной ОМ, слово *газоокуривание* потенциально может принять в свой состав СЭ **газовое окуривание*. В поисковой системе Google было зафиксировано 30 употреблений этого словосочетания по состоянию на 18.01.2018 г. Высокий баланс индексов употребления СЭ и слова (93,2) указывает на окказиональный статус словосочетания в современной языковой системе.

Действие дешифровальных стимулов на гибридный конструкт было исследовано на материале ГГ «нефте» и «газо» [Рязанова 2016а, Рязанова 2016б]. Предполагалось, что слова разных гибридных групп, которые образованы по одной модели и содержат общий базисный компонент (такие, например, как *нефтедобыча – газодобыча*), имеют набор идентичных по строению синтаксических эквивалентов и реализуют одинаковые варианты расшифровки конструкта.

В результате сопоставления гибридных групп была обнаружена 21 пара сложных слов с общим базисным компонентом, построенных по одной модели.

Абсолютное совпадение гнёзд эквивалентности (их объема и моделей образования синтаксических эквивалентов) наблюдается только в четырёх парах сложных слов. Следует отметить, что в этих случаях гнёзда эквивалентности ограничены одним-двумя синтаксическими эквивалентами: *нефтеаппаратура – газоаппаратура* (1 СЭ); *нефтезаправка – газозаправка* (1 СЭ); *нефтепромышленность – газопромышленность* (1 СЭ); *нефтехимия – газохимия* (1 СЭ), *нефтеэкспорт – газоэкспорт* (2 СЭ).

Дешифровальные матрицы гибридных групп «нефте» и «газо» имеют варианты дешифровальных стимулов, построенные по уникальным моделям. Например, для конструкта *нефте-* отмечается регулярный дешифровальный стимул *нефтепродукты*, которого нет в группе «газо»: *нефтебак – бак для нефтепродуктов; нефтезамещение – замещение нефтепродуктов; нефтепереработка – переработка нефтепродуктов* и т.д. В некоторых случаях на появление уникальных моделей ДС влияет полисемия базисного

компонента. Например, слово *нефтестанция* имеет уникальные ДС *Х-добывающая и Х-наливная*; слово *газостанция – Х-распределительная*, *Х-заправочная*, *Х-наполнительная*, *Х-измерительная*.

На объём ГЭ и количество дешифровальных стимулов влияют также различия в грамматических значениях единиц. В частности, конструкт *нефте-* практически во всех случаях расшифровывается с помощью эквивалентов в форме единственного числа (употребление расшифровки *нефть* в форме множественного числа допустимо только в профессиональной речи). Сложные же слова группы «газо» имеют больше синтаксических эквивалентов за счёт наличия у зависимых слов форм множественного числа (например, слово *газонакопление* имеет 2 синтаксических эквивалента, в отличие от слова *нефтенаколение*: ср. *накопление газа – накопление газов* и *накопление нефти*).

Таким образом, вместо совпадения дешифровальных матриц сложных слов мы наблюдаем несистематическое схождение структур ГЭ, в которых использованы наиболее регулярные варианты дешифрования, построенные в обеих гибридных группах по одной модели.

Система ДМ гибридной группы «газо» более уравновешена в соотношении моделей и репрезентации конструкта как двойственного элемента структуры словообразования.

ГК «нефте» имеет большое количество ГЭ, в которых аббревиатурные трактовки преобладают над композитным. Например, наиболее регулярным оказался ДС, имеющий синтаксическую модель «*прилагательное + существительное*». Остальные модели ГЭ очень немногочисленные (отмечаются единичные употребления). В связи с этим можем предположить, что данный конструкт больше склоняется к аббревиатурному типу. В свою очередь, мы не можем так однозначно трактовать природу ГК «газо», поскольку он занимает срединное положение между аббревиацией и композитообразованием.

1.10. Прогнозирование отношений эквивалентности в группе

Дешифровальные стимулы определяются нами как критерии возможных расшифровок сокращений. При сопоставлении моделей дешифровальных стимулов конкретных гнёзд эквивалентности с дешифровальной матрицей соответствующей группы, обнаружилось, что эти же представления носителей языка предопределяют также блокировку в использовании моделей развёртывания. В анализируемых гнёздах эквивалентности регулярно обнаруживаются незаполненные, лакунарные, позиции синтаксических эквивалентов. Таким образом, в конкретном гнезде эквивалентности реализуется не вся ДМ группы, а произвольный набор возможных моделей дешифровки.

Произвольность гнёзд эквивалентности оказывает влияние на результаты сплошной выборки синтаксических эквивалентов при первичном сборе аббревиатурной группы. На первом этапе поисков ДС происходит обработка интернет-текстов и фиксация эквивалентных сокращению словосочетаний.

На основании зафиксированных эквивалентов формируется эмпирическая база моделей дешифровальных стимулов группы. Предполагается, что при такой методике сбора дешифровальных стимулов может происходить пропуск актуальных моделей расшифровки сложного слова.

Для более адекватной передачи структуры аббревиатурной группы разработана методика прогнозирования отношений эквивалентности, которая позволяет систематизировать поиск синтаксических эквивалентов [Теркулов 2018б.]. Методика включает три фазы прогнозирования эквивалентности и начинается с анализа эмпирических схем группы и обнаружения лакунарных позиций и закономерностей в использовании моделей развёртывания:

Таблица 1

Эмпирическая схема ДС *«ветер»*

Лемма: *ветер, -тра*, м. Движение, поток воздуха в горизонтальном направлении		
Токены	*ветровой*	*ветробарьер – ветровой барьер*
	ветряной	*ветроэнергетика – ветряная энергетика*
	ветроэнергетический	*ветроустановка – ветроэнергетическая установка*
	ветровой электрический	*ветростанция – ветровая электрическая станция*
	к ветру	*ветроустойчивость – устойчивость к ветру*
	к ветрам	*ветроустойчивость – устойчивость к ветрам*
	от ветра	*ветрозащита – защита от ветра*

Для удобства при построении схемы все обнаруженные в текстах варианты однотипного дешифровального стимула – т. н. токены – объединяются в лемме, которая представляет собой заголовочное слово схемы. Рассмотрим каждый этап методики прогнозирования.

1) Прогнозирование токенов в пределах схемы (внутреннее прогнозирование)

На фазе внутреннего прогнозирования используется принцип аналогии и семантический принцип.

● Дешифровальные стимулы с простой структурой, которые интуитивно понятны носителям языка, возникают в гнёдах эквивалентности наиболее часто, а также наиболее активно используются для развёртывания сокращения по аналогии с другими словами абброгруппы. Например, ДС *нефтяной* может использоваться для развёртывания всех сложных слов с конструктом *нефте-* благодаря предельно обобщённому значению и простой структуре: *нефтяная вышка*, *нефтяная гавань*, *нефтяной доллар*, *нефтяная цистерна*, *нефтяной порт* и т.д.

Таблица 2

Прогнозируемая схема ДС «*ветер*»

(здесь и далее прогнозируемые токены выделяются ***жирным курсивом***)

Лемма: *ветер, -тра*, м. Движение, поток воздуха в горизонтальном направлении		
Токены	*ветровой*	*ветробарьер – ветровой барьер*
	ветряной	*ветроэнергетика – ветряная энергетика*

	ветроэнергетический	*ветроустановка – ветроэнергетическая установка*
	ветровой электрический	*ветростанция – ветровая электрическая станция*
	к ветру	*ветроустойчивость – устойчивость к ветру*
	к ветрам	*ветроустойчивость – устойчивость к ветрам*
	от ветра	*ветрозащита – защита от ветра*
	***от ветров**	*ветрозащита – ****защита от ветров***

Для леммы *ветер* в аббревиатурной группе «ветро» обнаруживаем релятивные дешифровальные стимулы *к ветру* и *к ветрам* (*ветроустойчивость – устойчивость к ветру*, *устойчивость к ветрам*), имеющие одинаковую структурную модель, которые вступают в парадигматические отношения друг с другом на основании передачи разных числовых характеристик признака.

Параллельно эмпирическим путем обнаруживается также релятивный ДС *от ветра* (*ветрозащита – защита от ветра*). По аналогии с эталонной парадигмой *к ветру – к ветрам* прогнозируется возможность существования потенциального дешифровального стимула **от ветров*, который будет отличаться от ранее обнаруженного ДС формой множественного числа.

Далее проводится проверка сгенерированного ДС на использование его в эквивалентностных текстах. Прогнозируемый синтаксический эквивалент **защита от ветров* фиксируется в поисковой системе Google и действительно используется в текстах параллельно с сокращением и с ранее зафиксированным словосочетанием: а) *Кроме защиты здания от продувания, проникновения сквозь стены холодного воздуха,* ***ветрозащита*** *предохраняет дом от сильного промерзания зимой – Плиты OSB используются в качестве утеплителя здания, но также они подходят и для его* ***защиты от ветров*** (https://sk-vibor.ru/articles/vetrozaschita-karkasnogo-doma; 14.01.2022); б) ***Защита от ветра*** *необходима, так как и яблони, и груши опыляются насекомыми, а сильный ветер мешает их лёту, что приводит к плохому опылению – В районах разведения цитрусовых и других фруктовых деревьев в разных странах эвкалипты популярны в качестве породы, быстро создающей*

защиту от ветров *и дающей материал для подпорок* (https://ru-ecology.info/term/52986; 14.01.2022).

Иногда на возможности расшифровки сложного слова влияет лексическая сочетаемость базисного компонента сокращения. Например, базисы лексико-семантической группы «приспособление» регулярно соединяются с зависимыми компонентами, которые имеют ономасиологический статус «дестинатив» (назначение приспособления): *нефтебочка – бочка для нефти; нефтехранилище – хранилище для нефти* и т.д.

Таблица 3

Эмпирическая схема ДС «*жировая ткань*»

Лемма: *ткань, -и*, ж. Система клеток и межклеточного вещества, объединенных общим происхождением, строением и выполняемыми функциями		
Токены	*жировой ткани*	*жироотложение – отложение жировой ткани* ****жиронакопление – *накопление жировой ткани***

В группе «жиро» для токена *жировой ткани* прогнозируется базис *накопление* – по аналогии с эталонным синтаксическим эквивалентном *отложение жировой ткани*, обнаруженным для сложного слова *жироотложение* методом сплошной выборки. В эталонном эквиваленте токен *жировой ткани* имеет ономасиологический статус «финитив» (объект, который возникнет в результате определённого действия) и сочетается с базисами, которые имеют значение «процесс» или «действие». Для базиса отложение обнаружен синоним *накопление*, с которым по эталонной модели генерируется синтаксический эквивалент и соответствующее сокращение. Обнаруженные в ПС Google тексты с использованием смоделированных единиц свидетельствуют об эффективном применении семантического прогнозирования отношений эквивалентности: *Ранее эксперты полагали, что* ***накопление жировой ткани*** *происходит постепенно – день за днем* (https://nauka.tass.ru/nauka/592481; 14.01.2022) – *Кроме того, на фоне*

недостатка гормонов щитовидной железы повышается ***жиронакопление*** *и снижается жиросжигание* (www.championat.com/lifestyle/article-4065349-kak-izbavitsja-ot-stressa-s-pomoschju-trenirovok-sport-i-gormony-mnenie-vracha.html; 14.01.2022).

2) Прогнозирование токенов смежных лемм

В аббревиатурных группах с развитой системой дешифровальных стимулов можно обнаружить парадигмы токенов, которые относятся к синонимичным или близким по значению леммам. Например, в аббревиатурной группе «*аллерго*» обнаруживаются леммы *аллергия*, *аллергик* и *аллерген*, объединяющие системы параллельных токенов:

Таблица 4

Сопоставительная схема лемм АГ «*аллерго*»

Лемма 1: *аллергия, -и*, ж. 1. Повышенная чувствительность организма к какому-либо веществу, проявляющаяся общим недомоганием, насморком, сыпью и др. клиническими проявлениями. Лемма 2: *аллергик, -а*, м. Человек, страдающий *аллергией*. Лемма 3: *аллерген, -а*, м. Агент естественной или искусственной среды, вызывающий *аллергию*.			
Токены	*аллергии*	*аллергика*	*аллергенов*
	на аллергию	*аллергиков*	*на аллергены*
	от аллергии	*аллергиков*	*аллергенами*
	по аллергии	*для аллергиков*	
	при аллергии		
	против аллергии		

В таких случаях при сопоставлении параллельно используемых лемм можно обнаружить лакунарные структурные модели токенов.

В аббревиатурной группе «кино» зафиксирована лемма *кино*, при актуализации значений которой обнаруживается её связь с параллельными леммами *кинофильм*, *кинематограф* и *кинотеатр*. При сопоставлении лемм было обнаружено, что парадигма токенов леммы *кино* заполнена в большей степени, чем парадигмы параллельных лемм, потому токены леммы *кино* являются в сопоставительной схеме эталонными:

Таблица 5

Прогнозируемая схема смежных лемм *«кино»*, *«кинематограф»*, *«кинотеатр»*

Лемма: *кино*, нескл., ср. 1. Произведение искусства, предназначенное для демонстрации на экране (то же, что *кинофильм*). 2. Совокупность отраслей деятельности, связанных с производством, прокатом и т. п. кинофильмов (то же, что *кинематограф*). 3 Театр для демонстрации, показа кинофильмов (то же, что *кинотеатр*).			
Токены	кино	кинематограф	кинотеатр
	кино	кинематографа	***кинотеатра**
	в кино	в кинематографе	в кинотеатре
	из кино	из кинематографа	***из кинотеатра**
	для кино	***для кинематографа**	для кинотеатра
	за кино	***за кинематограф**	***за кинотеатр**
	по кино	***по кинематографу**	***по кинотеатру**
	о кино	о кинематографе	о кинотеатре

Для леммы *кинематограф* обнаружена незаполненная позиция токена **по кинематографу* (по аналогии с параллельным ДС *по кино*). Токен *по кино* фиксируется в гнезде эквивалентности слова *киноэксперт* (*эксперт по кино*). Для данного сокращения прогнозируется синтаксический эквивалент **эксперт по кинематографу*.

Для рассматриваемых единиц фиксируются параллельные эквивалентностные тексты: *Успех Киры свидетельствует о том, что интерес иностранных зрителей и* ***киноэкспертов*** *к нашему фестивальному кино заметно возрос* (https://www.vokrug.tv/article/show/16408663891; 14.01.2022) – *Он прогуливал школу, чтобы сходить в кинотеатр, и буквально засыпал вопросами местного* ***эксперта по кино*** *Дениса Хейса* (https://www.peoples.ru/art/cinema/actor/harris; 14.01.2022) – *В целом, инаугурационный фестиваль в одном из самых буржуазных египетских городов, проведенный под началом уважаемого в киномире* ***эксперта по кинематографу*** *арабских стран Интишаля Аль-Тимими, показал впечатляющий - особенно для первого раза - уровень программирования и организации* (https://www.kp.ru/daily/26738.5/3765703; 14.01.2022).

3) Прогнозирование лемм одной номинатемы

В дешифровальных матрицах с модификационными ДС конструкт может расшифровываться в сложный компонент – признаковое сокращение или словосочетание. Например, в аббревиатурной группе «домо» конструкт *домо-* имеет модификационный ДС *домохозяйство*. Сам ДС является регулярным сокращением с собственным гнездом эквивалентности. Таким образом, для развёртывания конструкта в абброгруппе «домо» используется две параллельные лемы: «дом» и «домохозяйство»:

Таблица 6

Сопоставительная схема номинатем «*дом*» и «*домохозяйство*»

Лемма 1: *дом, -а,* м. 1. Здание или комплекс зданий. Лемма 2: *домохозйство, -а*, м.; *домашнее хозяйство*. Группа жилых домов, находящихся в ведении какого-либо *домоуправления*.			
Токены	*в доме*		
	дома		*домашнего хозяйства*
	домами		
	домов		
	домом	*домохозяйством*	

На эмпирическом этапе для ССС *домовладелец* обнаружены эквиваленты *владелец дома*, *владелец домов* и *владелец домашнего хозяйства*. Поскольку ДС *домашнего хозяйства* сам по себе является синтаксическим эквивалентом сокращения, предполагается, что все компоненты этого гнезда могут использоваться для развёртывания конструкта. Таким образом, можно прогнозировать появление синтаксических эквивалентов **владелец домохозяйства* и **владелец домохозяйств* (по аналогии с токенами *дома* и *домов*). Сгенерированный токен **домохозяйств* действительно используется для развёртывания конструкта, что подтверждается наличием эквивалентностных текстов: *Теперь* ***владельцы домохозяйств*** *села могут заключить договор с КП* «*Кураховская городская служба единого заказчика*» *на вывоз бытовых отходов – Каждый* ***домовладелец****, который подписал договор с коммунальщиками, бесплатно получит контейнер для мусора*

(https://kurahovo.info/v-kurahovskoj-gromade-zakupili-novye-musornye-kontejnery-foto; 14.01.2022).

Не всегда прогнозирование отношений эквивалентности приводит к выявлению реально существующих частотных единиц. Например, обнаруженный в аббревиатурной группе «ветро» токен *от ветров* не используется для формирования регулярного синтаксического эквивалента сложного слова *ветробарьер*, хотя в гнезде эквивалентности отмечается эквивалент *барьер от ветра*. Нерезультативным оказались попытки смоделировать для слов аббревиатурной группы «нефте» релятивные ДС, которые отличались бы от эмпирически обнаруженных токенов леммы *нефть* (*для нефти*, *к нефти*, *от нефти*) формой множественного числа (*для нефтей*, *к нефтям*, *от нефтей*).

Таким образом, методика прогнозирования отношений эквивалентности уменьшает вероятность пропуска синтаксического эквивалента сокращения на эмпирическом этапе сбора аббревиатурной группы.

1.11. Особенности лексикографического описания сложносокращенных слов

Традиционный диахронный подход к аббревиации, сформировавшийся в теоретических исследованиях, оказал влияние на методы лексикографического описания аббревиатур. Параллельно с теоретическими разработками в течение XX – начале XXI в. появляются специализированные словари сокращений, фиксирующие аббревиатуры различных структурных типов: «Словарь сокращений русского языка» Д. И. Алексеева (1977), «Словарь современных русских сокращений и аббревиатур» Н. Н. Новичкова (1995), «Новый словарь сокращений русского языка» под ред. Е. Г Коваленко (1995), «Словарь сокращений современного русского языка» С. В. Фадеева (1997), «Новые сокращения в русском языке» И. В. Фаградянца (1999), «Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб» А. А. Щелокова (2003) и др.

При изучении словарных статей в представленных словарях были обнаружены общие тенденции описания сокращений:

1. В словники входят как сокращённые апеллятивы, так и онимы: в «Словаре сокращений» под ред. Д. И. Алексеева обнаруживаем аббревиатуры *ОТК – отдел технического контроля*, *ОТН – объединение тологезского народа* (политическая партия), *ОТЦ – Останкинский телевизионный центр*, *КФС — Кружок футболистов* «*Сокольники*» [Алексеев 1984].

2. В состав словарей входят сокращения разных типов: инициальные и слоговые аббревиатуры, сложносокращённые слова, графические сокращения (усечения), однако в рассмотренных словарях преимущественно отмечаются инициальные аббревиатуры. В предисловии к «Словарю» Г. Н. Скляревской указывается, что в нём не описываются сложносокращённые слова, поскольку «такие слова обычно легко понимаются и не нуждаются в расшифровке» [Скляревская 2004].

3. Наибольшее внимание в словарных статьях уделяется расшифровкам – словосочетаниям, которые рассматриваются составителями словарей как источники описываемых сокращений. Зачастую в словарной статье обозначена формальная соотносённость аббревиатуры и расшифровки (демонстрируется, какие элементы компонентов словосочетания образуют сокращение):

- **КЮТ** [кют], (*м*.) – **к**луб **ю**ных **т**ехников;
- **КЮТО** [кютó] — **К**омиссия для стран **ю**жной части **Т**ихого **о**кеана;
- **ЛВЖ** [эл-вэ-жé] — **л**егко**в**оспламеняющаяся **ж**идкость.

4. В некоторых статьях приводится краткая информация о сфере использования аббревиатуры; также спорадически иллюстрируются примеры употребления сокращений. При этом не обнаруживается обоснований наличия или отсутствия в словарных статьях этих блоков. Например, в «Словаре» Г. Н. Скляревской для аббревиатуры *ГКО* в качестве вспомогательной информации указывается родовое понятие (*ценная бумага*), дающее представление о значении рассматриваемой вокабулы. В этот же словарь

включена аббревиатура *ЗС* с расшифровкой *золотой сертификат*. *ЗС* также относится к ценным бумагам, однако в словарной статье отсутствует указание на это. Сравним лексические значения данных аббревиатур: ГКО – ‘вид размещаемых на добровольной основе государственных **ценных бумаг** (выделено нами — прим. В.Р.), удостоверяющих внесение их держателями денежных средств в бюджет и дающих право на фиксированный доход в течение всего срока владения этими ценными бумагами’ [Борисов 2010]; ЗС – ‘один из видов **ценных бумаг** (выделено нами — прим. В.Р.), выпускаемых в обращение государством для покрытия бюджетных расходов’ [там же].

Традиционно в специализированных словарях сокращений не учитывается семантический аспект описания: в частности, отсутствует толковый блок, не приводятся стилистические и функциональные пометы. Это вызвано представлением о том, что расчленённые наименования, в связи с описательной структурой и избыточностью заложенной в них информации, имеют прозрачную семантику и в толковании не нуждаются, как и образованные от них аббревиатуры [Рязанова 2021б].

Отсутствие толкового блока в словарной статье может вызвать трудности у пользователей словаря. Расшифровки аббревиатур не дают достаточной информации для понимания лексического значения, особенно в случаях, когда сама расшифровка относится к ограниченной сфере употребления или характеризуется идиоматичностью. Тогда толкование нужно как для сокращений, так и для расшифровок:

- *ОЗ — оперативная зона*;
- *ПНП — подвижной наблюдательный пост*;
- *СНС — симпатическая нервная система* [Скляревская 2004].

Существуют также специфические особенности семантики самих аббревиатур, связанные с устойчивым закреплением этих единиц в языке.

1. Расхождение семантики сокращения и эквивалентного словосочетания.

Некоторые аббревиатуры расширяют своё значение, приобретая добавочные смыслы, не выраженные компонентами составного наименования [Шумарин 2014]. М. А. Ярмашевич утверждает, что процесс изменение значения не типичен для аббревиатур русского языка: «лишь около 4 % единиц этого типа (лексических аббревиатур – прим. В.Р.) реально демонстрируют процессы семантического развития своего значения» [Ярмашевич 2013, с. 4].

Тем не менее, аббревиатура *МКАД* (Московская кольцевая автомобильная дорога) в современных контекстах может выражать значение символической границы, отделяющей столицу от провинции: «*Есть ли жизнь за МКАД*?» (https://rg.ru/2021/02/17/reportery-soiuza-vyiasniali-kak-zhivetsia-v-prigorodah-moskvy-i-minska.html; 30.01.2022). Английская аббревиатура SMS (Short Message Service; «служба коротких сообщений»), используемая в русском языке наряду с транслитерацией СМС, в настоящее время «имеет значение не только короткого сообщения при помощи встроенной в телефоне функции, но и любого сообщения в любых социальных сетях и приложениях для общения» [Зубрицкая 2019].

Большое количество переносных значений (в основном с негативной коннотацией) появилось у слоговой аббревиатуры *колхоз* в отрыве от производящего словосочетания *коллективное хозяйство*: ‘беспорядок’, ‘о безвкусно одетом человеке’, ‘о невысоком уровне образования; о глупости, некультурности кого-либо’ [Ким 2019].

2. Возможность омонимических отношений.

Данная особенность наиболее актуальна для инициальных аббревиатур. В ряде случаев начальные компоненты не взаимосвязанных расчленённых наименований совпадают, в результате чего образуются аббревиатуры с тождественным формальным выражением. В исследованных словарях присутствует большое количество совпадающих по формальной выраженности аббревиатур и сложносокращенных слов, при этом в словарных статьях нет специальной маркировки, указывающей на омонимические отношения между вокабулами:

● ОС [о-э́с], нескл., ж. Окружающая среда;

● ОС [о-э́с], нескл., ж. Операционная система;

● ОС [о-э́с], нескл., ж. Операционная среда;

● ОС [о-э́с], нескл., ж. Опытная станция;

● ОС [о-э́с], нескл., ж. Орбитальная станция;

● ОС [о-э́с], нескл., ж. Орбитальная ступень;

● ОС [о-э́с], нескл., м. Орбитальный самолет;

● ОС [о-э́с], нескл., м. Ортопедический салон и т.д.

В «Словаре» Г. Н. Скляревской подобные случаи объясняются как многозначность сокращения, а не как омономичность [Скляревская 2004, с. 15].

3. Полисемия сложносокращённых слов.

Полисемия может быть обусловлена, с одной стороны, многозначностью базового компонента сложносокращённой единицы, а с другой стороны – возможностью вариативной трактовки признакового компонента.

Многозначность слова э*кономрежим* возникает из-за полисемантичности базисного компонента *режим*. Согласно толковому словарю Д. В. Дмитриева, слово *режим* имеет следующие значения: ‘государственный строй, тип правления’; ‘запланированный и исполняемый кем-либо распорядок жизни, дел, действий’; ‘система медицинских предписаний, направленных на преодоление течения болезни’; ‘период рабочего времени, который предназначен для работы с посетителями, клиентами, заказчиками’; ‘способ функционирования какого-либо устройства’ и т.д. [Дмитриев 2003]. В разрабатываемом «Словаре» под ред. В. И. Теркулова для сложного слова *экономрежим* указаны значения:

> ***Эконо́мрежи́м***, ***-а***, м. 1. Условия функционирования работы *электроприбора*, позволяющие затрачивать меньше потребляемой энергии. 2. Способ ведения хозяйства, в основу которого положен принцип бережливости, минимизации расхода ресурсов, *ресурсосбережения*. 3. То же, что

экономполитика ◄ 0,1: *режим экономии*; 1: *экономичный режим, экономический режим, экономный режим* ►30: *режим экономики* ● *режим, политика* (3), *экономполитика* (3).

В данном случае первое и второе значения реализуются в одних и тех же синтаксических эквивалентах (*экономный режим*, *экономичный режим*, *экономический режим, режим экономии*). Альтернативные словосочетания здесь появляются в результате регулярного смешения носителями языка паронимов, а не по причине полисемантичности базиса. Синтаксический эквивалент *режим экономики* соотносится с третьим значением сокращения.

Сложное слово *маслозавод* в «Словаре» под ред. В. И. Теркулова имеет два лексических значения: 1. ‘предприятие по производству масла растительного или животного происхождения и молочной продукции’; 2. ‘завод по переработке отработанных технических масел’.

Для признакового компонента *масло* в данном сокращении обнаруживаются признаки многозначности: условно можно выделить значения ‘жировое вещество, приготовляемое из веществ животного, растительного или минерального происхождения, используемое в качестве продукта питания’ и ‘жидкая смесь углеводородов, возникающий как побочный продукт при переработке нефти’. В гнезде обнаружены синтаксические эквиваленты *маслоэкстракционный завод*, *маслодельный завод*, *завод по производству масла*, *маслоперерабатывающий завод*, *масложировой завод* и т.д.

Масло в первом значении производится целенаправленно для дальнейшего использования в пищу, в косметологии, медицине и т.д. В этом случае слово *маслозавод* согласуется с синтаксическими эквивалентами *маслодельный завод, завод по производству масла* (на ономасиологическом уровне признаковый компонент выражает цель функционирования предприятия) и *масложировой завод* (признаковый компонент указывает на материал, который используется в производстве на предприятии). СЭ

маслоэкстракционный завод связан с технологическим процессом получения масла из растительного сырья.

Маслоперерабатывающий завод связан не с производством продукции, а с переработкой использованных моторных масел в дизельное топливо или восстановлением масла для повторного использования. В соотнесении с данным СЭ сложное слово *маслозавод* актуализирует второе значение.

Таким образом, семантика сокращения может оказывать воздействие на способы его трактовки. В связи с этим изучение лексических особенностей аббревиатур оказывается принципиально важным как при лексикографическом описании единиц, так и при комплексном исследовании и описании аббревиатурной группы, при прогнозировании отношений эквивалентности и т.д.

Многоаспектный принцип описания сокращений эффективно реализуется в «Толковом словаре сложных слов русского языка» под ред. В. И. Теркулова, в котором помимо расшифровок для сокращений приводятся также толкования значения, актуальные частотные синтаксические эквиваленты, грамматические и стилистические пометы, синонимы и производные слова (см. пример ранее).

В «Словаре аббревиатур иноязычного происхождения» Л. А. Барановой даются этимологические справки об аббревиатурах, расшифровки, ударения и транскрипции, варианты написания, синонимы, сфера и примеры употребления вокабул.

Выводы к Разделу I

1. С начала XX века русский язык начал активно пополняться аббревиатурами и сокращениями. Сформировавшийся за короткий промежуток времени лексический слой стал объектом лингвистических исследований сразу в нескольких направлениях:

- в изучении образования и функционирования аббревиатур в русском языке;

- в разработке типологий аббревиатур по формальным признакам;

- в сопоставлении аббревиатур и сокращений в русском и английском, немецком и др. языках;

- в лексикографическом описании новообразованных единиц.

В целом многочисленные исследования объединены общим пониманием аббревиатуры как результата трансформации устоявшегося расчленённого наименования (словосочетания) в нерасчленённое при их одновременном функционировании в языке. Аббревиация рассматривается как одноактный процесс создания коррелятивной пары «словосочетание > сокращение», в которой образованное слово полностью сохраняет семантические, стилистические и иные характеристики исходного словосочетания.

Такой подход к аббревиации основан на теории **универбации**, которая была предложена австрийским лингвистом А. В. Исаченко. В настоящее время термин универбация специализируется на одном типе лексической конденсации, при которой в состав производного слова входит только один компонент производящего словосочетания (*зачётная книжка – зачётка*).

В качестве альтернативы для обозначения разнообразных процессов замещения расчленённого наименования цельнооформленной единицей В.И. Теркуловым был предложен термин **универбализация**.

2. Определяется соотношение понятий «универбализация» и «аббревиация». Универбализация включает в себя несколько вариантов конденсации устойчивых словосочетаний, которые различаются степенью сокращения и порядком репрезентации элементов словосочетания в производном слове. К явлениям универбализации относятся эллипсис (*мобильный телефон > мобильный*), универбация (*молочная продукция > молочка*), композитная универбализация (*вольный слушатель – вольнослушатель*) и аббревиация (*избирательная комиссия – избирком*).

Композитная универбализация (или композитообразование) – процесс лексической конденсации, при котором происходит сложение основ

компонентов словосочетания. В этом случае к опорному компоненту словосочетания – базису – в препозиции прикрепляется неусечённая основа зависимого компонента, образующая композитный конструкт сложного композитного слова (*конденсация **газа** – **газо**конденсация*, где *газо* – конструкт с интерфиксом, а *конденсация* – базис).

Аббревиация представляет собой произвольное усечение основ компонентов словосочетания и их соединение в нерасчленённую единицу (например, слово *газопромышленность*, образованное от словосочетания *газовая промышленность*). Н. Ю. Шведова определяет типологию аббревиатур по структурному принципу, согласно которой объектом данного исследования является четвёртый и пятый тип – сложносокращенные слова.

Сложносокращённый апеллятив (ССА) представляет собой сочетание усеченной основы в препозитивном положении (т.н. абброконструкта) с целым словом в именительном или косвенном падеже (*госконтроль – государственный контроль; заведующий кафедрой – завкафедрой*). Объектом исследования являются сложносокращённые апеллятивы – нарицательные устоявшиеся комплексные лексемы. Сложносокращённые апеллятивы противопоставляются сложносокращённым онимам на основе установленных различий в принципах формирования и функционирования этих единиц. Во-первых, ССА является результатом стереотипного замещения устойчивого расчленённого наименования сокращённой формой, в то время как сложносокращенный оним появляется одновременно с полным наименовании и является продуктом искусственного конструирования наименования. Во-вторых, сокращенные апеллятивы поддаются простой дешифровке, в отличие от ССО, поскольку зачастую при конструировании онима происходит затемнение внутренней формы его расчленённого эквивалента.

3. Традиционные исследования фокусируют внимание исключительно на деривационных отношениях в паре «словосочетание > сокращение». Такую точку зрения принято называть **диахронным подходом** к универбализации. Положения диахронного подхода нашли отражение в лексикографических

трудах. Издаваемые в течение XX – в начале XXI вв. специализированные словари сокращений содержат информацию только о словосочетаниях-расшифровках, при этом включают в равной степени как апеллятивы, так и имена собственные. Сведения об особенностях употребления сокращений, о стилистической окраске и семантических различиях представлены в редуцированном виде или полностью отсутствуют.

Происходит отграничение сложносокращенных апеллятивов от онимов, поскольку сокращения расчлененных имён собственных создаются искусственно и, как правило, имеют официальное закрепление, в то время как процесс сокращения апеллятивов происходит неупорядоченно.

4. Лабораторией разработан синхронный подход к универбализации, в рамках которого проводится диссертационное исследование.

В ходе квантитативного анализа языковых единиц было обнаружено, что во многих случаях корреляционная пара «словосочетание – аббревиатура» образуется на основе цельнооформленной единицы путём развёртывания её компонентов в словосочетание. Такой процесс является **псевдоуниверbализацией**, а цельнооформленный источник словосочетания назван **квазиаббревиатурой**. Синхронный подход сводит аббревиатуру и квазиаббревиатуру к однотипным единицам, поскольку на актуальном срезе языка невозможно определить деривационные отношения между словом и эквивалентным словосочетанием, при этом в эквивалентных текстах аббревиатуры и квазиаббревиатуры функционируют одинаково.

Кроме того, синхронный анализ словообразовательных единиц показал, что аббревиатура может быть эквивалентна сразу нескольким словосочетаниям. Эквивалентность подразумевает возможность использовать в качестве абсолютного синонима аббревиатуры словосочетание, которое состоит из её компонентов. Таким образом, сокращение вступает в отношения не с одним словосочетанием-«источником», а с совокупностью эквивалентных расчленённых единиц, образуя с ними **гнездо эквивалентности**.

Гнёзда эквивалентности, объединенные идентичным препозитивным конструктом, формируют **аббревиатурную группу**.

5. Развёртывание квазиаббревиатур в словосочетания, как и появление альтернативных синтаксических эквивалентов аббревиатур, объясняется действием **дешифровальных стимулов** (ДС). В широком смысле ДС – это имплицитные знания носителей языка, которые стимулируют развёртывание сложного слова тем или иным способом. В узком понимании ДС – это стереотипные схемы развёртывания сложного слова.

Априорное представление о том, что сложное слово имеет расчленённый эквивалент, побуждает носителей языка самим создавать синтаксические эквиваленты для слов с абброморфемой или по-новому интерпретировать эквиваленты для сложных слов, которые в действительности были образованы на основе словосочетаний. В ходе работы по составлению «Словаря» обнаружилось, что каждая аббревиатурная группа имеет матрицу схем, по которым возможно расшифровать сложное слово (т.н. дешифровальную матрицу). Каждое гнездо эквивалентности в группе отличается индивидуальным набором ДС и лакунарными позициями, которые могут заполниться в случае появления нового частотного СЭ для слова этого гнезда эквивалентности.

На этом предположении разработана трёхчастная методика прогнозирования отношения эквивалентности в аббревиатурной группе. Методика позволяет систематизировать и дополнить материал словника создаваемого «Словаря», который был собран путём сплошной выборки из интернет-текстов.

6. Дешифровальные стимулы одной абброгруппы различаются степенью репрезентации компонентов сложного слова и наличием модифицирующих компонентов, которые материально не выражены в ССС. Участниками лаборатории разработана типология дешифровальных стимулов, среди который выделяются:

- презентативные ДС, воспроизводящие структуру сложного слова;

- интерпретативные ДС, содержащие дополнительный признак, не выраженный в аббревиатуре. Интерпретативные ДС подразделяются на два типа: модификационный ДС, который интерпретирует конструкт слова через другое сложное слово или словосочетание; релятивный ДС, актуализирующий предложно-падежную форму конструкта.

7. Обнаружен также ряд конструктов, которые в результате множественной дешифровки могут одновременно иметь статус аббревиатурных и не-аббревиатурных (в зависимости от выбора интерпретирующего словосочетания): *водо-* с аббревиатурным (*водотранспорт — водный транспорт*) и композитным статусами (*водосток — сток воды*,), *кино-* с аббревиатурным (*кинопремьера — премьера кинофильма*) и юкстапозитным статусами (*киносъемки – съемки кино*) и др. Такие конструкты называются **гибридными**. Сложные слова с общим гибридным конструктом составляют **гибридную аббревиатурную группу**.

Двойственность конструкта может отражаться как внутри одного гнезда эквивалентности, так и в параллельно существующих гнёздах одной группы, в связи с чем принято выделять ядро и периферию группы. В ядре группы находятся ГЭ, в которых обнаруживаются разноструктурные СЭ, реализующие двойной статус конструкта. На периферии гибридной группы остаются гнёзда, в которых конструкт трактуется однозначно.

8. На характер репрезентации сокращения может влиять также его семантика. В случае полисемии сложносокращённого слова в его ГЭ могут формироваться эквиваленты, соотносящиеся с одним из значений сложного слова.

9. Необходимо отличать аббревиатурную группу от смежных ей понятий. Помимо аббревиатурных групп существуют другие способы объединения сложных слов: тематическое поле (группы лексем разных частей речи, объединенных общностью семантического значения и словообразовательными отношениями), тематическая группа (лексемы разных частей речи, объединённые на основе классификации реалий, а не

лексико-семантических связей). Принципы объединения и характер языковых единиц, которые составляют аббревиатурную группу, тематическое поле и тематическую группу, не совпадают. Аббревиатурная группа формируется в большей степени на структурном принципе, а не на семантическом, поскольку учитывает наличие общего структурного компонента входящих в неё единиц. Этим обусловлена необходимость собирать и исследовать аббревиатурные группы.

РАЗДЕЛ II
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АББРЕВИАТУРНЫХ ГРУПП

2.1. Общие принципы описания аббревиатурных групп

В картотеке «Толкового словаря сложных слов русского языка» насчитывается более пятисот аббревиатурных групп, которые характеризуются неоднородностью структуры, объёма и содержания. Существует ряд дифференциальных признаков, по которым можно произвести типологизацию аббревиатурных групп [Рязанова 2020].

Все обнаруженные различительные признаки подчиняются трём принципам: квантитативному, структурно-формальному и семантическому.

Квантитативный (количественный) **принцип** типологизации абброгрупп определяет количественные соотношения компонентов аббревиатурной группы и частотность их использования. Квантитативные методики предполагают «использование числовых данных»; «стремление к выявлению универсальных закономерностей» на основе обобщений и т.д. [Кащеева 2013, с. 156]. В рамках квантитативного принципа предлагаются следующие типологии.

1. По частотности.

Критерий частотности позволяет отделить малоиспользуемые сокращения / эквиваленты и конкретизировать объект исследования. При составлении словника разрабатываемого «Словаря» было утверждено минимальное допустимое количество употреблений входящих единиц в поисковой системе Google – не менее 500. Как показал анализ эквивалентных текстов, именно данное количество употреблений свидетельствует о том, что слово и словосочетание становится употребительным в текстах нескольких стилистических типов (например, в текстах научного и разговорного типа), то есть переходит из узкоспециального в общеупотребительный разряд. В

соответствии с этим показателем нами выделяются регулярные и окказиональные аббревиатурные группы.

А) **регулярные аббревиатурные группы**. Частотные единицы представляют интерес, поскольку демонстрируют общие тенденции словообразовательных процессов. В состав таких групп входят ГЭ, все компоненты которых регулярно фиксируются в эквивалентных текстах. Например, в абброгруппе «ветро» наименьшие частотные показатели составляют 4953 употреблений (для слова *ветроротор*), 9702 употребления (для слова *ветроотражатель*), 20887 употреблений (для слова *ветронасос*); остальные ССС группы «ветро» фиксируются в эквивалентностных текстах более 20 тыс. раз.

Вместе с тем в регулярной абброгруппе могут возникать малоупотребляемые сокращения или синтаксические эквиваленты, которые не учитываются составителями разрабатываемого «Словаря». Так, для аббревиатуры *авиавыставка* рассматриваются частотные эквиваленты *авиационная выставка* (насчитывается более 48 тыс. употреблений), *выставка авиационной техники* (более 14 тыс. употреблений), *выставка авиации* (более 4 тыс употреблений), но не учитывается окказиональный эквивалент *авиатехническая выставка*, поскольку для него фиксируется всего 22 случая употребления. Такие единицы относятся составителями «Словаря» к окказиональным [Емельянова 2018а].

Б) **окказиональные группы**. Отмечается существование групп, которые не вошли в словник «Словаря» по причине низкой частотности употребления их компонентов носителями языка, например, группа «венч» (*венчурный* – от англ. *venture* ‘рискованный’), которая состоит из окказиональных аббревиатур *венчкапитал* (255 уп.), *венчбизнес* (55 уп.), *венчфинансирование* (9 уп.), *венчинвестирование* (8 уп.). Необходимо отметить, что расчленённые эквиваленты этих сокращений активно используются носителями языка: например, словосочетание *венчурный бизнес* насчитывает более 625 тыс. употреблений в интернет-текстах.

2. По соотношению частотности употреблений.

Типология базируется на методике квантитативного анализа аббревиатурных групп, разработанной Лабораторией, которая используется для поиска аббревиатур и их синтаксических эквивалентов, а также для установления первичности языковых единиц внутри гнезда эквивалентности [Теркулов 2016в]. Наиболее важным критерием типологизации являются баланс индексов – числовой показатель, соотношение общего количества употреблений сокращений и количества употреблений его синтаксических эквивалентов. БИ, представляющий собой десятичную дробь (БИ < 1), свидетельствует об универбализационных отношениях между сокращением и эквивалентом; при БИ > 1 отношения между сопоставляемыми единицами условно расцениваются как псевдоунивербализационные. По превалирующим БИ выделяются следующие типы групп.

А) **универбализационные группы**. Бóльшая часть абброгрупп, вошедших в словник разрабатываемого «Словаря», основаны на универбализационных отношениях между компонентами ГЭ. Гнездо эквивалентности трактуется как универбализационное, если в нем присутствует хотя бы один эквивалент с БИ > 1. Например, в ГЭ слова *радиооблучение* фиксируются синтаксические эквиваленты *облучение радиацией* с БИ = 0,079, *радиоактивное облучение* с БИ = 0,107 и псевдоунивербализационные *облучение радиоволнами* с БИ = 6 и *радиоволновое облучение* с БИ = 14; в целом группа «радио» характеризуется как универбализационная. Вторичные синтаксические эквиваленты могут образовываться на базе диахронической аббревиатуры, которая возникла в результате универбализации. В связи с этим принципиальным для определения деривационных отношений является наличие или отсутствие синтаксического эквивалента с БИ < 1. К универбализационным относятся группы «доп», «зам», «академ», «гос», «диет», «маг», «ком», «жил» и многие другие.

Б) **псевдоунивербализационные группы**. В эту категорию входят абброгруппы, в которых абсолютное большинство ГЭ имеют статус псевдоунивербализационных. Данный тип представлен в «Словаре» небольшим количеством групп: «дизайн» (*дизайн-студия, дизайн-проект, дизайн-документ* и т.д.), «аудио» (*аудиоальбом, аудиоархив, аудиодиск*), «вибро» (*виброамортизатор, виброгалтовка, виброгаситель*), «видео» (*видеобеседа, видеоданные, видеоплата*), «край» (*крайводоканал*), «крупо» (*крупорезка*).

В) **комбинированные группы**. В таких группах невозможно определить превалирующий показатель БИ, поскольку универбализационные и псевдоунивербализационные ГЭ представлены в них приблизительно в равном соотношении. К такому типу относим группы «масло» (11 и 12 ГЭ соответственно), «бензо» (18 и 21 ГЭ), «глав» (16 и 13 ГЭ), «астро» (17 и 15 ГЭ), «диско» (16 и 16 ГЭ), «био» (33 и 43 ГЭ) и т.д.

3. По количеству гнёзд эквивалентности, входящих в аббревиатурную группу.

Данный параметр зависит от количества входящих в аббревиатурную группу гнёзд эквивалентности. Основываясь на данных картотеки разрабатываемого «Словаря», можно выделить следующие типы аббревиатурных групп.

А) **однокомпонентные аббревиатурные группы**. Отмечается существование групп, которые представлены одним гнездом эквивалентности: «авар» (в состав группы входит гнездо эквивалентности *аварком – аварийный комиссар*), «ар» (*ардом – арестный дом, арестантский дом, дом арестантов*), «ворсо» (*ворсолин – линолеум с ворсом, ворсистый линолеум, ворсовый линолеум*), *«гастроль»* (*гастрольбюро – гастрольное бюро*), «*деж*» (*дежчасть – дежурная часть*) и т.д. Обоснованием для выделения таких слов в отдельную группу является потенциальная возможность добавления других гнёзд эквивалентности, которые могут образоваться как путем словосокращения, так и в результате псевдоунивербализации.

Б) **малокомпонентные аббревиатурные группы**. К такому типу относятся группы, включающие до 20 гнёзд эквивалентности. Актуальными малокомпонентными группами, описанными в «Словаре», являются группы «грам» (отмечается 3 ГЭ: *грамдиск*, *грамзапись*, *грампластинка*), «крупо» (5 ГЭ: *крупозавод*, *крупопроизводство*, *крупорезка*, *крупоцех*), «инж» (10 ГЭ: *инжбат*, *инжбюро*, *инжвокр*, *инжбригада*, *инжграф*, *инжэкон*, *инженокр*, *инжокр*, *инжсклад*, *инжек*), «бард» (12 ГЭ: *бардблюз*, *бардвечер*, *бардгруппа*, *барддуэт*, *бардисполнитель*, *бардклуб*, *бардконцерт*, *бардмузыка*, *бардпевец*, *бардрок*, *бардслёт*, *бардфестиваль*) и т.д.

В) **многокомпонентные аббревиатурные группы**. Бóльшая часть вошедших в разрабатываемый «Словарь» аббревиатурных групп относятся к многокомпонентному типу. Среди них – группы «гофро» (50 ГЭ), «жил» (57 ГЭ), «информ» (63 ГЭ), «алко» (66 ГЭ), «евро» (87 ГЭ), «вибро» (118 ГЭ), «вело» (175 ГЭ), «гос» (278 ГЭ), «авиа» (283 ГЭ) и т.д.

Структурно-формальный принцип классификации абброгрупп связан с разработанными в синхронном-эквивалентностным подходе понятиями «гнездо эквивалентности», «дешифровальная матрица», «аббревиатурная группа», которые представляют собой разноуровневые формы объединения словообразовательных единиц в целостные совокупности. Этот принцип учитывает структурные характеристики словообразовательных единиц и способы формальной организации данных единиц внутри абброгруппы. В соответствии с данным принципом разработано несколько типологий абброгрупп.

4. По структуре инициального компонента.

В словнике «Словаря» часто встречаются сложные слова, в структуру которых включено несколько инициальных конструктов. И. Р. Смирновой [Смирнова 2019] предложено разделение абброконструктов на две разновидности по структурному признаку. В соответствии с типом конструкта определяются следующие типы групп.

А) **группы с простым конструктом**. В состав таких групп входят сложные слова с одним простым инициальным конструктом. Преобладающее число аббревиатурных групп, описанных в «Словаре» (например, «агло», «акусто», «алко», «аллерго», «вегето», «вен», «вет», «водо», «гвард», «зерно», «интер», «канц» и т.д.) относятся к такому типу.

Б) **группы с составным конструктом**. В таких группах несколько простых конструктов объединены в составной конструкт, который разными способами «разворачиваться» в словесные эквиваленты при дешифровке сложного слова. В разрабатываемом «Словаре» слова с составными конструктами рассматриваются в отдельных соответствующих группах.

К данному типу относятся, например, группы «авиамет» (в слове *авиаметобсепечение* составной конструкт расшифровывается разными способами: ср. эквиваленты *метеорологическое обеспечение гражданской авиации*, *авиационное метеорологическое обеспечение*, *авиационное метеообеспечение*), «авторем» (в ГЭ слова *авторемзавод* содержатся эквиваленты *авторемонтный завод*, *завод по ремонту автомобилей*), «ветроэлектро» (ср. эквиваленты для сложного слова *ветроэлектрогенератор*: *ветровой электрогенератор, ветряной электрогенератор, ветровой электрический генератор*, *ветряной электрический генератор*), «лазеромагнито» (*лазеромагнитотерапия – лазерномагнитная терапия, лазерная магнитотерапия, лазерная магнитная терапия*), «дымовент» (*дымовентканал – дымоход и вентиляционный канал*, *дымовентиляционный канал, дымоход и вентканал*).

5. По возможностям структурной трактовки начального компонента сложного слова.

В результате множественной трактовки сокращения инициальный конструкт получает несколько структурных моделей развёртывания. В некоторых случаях варианты трактовки имеют структурные различия, которые приводят к вариативности статуса конструкта. На основании наличия

или отсутствия такой вариативности выделяются разновидности аббревиатурных групп.

А) собственно **аббревиатурные группы**. К такому типу относятся группы, конструкт которых во всех вариантах расшифровки трактуется как аббревиатурный (т.е. во всех случаях трактовки представляет собой усечение компонента, как правило, признакового). Большинство групп, входящих в «Словарь», относится к собственно аббревиатурному типу: «авиа» (отмечаются аббревиатурные ДС *авиационный*, *авиации*, *авиатехнический*, *авиастроительный* и т. д.), «агро» (ДС *аграрный*, *агрономический*, *агропромышленный*, *агрохимический* и т. д.), «арома» (ДС *ароматный*, *ароматический*, *ароматизированный* и т. д.), «бак» (ДС *бактериальный*, *бактерийный*, *бактерицидный*, *бактериологический* и т. д.), «био» (ДС *биологический*, *бионический*, *биомедицинский*, *биомеханический* и т.д.), «жертво» (ДС *жертвенный*), «зап» (ДС *запасной*), «конд» (ДС *кондитер*, *кондитерский*) и многие другие.

Б) **гибридные аббревиатурно-композитные группы**. Конструкт таких групп может одновременно трактоваться как аббревиатурный и как композитный. Конструкты с вариативной структурной трактовкой в словнике разрабатываемого «Словаря» встречаются реже. В перечень аббревиатурно-композитных групп входят «банд» (АДС *бандитский* и КДС *банды*), «броне» (АДС *бронированный* и КДС с *броней*), «ветро» (АДС *ветровой*, *ветряной* и КДС *ветра*), «взрыво» (АДС *взрывной*, *взрывчатый*, *взрывоопасный* и КДС *взрывом*), «газо» (АДС *газовый*, *газозаправочный*, *газоконденсат* и КДС *газа*), «грузо» (АДС *грузовой* и КДС *груза*), «домо» (АДС *домашний*, *домовой*, *домовый* и КДС *дом*), «дымо» (АДС *дымовой*, *дымообразующий* и КДС *дыма*), «квартиро» (АДС *квартирный* и КДС *квартиры*), «командо» (АДС *командный* и КДС *команды*) и т.д.

В) **гибридные аббревиатурно-юкстапозитные группы**. Данная разновидность гибридных групп отличается от аббревиатурно-композитных способами структурной трактовки конструкта. В аббревиатурно-

юкстапозитных группах конструкт сложного слова может соотноситься как с частью слова (т.е. имеет аббревиатурную трактовку), так и с целым словом (имеет юкстапозитную трактовку): «видео» (АДС *видеозаписывающий*, *видеокамеры* и ЮДС *видео*), «аудио» (АДС *аудиовоспроизводящий* и ЮДС с *аудио*), «авто» (АДС *автомобильный*, *автомобиля* и ЮДС *авто*), «метро» (АДС *метрополитена* и ЮДС *метро*) и т.д.

6. По характеру репрезентации базисного и признакового компонентов.

Возникают также ситуации, когда сокращёнными компонентами в сложном слове оказываются разные структурные элементы – признак или базис. В зависимости от способа репрезентации составляющих сокращение компонентов нами выделены типы групп.

А) **группы слов с сокращённым признаковым компонентом**. В подавляющем большинстве сложных слов сокращённым элементом является признаковый компонент эквивалентного словосочетания, что объясняется зависимой синтаксической позицией признака: «асбо» (*асбоцемент – цемент с асбестом*), «бриг» (*бригврач – врач бригады*), «бум» (*бумпроизводство – производство бумаги*), «гвард» (*гварддивизия – дивизия гвардии*), «мор» (*моракадемия – академия мореходства*) и многие другие.

Б) **группы слов с сокращённым базисным компонентом**. Обнаруживаются случаи, когда на основе словосочетания с условной моделью «сущ^{1} + сущ^{n}» формируется сокращение с прямым формальным соответствием компонентов (сохраняется структура и порядок следования компонентов).

В универбальных единицах абброгрупп такого типа сокращенным компонентом будет выступать базис, поскольку в соответствующем словосочетании базис предшествует признаку: «зав» (*завотделом – заведующий отделом*); «зам» (*замдиректора – заместитель директора*), «нач» (*начсклада – начальник склада*), «пом» (*помпрокурора – помощник прокурора*) [см. Змановская 2021].

В) **группы слов с сокращёнными базисным и признаковым компонентами**. Обнаруживаются малокомопонентные аббревиатурные группы, включающие только слоговые аббревиатуры, в которых сокращению подвергается и базисный, и признаковый компоненты: «лик» (*ликбез – ликвидация безграмотности*), «каб» (*кабмин – кабинет министров*).

Г) **группы слов с вариативностью способов репрезентации компонентов**. Нами обнаружено два случая, когда базисный и признаковый компоненты по-разному репрезентируются в одной и той же группе.

● В гибридных аббревиатурно-юкстапозитных группах конструкт может быть представлен как усеченный компонент и как целое слово (синтаксического эквивалента). Например, слово *кинопросмотр* из АГ «кино» может расшифровываться как *просмотр кинофильма* и как *просмотр кино*. В первом случае сокращается признаковый компонент; во втором же случае сокращение вообще не происходит – и конструкт, и базис соответствуют целому слову.

● В «Словаре» фиксируется группа «лингво», в которой часть слов развёртывается таким образом, что происходит перестановка признакового и базисного компонентов: *лингвогеография* одновременно трактуется как *лингвистическая география* и как *географическая лингвистика; лингвокультурология* имеет расшифровки *лингвистическая культурология* и *культурологическая лингвистика* и т.д. Таким образом, в зависимости от выбранной трактовки конструкт *лингво-* выполняет функции базисного либо признакового компонента.

7. По объёму дешифровальных матриц.

Анализируемые конструкты отличаются возможностями трактовки. Соответственно, группы слов с разными конструктами различаются дешифровальными матрицами.

А) **группы с простой дешифовальной матрицей**. Такой тип ДМ предполагает один способ расшифровки сокращений: «аббро» (ДС *аббревиатурный*), «ген[3]» (ДС *генеральный*), «пат» (ДС *патологический*),

«нар» (ДС *народный*), «акусто» (ДС *акустический*), «гум» (ДС *гуманитарный*), «втор» (ДС *вторичный*), «инд» (ДС *индивидуальный*) и т.д.

Б) **группы с составной дешифровальной матрицей**. К такому типу относятся группы, дешифровальная матрица которых содержит от 2 до 10 ДС. В анализируемых группах составные дешифровальные матрицы фиксируются наиболее часто: «натур» (2 ДС: *натуральный*, *натурой*), «пище» (3 ДС: *пищевой*, *пищевых продуктов*, *для пищевых продуктов*), «гидро» (5 ДС: *гидравлический, гидровакуумный, гидромеханический, гидростатический, гидротехнический*), «молоко» (7 ДС: *молочный*, *молока, по обработке молока*, *по переработке молока*, *по производству молока*, *молочной продукции*, *по производству молочной продукции*), «бак» (9 ДС: *бактериальный, бактериологический, бактерийный, бактерицидный, бактериофаговый, бактерий, бактериями, на бактерии, на бакпосев*).

В) **группы с многокомпонентной дешифровальной матрицей**. В группах данного типа фиксируются дешифровальные матрицы, включающие более 10 дешифровальных стимулов. В разрабатываемом «Словаре» такие группы составляют достаточно большой пласт: «диет» (16 ДС: *диетический, диетического питания, диетпитани*я, *для диетического питания*, *для диетпитания, диетой, диету, из диетического меню*, *с диетическим меню, диетолога*, *диетологом, диетологический, диетологии, из диетических продуктов*, *с диетическими продуктами*, *с диетпродуктами*), «лесо» (20 ДС: лесной, *лесных земель, лесных ресурсов, лесных культур, лесоматериалами, лесоматериалов, лесными материалами, лесных материалов, лесного хозяйства, лесов, леса, от леса, по переработке леса, лесотехнический, лесопильный, лесопромышленный, лесоперерабатывающий, лесообрабатывающий, лесозаготовительный, лесохозяйственный*), «жил» (50 ДС: *жилищный, по жилищным вопросам, жилдома*, *жилдомов*, *жилого дома*, *жилых домов, жильцов, жилого здания*, *жилых зданий, жилинспекции*, *жилищной инспекции, жилищного кодекса, жилнадзора*, *по жилнадзору, жилищного надзора*, *по жилищному надзору, жилой, жилполитики*, *по*

жилполитике, жилищной политики, по жилищной политике, жилищной политики и жилищного фонда, жилого помещения, жилым помещением, жилыми помещениями, жилых помещений, жилищного права, по жилищному праву, в жилищном строительстве, жилищных товариществ, жилфонда; жилищного фонда, жилищного хозяйства, для жилья, жильём, жилья, на жильё, о жилье, по жилью, жилищно-коммунальный, о жилищных отношениях, на получение жилья, собственников жилья, жилищно-строительный, на улучшение жилищных условий, на улучшение жилусловий, по улучшению жилищных условий, по улучшению жилусловий, улучшения жилищных условий, жилищно-эксплуатационный) и т.д.

8. По структуре дешифровальных матриц.

Дешифровальные матрицы групп различаются не только количественными, но и структурными характеристиками. Типология основана на структурных разновидностях дешифровальных стимулов, которые формируют ДМ.

А) **группы с презентативной дешифровальной матрицей**. Такие ДМ состоят из одного или нескольких дешифровальных стимулов, которые полностью воспроизводят структуру и семантику сокращения в синтаксическом эквиваленте: «доп» (ДС *дополнительный*, *дополненный*), «гум» (ДС *гуманитарный*), «глав» (ДС *главный*, *головной*), «кардио» (ДС *кардиологический*), «омо» (ДС *омонимичный*), «кибер» (ДС *кибернетический*), «пат» (ДС *патологический*), «нар» (ДС *народный*) и т.д.

Б) **группы с релятивной дешифровальной матрицей**. Данный тип аббревиатурных групп встречается в «Словаре» довольно редко. Релятивная дешифровальная матрица состоит из дешифровальных стимулов, конкретизирующих падежные и актантные значения признакового компонента, которые невозможно отразить в структуре конструкта. Среди исследованных групп к типу с релятивной ДМ относятся «пом» (ДС *помощник*), «каб» (ДС *кабинет*), «пред^2» (ДС *председатель*), «зам» (ДС *заместитель*) и т.д.

В) **группы с модификационной дешифровальной матрицей**. В разрабатываемом «Словаре» зафиксировано несколько аббревиатурных групп, в которых для расшифровки конструкта используются только модификационные дешифровальные стимулы. В обнаруженных нами группах с модификационной ДМ отмечается использование заимствованного конструкта, который не встречается в современном в русском языка в качестве самостоятельного слова: «бальнео» (от латинского balneum ‘купание’; ДС *бальнеологический*, *бальнеогрязевой*, *бальнеотерапии*, *для бальнеопроцедур*, *бальнеоклиматический* и т.д.); «гастро» (от греческого gaster, род. п. gastros ‘желудок’; ДС *гастрологический, гастрономический, гастроскопический*, *гастрономии*, *в гастрономии*, *по гастрономии*), «гидро» (от греческого hydor ‘вода’; ДС *гидравлический*, *гидровакуумный*, *гидромеханический*, *гидростатический*, *гидротехнический*).

Г) **группы с комбинированной дешифровальной матрицей**. Обнаруживается большое количество аббревиатурных групп, в дешифровальной матрице которых одновременно присутствуют ДС разного структурного типа. В зависимости от представленных моделей расшифровки сокращений, выделяются следующие типы дешифровальных матриц групп:

• **презентативные ДС + релятивные ДС**

Данный тип является самым распространенным среди рассмотренных нами дешифровальных матриц. В таких ДМ объединяются простые по структуре, но в то же время регулярные модели развёртывания сокращения: «дип» (ДС *дипломатический*, *дипломатии*), «погран» (ДС *пограничный*, *пограничников*), «полиграф» (*полиграфический*, *полиграфии*), «гор» (*городской*, *города*), «мифо» (*мифологический*, *мифов*), натур (*натуральный*, *натурой*), «небо» (*небесный*, *неба*, *небес*), «дор» (*дорожный*, *дорожников*) и т.д.

• **презентативные ДС + модификационные ДС**

Такая разновидность дешифровальной матрицы встречается всего в нескольких абброгруппах: «био» (ДС *биологический*, *биологического*

происхождения), «испол» (ДС *исполнительный*, *исполнительский*, *исполдокумента*, *исполпроизводства* и т.д.).

• презентативные ДС + релятивные ДС + модификационные ДС

Такие дешифровальные матрицы было предложено называть интенсивными. В «Словаре» представлено множество групп с ДМ такого типа: «грави» (*гравитационный, гравиметрический*, *гравитирующий; гравитации; гравитационного взаимодействия, гравитационных волн, гравитационного поля, гравитационного притяжения, гравитационного типа*), «канц» (*канцелярный*, *канцелярский; канцелярит*, *канцелярии*, *в канцелярии*, *для канцелярии; канцелярских изделий, канцтоваров, канцелярских товаров*), «нац» (*национальный, националистический*; *нации, наций, националистов, национализма, национальности, для национальностей, по национальностям; национально-государственный, по национальной политике, национально-культурный, национально-патриотический, национально-освободительный, национально-патриотический, национально-этнический, национально-языковой, национального меньшинства, нацменьшинства, нацменьшинств*) и т.д.

Необходимость введения семантического аспекта обусловлена результатами исследования аббревиатур, вошедших в специализированные словари сокращений русского языка. **Семантический принцип** базируется на констатации развития особенностей лексического значения сложносокращённых слов по мере их регулярного использования.

Например, наблюдаются случаи омонимии аббревиатур и конструктов, которая возникает как в результате случайного совпадения сокращенных форм, так и при целенаправленном создании омонимичных конструкций при языковой игре [Кузьмина 2011, Баранова 2012]. Омонимы *архмузей*[1] (*архитектурный музей*) и *архмузей*[2] (*археологический музей*), например, возникли случайным образом из-за совпадения форм составляющих сокращения элементов; сложносокращенный оним *Коллега* (литературно-музыкальный проект; сокращение состоит из начальных слогов фамилий

Коловский, *Летов*, *Гаркуша*) является омонимом узуального слова *коллега* и создавался, видимо, с целью подчеркнуть общественно-социальный статус деятелей искусства, чьи фамилии являются основой наименования.

Обнаруживается также явление многозначности аббревиатур. Полисемантичность сокращения может основываться на многозначности производящего расчленённого наименования или на многозначности одного из составляющих компонентов. Многозначность аббревиатуры, в свою очередь, может привести к расширению гнезда эквивалентности, когда в синтаксических эквивалентах актуализируются различные лексические значения. Многозначность конструкта в ряде случаев является причиной формирования параллельных дешифровальных стимулов для всех слов одной аббревиатурной группы. Например, аббревиатура *матобеспечение* имеет несколько значений: 1. ‘совокупность технических, энергетических, сырьевых и других ресурсов, предназначенных для повышения эффективности производства’, 2 ‘денежные выплаты по различным основаниям’ и т.д. Фиксируемые синтаксические эквиваленты *обеспечение материально-техническими ресурсами и обеспечение материалами* соотносятся только с первым значением, поскольку компонент *материал* в них имеет значение ‘вещества для изготовления чего-либо’, а не ‘денежные средства’.

9. По типу семантической коррелятивности

Типология базируется на семантических связях, которые обнаруживаются как внутри одной аббревиатурной группы, так и при сопоставлении разных абброгрупп.

А) **однозначные группы**. К данному типу мы относим аббревиатурные группы, конструкты которых не находятся в омонимических отношениях с конструктами других групп, а также имеют одно значение (речь идет именно об однозначных конструктах, а не о многозначных словах внутри группы).

Отметим, что наличие в дешифровальной матрице релятивных и модификационных ДС приводят к вариативности ономасиологических

трактовок конструкта, однако на лексическом уровне такое влияние оказывается несущественным, потому что конструкт сохраняет тождественность семантического значения во всех моделях расшифровки. К однозначным относится большинство описанных в «Словаре» групп: «невро» (‘связанный с наукой, изучающей нервную систему и её заболевания’), «паро» (‘связанный с газом, который образуется при нагревании’), «желче» (‘связанный с жидкостью, которая вырабатывается печенью’), «опто» (‘относящийся к торговле крупными партиями’), «пом» (‘должностное лицо, непосредственно подчиненное основному руководящему работнику, помогающее ему и являющееся обычно его заместителем’), «пище» (‘связанный с изготовлением продуктов, используемых для питания’) и т.д.

Б) **симультанные группы**. Симультанные аббревиатуры называют разные объекты действительности, которые на языковом уровне имеют омонимичные средства выражения [Ровная 2016]. В некоторых случаях омонимичность форм приводит к смешению дешифровальных стимулов симультанных групп для развёртывания сокращений: «авто» (1. ‘самодействующий, являющийся автоматом или осуществляющийся при помощи автомата’; 2. ‘обеспеченный автоматическим устройством’: *автокоррекция – автоматическая коррекция*, *автоматизированная коррекция*), «астро» (1. ‘связанный с учением о звёздах, которое основано на вере, что по расположению звёзд можно предсказывать будущее’; 2. ‘связанный с наукой о строении и развитии космических тел, образуемых ими систем и Вселенной в целом’: *астропрогноз – астрономический прогноз* и *астрологический прогноз*), «жен» (1. ‘лицо женского пола’; 2. ‘замужняя женщина, супруга по отношению к своему мужу’: *женоубийца – убийца женщины* и *убийца жены*), «электро» (1. ‘действующий при помощи электрического тока’; 2. ‘связанный с применением свойств электрона, основанный на использовании свойств электронов’: *электрогитара – электрическая гитара*, *электронная гитара*).

В) **группы с многозначным конструктом**. В ряде случаев полисемия корня, на основе которого образуется конструкт сложного слова, индуцирует формирование множественности дешифровальных стимулов. В связи с этим нами предложено выделять группы с многозначными конструктами.

Среди отобранного для «Словаря» материала обнаруживается несколько многозначных конструктов, которые формируют группы сложных слов. К таким относится конструкт *абон-*, для которого обнаруживается два лексических значения: 1. ‘связанный с пользователем услуг какого-либо вида’ (в этом случае конструкт сопоставим с основой *абонент*); 2. ‘связанный с документом, дающим право получать какие-либо услуги’ (конструкт сопоставим с основой *абонемент*). В гнёздах эквивалентности слов появляются альтернативные эквиваленты, соответствующие обоим значениям: *абонентское обслуживание* и *абонементное обслуживание* для слова *абонобслуживание*; *абонементный билет* и *абонентский билет* для *абонбилет*; *абонентная плата* и *абонементная плата* для *абонплата* и т.д.

Предложенная типология охватывает различные аспекты функционирования аббревиатурных групп, которые были выявлены при исследованиях в рамках синхронно-эквивалентностного подхода к аббревиации.

2.2. Дополнительные параметры описания аббревиатурных групп

Данная часть описания основывается на рассмотренных в Разделе I особенностях возникновения и функционирования гибридных групп. Описание некоторых особенностей гнёзд эквивалентности аббревиатурно-композитных и аббревиатурно-юкстапозитных групп уже проводились [Блюмина 2010, Михайлова 2016а, Михайлова 2016б]. Нами предложена схема анализа, включающая в себя полную совокупность параметров, определённых для гнёзд эквивалентности аббревиатурных групп с учётом гибридности в рамках синхронно-эквивалентностного подхода к процессу универбализации.

Схема включает следующие характеристики.

1. Формальное соответствие единиц.

Степень соответствия элементов сложных слов и компонентов эквивалентных словосочетаний демонстрирует возможности структурных трактовок сложных слов. Вслед за В. И. Теркуловым выделяем типы соответствия для аббревиатурных групп (в том числе для гибридных):

• прямое соответствие, при котором структура сложного слова абсолютно релевантна структуре словосочетания (*драмтеатр – драматический театр*; *нефтепоставки – нефтяные поставки*);

• компонентное соответствие, характеризующееся сохранением порядка следования компонентов с несовпадением количества компонентов эквивалентных единиц (*нефтезавод – нефтеперерабатывающий завод; дымоаппаратура – термическая дымовая аппаратура*);

• метатезное соответствие, при котором сохранение количества совпадающих компонентов сопровождается их перестановкой в сложном слове (*бандглаварь – главарь банды*; *киномания – мания кино*);

• компонентно-метатезное соответствие, при котором компоненты эквивалентных единиц различаются и количественно и порядком следования (*ветрозащита – защита от ветра*; *фотоклуб – клуб любителей фото*).

2. Описание формальных разновидностей дешифровальных стимулов группы.

Описание разновидностей ДС направлено не только на рассмотрение потенциала гнёзд эквивалентности группы, но и включает в себя исследование механизмов преобразования словосочетания в универбат, в результате которых можно говорить о вариативности трактовки конструктов и о механизмах появления гибридных конструктов.

Система моделей ДС аббревиатурной группы описывается следующим образом. Базисный компонент сложного слова заменяется символом **Y**; в синтаксическом эквиваленте базисный компонент развертывается в главное слово. Символом **X** обозначается признаковый компонент (т.е. развёрнутый

конструкт сложного слова). Нами обнаруживаются следующие уточняющие типы признакового компонента.

а. **х** – простое существительное (с указанием падежа существительного: 1 – именительный, 2 – родительный и т.д.) (у-$х^2$: *домовладелец – владелец дома*);

б. **х(прил)** – простое прилагательное, образованное от существительного (*у*-х(прил): *ветрогенератор – ветровой генератор*);

в. **х-а(сущ)** (с указанием падежа существительного) – сложное существительное в составе эквивалентного словосочетания (с уточнением второго компонента композита): (у-х-а($сущ^2$)/у-(х-продуктов): *нефтесклад – склад нефтепродуктов*);

г. **х-а(прил)** – сложное прилагательное в составе эквивалентного словосочетания (с уточнением второго компонента композита): (у-х-а(прил)/у-а(х-перерабатывающий)*: жирозавод – жироперерабатывающий завод*);

д. **(предл)-х** (с указанием падежа существительного) – простое существительное, соединяемое с компонентом словосочетания с помощью предлога (с уточнением предлога): (у-(предл)-х/ к х($сущ)^3$): *ветроустойчивость – устойчивость к ветру*);

е. **(предл)х-а (сущ)** (с указанием падежа существительного) – сложное существительное с предлогом (с уточнением предлога): (у-(предл)-х-z(сущ)/ для х-а($сущ)^2$): *нефтеёмкость – ёмкость для нефтепродуктов*).

ж. **z(ад)-х** – словосочетание по модели «прилагательное + существительное» (*у* -z(ад)+х)*: бандлидер – лидер бандитской группы*)

з. **z(сущ)-х** (с указанием падежа существительного) – словосочетание по модели «существительное + существительное» (*у* -z($сущ)^2$+х)*: бандлидер – лидер группировки бандитов*).

Параллельно рассматриваются модели образования сложного слова на основе словосочетания. Модели формирования отношений эквивалентности

демонстрируют механизмы образования универбата в соотношении со структурой его эквивалентного словосочетания. Среди производных и производящих единиц (слов и словосочетаний) обнаруживаются компоненты, относящиеся к следующим частям речи: существительные (символ **Сущ**); прилагательные (символ **Прил**); причастия (символ **Прич**), предлог (символ **Предл**). Компоненты сложных слов в некоторых случаях соединяются посредством интерфикса (символ **инт**). Принимая во внимание главное различие абброконструктов и композитных конструктов, а именно степень формальной репрезентации конструкта, абброэквивалент обозначается как часть основы компонента словосочетания (символ **Чосн**), композитный эквивалент — как основа компонента словосочетания (символ **Осн**). В некоторых случаях конструкт может входить в состав сложного компонента словосочетания (символ **кп**). Для каждого компонента слова и словосочетания указываются грамматические значения: число (символы **ед**. и **мн**.), падеж (**1** — именительный; **2** — родительный и т.д.). В квадратных скобках приводятся компоненты словосочетания, выпавшие в процессе универбализации. Модель формирования отношений эквивалентности слова *нефтедобыча* в сопоставлении с СЭ *нефтяная добыча* выглядит как ЧоснПрил1ед+инт+Сущ1ед (сокращение состоит из части основы прилагательного в Им. падеже ед. числа – конструкта – и существительного в форме Им. падежа ед. числа, которые соединяются при помощи интрефикса); модель сокращения *юрсловарь*, образованного от СЭ *словарь юридических терминов*, может быть представлена как ЧоснПрил2мн[Сущ2мн]+ Сущ1ед (сокращение состоит из части основы прилагательного в форме Род. падежа мн. числа – конструкта – и существительного в форме Им. падежа ед. числа. При этом в структуре слове не отражается компонент словосочетания – существительное в форме Род. падежа мн. числа, с которым согласовывается прилагательное).

3. Сбалансированность гнёзд эквивалентности гибридной группы.

Типология основывается на соотнесении ядра и периферии группы. К ядру относятся слова, в ГЭ которых входят синхронные синтаксические эквиваленты, построенные по разным моделям и реализующие дешифровальные стимулы разных типов (например, слово *газоэкспорт*, имеющее СЭ *газовый экспорт* и *экспорт газа*). На периферии группы находятся единицы, в ГЭ которых представлен только один тип дешифровальных стимулов (аббревиатурный или композитный / юкстапозитный). По соотношению объемов ядра и периферии выделяются сбалансированные и несбалансированные группы. К сбалансированным относятся группы, в которых по крайней мере половина гнёзд эквивалентности находится в ядре. К несбалансированным причисляются группы, в которых превалируют периферийные гнёзда эквивалентности. Отметим, что периферийная часть группы также подразделяется на типы, в зависимости от того, какого типа дешифровальные стимулы характеризуют гнездо эквивалентности. Например, в гибридной группе «дизайн» абсолютное большинство гнёзд эквивалентности (79%) относится к ядру (*дизайн-агентство*: *агентство дизайна*, *дизайнерское агентство*); оставшийся 21% гнезд находятся на периферии по аббревиатурному типу (*дизайн-документ*: *дизайнерский документ*, *документ дизайнера*).

Компоненты анализируемых групп вошли в словник «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка», следовательно, все рассматриваемые группы характеризуются как регулярные.

2.3. Аббревиатурная группа «зав»

Данная группа относится к типу собственно аббревиатурных. По соотношению частотности употреблений эквивалентов группа относится к категории универбализационных: 75% синтаксических эквивалентов имеют по отношению к соответствующему им слову БИ >1. При этом отмечается большое количество СЭ (26% от общего количества), которые используются

так же часто, как и сложное слово, в приблизительно одинаковом соотношении – баланс индексов в таких случаях равен 1.

Группа относится к многокомпонентному типу, поскольку в ней насчитывается 41 ГЭ. Обнаруживается простой конструкт *зав*-, который репрезентирует сокращенный базисный компонент (*завотделением – заведующий отделением*), причем в 19 ГЭ (46% от общего количества) сокращёнными являются как базисный, так и признаковый компоненты (*завканц – заведующая канцелярией; завдел – заведующий делопроизводством; завхоз – заведующий хозяйственной частью*).

Дешифровальная матрица представлена двумя ДС – *заведующий* и *заведующая* (у-$х^5$), в которых отличающим признаком является грамматический род, определяемый половым статусом референта. В большинстве ГЭ оба ДС представлены одновременно, при этом ДМ имеет модель «у-$х^5$+у-$х^5$»: *зафкафедрой – заведующий кафедрой*, *заведующая кафедрой* (ЧоснСущ1ед+ОснСущ5ед); *завмаг – заведующий магазином*, *заведующая магазином* (ЧоснСущ1ед+ЧоснСущ5ед). Оба ДС являются релятивными, потому по структуре дешифровальную матрицу в целом можно охарактеризовать как релятивную, а по количеству ДС – как составную.

Количество и порядок компонентов эквивалентных единиц сохраняется во всех эквивалентных парах, в связи с чем в гнёздах эквивалентности аббревиатурной группы «зав» наблюдается прямое соответствие элементов сложных слов и словосочетаний.

2.4. Аббревиатурная группа «лингво»

Аббревиатурная группа состоит из 38 гнёзд эквивалентности, в которых в равной пропорции представлены универбализационные и псевдоунивербализационные отношения. Таким образом, по квантитативным параметрам группа относится к многокомпонентному комбинированному типу.

Конструкт *лингво-* в данной группе репрезентирует как базисный, так и признаковый компоненты; во многих случаях такая вариативность наблюдается в пределах одного гнезда эквивалентности (*лингвоантропология – лингвистическая антропология, антропологическая лингвистика; лингвогеография – лингвистическая география, географическая лингвистика; лингвоэкология – лингвистическая экология, экологическая лингвистика* и т.д.). В связи с этим группу «лингво» можно охарактеризовать как группу с однокомпонентным конструктом и с вариативностью способов репрезентации компонентов.

Система ДС включает 6 вариантов расшифровки конструкта разного структурного типа (составная комбинированная). Наиболее часто встречающейся моделью ДМ является однокомпонентная презентативная модель «у-х(прил)» (встречается в 42% ГЭ): *лингвоархеология – лингвистическая археология* (ЧоснПрил1ед +инт+Сущ1ед); *лингвотренажер – лингвистический тренажер* (ЧоснПрил1ед +инт+Сущ1ед); *лингвофорум – лингвистический форум* (ЧоснПрил1ед +инт+Сущ1ед). В ДМ модели «у-х(прил) + у-х(прил)» наблюдается смена функции конструкта: *лингвоаксиология – лингвистическая аксиология* (ЧоснПрил1ед +инт+Сущ1ед), *аксиологическая лингвистика* (ОснПрил1ед +инт+ЧоснСущ1ед); *лингвопоэтика – лингвистическая поэтика* (ЧоснПрил1ед +инт+Сущ1ед), *поэтическая лингвистика* (ОснПрил1ед +инт+ЧоснСущ1ед).

В ряде случаев сложное слово с конструктом *лингво-* разворачивается не в словосочетание, а в составное наименование: *лингвокультуролог – лингвист-культуролог, культуролог-лингвист*; *лингвоэксперт – эксперт-лингвист, лингвист-эксперт; лингвопсихолог – лингвист-психолог, психолог-лингвист; лингвофилософ – лингвист-философ, философ-лингвист.* Такой способ расшифровки сложносокращённого слова оригинален также потому, что оба компонента в образованных наименованиях являются равноправными;

возможность перестановки составляющих частей подтверждает это наблюдение.

При сопоставлении сложных слов с их эквивалентами обнаруживаем прямое соответствие (*лингвосемиотика – лингвистическая семиотика; лингвобаза – лингвистическая база*), компонентное соответствие (*лингвобаза – лингвистическая база данных; лингвообразование – лингвокультурное образование*); метатезное соответствие (*лингвофилософия – философия лингвистики; лингвоэкспертиза – экспертиза лингвиста*) и компонентно-метатезное соответствие (*лингвоцентр – центр лингвистического образования, центр лингвистической подготовки*).

2.5. Аббревиатурная группа «мед»

Аббревиатурная группа «мед» включает 150 гнёзд эквивалентности, что позволяет отнести её к многокомпонентному типу. Большая часть гнёзд эквивалентности (70%) соответствуют универбализационному типу, потому в целом группу можно охарактеризовать как универбализационную.

Абброконструкт *мед-* в анализируемой группе простой, но входит также в состав конструкта *медсан-*. В абсолютном большинстве случаев конструкт соотносится с признаковым компонентном; в словах *медкатастроф* и *медтруда* сокращённым является базисный компонент (ср. *медкатастроф – медицина катастроф*, *медтруда – медицина труда* и *медаллергия – медицинская аллергия*). Также в группе обнаруживается несколько сложных слов, в которых сокращёнными являются как признаковый, так и базисный компоненты: *медбат – медицинский батальон*, *медген – медицинская генетика*, *медфак – медицинский факультет*).

Конструкт *мед-* имеет 11 вариантов расшифровки, потому группу можно отнести к группам с множественной дешифровальной матрицей. Абсолютное большинство синтаксических эквивалентов соответствуют презентативному ДС «у-х(прил)». При этом 77% гнёзд эквивалентности представленной группы состоят из одного СЭ, построенного по указанной модели, например *медбельё*

– *медицинское бельё* (ЧоснПрил1ед +Сущ1ед). Второй по регулярности (6% от общего числа) является презентативная модель «у-х(прил) + у-х(прил)»: *медкома – медикаментозная кома* (ЧоснПрил1ед +Сущ1ед); *медицинская кома* (ЧоснПрил1ед +Сущ1ед). Оставшиеся 17% гнёзд эквивалентности соответствуют комбинированным дешифровальным матрицам разного типа.

ГЭ слова *медобувь* включает большинство используемых в группе ДС и имеет дешифровальную матрицу «у-х(прил) + у-$х^2$+ у-$х^2$ + у-(предл)-$х^2$/для $х^2$ + у-(предл)-$х^2$/для $х^2$ + у-(предл)-х(сущ)^2/для х(*работника*)^2 + у-(предл)-х(сущ)^2/для х(*персонала*)^2 + у-(предл)- z(ад)-$х^2$/для z(ад)-$х^2$ + у-(предл)- z(ад)-$х^2$/для z(ад)-$х^2$»: *медицинская обувь* (ЧоснПрил1ед +Сущ1ед), *обувь медика* (ЧоснСущ2ед+Сущ1ед), *обувь медиков* (ЧоснСущ2мн+Сущ1ед), *обувь для медика* (ЧоснСущ2ед+Сущ1ед[-предл]), *обувь для медиков* (ЧоснСущ2мн+Сущ1ед[-предл]), *обувь для медработника* (Чосн^{1}Сущ2ед(кп)+Сущ1ед[-предл]), *обувь для медперсонала* (Чосн^{1}Сущ2ед(кп)+Сущ1ед[-предл]), *обувь для медицинских работников* (ЧоснПрил2мн+Сущ1ед[-предл-Сущ2мн]), *обувь для медицинского персонала* (ЧоснПрил2ед+Сущ1ед [-предл-Сущ2ед]. В целом ДМ группы «мед» можно отнести к презентативному типу.

Отмечаются следующие типы формального соответствия: прямое соответствие (*медмаска – медицинская маска*, *медакадемия – медицинская академия*); метатезное соответствие (*медотрасль – отрасль медицины; медлицензия – лицензия медика*); компонентно-метатезное соответствие (*медаллергия – аллергия на медпрепараты*; *медработник – работник медучреждения*). Случаев компонентного соответствия не обнаруживается.

2.6. Аббревиатурная группа «теле»

В состав группы входит 215 гнёзд эквивалентности, из которых только 20% включают универбализационный синтаксический эквивалент с БИ <1. Таким образом, группа определяется как многокомпонентная псевдоунивербализационного типа.

На базе простого абброконструкта *теле-* сформирован составной конструкт *телерадио-*. Конструкт репрезентирует только признаковые компоненты эквивалентных словосочетаний, потому группа относится к группам с сокращенным признаковым компонентом. Конструкт также имеет графический дублет *ТВ* (сокращение от *телевидение*, *телевизионный*, *телевизор*), встречающийся во многих ГЭ анализируемой группы (*телебизнес* и *ТВ-бизнес*; *телешоу* и *ТВ-шоу*; *теледатчик* и *ТВ-датчик* и мн. др.)

Абброгруппа «теле» имеет сложную систему дешифровальных стимулов: для развёртывания конструкта используется более 80 способов расшифровок презентативного, интерпретативного и релятивного типов (множественная комбинированная дешифровальная матрица).

По типу семантической коррелятивности группа относится к однозначным группам. При этом отмечается наличие омонимичного конструкта *теле-*, связанного с телеметрией (измерением на расстоянии физических, технических и иных величин). В омонимичных аббревиатурных группах обнаруживаются сложносокращенные омонимы *телесистема*[1] (‘совокупность устройств, предназначенных для преобразования изображения в электрический сигнал, передачи его на расстояние, синтеза изображения по электрическому сигналу’) с СЭ *телевизионная система, система телевидения, система телевещания*, *система телевизионного вещания* и *телесистема*[2] (‘совокупность средств измерений, вспомогательных устройств и каналов связи, предназначенных для передачи сигналов измерительной информации на расстояние’) с СЭ *система телеметрии*, *телеметрическая система.*

Дешифровальные стимулы объединяются в гнёздах эквивалентности по разнообразным моделям, начиная от простых однокомпонентных («у-х(прил)»: *телекадр — телевизионный кадр*; *телемост — телевизионный мост*; *телеобъединение — телевизионное объединение*) и заканчивая множественными схемами. Наиболее сложные схемы ГЭ отмечается у слова *телережиссер*. Его гнездо включает 17 ДС: «у-х(прил) + у-$х^2$ + у-(предл)-х/ на

х(сущ)[6] + (у-х-а(сущ[2])/у-(х-фильма) + (у-х-а(сущ[2])/у-(х-фильмов) + у -z(сущ)+х) + у-х-а(сущ[2])/у-(х-программы) + у-х-а(сущ[2])/у-(х-программ) + у-х-а(сущ[2])/у-(х-передачи) + у-х-а(сущ[2])/у-(х-передач) + у-х-а(сущ[2])/у-(х-спектакля) + у-х-а(сущ[2])/у-(х-спектаклей) + у -z(ад)+х + у -z(ад)+х + у -z(ад)+х + у -z(ад)+х + у -z(ад)+х»; *телевизионный режиссёр* (ЧоснПрил1ед+Сущ1ед), *режиссёр телевидения* (ЧоснСущ2ед+Сущ1ед), *режиссёр на телевидении* (ЧоснСущ2мн+Сущ1ед[-предл]), *режиссёр телефильма* (Чосн[1]Сущ2ед(кп)+Сущ1ед), *режиссёр телефильмов* (Чосн[1]Сущ2мн(кп)+Сущ1ед), *режиссёр телепрограммы* (Чосн[1]Сущ2ед(кп)+Сущ1ед), *режиссёр телепрограмм* (Чосн[1] Сущ2мн(кп)+Сущ1ед), *режиссёр телепередачи* (Чосн[1]Сущ2ед(кп)+Сущ1ед), *режиссёр телепередач* (Чосн[1]Сущ2мн(кп)+Сущ1ед), *режиссёр телеспектакля* (Чосн[1]Сущ2ед(кп)+Сущ1ед), *режиссёр телеспектаклей* (Чосн[1]Сущ2мн(кп)+Сущ1ед), *режиссёр телевизионного фильма* (ЧоснПрил2 ед+Сущ1ед [-Сущ2ед]), *режиссёр телевизионных фильмов* (ЧоснПрил2мн+ Сущ1ед [-Сущ2мн]), *режиссёр телевизионной программы* (ЧоснПрил2ед+ Сущ1ед [-Сущ2ед]), *режиссёр телевизионных программ* (ЧоснПрил2мн+ Сущ1ед [-Сущ2мн]), *режиссёр телевизионной передачи* (ЧоснПрил2ед+ Сущ1ед [-Сущ2ед]), *режиссёр телевизионных передач* (ЧоснПрил2мн +Сущ1ед [-Сущ2мн]). К множественным относятся также схемы ГЭ слов *телесценарист* (19 ДС), *телесъёмка* (20 ДС) и т.д. Выделить конкретную схему в качестве основной невозможно, поскольку практически каждое из 215 гнёзд эквивалентности обладает индивидуальным набором ДС.

В анализируемой группе обнаруживаются все типы соответствия компонентов сложных слов и эквивалентных словосочетаний: прямое соответствие (*телемагнат – телевизионный магнат, телеповесть – телевизионная повесть* и т.д.); компонентное соответствие, представленное всего несколькими парами эквивалентов: *телеголосование – телезрительское голосование, телесеть – телевещательная сеть; телевещательная станция*; метатезное соответствие (*телепространство – пространство телевидения, телепремьера – премьера телевизионного сериала*); компонентно-метатезное

соответствие (*теледатчик – датчик телесигналов, телетранстлятор – транслятор телепередач, телеигрок – игрок телевизионного клуба* и т.д.).

2.7. Гибридная группа «банд»

По соотношению частотности употреблений группа является псевдоунивербализационной: в абсолютном большинстве гнёзд эквивалентности БИ свидетельствуют в пользу большей частоты употребления слова по сравнению со словосочетаниями. Только в гнёздах эквивалентности слов *бандглаварь* и *бандгруппировка* обнаруживаем балансы индексов < 1 (0,1: *главарь банды*; 1: *главарь бандитов*, *главарь бандгруппы;* 1: *бандитская группировка*).

В группу входит 6 ГЭ, таким образом, группа может быть охарактеризована как малокомпонентная. Конструкт в данной группе простой, представляет признаковый компонент, имеет 10 моделей развёртывания: *банды*, *бандитов*, *бандитский*, *бандгруппы*, *бандгруппировки*, *бандформирования*, *группы бандитов*, *группировки бандитов*, *бандитской группы*, *бандитской группировки*. По объему дешифровальной матрицы группа «банд» относится к составному типу.

Структура дешифровальной матрицы: группа имеет комбинированную дешифровальную матрицу (презентативные ДС + релятивные ДС + модификационные ДС). Гнёзда эквивалентности слов *бандлидер и бандглаварь* имеют ДМ, включающие все возможные для данной группы дешифровальные стимулы: «у-х(прил) + у-$х^2$ + у-$х^2$ + у-х-а(сущ^2)/у-(х-группы) + у-х-а(сущ^2)/у-(х-группировки) + у-х-а(сущ^2)/у-(х-формирования) + у-z(сущ^2)-х + у-z(сущ^2)-х + *у*-z(ад)+х + *у*-z(ад)+х»: *бандлидер – бандитский лидер* (ЧоснПрил1ед+Сущ1ед), *лидер банды* (ОснСущ2ед+ Сущ1ед), *лидер бандитов* (ЧоснСущ2мн+Сущ1ед), *лидер бандгруппы* (Чосн^{1}Сущ2ед(кп)+Сущ1ед), *лидер бандгруппировки* (Чосн^{1}Сущ2ед(кп)+Сущ1ед), *лидер бандформирования* (Чосн^{1}Сущ2ед(кп)+Сущ1ед), *лидер группы бандитов* (ОснСущ2мн+Сущ1ед[-

Сущ2ед]), *лидер группировки бандитов* ([Сущ2ед]ЧоснСущ2мн+Сущ1ед), *лидер бандитской группы* (ЧоснПрил2ед+Сущ1ед[-Сущ2ед]), *лидер бандитской группировки* (ЧоснПрил2ед+Сущ1ед[-Сущ2ед]). Три гнезда эквивалентности имеют комбинированную дешифровальную матрицу «у-х(прил) + у-$х^2$» (*бандгруппа – группа бандитов*, *бандитская группа*).

По составу группа определяется как гибридная несбалансированная. Два гнезда эквивалентности относятся к ядру группы (гнёзда слов *бандлидер*, *бандглаварь*). Четыре гнезда относятся к периферии аббревиатурного типа (*бандгруппа*, *бандгруппировка*, *бандформирование*, *бандподполье*).

Все гнёзда эквивалентности группы отражают модели параллельного формирования гибридности конструкта *банд-*. Отсюда следует, что двойственность конструкта актуализируется только в эквивалентных текстах: *Организованное бандподполье разгромлено, однако оставшиеся мелкие* ***группы бандитов*** *агонизируют и пытаются хоть как -то заявить о себе. В минувшем июне в республике была уничтожена самая «нашумевшая» за последний год группировка, так называемая «южная»* ***бандгруппа*** (https://kavtoday.ru/17333; 05.07.2017); ***Бандгруппой*** *нанесен материальный ущерб потерпевшим на сумму около 500 000 рублей. Следствием выявлено 24 активных участников* ***бандитской группы****, из которых 13 человек арестованы, а 11 активно разыскиваются* (http://cripo.com.ua; 05.07.2017).

Структурная соотнесённость единиц: прямое соответствие (*бандгруппа – бандитская группа*; *бандглаварь – бандитский главарь*); метатезное соответствие (1. прямая трактовка: *бандлидер – лидер банды*, *бандглаварь – главарь банды*; 2. переносная трактовка: *бандлидер – лидер бандформирования*); компонентно-метатезное соответствие (имплицитная трактовка: *бандглаварь – главарь бандитской группировки*, *главарь группировки бандитов*. При такой разновидности аббревиатурной трактовки в словосочетаниях обнаруживаются компоненты, не имеющие эквивалентов в структуре аббревиатуры).

2.8. Гибридная группа «ветро»

В частотном аспекте группа относится к типу комбинированных, поскольку совмещает в себе универбализационные и псевдоунивербализационные гнёзда эквивалентности почти в равном соотношении – 44 % и 56 %. По количеству гнёзд эквивалентности группа относится к малокомпонентному типу, поскольку содержит 13 ГЭ. Группа характеризуется простым конструктом, который эквивалентен признаковому компоненту.

Дешифровальная матрица комбинированная (презентативные ДС + релятивные ДС + модификационные ДС). Конструкт имеет аббревиатурные и композитные дешифровальные стимулы *ветровой*, *ветряной*, *от ветра*, *к ветру*, *к ветрам*, *ветроэнергетический*. По объёму дешифровальной матрицы группа относится к группам с составной ДМ.

По соотношению ядра и периферии данная группа является несбалансированной: из четырнадцати гнёзд эквивалентности четыре находятся в ядре (*ветробарьер – ветровой барьер*, *барьер от ветра; ветрозащита – ветровая защита*, *защита от ветра*). Остальные 80 % ГЭ группы относятся к периферии аббревиатурного типа.

Важно отметить, что носители языка чаще всего не разграничивают понятия «ветровой» и «ветряной» – регулярные дешифровальные стимулы, которые одновременно встречаются почти во всех гнёздах эквивалентности рассматриваемой группы (*ветроэнергетика – ветровая энергетика*, *ветряная энергетика*). Данные корреляты конструкта *ветро-* имеют разные значения: *ветровой* – ‘относящийся к ветру’; *ветряной* – ‘приводимый в действие при помощи ветра’. В группе представлены только параллельные ДЦ. Наиболее частотной моделью дешифровальной матрицы является «у-х(прил) + у-х(прил)»: *ветропарк – ветряной парк* (ЧоснПрил1ед+инт+Сущ1ед), *ветровой парк* (ЧоснПрил1ед+ инт+Сущ1ед).

Отмечаются следующие типы формального соответствия:

• компонентное соответствие (наличие интерфикса в сложном слове), в котором выделяется прямая трактовка (*ветродвигатель – ветровой двигатель*); и перенесённая трактовка (*ветроустановка – ветроэнергетическая установка*). При перенесённой трактовке функцию конструкта выполняет абброконструкт аббревиатуры, входящей в эквивалентное словосочетание;

• компонентно-метатезное соответствие: кроме регулярного интерфикса наблюдаем пропуск компонентов, которые указывают на грамматические отношения, и перестановку сохранившихся (*ветрозащита – защита от ветра* → ОснСущ2ед+инт+Сущ1ед[-предл], *ветроустойчивость – устойчивость к ветру* → ОснСущ3ед+инт+Сущ1ед[-предл]). Отмечается вторичная аббревиатура *ветростанция* (сокращение от *ветроэлектростанция*) которая имеет синтаксические эквиваленты *ветряная электростанция* (ЧоснПрил1ед+инт+Осн^{2}Сущ1ед(кп)) / *ветровая электростанция* (ЧоснПрил1ед+инт+ Осн^{2}Сущ1ед(кп)). В соотношении со вторичным сокращением *ветростанция* данные эквиваленты также относятся к компонентно-метатезному типу соответствия.

Для двух сложных слов группы отмечается использование в качестве дублетного варианта инициальной аббревиатуры (*ветродвигатель – ВД*, *ветроустановка – ВЭУ*). Однако, по нашему мнению, такого единичного употребления дублетных единиц недостаточно для причисления группы «ветро» к типу с сокращенными базисным и признаковым компонентами (по характеру репрезентации базисного и признакового компонентов).

2.9. Гибридная группа «газо»

Рассматриваемая группа также относится к комбинированным по соотношению частотности употреблений сокращений и их эквивалентов. Гнёзда эквивалентности, которые содержат хотя бы один универбализационный эквивалент (имеющий со сложным словом БИ < 1),

составляют 62,5 % от всех гнёзд группы. Группа относится к многокомпонентным, поскольку представлена 92 гнездами эквивалентности.

Конструкт *газо*-, формирующий данную группу, определяется как простой, однако входит также в структуру составных конструктов *газомото*-, *газотурбо*- и *газоэлектро*-. Конструкт воплощает сокращенный признаковый компонент сложных слов, входящих в группу. Как и в предыдущем случае, для незначительного количества сложных слов группы обнаруживаются дублетные инициальные аббревиатуры, в которых сокращёнными являются как признаковый, так и базисный компоненты (*газобаллон – ГБ, газодинамика – ГД, газозаправка – АЗГС, газообородувание – ГО* и т.д.).

Дешифровальная матрица группы является комбинированной (презентативные ДС + релятивные ДС + модификационные ДС). Многочисленные синтаксические эквиваленты группы объединяются в гнёзда эквивалентности по следующим дешифровальным матрицам: а) «у-$х^2$ + у-$х^2$»: наиболее распространенная дешифровальная матрица – по этой модели построены 15 гнезд эквивалентности, например *газообработка – обработка газа* (ОснСущ2ед+инт+Сущ1ед), *обработка газов* (ОснСущ2мн+инт+Сущ1ед)*; газоперекачка – перекачка газа*, *перекачка газов*; б) «у-х(прил) + у-$х^2$ + у-$х^2$» (10 гнезд эквивалентности), например, *газоконденсат – газовый конденсат* (ЧоснПрил1ед+инт+Сущ1ед), *конденсат газа* (ОснСущ2ед+инт+Сущ1ед), *конденсат газов* (ОснСущ2мн+инт+Сущ1ед)*; газоиндикатор – газовый индикатор*, *индикатор газа*, *индикатор газов*; в) «у-х(прил)» (10 гнезд эквивалентности), например, *газосварка – газовая сварка; газоупор – газовый упор*. Используются также модификационные ДС: *газостанция – газораспределительная станция* (Осн[1]Прил1ед(кп)+инт+Сущ1ед), *газопереработка – переработка газового конденсата* (ОснПрил2ед+инт+Сущ1ед[-Сущ2ед]). Группа относится к типу со множественной дешифровальной матрицей (в «Словаре» отмечается 26 токенов для расшифровки конструкта *газо*-).

В ядре группы находится 40% синтаксических эквивалентов, при этом периферия в большей степени (также 40 %) представлена словосочетаниями, образованными по композитному типу. К периферии аббревиатурного типа относится 13 ГЭ. В дешифровальной матрице группы насчитывается 23 ДС (*газовый*, *газа*, *газов*, *газом*, *газами*, *к газу*, *к газам*, *для газа*, *газоэлектрический* и др.). В группе отмечается параллельный способ формирования гибридности конструкта. Обнаруживаются следующие типы структурной соотнесенности:

• компонентное соответствие (прямая трактовка: *газодинамика – газовая динамика*; перенесённая трактовка: *газостанция – газозаправочная станция*);

• компонентно-метатезное соответствие (прямая трактовка: *газообмен – обмен газом* (ОснСущ5ед+инт+Сущ1ед), *газоустойчивость – устойчивость к газам* (ОснСущ3ед+инт+Сущ1ед[-предл]); перенесённая трактовка: *газопродажа – продажа газопродуктов* (Осн^{1}Сущ2мн(кп)+инт+Сущ1ед); имплицитная трактовка: *газоочистка – очистка газового конденсата*).

ДС *газовый конденсат* появляется в нескольких гнёздах эквивалентности группы «газо»; при этом не зафиксировано в качестве промежуточного ДС *газоконденсат*, хотя это сложное слово имеет большое количество употреблений как самостоятельное сокращение.

2.10. Гибридная группа «грузо»

В данной группе насчитывается 33 ГЭ, среди которых представлены как универбализационные (65 %), так и псевдоуниверБализационные (35 %) гнёзда. По квантитативным признакам группа относится к многокомпонентному комбинированному типу.

Дешифровальная матрица группы представлена разными типами дешифровальных стимулов. Конструкт имеет регулярные презентативный, релятивные и модификационные ДС. Гнёзда эквивалентности группы, главным образом, включают три синтаксических эквивалента и объединяются в дешифровальную матрицу «у-х(прил) + у-х^{2} + у-х^{2}»: *грузоперевозка* –

грузовая перевозка (ЧоснПрил1ед+инт+Сущ1ед), *перевозка груза* (ОснСущ2ед+ инт+Сущ1ед), *перевозка грузов* (ОснСущ2мн+ инт+Сущ1ед). Модификационные ДС отмечаются реже: *грузоконтейнер – контейнер для грузоперевозок* (Осн[1]Сущ2мн(кп)+инт+Сущ1ед[-предл]), *грузопорт – грузопассажирский порт* (Чосн[1]Прил1ед(кп)+инт+Сущ1ед). В группе насчитывается 15 дешифровальных стимулов; соответственно, она относится к типу с комбинированной множественной дешифровальной матрицей.

Группа не сбалансирована по соотношению ядра и периферии: две трети гнёзд эквивалентности относятся к ядру. В большинстве гнёзд эквивалентности ядра превалируют дешифровальные стимулы композитного типа. Это связано с возможностью параллельного использования композитных дешифровальных стимулов «существительное-признак» как в единственном, так и во множественном числе (*грузоперевозка – грузовая перевозка*, *перевозка груза* и *перевозка грузов* и т.п.). Пять гнёзд эквивалентности относятся к периферии композитного типа (*грузополучатель – получатель груза*, *получатель грузов*; *грузовладелец – владелец груза*, *владелец грузов*; *грузохозяин – хозяин груза*, *хозяин грузов*), шесть – к периферии аббревиатурного типа (*грузобагаж – грузовой багаж*, *грузонапряженность – грузовая напряженность*).

В рассматриваемой группе представлены только параллельный дешифровальный веер.

При сопоставлении сложных слов с их синтаксическими эквивалентами обнаруживаем компонентное несоответствие единиц (несовпадение в пользу сложного слова, в котором присутствует интерфикс: *грузобагаж – грузовой багаж*, *грузоперевозки – грузовые перевозки*) и компонентно-метатезное соответствие (наблюдается наличие интерфикса в сложном слове и перестановка в нем совпадающих компонентов: *грузополучатель – получатель груза*, *грузопоток – поток грузов*).

2.11. Гибридная группа «домо»

В рассматриваемой группе представлено 16 гнёзд эквивалентности с равным соотношением универбализационных и псевдоунивербализационных гнёзд эквивалентности (малокомпонентный комбинированный тип).

Дешифровальная матрица представлена десятью дешифровальными стимулами презентативного, релятивного и модификационного типов (т.о. группа характеризуется составной матрицей с комбинированным типом репрезентации дешифровальных стимулов).

В дешифровальной матрице группы насчитывается 10 дешифровальных стимулов (*дома*, *домашний*, *домовой*, *домовый*, *надомный*, *в доме*, *на дому*, *домохозяйства* и др.). Сложные слова, относимые к группе, имеют гнёзда эквивалентности разного диапазона, состоящие из 1-7 синтаксических эквивалентов. Сравним, например, *домохозяйство – домашнее хозяйство* (ЧоснПрил1ед+инт+Сущ1ед) и *домоуправление – управление домом* (ОснСущ5ед+инт+Сущ1ед), *управление домами* (ОснСущ5мн+инт+Сущ1ед), *домовое управление* (ЧоснПрил1ед+ инт+Сущ1ед), *домашнее управление* (ЧоснПрил1ед+инт+Сущ1ед), *управление дома* (ОснСущ2ед+инт+Сущ1ед), *управление домов* (ОснСущ2ед+ инт+Сущ1ед), *управление домохозяйством* (Осн[1]Сущ5ед(кп)+инт+Сущ1ед). Из-за большого количества дешифровальных стимулов практически каждое сложное слово группы имеет уникальную дешифровальную матрицу. Модель совпадает только у однокомпонентных гнёзд эквивалентности, относящихся к периферии аббревиатурного типа: «*у-х*(*прил*)» (*домомучительница – домашняя мучительница*, *домохозяйство – домашнее хозяйство*, *домохозяйка – домашняя хозяйка*).

Сбалансированная гибридная группа: две трети сложных слов группы относится к её ядру. Периферия в равной степени представлена аббревиатурными и композитными гнёздами эквивалентности (ГЭ *домкомбед – домовой комитет бедноты*; *домохозяйка – домашняя хозяйка*; *домохозяйство – домашнее хозяйство* и *домовладение – владение домом*,

владение домами; *домоправитель – правитель дома*; *домоправление – управление домом*, *правление домом*, *правление домами*).

В группе отмечается одна слоговая аббревиатура – *домкомбед* (*домовой комитет бедноты*).

Несмотря на развитую систему дешифровальных стимулов, в группе обнаруживается только параллельный способ формирования гибридности конструкта. Формальное соответствие компонентов эквивалентных единиц представлено прямым (*домработница – домашняя работница*), компонентным (*домостроительство – домашнее строительство*), метатезным (в прямой и перенесённой трактовке: *домработник – работник дома*; *домовладелец – владелец домохозяйства*), метатезно-компонентным типом (*домовладелец – владелец домашнего хозяйства*). Таким образом, гибридная группа «домо» включает все типы формального соответствия трактовок.

2.12. Гибридная группа «жиро»

Рассматриваемая группа относится к комбинированному типу по соотношению частотности употреблений слов и эквивалентов. Количество универбализационных гнёзд эквивалентности превышает псевдоунивербализационные ГЭ (62 % и 38 % соответственно).

Гибридная группа из 28 ГЭ имеет развитую систему дешифровальных стимулов. Дешифровальная матрица представлена презентативными, релятивными и модификационными ДС (и относится, таким образом, к комбинированному типу). По объему ДМ соответствует множественному типу абброгрупп, поскольку объединяет 13 способов расшифровки сложных слов.

По соотношению ядра и периферии группа относится к несбалансированным: 65,5 % гнёзд эквивалентности находятся в ядре группы; 24,5 % гнёзд находятся на периферии композитного типа, 10 % – на периферии аббревиатурного типа. Ядро гибридной группы имеет общую

дешифровальную матрицу «у-х(прил) + у-$х^2$ + у-$х^2$»: *жироуловитель – жировой уловитель* (ЧоснПрил1ед+инт+Сущ1ед), *уловитель жира* (ОснСущ2ед+инт+Сущ1ед), *уловитель жиров* (ОснСущ2мн+инт+Сущ1ед). В гнезде эквивалентности слова *жирозавод* возникают уникальные модели ДС «у-х(прил) + у-х-а(прил)/у-(х-перерабатывающий)» и «(у-(предл)х-z(сущ)/у-(по)-переработке-х)»: *жироперерабатывающий завод* (Осн[1]Прич1ед(кп)+ инт+Сущ1ед), *завод по переработке жира* (ОснСущ1ед+ инт+Сущ1ед[-предл+Сущ3ед]).

Гибридность конструкта в группе формируется двумя способами: параллельным веером и последовательной цепочкой. Гнездо эквивалентности сложного слова *жирозавод* имеет две дешифровальные цепочки 1) *жировой завод*; 2) *жироперерабатывающий завод – завод по переработке жира*: здесь происходит смена актуального статуса конструкта от композитного к аббревиатурному, поскольку признаковый компонент «*жиро*» на первом этапе дешифровальной цепочки присоединяется к базису как композитный конструкт, при этом образует ДС для следующего этапа сокращения. Отметим, во второй дешифровальной цепочке отсутствует промежуточный эквивалент **завод по жиропереработке*. Фиксируются компонентное несоответствие (прямая трактовка: *жиромасса – жировая масса*; перенесенная трактовка: *жирокомбинат – жироперерабатывающий комбинат*); компонентно-метатезное соответствие (появление дополнительных компонентов в словосочетании и в слове + транспозиция: *жирозавод – завод по переработке жира*, *жироотложение – отложение жиров*).

В качестве презентативных ДС для конструкта *жиро-* используются два прилагательных – *жировой* и *жирный* (*жирообмен – жировой обмен, жирный обмен; жироотложение – жировое отложение, жирное отложение*). Как и в случае с гибридной группой «ветро», носители языка при развёртывании сложного слова не различают эти паронимы: *жировой* – 1. ‘содержащий жиры’; 2. ‘вырабатывающий из жиров разные предметы потребления’; *жирный* – ‘обильный жирами’.

Выводы к Разделу II

Для описания аббревиатурных групп используется универсальная классификация, базирующаяся на квантитативных, структурных и семантических параметрах, которые можно определить для всего анализируемого языкового материала: частотность использования компонентов гнезда эквивалентности, характер деривационных отношений между ними, степень репрезентации элементов сложного слова, объем дешифровальных матриц, количество и объем гнезд эквивалентности группы и т.д. Данная классификация состоит из 9 пунктов, которые включают 27 возможных типов аббревиатурных групп.

Для гибридных групп учитываются также дополнительные параметры описания, связанные с особенностями функционирования гибридных конструктов в гнёзда эквивалентности, а также со спецификой организации гибридных абброгрупп: соотношение ядра и периферии гибридной группы, типы структурных трактовок конструкта и т.д.

В рамках данного исследования было рассмотрено 10 аббревиатурных групп, зафиксированных в разрабатываемом «Словаре». Все исследованные группы содержат регулярно используемые аббревиатуры и синтаксические эквиваленты, что исключает влияние окказиональных образований на общую структуру абброгрупп. Абброгруппы организованы по единому принципу и представляют собой совокупности гнезд эквивалентности со сложносокращенным словом и его всеми возможными регулярными синтаксическими эквивалентами.

В ходе исследования не учитывались однокомпонентные аббревиатурные группы, поскольку на материале одного гнезда эквивалентности невозможно обнаружить системные особенности группы.

Конструкты всех исследуемых аббревиатурных групп имеют несколько вариантов расшифровок, которые формируют сложные дешифровальные матрицы. Таким образом, на отобранном языковом материале можно

исследовать проявления стеореотипизации в сознании носителей языка при замещении ими сокращенных единиц развернутыми эквивалентами.

При сопоставлении различных аббревиатурных групп русского языка выявлены дифференцирующие признаки, на основе которых была разработана типология абброгрупп, примененная в данном исследовании для классификации отобранного языкового материала. В результате сопоставления абброгруппы были обнаружены как общие черты, так и различия.

1. Большая часть аббревиатурных групп в разном соотношении включает в себя как универбализационные, так и псевдоунивербализационные гнёзда эквивалентности. Это говорит о том, что универбализационные АГ в процессе функционирования в языке пополняется как «реальными» сокращениями, так и продуктами искусственного развёртывания простого слова в словосочетание.

2. В «Словаре» для сложных слов некоторых групп обнаруживаются дублетные формы – слоговые или инициальные аббревиатуры (*ВЭУ* для *ветроустановка*, *ВД* для *ветродвигатель*, *АЗГС* для *газостанция*, *ГО* для *газооборудование*, *ГУ* для *газоустановка*, *ГП* для *грузополучатель*, *ДХ* для *домохозяйство*); сокращения *завкаф* от *зафкафедрой*, *завлаб* от *завлабораторией* и т.д. Однако, как уже отмечалось выше, их количество относительно других слов группы незначительно (менее 10 %), чтобы представлять собой основание для причисления той или иной группы к типу комбинированных по характеру репрезентации базисного и признакового компонентов.

Отдельно следует рассмотреть группу «теле», в которой конструкт имеет регулярный дублет *ТВ*. Обе формы связаны с одним и тем же референтом и реализуются в одинаковых синтаксических эквивалентах. Форма *ТВ* трактуется как дублет и не рассматривается в качестве самостоятельного конструкта. В подобной корреляции находятся формы *жир-* и *жиро-*, формирующие аббревиатурную группу «жиро».

3. В ряде случаев в гнёздах эквивалентности обнаруживаются эквиваленты, возникающие в результате неупорядоченного использования носителями языка паронимов (для развертывания начального конструкта сложного слова): ДС *ветровой* и *ветряной* для *ветро-*, ДС *домовой*, *домашний* для конструкта *домо-*, *жировой* и *жирный* для конструкта *жиро-* и т.д. Синтаксические эквиваленты подобного рода формируются в результате развития ситуации коллективного затруднения в интерпретации сложных слов.

4. На материале рассмотренных групп не удалось установить зависимости между количеством сложных слов и числом их возможных трактовок. Например, на 150 гнезд эквивалентности группы «мед» приходится 11 ДС; в среднем 1 модель расшифровки приходится на 13 сокращений. В то же время в группе «жиро», включающей 28 ГЭ, фиксируется 13 ДС (в среднем 1 модель расшифровки приходится на 2 сокращения).

Вместо этого обнаруживается связь между характером универбализационных отношений в группе и количеством трактовок. Группы псевдоунивербализационного типа, как правило, имеют большее количество ДС, чем комбинированные группы, независимо от числа ГЭ в группах; группы универбализационного типа связанны с меньшим количеством трактовок, чем комбинированные группы. Это связывается с предположением, что абброаффиксоид имеет свободные возможности трактовки, в то время как универбализационные конструкты ограничены существующими в языке частотными расчлененными наименованиями.

5. Конструкт сложного слова чаще всего репрезентирует признаковый компонент эквивалентного словосочетания. Обширный материал разрабатываемого «Словаря» подтверждает эту закономерность. Чтобы проследить разницу в формировании и функционировании разнотиповых аббревиатурных групп, для анализа в данном исследовании была отобрана группа «зав», конструкт которой всегда соответствует базису словосочетания (*завскладом – заведующий складом*), и группа «лингво», в которой конструкт

передает и базисный, и признаковый компоненты (*лингвоантропология – лингвистическая антропология*, *антропологическая лингвистика*).

6. Большинство гибридных аббревиатурных групп характеризуются несбалансированностью гнёзд эквивалентности по ядерно-периферийному соотношению. Среди анализируемых групп сбалансированной является только гибридная группа «домо». Отметим также, что только в этой анализируемой группе гибридность формируется параллельным способом, поскольку дешифровальная матрица представлена набором простых презентативных и релятивных ДС.

В совокупности в данном разделе проанализировано 693 гнезда эквивалентности и 202 модели дешифровальных стимулов. Представленное описание освещает разносторонние аспекты образования и функционирования гнёзд эквивалентности. Нами дан предварительный обзор материала «Словаря» на примере десяти аббревиатурных групп.

В дальнейшем предстоит работа по составлению подробного типологического реестра всех аббревиатурных и гибридных групп, включённых в картотеку разрабатываемого «Словаря».

РАЗДЕЛ III
АББРЕВИАТУРНО-КОМПОЗИТНАЯ ГИБРИДНАЯ ГРУППА «НЕФТЕ» В СИНХРОННОМ РАССМОТРЕНИИ

В основу исследования аббревиатурно-композитной группы положена методика описания абброгрупп, разработанная В. И. Теркуловым в рамках синхронного подхода к системе аббревиации современного русского языка. Коллективом Лаборатории создан ряд работ, в которых проведено описание аббревиатурных групп [Акулич 2017б; Крамаренко 2016; Крестьянинова 2017; Петрова 2017; Ровная 2016; Теркулов 2015г; Устинова 2016], однако всестороннее исседование абброгруппы, охватывающее как её структурные, так и семантические характеристики, ещё не было осуществлено: многоаспектному анализу подвергались только адъективные композиты [Соснина 2017]. Специфика анализируемого материала обусловила внесение в предложенную методику дополнительных аспектов, обнаруженных в ходе представленного исследования.

3.1. Квантитативный аспект описания аббревиатурной группы

Описание аббревиатурной группы в квантитативном аспекте обусловлено представлением о связи квантитативных характеристик группы с возможностями трактовки входящих в неё компонентов. Например, в предыдущем разделе нами отмечалось, что псевдоунивербализационный абброаффиксоид отличается большей вариативностью трактовок, чем универбализационные сокращения.

Квантитативный подход опровергает представление о том, что все языковые единицы с сокращёнными компонентами являются вторичными образованиями по отношению к расчленённым эквивалентам.

Методики квантитативного описания аббревиатурной группы разрабатывались участниками Лаборатории [Березницкая 2016, 2017].

В состав гибридной аббревиатурно-композитной группы «нефте» входит 62 гнезда эквивалентности. Группа включает сложные слова с разным диапазоном частотности употребления. Слова *нефтебак*, *нефтедобыча*, *нефтепереработка*, *нефтехимия* насчитывают более 1 млн. упоминаний в поисковой системе Google; слова *нефтедоллар*, *нефтезавод*, *нефтеразлив*, *нефтехранилище*, *нефтешлам* встречаются в поисковой системе более 100 тыс. раз. К числу редкоиспользуемых сложных слов (до 2000 упоминаний) относятся слова *нефтезамещение*, *нефтеконденсат*, *нефтенакопитель*, *нефтеполгощение*.

«Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка», в ходе разработки которого была собрана гибридная группа «нефте», имеет частотные ограничения для входящих единиц. В «Словаре» фиксируются сокращения, для которых отмечается более 500 употреблений в поисковой системе Google, что позволяет отсеивать окказиональные образования. В рамках данного исследования малочастотные сложносокращенные слова также не рассматриваются.

Для развёртывания конструкта обнаружено 13 лемм и 26 токенов (реально представленных в текстах форм ДС):

• ***нефть***, ***-и***, ж.; мн. только *спец.*: *нефтью*, *нефти*, *нефтей*, (*для*) *нефти*, (*от*) *нефти*, (*к*) *нефти;*

• ***нефтегазовый***, ***-ая***, ***-ое***: *нефтегазовая;*

• ***нефтедобыча***, ***-и***, ед.: *нефтедобычи;*

• ***нефтедобывающий***, ***-ая***, ***-ое***: *нефтедобывающий;*

• ***нефтеперерабатывающий***, ***-ая***, ***-ое***: *нефтеперерабатывающий;*

• ***нефтепереработка***, ***-и***, ж.: *нефтепереработка*, *по нефтепереработке*, *по переработке нефти*

• ***нефтепровод***, ***-а***, м.: *в нефтепровод*, *в нефтепроводы*;

• ***нефтепродукт***, ***-а***, м.: *для нефтепродуктов*, *от нефтепродуктов*, *к нефтепродуктам*, *нефтепродуктов*, *нефтепродуктами*;

• ***нефтеналивной***, ***-ая***, ***-ое***: *нефтеналивная;*

• ***нефтесодержащий***, ***-ая***, ***-ое***: *нефтесодержащий;*

• ***нефтяной***, ***-ая***, ***-ое****: нефтяной;*

• ***продукт***, ***-а***, м.: *продуктов нефтепереработки*, *продуктов переработки нефти;*

• ***газа***, ***-а***, м.: *нефти и газа*.

Развитая система дешифровальных стимулов, разнообразие моделей дешифровальных матриц, большое число общеупотребительных слов, известных широкому кругу носителей языка, обусловили выбор гибридной группы «нефте» в качестве материала для исследования.

Среди рассмотренных гнёзд эквивалентности 37 относится к универбализационным: представленные в них синтаксические эквиваленты используются чаще, чем эквивалентные сокращения. Например, слово *нефтебочка* имеет эквиваленты *нефтяная бочка* (БИ = 0,1), *бочка для нефти* (БИ = 1)*, бочка для нефтепродуктов* (БИ = 1), а в ГЭ слова *нефтеочистка* зафиксированы эквиваленты *очистка нефти (*БИ = 0,1), *очистка от нефтепродуктов* (БИ = 1), *очистка от нефти* (БИ = 1). Отмечается 17 гнёзд эквивалентности, в которых совпадает частотность использования сокращения и эквивалентного словосочетания. К таким относятся ГЭ слов *нефтебак* (эквиваленты *бак для нефтепродуктов*, *бак для нефти*, *нефтяной бак*, в которых БИ = 1), *нефтестанция* (*нефтеналивная станция*, *нефтяная станция*, *нефтедобывающая станция* с БИ = 1).

Также в группе обнаруживается 18 псевдоуниверсализационных ГЭ, в которых расчленённые эквиваленты менее частотны, чем соответствующие им сокращения. Это ГЭ слов *нефтепродукт* (эквиваленты *продукт нефтепереработки* с БИ = 51; *продукт переработки нефти* с БИ = 84; *продукт нефтехимии* с БИ = 111; *продукт из нефти с* БИ = 220), *нефтехранилище* (эквиваленты *хранилище нефти* с БИ = 9; *хранилище нефтепродуктов* с БИ = 11; *нефтяное хранилище* с БИ = 24; *хранилище для нефтепродуктов* с БИ = 44 и *хранилище для нефти* с БИ = 44) и т. д. Оставшиеся 7 ГЭ характеризуются смешанными балансами индексов.

В описываемой группе не наблюдается значительных разрывов в частотности употреблений сокращения и синтаксического эквивалента. Обнаружено всего две пары языковых единиц, в которых БИ превышает число 200: *нефтедобыча – нефтяная добыча* (БИ = 245) и *нефтепродукт – продукт из нефти* (БИ = 220). Такие частотные показатели свидетельствуют о том, что сложные слова используются как минимум в 200 раз чаще, чем соответствующие расчлененные эквиваленты. Однако такая разница в частоте фиксирований не является крайне большой, поскольку разрабатываемый «Словарь» допускает вхождение единиц с балансом индексов 500.

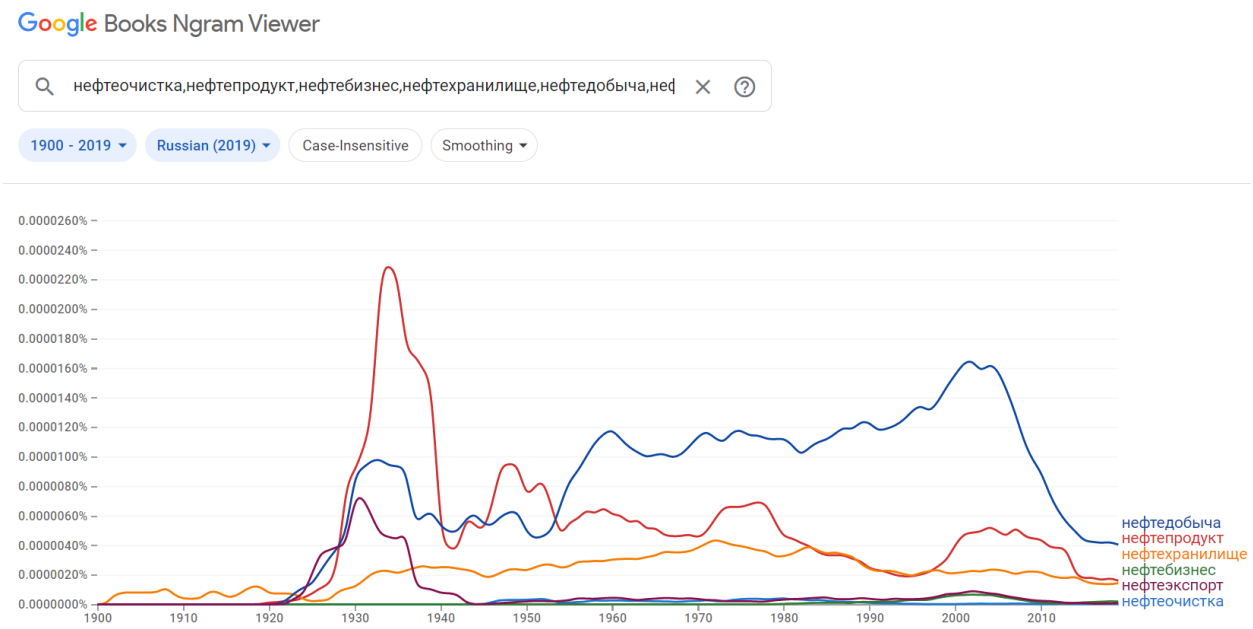
Отмечается также незначительное количество синтаксических эквивалентов с чрезвычайно низким БИ: *нефтеимпорт – нефтяной импорт* (БИ = 0,01; употребление словосочетания фиксируется прибл. в 95 раз чаще, чем сокращения), *нефтепоставки – поставки нефти* (БИ = 0,007; словосочетание встречается прибл. в 140 раз чаще, чем сокращение), *нефтеторговля – торговля нефтью* (БИ = 0,006; словосочетание используется прибл. в 165 раз чаще, чем сокращение). Такое соотношение также не является критическим: в разрабатываемом «Словаре» встречаются пары с БИ, равным числу 0,0001 (*главрежиссёр – главный режиссёр*; *главинж – главный инженер*) и 0,00001 (*госфинмониторинг – государственный финансовый мониторинг*).

Большое количество пар эквивалентных единиц с БИ = 1 показывают тенденцию к уравновешиванию частотности упортебления сокращений и расчленённых наименований.

При сопоставлении сложных слов группы в сервисе Google Ngram обнаруживается, что квазиунивербализационные сокращения с инициальным элементом *нефте-* появились в русском языке раньше, чем реальные аббревиатуры.

Рисунок 2

Графики частотности употреблений слов *нефтедобыча*, *нефтепродукт*, *нефтехранилище*, *нефтебизнес*, *нефтеэкспорт*, *нефтеочистка*



Квазиунивербализационные *нефтедобыча*, *нефтепродукт* и *нефтехранилище* появились ранее и используются носителями языка активнее, чем универбализационные сокращения *нефтеэкспорт*, *нефтебизнес* и *нефтеочистка*, что подверждается квантитативными расчётами Лаборатории. Обнаруженная тенденция может свидетельствовать о том, что изначально слова с конструктом *нефте-* были кальками из европейских языков, появившиеся в связи с особенностями развития нефтедобывающей промышленности на территории русскоговорящего населения (широкомасштабную нефтедобычу в конце XIX в. организовывали иностранные компании «Братья Нобель» и «Royal Dutch Shell» – см.: [Уразгалиев 2013]).

При соотнесении объёма гнёзд эквивалентности обнаруживается, что среди псевдоунивербализационных превосходят в количественном соотношении однокомпонентные гнёзда (8 ГЭ). Также насчитывается:

двухкомпонентных ГЭ – 2; трёхкомпонентных ГЭ – 2; четырёхкомпонентных ГЭ – 1; пятикомпонентных ГЭ – 1.

Универбализационные ГЭ характеризуются большим количеством однокомпонентных и двухкомпонентных гнёзд приблизительно в одинаковом соотношении: однокомпонентных ГЭ – 18; двухкомпонентных ГЭ – 16; трехкомпонентных ГЭ – 12; четырехкомпонентных ГЭ – 1; пятикомпонентных ГЭ – 1.

Таким образом, в анализируемой группе закономерность, согласно которой псевдоуниверБализационные конструкты имеет большую вариативность расшифровок, не проявляется.

3.2. Ономасиологический аспект описания аббревиатурной группы

Ономасиологический подход раскрывает особенности формирования семантических характеристик сложных слов. Проблема ономасиологического значения производных слов рассматривалась в работах многих исследователей, в т.ч. Н. В. Дьячок [Дьячок 2015], Г. Р. Искандаровой [Искандарова 2011], А. А. Лялюк [Лялюк 2017], И. Г. Милославским [Милославский 1975] и др. В отношении производных слов в лингвистике сложилось представление о том, что их значение одновременно включает в себя как семантику исходной, производящей, основы, так и собственные семантические признаки. Для установления структуры семантического значения производного слова конструируются ономасиологические модели – схемы формирования номинативных единиц и их реализаций. При создании **ономасиологических моделей** (**ОМ**) Е. А. Селиванова учитывает все возможные аспекты значения производного слова. Исследователь определяет ономасиологическую модель на основании четырёх признаков: 1) общего смысла ономасиологического базиса (формантной структуры); 2) конкретного содержания двух или более ономасиологических признаков (отсылочной части); 3) их валентного потенциала и смысловой связи; 4) типа отношений между базисом и признаком [Селіванова 1992, с. 20].

Аббревиация (равно как и словосложение и сращение) имеет отличное от остальных способов словообразования назначение: аббревиатура не называет новый объект внеязыковой действительности, а является особым способом выражения уже существующей языковой единицы (что не совсем справедливо для квазиаббревиатур [Емельянова 2018б]). Абсолютное же тождество значений универбата и словосочетания делает возможным эквивалентное использование этих единиц в текстах. Потому соответствие / несоответствие ономасиологической модели исходной и конечной единиц может служить маркером для определения специфики образования и функционирования сложных слов в языке [Бровец 2016б, 48].

Благодаря ономасиологическому подходу Лабораторией разработаны некоторые методы исследования гнёзд эквивалентности, например, обнаружение модификационных дешифровальных стимулов [Бровец 2017б], определение псевдоунивербализационных процессов при образовании гнезда эквивалентности [Емельянова 2018а], прогнозирование эквивалентностных отношений по ономасиологическим моделям [Михайлова 2018а, 2018б].

Для сложных слов разработаны особые принципы построения ономасиологических моделей, поскольку в качестве производящей единицы сложного слова выступает расчленённое наименование. В частности, В. И. Теркулов, вслед за М. Докулилом, определяет структуру ономасиологической модели как двухчастную, которая включает в себя:

а) ономасиологический базис – компонент модели, который формируется на основе главного слова исходного словосочетания;

б) ономасиологический признак – компонент модели, сформированный на основе семантики зависимой лексемы [см. Блюмина 2010].

Например, слово *нефтесклад*, производное от словосочетания *склад для нефти*, имеет ономасиологический базис «пространственный объект», поскольку базовый компонент слова соответствует слову *склад* – ‘территория, помещение для хранения чего-либо’, и ономасиологический признак «дестинатив», поскольку зависимый компонент *для нефти* реализует признак

‘назначение действия или предмета’. Таким образом, ОМ слова *нефтесклад* представлена формулой «пространственный объект + дестинатив».

В качестве обозначений ономасиологического базиса принято использовать наименования лексико-семантических групп (ЛСГ), поскольку эта категория объединяет конкретные лексические единицы по архисеме – общему основному компоненту значения [Блюмина 2017]: «профессия», «учреждение», «вещество», «предмет», «наука», «отрасль» и т.д. Для выражения ономасиологического признака используются семантические падежи, предложенные в работах Е. А. Селивановой [Селиванова 2000], классификация которых основана на падежной грамматике Ч. Филлмора [Филлмор 1981]. Глубинные падежи отражают семантические связи зависимого компонента словосочетания с базисным компонентом.

Отметим также, что для сложных слов, образованных на основе сложных словосочетаний или в результате использования модификационных ДС, ономасиологические модели включают дополнительные элементы. Модель может отражать составной ономасиологический признак, соответствующий структуре словосочетания и репрезентирующий все компоненты сложного слова: слово *нефтегазоразведка*, эквивалентное словосочетанию *разведка нефти и газа*, соответствует модели «мероприятие + дестинатив + дестинатив», при этом все три компонента модели отражены в структуре слова. В некоторых случаях ономасиологическая модель получает дополнительные признаковые компоненты, которые не входят в структуру сложного слова, однако появляются в составе словосочетания в процессе дешифрования. Например, в ГЭ слова *нефтезавод* обнаруживаем эквивалент *завод по переработке нефти*. Очевидно, что в структуре словосочетания появился второй ономасиологический признак «по переработке», переподчиняющий себе первый ономасиологический признак «нефти», подчиненный до этого базису «завод». В этом случае ономасиологическая модель представлена формулой «учреждение + дестинатив + аллатив», и соответствует она структуре эквивалентного словосочетания, а не сложного

слова. Появление имплицитных компонентов модели объясняется влиянием модификационного ДС [Бровец 2017б].

Ю. А. Ермоленко отмечает, что специфика ОМ аббревиатуры (и сложносокращенного слова в том числе – В.Р.) «напрямую зависит от структуры (би– либо поликомпонентной) эквивалентного словосочетания» [Ермоленко 2012, с. 104]. Именно словосочетание актуализирует ономасиологическую модель сокращения. Отсюда следует, что ономасиологическая модель дается не для сложносокращенного слова, а для синхронной пары «сокращение + коллокация». Для сложных слов с несколькими синтаксическими эквивалентами, таким образом, актуальными будут несколько ономасиологических моделей.

3.1.1. Типология ономасиологических классов в группе «нефте». В анализируемой группе обнаружено 13 ономасиологических классов (ОК), которые характеризуют ономасиологический статус базисных компонентов сложных слов и их расчленённых эквивалентов.

Вещество (19). ОК объединяет единицы со значением ‘физическая субстанция со специфическим химическим составом‘: *нефтесмесь*, *нефтешлам*, *нефтебитум*, *нефтеотходы* и т.д.

Лицо (1). Называет базисы со значением ‘производитель действия или носитель состояния’: *нефтемагнат*.

Мероприятие (32). В ОК представлены базисы, имеющие значение ‘организованное действие или совокупность действий, направленных на осуществление определённой цели’: *нефтеобработка*, *нефтеизвлечение*, *нефтеперекачка*, *нефтеэкспорт* и т.д.

Объединение (2). В ОК собраны сложносокращённые слова, обозначающие ‘структуры, состоящие из нескольких элементов’: *нефтекартель*.

Отрасль (3). Данный ОК объединяет наименования со значением ‘отдельная, самостоятельная часть какого-либо рода деятельности’: *нефтеиндустрия*, *нефтепромышленность*, *нефтехозяйство*.

Приспособление (25). В данном ОК представлены наименованияя приспособлений, т. е. ‘устройств, механизмов, приборов и т. п., предназначенных для выполнения определённой работы, определённых действий’: *нефтебочка*, *нефтенакопитель*, *нефтецистерна*, *нефтеловушка* и т.д.

Пространственный объект (24). В группу включены единицы, которые называют ‘природные объекты, искусственные и иные объекты (в том числе здания, сооружения), местоположение которых может быть определено’: *нефтестанция*, *нефтетерминал*, *нефтепорт*, *нефтешахта* и т.д.

Процесс (4). ОК называет базисы со значением ‘последовательная смена явлений, состояний в развитии чего-нибудь’ или ‘совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата’: *нефтенакопление*, *нефтепоглощение*, *нефтепотребление*.

Свойство (7). ОК включает наименования свойств, под которыми понимается ‘существенный признак, отличающий один предмет, одно явление от другого’: *нефтенасыщенность*, *нефтесодержание*, *нефтестойкость*, *нефтеёмкость*.

Событие (3). В ОК представлены сложносокращённые слова, которые обозначают ‘то, что произошло, случилось, значительное явление, факт общественной или личной жизни’: *нефтеразлив*.

Состояние (2). ОК называет базисы со значением ‘совокупность обстоятельств существования объекта’: *нефтезависимость*.

Средство (4). ОК объединяет наименования, которые обозначают ‘орудие, необходимое для достижения, осуществления чего-либо’ или ‘материальные ценности’: *нефтеаппаратура*, *нефтедоллар*, *нефтерубль*, *нефтевалюта*.

Учреждение (5). В данном ОК собраны сложносокращённые слова, обозначающие ‘организации с определенным штатом служащих и администрацией, ведающие какой-н. областью управления, хозяйства, торговли, научной или учебной работы’: *нафтезавод*, *нефтебаза*.

3.1.2. Типы ономасиологических признаков в группе «нефте». Ономасиологический признак (ОП) наименования в анализируемой группе соответствует его инициальному компоненту (конструкту *нефте*-). В анализируемой абброгруппе обнаружены следующие основные типы ономасиологических признаков.

ОП Квалификатив (51 использование; 38,5% от общего количества обнаруженных моделей ОП)

Наиболее часто встречающийся тип ономасиологического признака, поскольку квалификативы – как и аллативы – передают наиболее общее семантическое значение словообразовательной единицы [Апресян 1974]. Преимущественно выражается при помощи презентативных дешифровальных стимулов, выступает в роли относительного прилагательного, которое указывает на принадлежность объекта к определённому классу.

Модель 1. **Вещество + квалификатив** (7; 5,2%). ОП характеризует материал, из которого состоит вещество. Представлен в основном презентативами, но отмечается также интерпретативная структурная модель: *нефтешлам – нефтяной шлам – нефтесодержащий шлам* (*В ходе соответствующего развития в 2018 году иранские исследователи на нефтеперерабатывающем заводе в Керманшахе смогли производить различные типы катализаторов для закачки в* ***нефтешлам***, *что сделало страну единственным производителем этого продукта в мире –* ***Нефтяной шлам*** *представляет собой сложную смесь, содержащую разное количество отработанного масла, сточных вод, песка и минеральных веществ –* ***Нефтесодержащий шлам*** *содержит большое количество токсичных веществ, от самых канцерогенных полициклических ароматических соединений до тяжелых металлов и даже до радиоактивных материалов*; http://nangs.org/news/downstream/iranskie-issledovateli-proizveli-benzin-i-neftehimicheskie-produkty-s-pomoshtyyu-umnogo-i-nedorogogo-metoda;

07.08.2021); *нефтебитум – нефтяной битум*; *нефтеотходы – нефтяные отходы*, *нефтеконденсат – нефтяной конденсат* и т.д.

Модель 2. **Учреждение + квалификатив** (3; 2,25%). Рассматриваемая модель указывает на связь учреждений со сферой производства. Связь выражается при помощи презентативной леммы *нефтяной*: *нефтебаза – нефтяная база* (*Оттуда сырая нефть поступает в главную* ***нефтебазу*** *Рамат Йотам – Система также связана с бензозаправочной станцией для автоцистерн компании EAPC и* ***нефтяной базой*** *компании PEI*; http://www.eapc.com/ru/the-crude-oil-system/oil-terminals; 07.08.2021). В гнезде эквивалентности слова *нефтезавод* появляется также интерпретативный ДС *нефтеперерабатывающий завод*.

Модель 3. **Мероприятие + квалификатив** (6; 4,5%). В представленной модели реализуется связь этапов промышленной деятельности с отраслью промышленности. Во всех случаях модель соответствует презентативным ДС: *нефтедобыча – нефтяная добыча* (***Нефтяная добыча*** *картеля в день выросла до 31,695 миллиона баррелей – Влияние, указывает Bloomberg, оказал тот фактор, что резко увеличилась* ***нефтедобыча*** *в Ираке* (*с 247 тысяч баррелей в сутки до 4,3 миллиона*); http://tvrain.ru/news/dobycha_nefti_opek_dostigla_maksimuma_za_tri_goda-399878; 07.08.2021); *нефтепереработка – нефтяная переработка*, *нефтеимпорт – нефтяной импорт*, *нефтеразведка – нефтяная разведка* и т.д.

Модель 4. **Объединение + квалификатив** (2; 1,5%). Модель реализуется в двух презентативных СЭ гнезда эквивалентности *нефтекартель*: *нефтекартель – нефтяной картель* (*Цены на нефть достигли максимальных уровней с середины 2015 года после решения ОПЕК и стран, не входящие в* ***нефтяной картель*** *о совместном сокращении добычи для снижения избыточного предложения и поддержания рынка, сообщает* Reuters *–* ***Нефтекартель*** *надеялся, что не входящие в него государства сократят добычу на 600 тыс. баррелей в сутки*;

http://biz.liga.net/all/tek/novosti/tseny-na-neft-vzleteli-posle-resheniya-nefteekspo-rterov; 07.08.2021), *нефтяная картель*.

Модель 5. **Отрасль + квалификатив** (3; 2,25%). ОП в данной модели конкретизирует отрасль промышленности – указывает на объект промышленной деятельности. Данной ономасиологической модели соответствуют презентативные синтаксические эквиваленты: *нефтепромышленность – нефтяная промышленность* (*Это единственный в России мультимедийный научно-популярный проект, посвященный влиянию* ***нефтяной промышленности*** *на жизнь современного человека – Зал* «*Наука*» *посвящен достижениям и исследованиям, которые сегодня используются в* ***нефтепромышленности***; http://fedpress.ru/article/2379634; 07.08.2021); *нефтеиндустрия – нефтяная индустрия, нефтехозяйство – нефтяное хозяйство*.

Модель 6. **Приспособление + квалификатив** (10; 7,5%). ОП указывает на связь приспособлений с отраслью промышленности. Данной модели соответствуют презентативные синтаксические эквиваленты: *нефтескважина – нефтяная скважина* (*На месторождении имени А. Алабушина в Усинском районе Коми горит* ***нефтяная скважина***, *сообщили* «*Интерфаксу*» *в пресс-службе регионального МЧС – Информация о возгорании* ***нефтескважины*** *№2 на месторождении поступила в центр управления в кризисных ситуациях днем в понедельник*; http://www.vedomosti.ru/business/news/2017/04 /10/ 68 5023-gorit-neftyanaya-skvazhina-lukoil-usinskneftegaza; 07.08.2021), *нефтебочка – нефтяная бочка, нефтеловушка – нефтяная ловушка* и т.д. Обнаруживается также один соответствующий СЭ интерпретативного типа – *нефтедобывающая скважина*.

Модель 7. **Пространственный объект + квалификатив** (13; 9,77%). Представленная модель указывает на род промышленной деятельности, которая реализуется на территории пространственного объекта или связана с ним: *нефтегавань – нефтяная гавань* (*По легенде учений, при заходе в* ***нефтегавань*** *произошел навал танкера* «*ВФ Танкер-20*» *на грузовой причал, в*

результате чего на подводной части корпуса судна образовалась трещина, *нефть стала вытекать из танкера – Дежурный диспетчер* ***нефтяной гавани*** *немедленно оповестил о чрезвычайном происшествии заинтересованные службы*; http://riadagestan.ru/news/economy/v_makhachkalinskom_morskom_torgovom_-portu_proshli_ucheniya_po_likvidatsii_razliva_nefti; 07.08.2021), *нефтеплатформа – нефтяная платформа*, *нефтемагистраль – нефтяная магистраль* и т.д. В гнезде эквивалентности сложного слова *нефтестанция* данная модель реализуется при помощи нескольких синтаксических эквивалентов разной структурной типологии – с презентативным ДС (*нефтяная станция*) и с интрепретативными ДС (*нефтеналивная станция*, *нефтедобывающая станция*).

Модель 8. **Событие + квалификатив** (1; 0,75%). ОП указывает на связь события с предметом, который каким-либо образом используется в событии. Представленная модель встречается только в одном гнезде эквивалентности: *нефтеразлив – нефтяной разлив* (*По действующему законодательству* ***нефтяной разлив****, произошедший на водном объекте, должен быть локализован в течение двух часов –* «*Эковахта Сахалина*» *оперативно передала информацию о* ***нефтеразливе*** *руководству ООО* «*РН-Сахалинморнефтегаз*», *сахалинского управления Росприроднадзора и Сахалинской межрайонной природоохранной прокуратуры*; https://sakhalin.info/news/194375; 28.01.2022). Встречаются также тексты, в которых слово *нефтеразлив* и его эквиваленты трактуются как «плавающее на поверхности водоёма нефтяное пятно, образовавшееся в результате нефтеразлива»; в таком случае эквивалентам соответствует ОМ «пространственный объект + квалификатив» (***Нефтяной разлив*** *находился на расстоянии 146,4 км от Феодосии – Это происшествие не связано с* ***нефтеразливами***, *но оно настолько масштабное, что обойти его нельзя*; http://www.angi.ru/news/2885984-Нефтяные%20катастрофы%202020%20года; 07.08.2021).

Модель 9. **Состояние + квалификатив** (1; 0,75%). ОП указывает на связь состояния с коррелирующим фактором. Модель встречается только в гнезде эквивалентностислова *нефтезависимость*: *нефтяная зависимость* (*Саудовская Аравия давно мечтает положить конец своей* ***нефтяной зависимости*** *– Похоже, только в такой ситуации может пройти* ***нефтезависимость***; http://nangs.org/news/world/resursnoe-proklyatie-pochemu-strany-proizvoditeli-smirilisy-s-neftyanoy-zavisimostyyu; 07.08.2021).

Модель 10. **Средство + квалификатив** (4; 3%). Ономасиологическая база здесь представлена в двух значениях – средство как орудие деятельности и как материальные ценности. Модель реализуется в презентативных дешифровальных стимулах: *нефтедоллар – нефтяной доллар* (*Что касается Казахстана, то, по мнению экономиста, отказываться от* ***нефтедоллара*** *не имеет смысла – Во-первых, из-за гегемонии* ***нефтяного доллара****, которая длится уже несколько десятилетий*; http://inosmi.ru/economic/20171121/240800693.html; 07.08.2021); *нефтеаппаратура – нефтяная аппаратура*, *нефтевалюта – нефтяная валюта* и т.д.

Модель 11. **Лицо + квалификатив** (1; 0,75%). Указание на сферу деятельности, с которой связано лицо. В анализируемой группе «нефте» модель встречается один раз: *нефтемагнат – нефтяной магнат* (*Цикл о знаменитых армянах решено начать с Галуста Гюльбенкяна - крупного* ***нефтемагната*** *и мецената, чей день рождения отмечается сегодня - 29 марта – Крупный* ***нефтяной магнат*** *первой половины XX века, он сконвертировал огромные доходы от торговли нефтью в произведения искусства*; http://newsarmenia.am/news/analytics/meynstrim-galusta-gyulbenkyana; 07.08.2021).

Дестинатив (23; 17,5%)

Дестинатив – аргумент, определяющий назначение действия. Ономасиологические модели с ОП «дестинатив» в аббревиатурной группе «нефте» соответствуют релятивным и интерпретативным дешифровальным

стимулам. Выражается при помощи существительного в косвенном падеже (как правило, в родительном) с использованием в некоторых случаях предлога *для*.

Модель 12. **Мероприятие + дестинатив** (1; 0,75%). ОМ указывает на конечную цель проведения мероприятия. Модель реализуется в одном синтаксическом эквиваленте релятивного типа: *нефтегазоразведка – разведка нефти и газа* (*На втором месте с зарплатой 6,9 млн тенге расположился начальник* ***нефтегазоразведки*** *структурно-поискового бурения из Алматинской области*; http://mgorod.kz/nitem/samaya-vysokaya-zarplata-zafiksirovana-v-atyrauskoj-oblasti; 07.08.2021 – *Гренландия прекращает выдачу новых лицензий* ***на разведку нефти и газа***, *говорится в сообщении*, *размещенном на сайте правительства*; http://www.interfax.ru/world/778316; 07.08.2021).

Модель 13. **Приспособление + дестинатив** (12; 9%). Указывает на назначение приспособления. Релятивные дешифровальные стимулы, соответствующие данной ономасиологической модели, встречаются в двух структурных вариантах «сущ^1+сущ^2» и «сущ^1+предл+сущ^2»: *нефтебак – бак для нефти / бочка для нефти; нефтеёмкость – ёмкость для нефти*, *нефтенакопитель – накопитель нефти* и т.д. Соответствующие интерпретативные ДС появляются за счёт регулярно используемой леммы *нефтепродукт*: *нефтеловушка – ловушка для нефтепродуктов* (*В целях дальнейшего исключения распространения нефтесодержащей жидкости установлены* ***нефтеловушки*** *и боновые заграждения*; http://pg11.ru/news/80583; 07.08.2021 – *Дренажная* ***ловушка для нефтепродуктов*** *имеет непроницаемую и сорбирующую стороны*; http://infoplate.ru/content/33-sorbent; 07.08.2021), *бочка для нефтепродуктов*, *цистерна для нефтепродуктов* и т.д.

Модель 14. **Пространственный объект + дестинатив** (8; 6,1%). Указание на назначение пространственного объекта; появляется в релятивных и интерпретативных ДС: *нефтехралище – хранилище для нефти* (*Самый большой в мире супертанкер использовался как плавучее* ***нефтехранилище*** –

В данный момент он используется как стационарное ***хранилище для нефти****, но не исключается возможность его модернизации и последующего использования в будущем*; http://madmem.ru/raznoe/samaya-bolshaya-mire-texnika-neprilichno-bolshaya-texnika-dlya-samoj-tyazheloj-raboty-foto-selektor-motor.html; 08.08.2021). Как и в предыдущем случае, во многих гнёздах эквивалентности появляются СЭ, соответствующие представленной ономасиологической модели, различающиеся при этом на структурном уровне (релятивы: *склад для нефти*, интерпертативы: *склад для нефтепродуктов*).

Модель 15. **Учреждение + дестинатив** (2; 1,5%). Указание на сферу деятельности, которая осуществляется в учреждении. Модель встречается в гнезде эквивалентности слова *нефтезавод*: *нефтезавод – завод по нефтепереработке* (*В Комсомольске-на-Амуре местные жители опять стали жаловаться на резкий запах со стороны* ***нефтезавода***; http://todaykhv.ru/news/society/32711; 08.08.2021 – *Поставщиком горючего на АЗС выступает московской* ***завод по нефтепереработке***; http://globusks.ru/na-kakoi-zapravke-luchshe-benzin-kakie-zapravki-luchshe-reiting; 08.08.2021).

Модель 15Б. **Учреждение + дестинатив + трансгрессив** (1; 0,75%). Разновидность ономасиологической модели обусловлена наличием в ГЭ слова *нефтезавод* модификационного интерпретативного ДС *завод по переработке нефти* (*Подпольный* ***нефтезавод*** *держал предприниматель под Новосибирском – Хитроумный новосибирец организовал собственный* ***завод по переработке нефти*** *под Новосибирском и два с половиной года, с июня 2017 по январь 2020 года, производил на нём дизельное топливо и мазут*; http://gorsite.ru/news/ekonomika/podpolnyy_neftezavod_derzhal_predprinimatel_pod_novosib irskom/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop ; 09.08.2021).

Аллатив (13; 9,9%)

Ономасиологический признак «аллатив» называет объект, на который направлено действие, или цель движения. Ономасиологический признак

реализуется в интерпретативных и релятивных дешифровальных стимулах. Как и дестинатив, выражается при помощи существительного в родительном падеже.

Модель 16. **Мероприятие + аллатив** (4; 3%). В представленной модели нефть является объектом, который подвергается воздействию во время проведения мероприятия. Данная модель реализуется в релятивных синтаксических эквивалентах: *нефтеобработка – обработка нефти (Многие парфюмерные композиции, ароматные отдушки, красители, лежащие в основе косметических и парфюмерных средств, также производятся в процессе* ***нефтеобработки*** *– В результате первичной* ***обработки нефти*** *получают различные виды топлива и мазут*; https://azvolga.com/kakie-nefteprodukty-poluchayut-iz-nefti/; 15.06.2022), *нефтеанализ – анализ нефти* и т.д. Встречается также один соответствующий интерпретативный дешифровальный стимул: *нефтезамещение – замещение нефтепродуктов*.

Модель 16Б. Мероприятие + аллатив+ трансгрессив (1; 0,75%). Данная ономасиологическая модель отличается от предыдущей дополнительным элементом, который возникает в результате действия модификационного интрепретативного дешифровального стимула: *нефтеочистка – очистка продуктов нефтепереработки* (*Айал Николаев и Арсен Сивцев продемонстрировали модель комплекса* ***нефтеочистки***; http://www.1sn.ru/199266.html; 08.08.2021 *– Даже качественная* ***очистка продуктов нефтепереработки*** *не избавляет от химического состава нефти*; http://pelletprom.ru/articles/ ekologiya-pelletnogo-topliva; 08.08.2021).

Модель 17. **Пространственный объект + аллатив** (1; 0,75%). Ономасиологический признак указывает на деятельность, которая происходит на территории пространственного объекта. Модель встречается только в гнезде эквивалентности слова *нефтерайон*: *район нефтедобычи* (***Нефтерайон*** *порта представляет собой крупный универсальный терминал, пропускной способностью до 25 млн тонн в год и оснащен оборудованием для работы практически со всеми видами нефтеналивных грузов*;

http://portnews.ru/news/279797; 08.08.2021 – *Выступая против рискованных идей Губкина создать новый* ***район нефтедобычи*** *на пространствах Урала и Поволжья, его оппоненты утверждали, что большая волжская нефть — это утопия, приводили резоны в пользу надежного и опробованного бакинского региона*; http://www.business-gazeta.ru/article/323863; 08.08.2021).

Модель 18. **Процесс + аллатив** (4; 3%). В рассматриваемой ОМ ономасиологический признак выступает в роли субстанции, которая задействована в выполнении процесса. Модель реализуется в релятивных синтаксических эквивалентах (*нефтенакопление – накопление нефти*, *нефтепоглощение – поглощение нефти*, *нефтепотребление – потребление нефти*) и в одном интерпретативном: *нефтепотребление – потребление нефтепродуктов* (*Впрочем, Китай и Индия постепенно наращивают* ***нефтепотребление****, что, как отмечает Bloomberg, может стать «проблеском надежды» для отрасли*; http://www.forbes.ru/newsroom/biznes/411515-bloomberg-soobshchil-o-rastushchem-davlenii-na-plan-opek-uvelichit-dobychu; 08.08.2021 – *Однако* ***потребление нефтепродуктов*** *в Индии должно увеличиться еще больше по мере предстоящего роста уровня жизни в стране*; http://tass.ru/opinions/11945107; 08.08.2021).

Модель 19. **Свойство + аллатив** (1; 0,75%). Ономасиологический признак в данной ОМ называет объект, который составляет характеристику свойства. Модель реализуется в ГЭ слова *нефтеёмкость* в значении ‘физическая величина, характеризующая способность сорбционного материала впитывать нефть или нефтепродукты’: *нефтеёмкость – ёмкость нефти* (*Нефтепоглощающая способность растительных отходов является главным критерием, который следует учитывать при производстве того или иного вида сорбента, поскольку* ***нефтеемкость*** *производимого сорбента напрямую зависит от изначальной нефтеемкости чистого сырья – Из таблицы видно что, чем меньше сорбционная* ***емкость нефти****, тем меньше*

становится возвращение его в производственный цикл; http://articlekz.com/article/12515; 08.08.2021).

Локатив (2; 1,5%)

Ономасиологический признак «локатив» характеризует местонахождение объекта или место происходящего события. Чаще всего выражается конструкциями «существительное в косвенном падеже» + «предлог». В анализируемой аббревиатурной группе ономасиологический признак «локатив» сочетается с «дестинативом», поскольку одновременно передает семантику места и назначения.

Модель 20. Приспособление + локатив / дестинатив (2; 1,5%). Ономасиологический признак указывает на место и назначение приспособления. Модель представлена интерпретативными синтаксическими эквивалентами из одного гнезда эквивалентности: *нефтеврезка – врезка в нефтепровод* (*Незаконная **нефтеврезка** в Новокуйбышевске функционировала несколько лет*; http://www.niasam.ru/proisshestviya_ i_kri minal/nezakonnaya-neftevrezka-v-novokujbyshevske-funktsionirovala-neskol-ko-let-video-17613.html; 08.08.2021 – ***Врезку в нефтепровод** в Миорском районе обнаружили сотрудники службы безопасности предприятия*; http://auto.onliner.by/2021/06/03/muzhchina-sdelal-vrezku-v-nefteprovod; 08.08.2021), *врезка в нефтепроводы.*

Фабрикатив (3; 2,25%)

Ономасиологический признак, указывающий на материал, из которого изготовлен объект-базис. Выражается при помощи существительного в форме косвенного падежа, возникает в дешифровальных стимулах интерпертативного и релятивного типов.

Модель 21. **Вещество + фабрикатив** (2; 1,5%). ОП указывает на составляющие компоненты вещества. Выражается в интерпретативном и релятивном синтаксических эквивалентах: *нефтесмесь – смесь нефти* (*Из-за*

неритмичности поставок исходных нефтей, состав сырьевой ***смеси нефти****, поступающей на переработку, может меняться в течение суток или периода времени, что влечет за собой изменения физико-химических свойств сырья и влияет на технологический режим работы АВТ – В связи с этим, существует необходимость постоянного контроля за качеством* ***нефтесмеси*** *по определенным показателям качества в заданных пределах для обеспечения эффективности использования ее на НПЗ, а также определения товарной стоимости сырья*; http://magazine.neftegaz.ru/articles/tekhnologii/542378-obzor-tekhnologicheskikh-aspektov-pervichnoy-pererabotki-s-uchetom-peremennogo-sostava-neftyanogo-sy; 08.08.2021), *смесь нефтепродуктов*.

Модель 22. **Свойство + фабрикатив** (1; 0,75%). В представленной модели нефть выступает в качестве характеризующего свойство фактора. Модель появляется в релятивном СЭ одного гнезда эквивалентности: *нефтенасыщенность – Насыщенность нефтью* (*Исследования показали хорошую пористость и* ***насыщенность нефтью***; http://www.bashinform.ru/news/919447-kak-bashkiriya-stala-respublikoy-nefti-arkhiv-pechati; 09.08.2021 – *Преимуществами таких участков является их высокая продуктивность и* ***нефтенасыщенность***; http://newslab.ru/news/991009; 09.08.2021).

Посессив (9; 6,8%).

Данный ономасиологический признак указывает на принадлежность объекта кому-либо или чему-либо. ОП «посессив» выражается при помощи существительного в родительном падеже и реализуется в интерпретативных или релятивных дешифровальных стимулах.

Модель 23. **Вещество + посессив** (4; 3%). Ономасиологическая модель указывает на объект, который служит источником вещества. Данной модели соответствуют релятивные и интерпретативные ДС: *нефтеотходы – отходы нефти, отходы нефтепродуктов* (*Утилизация* ***отходов нефтепродуктов*** *должна проводиться в соответствии с нормами законов – Метод основан на*

переработке ***отходов нефти*** *в вакуумном оборудовании или оборудовании, способном обеспечить тепловой пиролиз – В процессе очищения емкостей для хранения вещества скапливаются* ***нефтеотходы*** *вместе с механическими компонентами*; http://utilizatsiya-othodov.ru/utilizatsiya-othodov-proizvodstva/nefteproduktov; 09.08.2021); *нефтешлам – шлам нефти, шлам нефтепродуктов* и т.д.

Модель 23Б. **Вещество + посессив + трансгрессив** (1; 0,75%). Данной ономасиологической модели соответствуют синтаксические эквиваленты только модификационного интерпретативного типа: *нефтеотходы – отходы переработки нефти* (*По сравнению с другими изоляционными материалами отечественные битумы являются* ***отходами переработки нефти****, а производство их достаточно обеспечено сырьевой базой – Одним из наиболее сложных в плане работ по утилизации шламов вопросов является утилизация твердых* ***нефтеотходов***; https://cccp-online.ru/pererabotka-otxodov-nefti/; 15.08.2022).

Модель 23В. **Вещество + посессив + каузатив** (1; 0,75%). Разновидность ономасиологической модели выделена в связи с отличающимся ономасиологическим статусом признакового компонента: *нефтепродукт – продукт переработки нефти* (*Газойль представляет собой* ***продукт переработки нефти*** *и остаточных нефтепродуктов – Данный* ***нефтепродукт*** *обладает сравнительно невысокими потребительскими параметрами, поэтому его нельзя использовать в чистом виде для заправки легковых автомобилей*; http://postavcom.ru/products/dizelnoe-toplivo/dt-analogi/tyazhelyj-atmosfernyj-gazojl; 09.08.2021).

Модель 24. **Свойство + посессив** (3; 2,2%). Ономасиологическая модель указывает на свойство, которое характеризует нефть как объект: *нефтеотходы – отходы нефти, отходы нефтепродуктов* (*Однако на сегодня не менее важной проблемой называют работу по утилизации* ***отходов нефтепродуктов*** *– На предприятиях нефтепереработки отработанная вода, содержащая* ***нефтеотходы***, *собирается для отстаивания в*

специальные пруды и нефтеловушки – Применяют восстановление и очистку ***отходов нефти***, *после чего к ним возвращаются утраченные качества*; http://oilyug.ru/pererabotka/ spravochnik-himika-21.html ; 09.08.2021); *нефтенасыщенность – насыщенность нефти; нефтесодержание – содержание нефтепродуктов.*

Трансгрессив (5; 3,8%).

Данный ономасиологический признак указывает на объект, который подвергается преобразованию. ОП реализуется в форме существительного в родительном падеже.

Модель 25. **Мероприятие + трансгрессив** (5; 3,8%). Ономасиологическая модель указывает на ситуации, когда проведение мероприятия вызывает преобразование нефти. Модель соответствует релятивным и интерпретативным ДС: *нефтепереработка – переработка нефти* (*Акционерами компании являются крупнейшие в Белоруссии предприятия, занимающиеся нефтедобычей и* ***нефтепереработкой***. *Основные виды деятельности — реализация нефтепродуктов на экспорт, закупка и* ***переработка нефти***, *а также импорт нефтепродуктов и сырья для переработки*; http://1prime.ru/oil/20210729/834329118.html; 09.08.2021), *переработка нефтепродуктов*, *нефтеочистка – очистка нефти* и т.д.

Контрагентив (4; 3%).

ОП «контрагентив» указывает на объект, против которого разворачивается событие. Ономасиологический признак выражается конструкциями «существительное в косвенном падеже» + «предлог».

Модель 26. **Мероприятие + контрагентив** (2; 1,5%). Реализуется значение мероприятия, которое направлено против признакового компонента. Ономасиологическая модель соответствует двум синтаксическим эквивалентам – релятивному и интерпретативному: *нефтеочистка – очитка от нефти* (*Восстановить ихтиофауну удалось после* ***очистки от нефти***

воды и дна этого ручья, влияющего на экосистему крупнейшей в регионе реки, при помощи технологий биологов Томского госуниверситета (ТГУ), сообщили ТАСС в пресс-службе томского вуза; http://tass.ru/obschestvo/11915849; 09.08.2021 – *Даже история про использование магнитной пудры для* ***нефтеочистки*** *показалась правдивой, а по факту оказалась просто красивой сказкой*; http://realnoevremya.ru/articles/212482-istoriya-sozdaniya-i-kraha-ybm-magnex; 09.08.2021), *очистка от нефтепродуктов.*

Модель 27. **Свойство + контрагентив** (2; 1,5%). Ономасиологическая модель указывает на свойство объекта, которое направлено против ономасиологического признака. ОМ появляется в синтаксических эквивалентах, соответствующих релятивным и интерпретативнми ДС: *нефтестойкость – стойкость к нефти* (*Продукт отличается масло- и* ***нефтестойкостью*** *и не содержит галогенов*; http://ru-bezh.ru/news/2014/07/01/aei-compounds-razrabotala-novuyu-zashhitu-dly; 09.08.2021 – *Они отличаются* ***стойкостью к нефти*** *и ультрафиолетовому излучению и практически не требуют технического обслуживания*; http://www.lamor.com/ru/оборудование/пенонаполненные-нефтеограждающие-fob; 09.08.2021), *стойкость к нефтепродуктам*.

Дистрибутив (14; 10,6%).

Ономасиологический признак называет объект, который подвергается распределению. Модели с рассматриваемым ОМ соответствуют интерпретативным или релятивным ДС, в состав которых входит существительное в родительном падеже.

Модель 28. **Мероприятие + дистрибутив** (14; 10,6%). В ономасиологической модели реализуется значение мероприятия, которое проводится с целью распределения нефти или нефтепродуктов. Выражается в форме существительного в творительном падеже: *нефтепоставки – поставки нефти* (*Это более чем вдвое превышает объем* ***нефтепоставок*** *за аналогичный период октября – Как напоминает Bloomberg, Венесуэла начала*

отключать систему спутникового слежения на своих судах еще в начале 2019 года, чтобы осуществлять ***поставки нефти*** *на Кубу*; http://www.kommersant.ru/doc/ 4157933; 09.08.2021), *поставки нефтепродуктов*, *нефтеперекачка – перекачка нефти*, *перекачка нефтепродуктов* и т.д.

Каузатив (8; 6%).

ОП «каузатив» указывает на объект, который является причиной статуса или состояния референта, названного в базисе. Ономасиологические модели с данным признаковым компонентом в анализируемой аббревиатурной группе соответствуют релятивным и интерпретативным дешифровальным стимулам.

Модель 29. **Вещество + каузатив** (4; 3%). Модель указывает на объект или процесс, выраженный в ОП, который привёл к появлению объекта, обозначенного базисом: *нефтепродукт – продукт нефтепереработки* (*Множество медицинских препаратов изготавливаются из углеводородов – производных* ***нефтепродуктов*** *– Например, губные помады содержат церезин, жидкие и твердые парафины, которые также являются* ***продуктами нефтепереработки***; http://naruservice.com/articles/oblasti-primenenie-nefti; 09.08.2021), *продукт нефтехимии*; *нефтеотходы – отходы нефтепереработки* и т.д.

Модель 29Б. Вещество + каузатив + трансгрессив (3; 2,2%). Данная разновидность ономасиологической модели соответствует модификационному интерпретативному ДС *переработки нефти: нефтепродукт – продукт переработки нефти* (*Этот вид* ***нефтепродуктов*** *неизбежно образуется при переработке нефти – Очевидно, что его, как побочный* ***продукт переработки нефти***, *проще и выгодней использовать привычным способом*; http://tass.ru/opinions/11945107; 09.08.2021).

Модель 30. **Мероприятие + трансгрессив + каузатив** (1; 0,75%). В ономасиологической модели реализуется значение мероприятия, которое приводит к изменению объекта. Модель реализуется в модификационному

ДС: *нефтеочистка – очистка продуктов нефтепереработки* (*После реализации проекта комплекс будет ежегодно выпускать 6,9 млн тонн бензина, дизельного топлива и других продуктов* ***нефтеочистки***; http://oilcapital.ru/news/markets/02-03-2007/kitay-zanyalsya-neftepererabotkoy; 09.08.2021 – *Даже качественная* ***очистка продуктов нефтепереработки*** *не избавляет от химического состава нефти*; http://pelletprom.ru/articles/ekologiya-pelletnogo-topliva; 09.08.2021).

В рамках проводимого исследования предполагается сопоставить полученные ономасиологические модели и модели дешифровальных стимулов с целью определить закономерности появления ономасиологического признака в зависимости от структуры ДС.

3.3. Формальные разновидности дешифровальных стимулов ГГ «нефте»

Для описания моделей ДС группы используются обозначения, приведенные в Разделе II.

Модель у-х(прил)

В абброгруппе «нефте» данная модель является наиболее регулярной: ей соответствует 50% всех СЭ группы. Конструкт в процессе развёртывания трактуется как аббревиатурный, поскольку эквивалентная основа содержит не отраженный в структуре конструкта суффикс *-ян-* (*нефтяной, -ая, -ое*). Синтаксический эквивалент представляет собой двухкомпонентное словосочетание. Данный ДС характеризуется разнообразием ономасиологических моделей в системе ГЭ группы, различающихся только статусом базисного компонента: «приспособление + квалификатив» (*нефтяная бочка*, *нефтяная цистерна*, *нефтяная вышка*, *нефтяная ловушка* и др.), «мероприятие + квалификатив» (*нефтяной импорт*, *нефтяная переработка*, *нефтяной экспорт*), «пространственный объект + квалификатив» (*нефтяной порт*, *нефтяное хранилище*) и др. ДС формирует

обобщенную, квалификативную трактовку значения синтаксического эквивалента.

Исследователи (Е. А. Земская, Ю. Д. Апресян) отмечают высокую изменчивость значения прилагательных в зависимости от контекста, поэтому «приписывать им какие-либо значения, кроме самого общего отношения к тому, что обозначено основой, нецелесообразно» [Апресян 1974, с. 212]. Таким образом, ДС *у-х*(*прил*) является «универсальным» для развёртывания любого сложного слова. Кроме того, модель «прил. + сущ.» является распространённой моделью словосочетаний в русском языке.

Универбализация происходит по формальным моделям Прил1ед+Сущ1ед > ЧоснПрил1ед+инт+Сущ1ед» / «Прил1мн+Сущ1мн > ЧоснПрил1мн+инт+Сущ1мн (*нефтяная магистраль* > *нефтемагистраль* / *нефтяные отходы* > *нефтеотходы*) и реализует компонентный тип формального соответствия трактовки сложного слова (в его прямой разновидности).

Модель у-х^{n}

В представленной модели конструкт *нефте-* развёртывается в простое существительное. Объём конструкта формально совпадает с объёмом основы эквивалентного слова, обеспечивая композитную трактовку анализируемого конструкта. Данной модели соответствует 30% словосочетаний системы гнёзд эквивалентности ГГ «нефте». Модель имеет 2 формальные разновидности: в зависимости от падежной формы эквивалентного существительного выделяем у-х^{2} (Род. п.: *нефтесклад – склад нефти*) и у-х^{5} (Твор. п.: *нефтеторговля – торговля нефтью*). СЭ с данным релятивным ДС реализуют ономасиологические модели «мероприятие + аллатив» (*анализ нефти*, *добыча нефти*), «мероприятие + дистрибутив» (*перекачка нефти*, *поставки нефти; торговля нефтью*, *снабжение нефтью*), «приспособление + дестинатив» (*отстойник нефти*, *улавливатель нефти*) и многие другие. Релятивный КДС,

указывает на актантно-числовые характеристики обозначенного конструктом референта.

Универбализация происходит по моделям Сущ1ед+Сущ2ед > ОснСущ2ед +инт+Сущ1ед (*разлив нефти* > *нефтеразлив*); Сущ1ед+Сущ2мн > ОснСущ2мн+инт+Сущ1ед (*смесь нефтей* > *нефтесмесь*); Сущ1мн+Сущ2ед > ОснСущ2ед+инт+Сущ1мн (*отходы нефти* > *нефтеотходы*); Сущ1ед+Сущ5ед > ОснСущ5ед +инт+Сущ1ед (*торговля нефтью* > *нефтеторговля*). Структурная соотнесённость языковых единиц соответствуют компонентно-метатезному типу.

Модель у-х-а(сущ)

Данная модель объединяет несколько синтаксических разновидностей, среди которых главное место занимает *у*-(*х-продуктов*). Появление в группе этого ДС и широкое его использование в различных гнёздах эквивадентности анализируемой группы объясняется связью референтов, выражаемых конструктом и дешифровальным стимулом.

В представленной модели конструкт не развёртывается в самостоятельное существительное, а переходит в состав эквивалентного сложного слова. Как было сказано, модель имеет несколько разновидностей (в зависимости от базиса эквивалентного сложного слова): *у*-(*х-продуктов*) / *у*-(*х-переработки*) / *у*-(*х-добычи*) (*нефтеэкспорт – экспорт нефтепродуктов* / *нефтеотходы – отходы нефтепереработки* / *нефтерайон – район нефтедобычи*). СЭ, построенные по этой модели ДС, реализуют следующие ономасиологические модели: «вещество + поссесив» (*отходы нефтепродуктов*, *шлам нефтепродуктов*), «мероприятие + дистрибутив» (*перекачка нефтепродуктов, поставки нефтепродуктов*), «пространственный объект + аллатив» (*склад нефтепродуктов*, *район нефтедобычи*).

Модель универбализации метатезно-компонентного типа представлена следующими формальными разновидностями: Сущ1ед+Сущ2ед(кп) >

Осн[1]Сущ2ед(кп)+инт+Сущ1ед / Сущ1ед+Сущ2мн(кп) > Осн[1]Сущ2мн(кп)+инт+Сущ1ед / Сущ1мн+Сущ2ед(кп) > Осн[1]Сущ2ед(кп)+инт+Сущ1мн / Сущ1мн+Сущ2мн(кп) > Осн[1]Сущ2мн(кп)+инт+Сущ1мн (*потребление нефтепродуктов > нефтепотребление / экспорт нефтепродуктов > нефтеэкспорт / отходы нефтепереработки > нефтеотходы / отходы нефтепродуктов > нефтеотходы*). Среди рассмотренных ГЭ нами был обнаружен 1 СЭ с формальной разновидностью у-х-а(сущ[5]) (Сущ1ед+Сущ5мн(кп) > Осн[1]Сущ5мн(кп)+инт+Сущ1ед: *снабжение нефтепродуктами > нефтеснабжение*). Эквивалентное существительное с добавочным элементом имеет уточняющий характер и соответсвует интерпертативному типу ДС.

Модель у-(предл)х

Модель объединяет трёхкомпонентные СЭ, в которых признаковый компонент (простое существительное) связан с базисным посредством предлога (*для*, *от*, *к*): *бак для нефти*, *очистка от нефти*, *стойкость к нефти*. Конструкт *нефте-* формально совпадает с основой эквивалентного существительного. Модель имеет разновидности, определяемые предлогами: у-(для)-х[2] (*цистерна для нефти*); у-(от)-х[2] (*очистка от нефти*); у-(к)-х[3] (*стойкость к нефти*); у-(в)-х[4] (*врезка в нефтепровод*). Система ономасиологических моделей представлена следующими разновидностями: «приспособление + дестинатив» (*емкость для нефти*), «пространственный объект + дестинатив» (*терминал для нефти*), «мероприятие + контрагентив» (*очистка от нефти*) и др.

Универбализация осуществляется по метатезно-компонентной модели Сущ1ед+предл+Сущ2ед > ОснСущ2ед+инт+Сущ1ед[-предл] / Сущ1ед+предл+Сущ3ед > ОснСущ3ед+инт+Сущ1ед[-предл] (*склад для нефти > нефтесклад / стойкость к нефти > нефтестойкость*). Модель является разновидностью релятивного дешифровального стимула.

Модель у-(предл)х-а(сущ)

Модель является разновидностью ДС *у*-(*предл*)*х* и также предполагает в качестве эквивалента трёхкомпонентное словосочетание; признаковый компонент в этом случае является сложным существительным. Модель также имеет формальные разновидности с разными предлогами (у-(для)-х-а(сущ^2) / у-(от)- х-а(сущ^2) /у-(по)-х-а(сущ^3): *емкость для нефтепродуктов / очистка от нефтепродуктов / завод по нефтепереработке*) и синтаксические разновидности (в зависимости от базиса эквивалентного сложного слова): у-(предл)(х-продуктов), у-(предл)(х-переработке). ДС дублирует систему ономасиологических моделей предыдущего ДС: «приспособление + дестинатив» (*бак для нефтепродуктов*), «пространственный объект + дестинатив» (*хранилище для нефтепродуктов*), «свойство + контрагентив» (*стойкость к нефтепродуктам*) и др.

Универбализация осуществляется по композитно-метатезным моделям Сущ1ед+предл+Сущ2мн(кп) > Осн^{1}Сущ2мн(кп)+инт+Сущ1ед[-предл] / Сущ1ед+предл+Сущ3ед(кп) > Осн^{1}Сущ3ед(кп)+инт+Сущ1ед[-предл] / Сущ1ед+предл+Сущ3мн(кп) > Осн^{1}Сущ3мн(кп)+инт+Сущ1ед[-предл] (*бак для нефтепродуктов – нефтебак* / *завод по нефтепереработке – нефтезавод* / *стойкость к нефтепродуктам – нефтестойкость*).

Модель у-х-а(ад)

Данный дешифровальный стимул представляет собой дешифовку конструкта в сложное прилагательное или причастие. Синтаксический эквивалент в этом случае двухкомпонентный. ДС относится к аббревиатурному типу, поскольку конструкт при развёртывании оказывается не тождественным основе эквивалентного слова. Среди ономасиологических моделей ДС выделяются: «вещество + квалификатив» (*нефтесодержащий шлам, нефтегазовый конденсат*), «пространственный объект + квалификатив» (н*ефтедобывающая станция*, *нефтеналивная станция*),

«приспособление + квалификатив» (*нефтегазовый сепаратор*, *нефтедобывающая скважина*).

Имеются две формальные разновидности модели эквивалентности: Прич1ед (кп)+Сущ1ед > Осн[1]Прич1ед(кп)+ инт+Сущ1ед / Прил1ед (кп)+Сущ1ед > Осн[1]Прил1ед(кп)+ инт+Сущ1ед (*нефтеперерабатывающий завод* > *нефтезавод* / н*ефтегазовая разведка – нефтеразведка*). Модель реализует компонентно-метатезный тип формального соответствия трактовки сложного слова.

Модель y-z(сущ)-x

Представленный ДС качественно отличается от всех предыдущих, поскольку в состав СЭ, построенного по этой модели, входит три полнозначных компонента. Данный интерпретативный ДС распространяет структуру сложного слова и «специализирует» её значение; в результате действия ДС в структуре СЭ появляется второй ономасиологический признак, который грамматически переподчиняет себе первичный признак, выражаемый конструктом *нефте-*. Например, сложное слово *нефтеотходы* в некоторых случаях развёртывается в словосочетание *отходы переработки нефти*: конструкт в данном случае дешифруется в словосочетание *переработка нефти*, в котором его эквивалент занимает позицию зависимого слова; связь с базисом в этом случае происходит через актуализированный при дешифровке компонент *переработки*. Таким образом, в данной модели ДС конструкт занимает позицию признакового компонента второго ранга [Бровец 2017б]. В модели представлены слова, относящиевся к ономасиологическому классу «вещество»: «вещество + трансгрессив» (*очистка продуктов нефтепереработки*).

Универбализация происходит по композитно-метатезным моделям: Сущ1мн+Сущ2ед +Сущ2ед > ОснСущ2ед+ инт+Сущ1мн[-Сущ2ед] (*отходы переработки нефти* > *нефтеотходы*); Сущ1ед+Сущ2мн +Сущ2ед >

Осн1Сущ2ед(кп)+инт+Сущ1ед[-Сущ2мн] (*очистка продуктов нефтепереработки > нефтеочистка*).

Модель y-(предл)-z(сущ)-x

Модель функционирует по принципам рассмотренного выше ДС, представляет собой его модификацию, в которой появляется предлог. Таким образом, рассматриваемый ДС представляет четырёхкомпонентный синтаксический эквивалент. В модели представлены слова, относящиеся к ономасиологическому классу «пространственный объект»: «пространственный объект + трансгрессив» (*завод по переработке нефти*).

Универбализация осуществляется по метатезно-компонентной модели Сущ1ед+предл+Сущ2ед+Сущ2ед > ОснСущ2ед+инт+Сущ1ед[-предл-Сущ2ед] (*завод по переработке нефти – нефтезавод*).

Модель y-z(сущ)- x-z(сущ)

Модель является усложнённой модификацией рассмотренного выше ДС. В данном случае признаковый компонент дешифруется в словосочетание. При этом конструкт не развёртывается, а переходит в состав сложного слова, входящего в образованное словосочетание. В данной модели ДС конструкт также принимает позицию признакового компонента второго ранга. Модель реализует ономасиологический класс «мероприятие» с признаком «аллатив», «презентатив».

При универбализации действует модель метатезно-компонентного типа соответствия: Сущ1ед+Сущ2мн+ Сущ2ед > Осн[1]Сущ2ед(кп)+ инт+Сущ1ед [-Сущ2мн] (*экспорт продуктов нефтепереработки > нефтеэкспорт*; *очистка продуктов нефтепереработки > нефтеочистка*).

Модель y-z(сущ)-z(сущ)-x

Рассматриваемая модель находится на следующей ступени усложнения презентативной основы. В этом случае конструкт также развёртывается в

словосочетание, однако занимает позицию признакового компонента третьего ранга. Вследствие действия этого ДС образуется четырёхкомпонентный синтаксический эквивалент. Модель реализуется в ономасиологический классе «мероприятие».

Универбализация происходит по схемам Сущ1ед+Сущ2мн+ Сущ2ед+ Сущ2ед > ОснСущ2ед+ инт+Сущ1ед[-Сущ2мн-Сущ2ед] / Сущ1мн+Сущ2мн+ Сущ2ед+ Сущ2ед > ОснСущ2ед+ инт+Сущ1мн[-Сущ2мн-Сущ2ед] (*экспорт продуктов переработки нефти > нефтеэкспорт*; *поставки продуктов переработки нефти > нефтепоставки*).

Итак, нами было обнаружено 10 основных моделей дешифровальных стимулов, в которых конструкт сложного слова развёртывается в эквиваленты разной структуры (включающие 1-4 компонента), а сам конструкт реализует 6 видов формальной разновидности (простое существительное, простое прилагательное, сложное существительное, сложное прилагательное, словосочетания второго и третьего ранга).

3.4. Дешифровальные матрицы ГГ «нефте»

Среди рассматриваемых моделей ГЭ, относящихся к гибридной группе «нефте», нами были выделены одно-, двух-, трех-, четырёх-, пятикомпонентные гнёзда эквивалентности.

Однокомпонентные ДМ

1. Модель «у-х(прил)»: одна из простейших моделей ДМ группы «нефте». В таких гнёздах содержится только аббревиатурный ДС, в соответствии с которым конструкт развёртывается в простое прилагательное. По количеству ГЭ модель значительно превосходит другие ДМ: ей соответствует около 30% гнёзд эквивалентности группы «нефте» (*нефтеиндустрия – нефтяная индустрия*, *нефтемагнат – нефтяной магнат* и др.).

2. Модель «у-х»: конструкт развёртывается как простое существительное в одном словосочетании, следовательно, в ГЭ реализуется только КДС (*нефтеизвлечение – извлечение нефти; нефтепоглощение – поглощение нефти*). Данной модели соответствует 8% гнёзд эквивалентности группы «нефте».

Двухкомпонентные ДМ

3. Модель «у-х + у-х(прил)»: одна из самых распространённых моделей группы. В гнёздах эквивалентности, построенных по этой ДМ, реализуется двойственность гибридного конструкта: он развёртывается и как прилагательное, и как существительное, совпадая или не совпадая с основой эквивалентного слова. Данной модели подчиняется 6 гнёзд эквивалентности (*нефтеотходы – нефтяные отход / отходы нефти; нефтеимпорт – нефтяной импорт / импорт нефти*). В таких дешифровальных матрицах проявляется гибридность конструкта, поскольку для дешифровки задействованы аббревиатурный и композитный ДС.

4. Модель «у-х+ у-х-а(сущ)»: как и предыдущая модель, эта ДМ реализует ДС аббревиатурного и композитного типов. В этом случае конструкт развёртывается в существительное или сложное прилагательное: *нефтесодержание – содержание нефти / содержание нефтепродуктов*; *нефтеснабжение – снабжение нефтью / снабжение нефтепродуктами*.

5. Модель «у-х(прил) + у-(предл)х»: модель, в которых конструкт при развёртывании реализует разные типы ДС. Сложное слово имеет двухкомонентные и трёхкомпонентные словосочетания-эквиваленты: *нефтезависимость – нефтяная зависимость / зависимость от нефти*; *нефтеловушка – нефтяная ловушка / ловушка для нефти*.

6. Модель «у-х(прил) + у-х-а(сущ)»: представленная модель, несмотря на наличие нескольких СЭ в составе, реализует ДС только аббревиатурного типа. В СЭ конструкт расшифровывается в прилагательное и в составное существительное: *нефтерайон – нефтяной район / район нефтедобычи*.

7. Модель «у-х + у-х»: в гнёздах эквивалентности, соответсвующих этой модели, актуализируются разные актантные характеристики обозначенного конструктом референта. Во всех случаях конструкт формально совпадает с основой эквивалентного компонента словосочетания: *нефтенасыщенность – насыщенность нефти* / *насыщенность нефтью*.

Трёхкомпонентные ДМ

8. Модель «у-х + у-х(прил) + у-х-а(сущ)». Регулярная ДМ, в которой реализуются базовые типы дешифрования конструкта «нефте»: простое существительное, простое прилагательное и сложное существительное: *нефтепродукты* (*нефтепереработка – переработка нефти* / *нефтяная переработка* / *переработка нефтепродуктов*; *нефтеразлив – разлив нефти* / *нефтяной разлив* / *разлив нефтепродуктов*). В данной модели задействованы ДС и аббревиатурного, и композитного типа.

9. Модель «у-х(прил) + у-(предл)х + у-(предл)х-а(сущ)»: регулярная модель, отражающая ДС разных типов. В гнёздах эквивалентности, построенных по данной модели, появляются двухкомпонентные и трёхкомпонентные СЭ (*нефтебак – нефтяной бак* / *бак для нефти* / *бак для нефтепродуктов*; *нефтецистерна – нефтяная цистерна* / *цистерна для нефти* / *цистерна для нефтепродуктов*).

10. Модель «у-х + у-х(прил) + у-(предл)х»: модель предполагает появление в гнезде эквивалентности простых двухкомпонентных и трёхкомпонентных словосочетаний (*нефтеотстойник – нефтяной отстойник* / *отстойник нефти* / *отстойник для нефти*).

11. Модель «у-х(прил) + у-х-а(ад) + у-х-а(ад)»: представленная модель отражает ДС только аббревиатурного типа, поскольку конструкт в таких гнёздах эквивалентности развертывается в простое или сложное прилагательное (причастие). СЭ имеют двухкомпонентную структуру: *нефтестанция – нефтяная станция* / *нефтеналивная станция* / *нефтедобывающая станция*.

12. Модель «у-х(прил) + у-х-а(сущ) + у-z(сущ)-х»: схема воспроизводит ГЭ слова *нефтепродукт*, которое в совокупности с некоторыми своими синтаксическими эквивалентами используется в качестве дешифровального стимула для других сложных слов группы. В гнезде эквивалентности обнаруживаются эквиваленты, состоящие из двух–трёх полнозначных слов: *нефтепродукт – нефтяной продукт* / *продукт нефтепереработки* / *продукт переработки нефти*.

Четырёхкомпонентные ДМ

В рассматриваемой группе обнаруживается 4 четырёхкомпонентных гнезда эквивалентности, каждое из которых имеет частную модель.

13. Модель «у-х + у-х(прил) + у-(предл)-х + у-(предл)-х-а(сущ)»: модель актуальна для ГЭ слова *нефтеёмкость*. СЭ содержат 2-3 компонента; в гнезде эквивалентности объективизируются ДС разных аббревиатурного и композитного типов (*нефтеёмкость – ёмкость нефти* / *нефтяная ёмкость* / *ёмкость для нефти* / *ёмкость для нефтепродуктов*).

14. Модель «у-х(прил) + у-х-а(ад) + у-(предл)-х-а(сущ) + у-(предл)-z(сущ)-х»: модель отражает связи гнезда эквивалентности слова *нефтезавод*. СЭ содержат 2-3 компонента; в гнезде эквивалентности также объективизируются ДС аббревиатурного и композитного типов (*нефтезавод – нефтяной завод* / *нефтеперерабатывающий завод* / *завод по нефтепереработке* / *завод по переработке нефти*).

15. Модель «у-х + у-(предл)-х + у-(предл)- х-а(сущ) + у-z(сущ)- z(сущ)-х»: модель характеризует ГЭ слова *нефтеочистка*. СЭ представляют собой словосочетания из 2-3 компонентов; в гнезде эквивалентности отражаются ДС разных типов (*нефтеочистка – очистка нефти* / *очистка от нефти* / *очистка от нефтепродуктов* /*очистка продуктов переработки нефти*).

16. Модель «у-х + у-х(прил) + у-х-а(сущ) + у-х-а(ад)»: модель характеризует ГЭ слова *нефтешлам*. СЭ представляют собой словосочетания из 2-3 компонентов; в гнезде эквивалентности отражаются ДС разных типов

(*нефтешлам – шлам нефти* / *нефтяной шлам* / *шлам нефтепродуктов* / *нефтесодержащий шлам*).

Пятикомпонентные ДМ

17. Модель «у-х + у-х(прил) + у-х-а(сущ) + у- х-а(сущ) + у-z(сущ)-х»: эта и следующие модели отображают схемы наибольших гнёзд эквивалентности группы. ДС рассматриваемой ДМ представляют собой словосочетания из 2-3 компонентов; в гнезде эквивалентности сожержатся СЭ, соответсвующие ДС разных типов. Данная модель характеризует ГЭ слова *нефтеотходы*: *отходы нефти / нефтяные отходы / отходы нефтепродуктов / отходы нефтепереработки / отходы переработки нефти*.

18. Модель «у-х + у-х(прил) + у-х-а(сущ) + у-(предл)х + у-(предл)(х-а(сущ)»: ДС этой ДМ представляют собой словосочетания из 2-3 компонентов, которые также соответствуют разным структурным типам. Модель представлена в ГЭ двух сложных слов: *нефтесклад – склад нефти / нефтяной склад / склад нефтепродуктов / склад для нефти / склад для нефтепродуктов; нефтехранилище – хранилище нефти /– нефтяное хранилище / хранилище нефтепродуктов / хранилище для нефти / хранилище для нефтепродуктов*.

19. Модель «у-х + у-х(прил) + у-х-а(сущ) + у-z(сущ)-х-а(сущ) + у-z(сущ)-z(сущ)-х»: данная модель является наиболее сложной из всех обнаруженных в анализируемой группе. В гнёздах эквивалентности, соответствующий этой ДМ, содержатся синтаксические эквиваленты, представляющие собой 2-4-хкомпонентные словосочетания второго и третьего ранга. Модель характерна для двух сложных слов: *нефтепоставки – поставки нефти* / *нефтяные поставки* / *поставки нефтепродуктов* / *поставки продуктов нефтепереработки* / *поставки продуктов переработки нефти; нефтеэкспорт – экспорт нефти* / *нефтяной экспорт* / *экспорт нефтепродуктов* / *экспорт продуктов нефтепереработки* / *экспорт продуктов переработки нефти*.

Нами рассмотрены 19 моделей ДМ гибридной группы «нефте» разной сложности. Выделены одно-, двух-, трёх-, четырёх- и пятикомпонентные модели дешифровальных матриц, определен формальный статус конструкта в конкретных ДМ, обозначены типы ДС, присущие каждой из рассмотренных моделей. Анализ показал, с одной стороны, широкую вариативность структур гнёзд эквивалентности группы, а с другой – многообразие форм, в которых может реализовываться гибридный конструкт *нефте-* в процессе дешифрования сложного слова.

3.5. Ядро и периферия гибридной группы «нефте»

29 гнёзд эквивалентности относится к ядру группы, из них 15 являются сбалансированными (*нефтеперекачка / перекачка нефти – перекачка нефтепродуктов; нефтеотходы / нефтяные отход – отходы нефти; нефтеимпорт / нефтяной импорт – импорт нефти* и др.). В ядро группы входят двухкомпонентные (*нефтеторговля / торговля нефтью – торговля нефтепродуктами*), трёхкомпонентные (*нефтетерминал / нефтяной терминал – терминал для нефти – терминал для нефтепродуктов*), четырёхкомпонентные (*нефтешлам / нефтяной шлам – шлам нефти – нефтесодержащий шлам – шлам нефтепродуктов*) и пятикомпонентные (*нефтехранилище / хранилище нефти – нефтяное хранилище – хранилище нефтепродуктов – хранилище для нефти – хранилище для нефтепродуктов*) гнёзда эквивалентности.

К периферии аббревиатурного типа относится 25 ГЭ, что составляет 40% от общего количества, кроме того, в несколько раз превышает количество ГЭ, относящихся к периферии по типу композитообразования (*нефтехимия – нефтяная химия*, *нефтеплатформа – нефтяная платформа*). Здесь отмечаем однокомпонентные (*нефтешахта – нефтяная шахта*), двухкомпонентные (*нефтерайон – нефтяной район – район нефтедобычи*) и трёхкомпонентные (*нефтестанция – нефтяная станция / нефтедобывающая станция / нефтеналивная станция*) гнёзда эквивалентности.

На периферии композитного типа находятся 8 ГЭ (13 %): *нефтеторговля – торговля нефтью*. К периферии относим однокомпонентные (*нефтепоглощение – поглощение нефти*) и двухкомпонентные (*нефтенасыщенность – насыщенность нефти / насыщенность нефтью*) гнёзда эквивалентности.

Данное соотношение ядра и разновидностей периферии указывает на развитие аббревиатурной интерпретации конструктов в рассматриваемой группе. На это указывает несколько фактов. Во-первых, при анализе моделей синтаксических эквивалентов было выявлено большое число ДС, в которых конструкт трактуется как аббревиатурный, и малозначительное количество ДС композитного типа. Во-вторых, большинство ДС, образованных по аббревиатурному типу, в ГЭ группы «нефте» имеют баланс индексов упоминания <1, что говорит о регулярном использовании этого ДС для замены расчленённого эквивалента.

3.6. Параллельное и последовательное формирование гибридности

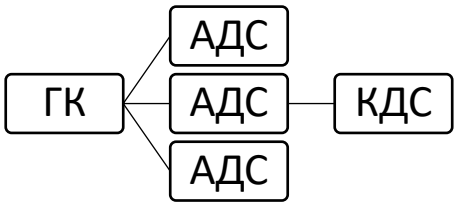
В гнёздах эквивалентности гибридной группы «нефте» обнаружены дешифровальные цепочки, в которых последовательно используются ДС композитного и аббревиатурного типа. Такие цепочки обнаруживаются в ГЭ слов *нефтезавод, нефтеотходы, нефтепоставки, нефтепродукт, нефтеэкспорт*. Структура дешифровальных матриц представленных ГЭ описана ранее.

При рассмотрении этих гнёзд было обнаружено, что некоторые синтаксические эквиваленты в ряде случаев являются сокращением другого синтаксического эквивалента, более сложного по составу. Отсюда следует, что сложное слово в таких дешифровальных цепочках – результат вторичного сокращения словосочетания.

Представленные ГЭ состоят из 3-5 компонентов, которые объединяются в нескольких цепочек. Нам удалось выделить 4 схемы, отображающие распределение синтаксических эквивалентов одного ГЭ.

Таблица 7

Схема ГЭ сложного слова *нефтезавод*



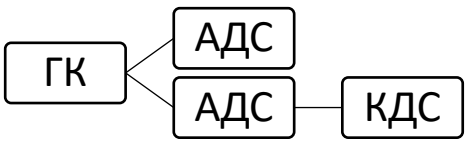
Нефтезавод: 1) *нефтяной завод*; 2) *завод по нефтепереработке* < *завод по переработке нефти*; 3) *нефтеперерабатывающий завод*.

Гнездо эквивалентности слова *нефтезавод* реализует веер с тремя дешифровальными цепочками. Простейшие ДЦ (1 и 3) образованы по аббревиатурному типу (конструкт выражается в структуре прилагательного или причастия) и не являются маркерами гибридности конструкта. Многокомпонентная ДЦ 2 демонстрирует изменение актуального статуса конструкта по мере свёртывания синтаксических эквивалентов в сложное слово. Словосочетание *переработка нефти*, которое является компонентом СЭ *завод по переработке нефти*, трансформируется в сложное слово *нефтепереработка*. В процессе активируется композитный статус конструкта *нефте-*. Сформировавшийся СЭ *завод по нефтепереработке*, в свою очередь, сворачивается в ССС *нефтезавод* по принципам аббревиации.

Таким образом, гибридность конструкта *нефте-* в слове *нефтезавод* подтверждается не только текстовой эквивалентностью, но и структурным соотношением языковых единиц в пределах одной дешифровальной цепочки.

Таблица 8

Схема ГЭ сложного слова *нефтепродукт*

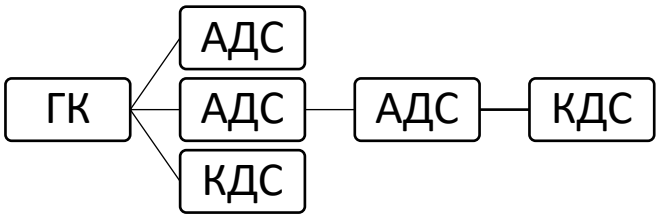


Нефтепродукт: 1) *нефтяной продукт*; 2) *продукт нефтепереработки* < *продукт переработки нефти*.

Гнездо эквивалентности слова состоит из двух дешифровальных цепочек. ДЦ 1 воспроизводит дешифровальный стимул аббревиатурного типа (конструкт развертывается в прилагательное). ДЦ 2 образовано последовательным способом, который соответствует дешифровальной цепочке 2 в схеме ГЭ слова *нефтезавод*.

Таблица 9

Схема ГЭ сложных слов *нефтепоставки*, *нефтеэкспорт*



Нефтепоставки: 1) *нефтяные поставки*; 2) *поставки нефтепродуктов* < *поставки продуктов нефтепереработки* < *поставки продуктов переработки нефти*; 3) *поставки нефти*.

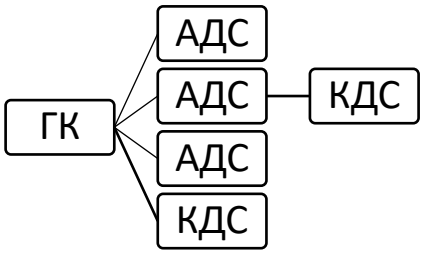
Нефтеэкспорт: 1) *нефтяной экспорт*; *экспорт нефтепродуктов* < *экспорт продуктов нефтепереработки* < *экспорт продуктов переработки нефти*; 3) *экспорт нефти*.

Пятикомпонентные ГЭ слов *нефтепоставки* и *нефтеэкспорт* включают в себя 3 ДЦ. В простых дешифровальных цепочках 1 и 3 используются ДС аббревиатурного и композитного типа; при этом реализуется параллельный способ формирования гибридности конструкта.

ДЦ 2 отражает последовательный способ формирования гибридности.

Таблица 10

Схема ГЭ сложного слова *нефтеотходы*



Нефтеотходы: 1) *нефтяные отходы*; 2) *отходы нефтепереработки* < *отходы переработки нефти*; 4) *отходы нефти*.

Синтаксические эквиваленты ГЭ объединяются в 4 дешифровальные цепочки, в одной из которых конструкт в процессе развёртывания меняет формальный статус (по принципу подобных ДЦ, рассмотренных ранее). Оставшиеся дешифровальные цепочки находятся в отношениях параллельного использования ДС разных типов.

Из оставшихся гнёзд эквивалентности 25 ГЭ имеют синтаксические эквиваленты, отвечающие разным типам ДС. Такими, например, являются ГЭ слов *нефтесмесь* (*нефтяная смесь – смесь нефтей – смесь нефтепродуктов*), *нефтеторговля* (*торговля нефтью – торговля нефтепродуктами*), *нефтеловушка* (*нефтяная ловушка – ловушка для нефти*). Здесь реализован параллельный способ формирования гибридности. Гнёзда эквивалентности, которые относятся к периферии гибридной группы, не несут в себе признак двойственности конструкта на данном этапе существования гибридной группы «нефте».

3.7. Семантический аспект описания аббревиатурной группы

Вопросами семантики аббревиатур занимались Г. П. Мосолова [Мосолова 2019], М. И. Тибилова [Тибилова 2015], М. А. Ярмашевич [Ярмашевич 2013], С. И. Шумарин [Шумарин 2011] и др.

В результате анализа семантических особенностей языковых единиц, входящих в аббревиатурную группу, можно установить влияние семантики сокращений на структуру гнёзд эквивалентности.

В пункте 3.1. данного исследования выдвигается предположение о псевдоунивербализационном происхождении конструкта *нефте-*, поскольку сложные слова из псевдоунивербализационных ГЭ фиксируются в сервисе Google Ngram раньше, чем истинные сокращения. Первые слова с анализируемым конструктом могли быть кальками из иностранных языков. Например, слово *нефтебаза*, согласно Google Ngram, в русских текстах фиксируется начиная с 1920-х гг.; его английский эквивалент *oil depot* единично фиксируется ещё в 1820-х гг., а с 1900 г. активно набирает употребления:

Рисунок 3

Фиксация наименований *нефтебаза* и *oil depot* в Google Ngram

«Первичность» английских эквивалентов фиксируется и в других случаях: английские *oil trap* и *oil production* появляются в текстах с 1890-х гг., а соответствующие им русские квазиаббревиатуры *нефтеловушка* и *нефтедобыча* начинают использоваться в текстах после 1920 г. Слово *нефтедоллар* возникает в русскоязычных текстах с 1980 г., в то время как английский эквивалент *oil dollar* активно фиксируется с 1920-х гг. Английское *oil pier* используется с 1900-х гг., а эквивалентное русское *нефтепирс* появляется только в 1960-х гг. и т.д. Такое частотное соотношение между эквивалентами косвенно может послужить аргументом в пользу выдвигаемого предположения.

Конструкт описываемой группы в ряде случаев входит в структуру составного конструкта *нефтегазо-*, с которым образуются сложносокращённые слова *нефтегазоконденсат, нефтегазонасыщенность, нефтегазоразведка* и т.д. В предшествующих исследованиях рассматривалась идея о сходстве конструктов *нефте-* и *газо-* на основе связи между называемыми референтами. Об этой связи свидетельствует не только существование составного конструкта *нефтегазо-*. Термины нефтяной и газовой промышленности часто становятся объектами описания специальных словарей и энциклопедий, посвященных отдельной сферы деятельности человека: нами обнаружены «Словарь нефтегазовых терминов и аббревиатур» [Электронный ресурс: oilgasinform.ru/science/glossary], «Словарь по геологии нефти и газа» [Словарь по геологии нефти и газа, 1988], «Англо-русский и русско-английский словарь по нефти и газу» [Булатов 2006] и т.д.

Кроме того, конструкты *нефте-* и *газо-* связаны с лексемами, которые имеют общую семантику: оба конструкта обозначают ‘полезное ископаемое’, ‘горючее вещество, употребляемое в качестве топлива’. На основании семантической общности осуществлен сравнительный анализ аббревиатурных групп «нефте» и «газо»: сопоставлялись ГЭ обнаруженных в данных группах слов с одинаковыми базисными компонентами (*газоанализ* и *нефтеанализ*; *газодобыча* и *нефтедобыча*; *газопереработка* и *нефтепереработка* и др.).

Выяснилось, что близкая семантика конструктов и базисов не обусловливает их одинаковую структурную трактовку. Таким образом, каждая аббревиатурная группа характеризуется индивидуальными параметрами функционирования в языке.

В анализируемой группе встречаются многозначные слова; полисемантичность некоторых из них развивается на основе многозначности базисного компонента [Рязанова 2022]. Например, базис *ёмкость* имеет следующие значения: 1. ‘способность вместить в себя определённое количество чего-либо’; 2. ‘вместилище для хранения чего-либо’. Для производного *нефтеёмкость* в «Словаре» также зафиксировано несколько значений: ‘большой сосуд для хранения сырой или переработанной нефти’; 2. ‘физическая величина, характеризующая способность сорбционного материала впитывать нефть или нефтепродукты’. При этом в гнезде эквивалентности слова отмечается несколько эквивалентов: *нефтяная ёмкость*, который соотносится с обоими значениями; *ёмкость для нефти*, который может кореллировать только со вторым значением; *ёмкость нефти*, который актуализирует первое значение.

В большинстве случаев полисемантичность формируется непосредственно у сложного слова в результате идиоматизации. Например, слово *нефтебочка* используется в двух значениях: 1. ‘большой сосуд для хранения сырой или переработанной нефти’ (то же, что *нефтеёмкость* в первом значении); 2. ‘мера объёма нефтепродуктов, используемая для измерения в экономических расчётах в некоторых странах’ (то же, что *баррель*). Очевидно, что второе значение никак не связано с семантикой отдельно взятых составляющих его структурных компонентов.

Многозначность сложных слов анализируемой группы приводит к появлению параллельных синтаксических эквивалентов, актуализирующих одно из значений сокращения. Синтаксический эквивалент *бочка для нефти* соотносится только со значением ‘большой сосуд для хранения сырой или переработанной нефти’, поскольку ономасиологичсекая модель данного

эквивалента («приспособление + дестинатив») не противоречит этому значению.

Многозначное сокращение *нефтестанция* имеет синтаксический эквивалент *нефтедобывающая станция*, который соответствует только одному значению слова – ‘инженерный комплекс, предназначенный для бурения скважин и добычи углеводородного сырья, залегающего под дном моря, океана либо иного водного пространства’; эквивалент *нефтеналивная станция* соотносится только со значением ‘пункт распределения нефти из трубопровода в нефтецистерны’.

В рассматриваемую группу входят в основном общеупотребительные слова, однако встречаются и специальные термины. В «Словаре» такие слова маркируются с помощью помет: *спец*. (*нефтекартель*, *нефтеврезка*), *техн*. (*нефтеразлив*), *пром*. (*нефтегавань*), *экон*. (*нефтезависимость*), *экз*. (*нефтебочка*). Трактовка конструкта в форме существительного множественного числа (*нефтей*, *нефти*, *для нефтей*) возникает в специальных терминах, поскольку в такой форме слово используется для обозначения сортов нефти или ее фракций.

Выводы к Разделу III

Аббревиатурная группа может быть рассмотрена в двух модусах:

● в структурном, который включает квантитативное описание группы и создание формальных моделей компонентов разных уровней (СЭ, ГЭ);

● в ономасиологическом, который сосредоточен на анализе воплощаемой в языковых единицах семантики и на фиксации лексических особенностей компонентов.

Ономасиологическое описание осуществляется путём сопоставления ономасиологических моделей (ОМ) возможных синтаксических эквивалентов. ОМ имеет двухчастную структуру и включает ономасиологический базис (отражает ономасиологический статус главного компонента словосочетания) и ономасиологический признак (соотносится с признаковым компонентом

словосочетания и с конструктом ССС). Для передачи статуса ОБ используются названия лексико-семантических групп; ОП передаются с помощью глубинных падежей.

Формальное описание группы проводится в два этапа: во-первых, анализируются модели дешифровальных стимулов и способы репрезентации структуры синтаксического эквивалента в аббревиатуре; во-вторых, сопоставляются дешифровальные матрицы гнёзд эквивалентности группы. Для описания ДС используются условные обозначения, отражающие частеречную принадлежность компонентов, составляющих словосочетания.

Обнаружены следующие характеристики группы.

1. В рассматриваемой группе отмечается 134 синтаксических эквивалента, которые объединены в 62 гнёздах эквивалентности. Развёртывание сложных слов в эквивалентные словосочетания происходит по 26 возможным моделям дешифровальных стимулов. Количество ГЭ, образованных по универбализационному типу, незначительно превышает псевдоунивербализационные гнёзда (59% и 41% соотв.). Предполагается, что псевдоунивербализационные ГЭ могли появиться в результате калькирования иностранных слов, что объясняется экстралингвистическими факторами.

2. Для аббревиатурной группы «нефте» обнаружено 30 ономасиологических моделей (4 из которых имеют разновидности). Наиболее регулярными оказались модели с ономасиологическим признаком «квалификатив», указывающий на принадлежность объекта к классу. Среди регулярно встречающихся ОМ выделим модель «пространственный объект + квалификатив» (соответствует 13 СЭ из 134 соответствует этой ОМ, например *нефтеплатформа – нефтяная платформа*), «приспособление + квалификатив» (соответствует 10 СЭ: *нефтебочка – нефтяная бочка* и т.д.). Ономасиологическим моделям с признаком «квалификатив» соответствует презентативный дешифровальный стимул «у-х(прил)», в котором базис представлен простым существительным, а признаковый компонент – согласованным прилагательным. Такая модель является наиболее простой на

структурном и семантическом уровнях: модель формально дублирует структуру СЭ, а прилагательное в её составе передаёт наиболее общую семантику конструкта. Этим объясняется высокая частотность моделей с ОП «квалификатив».

Регулярным является также ОП «дестинатив» (назначение приспособления). Данный признак входит в состав ОМ «приспособление + дестинатив» (соответствует 12 СЭ: *нефтеловушка – ловушка для нефтепродуктов*), «пространственный объект + дестинатив» (10 СЭ: *нефтесклад – склад нефти* / *склад для нефти*). В описываемой группе данная ОМ реализуется в разных ДС: «у-$х^{n}$» и «у-(предл)х».

3. Модель ДС «у-х(прил)» наиболее часто используется для дешифровки сложносокращённых слов: около 50% синтаксических эквивалентов построены по этой модели. Сложносокращённые слова формируется из таких СЭ по схеме «ЧоснПрил1ед+инт+Сущ1ед».

Как правило, в гнёздах эквивалентности группы «нефте» представлены также ДС, которые обеспечивают композитную трактовку сложных слов. Например, в регулярной модели «у-$х^{n}$» (около 30% от общего количества) конструкт трактуется как простое существительное; при этом конструкт ССС и основа признакового компонента в таких ДС формально совпадают: *нефтеанализ – анализ нефти; нефтесмесь – смесь нефтей; нефтеснабжение – снабжение нефтью* и т.д. В данном ДС реализуются ономасиологические модели разнообразных типов, поскольку признаковый компонент в таких ДС конкретизируется релятивной семантикой.

Подобные отношения между компонентами реализуются также в трёхчастных моделях ДС, в которых синтаксическая связь компонентов осуществляется с помощью предлогов: «у-(для)-$х^{2}$» (*цистерна для нефти*); «у-(от)-$х^{2}$» (*очистка от нефти*); «у-(к)-$х^{3}$» (*стойкость к нефти*); «у-(в)-$х^{4}$» (*врезка в нефтепровод*). В первом варианте реализуется регулярные ономасиологические модели с ОП «дестинатив».

4. Дешифровальные матрицы группы «нефте» включают от 1 до 5 ДС. Наиболее регулярной оказалась однокомпонентая ДМ «у-х(прил)», встречающаяся в описываемой группе 18 раз. Такая модель включает только аббревиатурную трактовку конструкта. Распространённость этой схемы обусловлена предельно общей семантикой синтаксического эквивалента и его простой структурой.

Схеме ДМ «у-х + у-х(прил)» соответствует 6 гнёзд эквивалентности описываемой группы. В целом отмечается большое количество ДМ, содержащих индивидуальные совокупности ДС: для 62 ГЭ группы «нефте» было обнаружено 19 моделей дешифровальных матриц.

5. Поскольку описываемая группа относится к типу гибридных, необходимо также исследовать ГЭ на предмет структурной двойственности конструкта. В гибридное ядро группы входит 29 ГЭ, из которых 15 являются сбалансированными.

Аббревиатурный дешифровальный стимул **у-х(прил)** сосуществует в гнезде эквивалентности с другими моделями, в которых признаковый компонент конкретизируется через релятивные композитные ДС. Например, слово *нефтепереработка* имеет эквиваленты *нефтяная переработка* и *переработка нефти*, в соответствии с которыми формируются ономасиологические модели «процесс + квалификатив» и «процесс + трансгрессив». Таким образом, для сложных слов, относимых к ядру группы, возможны как минимум две ономасиологические трактовки.

Возможны также модели ДМ, в которых аббревиатурную трактовку конструкту дает также модификационные ДС. Например, в многокомпонентной матрице слова *нефтеотходы* обнаруживаем 5 СЭ: *нефтяные отходы* («вещество + квалификатив»), *отходы нефти* («вещество + поссесив»), *отходы нефтепродуктов* («вещество + посессив»), *отходы нефтепереработки* («вещество + аллатив»), *отходы переработки нефти* («вещество + аллатив + трансгрессив»). При константном базисе слово

нефтеотходы имеет 4 варианта ономасиологического признака, которые актуализируются в зависимости от приведённых трактовок.

Таким образом, разные ономасиологические значения сложного слова может приводить к его множественной структурной трактовке. С другой стороны, в сложных модификационных дешифровальных стимулах происходит переподчинение признакового компоненту другому компоненту, не выраженному в структуре аббревиатуры. Например, в СЭ *отходы переработки нефти* признаковый компонент *нефте-* подчиняется не базису *отходы*, а модифицирующему компоненту *переработки*; в соответствии со значением которого признаковый компонент получает статус «трансгрессив».

6. Многозначность некоторых сложных слов анализируемой группы приводит к появлению параллельных синтаксических эквивалентов, актуализирующих одно из значений сокращения. Многозначность может образовываться:

а) в результате переноса многозначности базиса;

б) в результате многозначности исходного словосочетания;

в) в результате идиоматизации значения образованного сложного слова.

Сочетание ономасиологического и структурного подхода к описанию аббревиатурной группой оказалось результативным. Многоаспектный анализ группы позволил обнаружить взаимозависимость между семантикой языковых единиц и способами их формальной репрезентации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аббревиация стала объектом масштабных лингвистических исследований в начале XX века в связи с активизацией этого процесса в словообразовательной системе русского языка. Основные теоретические труды базируются на т.н. диахронном подходе, который сформировал представление об аббревиации на несколько десятилетий. Для традиционного диахронного подхода характерны следующие положения:

а) аббревиатура возникает в результате трансформации устоявшегося расчленённого наименования (словосочетания) в нерасчленённое;

б) аббревиатура – вторичное наименование, полностью репрезентирующее структуру и семантику словосочетания-источника, потому аббревиатуру можно истолковать через производящее словосочетание;

в) словосочетание и аббревиатура находятся в биномиальных отношениях, при которых в образованную ими аббревиатурную пару не предполагается включение альтернативных единиц;

г) в традиционном подходе не происходит дифференциация сокращенных апеллятивов и онимов. Сокращение расчленённых имён собственных трактуется как происходящее по стандартным схемам.

Традиционный подход исследует сокращения разных структурных типов – инициальные и слоговые аббревиатуры, сложные сокращения, универбаты и т.д., однако при этом отмечается повышенный интерес к инициальным аббревиатурам. Об этом свидетельствует, в частности, соотношение аббревиатур в словарях сокращений: в них превалируют инициальные аббревиатуры, среди которых обнаруживается большое количество онимов.

В нашем исследовании внимание сосредоточено на сложносокращённых апеллятивах. Выбор объекта исследования обусловлен особенностями образования данных единиц. Сокращенные онимы конструируются по стандартизованным схемам, в то время как формирование

сокращённых апеллятивов происходит неупорядоченно и во многом подчиняется внутриязыковым законам. Кроме того, инициальные аббревиатуры имеют единую схему образования и репрезентируют соответствующее компоненты расчлененного наименования в соответствующем порядке. Для сложносокращённых апеллятивов обнаруживается вариативность в образовании и репрезентации компонентов.

Под аббревиатурой понимается результат лексической конденсации, при которой происходит произвольное усечение основ слов, входящих в мотивирующее словосочетание. Сложносокращённое слово – разновидность неинициальных аббревиатур, которые включают частичносокращенные слова (сочетание усечённой основы в препозитивном положении – т.н. конструкта – с целым базовым компонентом словосочетания) и слоговые аббревиатуры (сочетание инициальных слогов компонентов словосочетания).

Экспериментальная лаборатория исследования тенденций аббревиации разработала синхронно-эквивалентностный подход к процессу аббревиации. В результате исследований в рамках нового подхода было обнаружено, что целый ряд вопросов, связанных с образованием и функционированием аббревиатур, требует переосмысления.

Синхронный подход сосредоточен на отношениях эквивалентности между единицами словообразования. Под эквивалентностью понимается использование сокращения и соответствующего ему расчленённого наименования в одних и тех же текстах в качестве абсолютных синонимов (такие единицы рассматриваются как эквиваленты).

Аббревиатура на синхронном срезе языка может быть эквивалентна сразу нескольким словосочетаниям. Таким образом, аббревиатура коррелирует не с одним производящим словосочетанием, а с множеством эквивалентных словосочетаний вне зависимости от отношений производности. Такая совокупность синтаксических эквивалентов формирует гнездо эквивалентности сокращений.

При помощи квантитативных методик установлено, что мотивационные отношения между аббревиатурой и словосочетанием могут быть разнонаправленными. Гнездо эквивалентности может образовываться на основе цельнооформленной единицы, формально схожей со сложным словом, путём развертывания ее компонентов в словосочетание, или на основе уже существующей в языке аббревиатуры. Такой процесс назван псевдоунивербализацией; компонент простого слова, который в результате псевдоунивербализации претерпевает структурную трансформацию, является абброморфемой.

Возникновение множественной эквивалентности объясняется действием на гнездо эквивалентности дешифровальных стимулов (ДС). Термин был введен В. И. Теркуловым и изначально касался формального аспекта исследования аббревиатур. Под дешифровальным стимулом понимается стереотип расшифровки абброконструкта, структурная модель, которая может быть использована при развертывании слова в словосочетание.

Типология дешифровальных стимулов по степени формального воспроизведения компонентов сложного слова включает следующие типы:

- презентативные ДС, воспроизводящие структуру сложного слова;

- модификационные ДС, интерпретирующие конструкт слова через другое сложное слово или словосочетание;

- релятивные ДС, актуализирующие предложно-падежную форму конструкта.

Совокупность дешифровальных стимулов, формирующих одно гнездо эквивалентности, представляет собой дешифровальную матрицу гнезда.

Нами разработан когнитивный подход к пониманию дешифровальных стимулов, согласно которому ДС – это имплицитные знания носителей языка, которые стимулируют развёртывание сложного слова тем или иным способом. Когнитивный подход основан на представлении носителей языка о том, что всякое сложное слово (в том числе номинативная единица, похожая на сложное слово, но таковым не являющаяся) имеет расчленённый эквивалент.

Это представление побуждает носителей языка развёртывать простые слова с абброморфемой или создавать новые расчлененные эквиваленты для аббревиатур, образованных путем универбализации. В результате исследования были определены причины формирования альтернативных синтаксических эквивалентов для аббревиатур, среди которых выделим следующие:

1. Подбор простых конструкций. В ряде случаев аббревиатуры образованы на основе сложных по структуре или функционально ограниченных словосочетаний. В этом случае носитель языка подбирает для расшифровки ДС простой конструкции, который отображает общую семантику сокращения. Например, аббревиатура *ветдепартамент* образована словосочетания *департамент ветеринарного надзора*, которое, вероятно, незнакомо большинству носителей языка, потому часто эта аббревиатура развёртывается в СЭ *ветеринарный департамент*.

2. Использование (в большинстве случаев ошибочное) суффиксальных паронимов для развёртывания сокращения. Наблюдается регулярное использование паронимичных прилагательных для расшифровки конструктов: *ветровой* и *ветряной* для конструкта *ветро-*; *драматический* и *драматургический* для конструкта *драм-*; *бронированный* и *броневой* для конструкта *броне-* и т.д.

3. Развёртывание заимствованных единиц по моделям исконных сокращений. Например, заимствованные слова с префиксом *арт-* (от англ. *art* ‘искусство’) зачастую трактуются носителями русского языка как сложные слова с абброморфемой, в результате чего возникают расчленённые эквиваленты с компонентом *артистический* (*артдиректор* > *артистическй директор*).

4. Проблемы с интерпретацией семантики сложного слова, которые приводят к разным трактовкам актантной роли признакового компонента, к смешению омонимичных форм и т.д.

Дешифровальные стимулы влияют не только на количество синтаксических эквивалентов сложного слова, но и на качественные характеристики гнезда эквивалентности. В результате множественной дешифровки сложного слова возникают ситуации, когда инициальный конструкт получает несколько структурных трактовок разной степени репрезентации. Такой конструкт называется гибридным. В соотношении с разными синтаксическими эквивалентами одного ГЭ такой конструкт может трактоваться как аббревиатурный (т.е. конструкт структурно меньше соответствующего компонента словосочетания) и как не-аббревиатурный – композитный (при совпадении конструкта с основой соответствующего компонента словосочетания) или юкстапозитный (при полном совпадении эквивалентных компонентов).

Для гибридных конструктов нами была основана специальная типология ДС по способу реализации формально-семантических разновидностей. Выделяются ДС аббревиатурного типа (АДС), композитного (КДС) и юкстапозитного (ЮДС) типа в соответствии с аббревиатурной, композитной и юкстапозитной трактовками конструкта.

Слова одной части речи с общим препозитивным конструктом объединяются в аббревиатурные группы. Нами не было обнаружено объёмных исследований таких совокупностей сокращенных слов в работах, относящимся к диахронному подходу. Описание абброгрупп получило широкое развитие в работах участников Лаборатории. Мы отграничиваем аббревиатурные группы от смежных понятий, которые упоминаются в работах других исследователей. В частности, аббревиатурная группа не отождествляется с тематической группой и тематическим полем, которые объединяют словообразовательные единицы разных частей речи.

Отмечается, что гнёзда эквивалентности одной аббревиатурной группы характеризуются большей или меньшей общностью дешифровальных стимулов. Таким образом, в аббревиатурной группе формируется собственная дешифровальная матрица. Компоненты общей ДМ группы в разных

сочетаниях обнаруживаются в ДМ гнёзд эквивалентности; как правило, простые модели презентативных ДС представлены во всех гнёздах эквивалентности группы, в том время как появление модификационных и релятивных ДС обусловлено особенностями конкретного ГЭ. Такое наблюдение легло в основу разработки методики прогнозирования отношений эквивалентности в аббревиатурной группе.

Каждая аббревиатурная группа отличается индивидуальными параметрами формирования и функционирования. В результате исследования групп, которые были собраны участниками Лаборатории в ходе работы над «Толковым словарём сложносокращенных слов русского языка» под рук. В.И. Теркулова, удалось выделить дифференцирующие признаки, на основе которых нами разработана типология аббревиатурных групп.

Типологизация абброгрупп основывается на нескольких принципах. В предыдущих исследованиях учитывались:

- квантитативный принцип, учитывающий частотное и количественное соотношение компонентов аббревиатурной группы, отношения производности и иные параметры, которые можно оценить с позиции количества;

- структурно-формальный принцип, который учитывает структуру составляющих АГ единиц и способы выражения составляющих компонентов в гнёздах эквивалентности.

Большую роль на формирование аббревиатурной группы оказывает семантика её компонентов. В частности, необходимо учитывать омонимические отношения единиц, которые приводят к формированию симультантов, что в свою очередь вызывает смешение дешифровальных матриц симультанных групп. Кроме того, многозначность сложных слов группы или их компонентов приводит к формированию новых дешифровальных стимулов. В связи с этим выдвигается также семантический принцип типологизации аббревиатурных групп.

Таким образом, сформировано 9 параметров, в рамках которых для анализа аббревиатурной группы предлагается 27 вариантов характеристик.

Для поверки эффективности методики описания аббревиатурных групп по предложенной типологии нами проведен анализ 10 групп, собранных в ходе работы над «Словарём». Данному исследованию посвящен II Раздел работы. Аббревиатурные группы были отобраны методом сплошной выборки. В целом в данном разделе нами было проанализировано 693 гнезда эквивалентности и 202 модели дешифровальных стимулов.

Для большинства групп уже при первичном анализе обнаруживаются индивидуальные особенности функционирования. Например, псевдоунивербальными оказались только группы «банд» и «теле»; в группе «зав» обнаруживаются только релятивные ДС; группа «теле» является симультантом, поскольку обнаруживается омонимичный конструкт; в группе «лингво» конструкт развёртывается как базисный и как признаковый компонент т.д.

На материале исследуемых групп была выявлена корелляция между характером универбализационных отношений в группе и количеством дешифровальных стимулов. Предполагается, что трактовки псевдоунивербальных ГЭ более свободны, поскольку они базируются на выборе носителей языка, при этом сама абброморфема характеризуется абстрактным значением. Универбальные трактовки же ограничены производящими синтаксическими эквивалентами.

Итогом разработок теоретического материала, рассмотренного в разделах I и II настоящего исследования, стало комплексное синхронное описание аббревиатурной группы «нефте». В анализируемой группе зафиксировано 134 синтаксических эквивалента, которые объединены в 62 гнёздах эквивалентности.

Кроме уже рассмотренных принципов для комплексного описания аббревиатурной группы применяется также ономасиологический принцип. Этот принцип не подходит для классификаций абброгрупп, поскольку, на наш

взгляд, он проявляется на уровне отдельно взятых СЭ и связан с актуальной семантикой сокращений и соответствующего словосочетания. Ономасиологический принцип эффективно используется для внутреннего анализа группы.

Описание аббревиатурной группы «нефте», таким образом, проводится в структурном и ономасиологическом аспектах, в рамках которых можно выделить следующие направления исследования: квантитативный анализ группы; структурный анализ гнёзд эквивалентности и их компонентов через формальные показатели – модели дешифровальных стимулов и дешифровальных матриц; исследование гибридного ядра и периферии группы и моделей формирования гибридности конструкта; описание ономасиологических характеристик сокращений; исследование семантических особенностей компонентов описываемой группы.

Структурное описание группы включает анализ частотности входящих в группу единиц, указания количественных характеристик и изучение формальных особенностей компонентов аббревиатурной группы.

Для 62 гнёзд эквивалентности группы обнаружено 26 моделей дешифровальных стимулов презентативного, модификационного и релятивного типа. Конструкт *нефте-* может развёртываться в простое прилагательное, простое существительное и в сложное слово. Довольно часто конструкт реализуется в структуре сложного признакового компонента *нефтепродукт*. Наиболее регулярной оказалась модель презентативного ДС *у-х*(*прил*): около 50% синтаксических эквивалентов группы соответствуют этому ДС. Отметим, что модель словосочетания «прилагательное + существительное» является простой и в то же время универсальной с точки зрения передачи структуры сложного слова в расчленённом эквиваленте. Кроме того, исследователи отмечают высокую изменчивость значения прилагательных в зависимости от контекста, поэтому они передают наиболее общее отношение к тому, что обозначено базисом сокращения. Этими факторами объясняется высокая распространённость указанного ДС для

расшифровки сложных слов в русском языке. Чаще всего анализируемый конструкт параллельно развёртывается и в простое существительное, которое входит в состав модификационного или релятивного ДС. Конструкт *нефте-* совпадает с основой простых существительных, которые используются для расшифровки (*нефтью, нефти, для нефти* и т.д.); за счёт такой трактовки реализуется структурная двойственность конструкта.

Гнёзда эквивалентности группы насчитывают от 1 до 5 компонентов. Для анализируемой группы обнаружено 19 моделей дешифровальных матриц. Наиболее регулярной является однокомпонентная ДМ «у-х(прил)», которая включает самую регулярную модель ДС. В анализируемой группе превалируют многокомпонентные ДМ, в которых конструкт получает бинарную расшифровку. Нами обнаружено множество четырёх- и пятикомпонентных ДМ, каждая из которых характеризует 1-2 ГЭ.

Для ономасиологического описания группы нами составлена типология ономасиологических моделей всех синтаксических эквивалентов. Ономасиологическая модель включает ономасиологический базис (для передачи используются категории ЛСГ) и ономасиологический признак (передаётся семантическим падежом). Абброгруппа «нефте» насчитывает 30 ономасиологических моделей с несколькими подтипами.

Наиболее регулярными оказались модели с ОП «квалификатив», соответствующее ДС «у-х(прил)»: «пространственный объект + квалификатив», «приспособление + квалификатив», «вещество + квалификатив» и т.д. Регулярными являются также модели с ОП «дестинатив», с которыми регулярно соотносятся ДС «у-$х^{n}$» и «у-(для)х».

В многокомпонентных ГЭ, как правило, обнаруживается несколько ономасиологических моделей, которые соответствуют входящим СЭ. Таким образом, конструкт в одном и том же **однозначном** сокращении может иметь не только структурную, но и ономасиологическую вариативность. Открытым остаётся вопрос о первичности данных характеристик: заложенные в слове потенциальные ономасиологические значения вызывают появление новых

синтаксических эквивалентов, или развитие ономасиологических признаков происходит в результате стихийного создания структурных эквивалентов сокращения?

Результативным для описания аббревиатурной группы оказался семантический анализ компонентов. Нами предложена и обоснована интерпретация нескольких ГЭ группы, структура которых, на наш взгляд, обусловлена многозначностью сокращения.

Исследование семантических характеристик оказалась перспективным как для лексикографического описания аббревиатур, так и для углублённого теоретического анализа аббревиатурных групп. В целом комплексный многоаспектный анализ, учитывающий как квантитативные, так формальные, ономасиологические и семантические характеристики группы, может дать глубинные сведения о формировании и функционировании абброгруппы.

Лабораторией создан ряд работ, в которых проведено фрагментарное описание аббревиатурных групп, сосредоточенное в первую очередь на изучении структурных особенностей языкового материала. Данное же исследование содержит фундаментальное описание абброгруппы во взаимосвязи всех ее функциональных аспектов, раскрытие которых связано с разработкой нового подхода к аббревиации. Предложенное описание аббревиатурных групп может быть использовано как методологическая основа для исследования языкового материала.

В результате комплексного анализа абброгрупп обнаружилась сфера функционирования сложносокращенных слов, требующая более детального изучения. Речь идет о семантике сокращений как самостоятельных языковых единиц. В дальнейших исследованиях планируется подробно изучить семантические особенности сложносокращенных слов, а также рассмотреть взаимосвязь семантики аббревиатуры и структуры ее гнезда эквивалентности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулич Е. А. Система дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности «вело» / Е. А. Акулич // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 153–157.

2. Акулич Е. А. Модели образования сложносокращенных слов в аббревиационном гнезде «вело» / Е. А. Акулич// III Республиканской очно-заочной научно-практической конференции «Чтения молодых ученых» / редкол.: Н. В. Волкова – Горловка : ГИИЯ, 2017. – С. 32–34.

3. Аламайрех Е. Ю. Некоторые уточнения определения понятия "аббревиация" / Е. Ю. Аламайрех // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 4. – С. 224–231.

4. Алексеев Д. И. Стилистические особенности буквенных аббревиатур и сложносокращенных слов / Д. И. Алексеев // Вопросы стилистики : тезисы докладов на межвузовской научной конференции. – Саратов, 1962. – С. 44–59.

5. Алексеев Д. И. Аббревиатуры как новый тип слов / Д. И. Алексеев // Развитие словообразования современного русского языка. 3-е изд. – Москва, 1977. – С. 13–37.

6. Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1979. – 328 с.

7. Антонов В. П. Лингвистический статус элемента «нано-» в современном русском языке / В. П. Антонов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2012. – № 2. – С. 37–43.

8. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – Москва.: Наука, 1974. – 367 с.

9. Баранова Л. А. Аббревиатурно-узуальная омонимия и омонимия исконных и заимствованных аббревиатур как средства языковой игры на

стыке языков // Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. – 2012. – Т. 20. – Вип. 18. – С. 3–8.

10. Березницкая Е. А. Альтернативные квантитативные методики анализа сложносокращенных слов / Е. А. Березницкая, В. И. Теркулов // Наука и мир в языковом пространстве : Сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции, Макеевка, 23 ноября 2016 года / Редколлегия: Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко [и др.]. – Макеевка: Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, 2016. – С. 458–462.

11. Березницкая Е. А. Использование сервиса Google Ngram для квантитативного анализа сложносокращенных слов / Е. А. Березницкая // Новые горизонты русистики. – 2017. – № 2. – С. 7–10.

12. Білецький А. О. Програма курсу «Загальне мовознавство» / А. О. Білецький. – Київ: Вид-во КДУ, 1962. – 50 с.

13. Блох М. Я. Аббревиация как продуктивный способ словообразования в истории европейских языков / М. Я. Блох, Т. С. Сергеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1(29). – С. 186–199.

14. Блюмина О. В. Основы ономасиологической классификации русских и украинских композитов со значением «процессуальность» /О. В. Блюмина, В. И. Теркулов // Славянские языки : единицы, категории, ценностные константы. – Волгоград, 2010 – С. 216–231.

15. Блюмина О. В. Мутантный аббревиатурно-композитный ономасиологический класс процессуальности / О. В. Блюмина // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум. Том 2. Симферополь, 2017. – С. 163–166.

16. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. – Москва : Воениздат, 1972.– 320 с.

17. Брацун Д. А. Аббревиатурный ономасиологический класс: модели формального описания / Д. А. Брацун // Новые горизонты русистики. – 2018. – № 6. – С. 4–9.

18. Брацун Д. А. Система абброконструктов аббревиатурного поля "дорога" / Д. А. Брацун // Новые горизонты русистики. – 2020. – № 10. – С. 4–12.

19. Бровец А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – С. 51– 57.

20. Бровец А. И. О симультанных абброконструктах (на материале аббревиационной группы электро) / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире : X Международная научно-практическая конференция (8-11 июня 2016 г.) : сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т.1. – С. 41–51.

21. Бровец А. И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – Москва: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. – № 6. – С. 98–107.

22. Бровец А. И. Альтернация модификационного интерпретативного дешифровального стимула аббревиатуры: типы семантической релевантности / А. И. Бровец // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17–20 октября 2017 г.). – Том 4: Филологические науки. Ч. 2: Языкознание, литературоведение, культурология, журналистика / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – С. 13–16.

23. Бровец А. И. Дублетная альтернация модификационного дешифровального стимула аббревиатуры / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум / отв. ред.

Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 162–167

24. Валгина Н. С. Современный русский язык: [учебник] / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина; под ред. Н. С. Валгиной.– 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Логос, 2002. – 528 с.

25. Василевская Е. А. О русском словосложении (Словосочетание, словосложение, аффиксация) / Е. А. Василевская. – Москва, 1968. – 35 с.

26. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. –М.: Учпедгиз, 1959. –С. 419–443.

27. Воротникова А. В. Компрессивное словообразование: проблема описания универбов русского языка / А. В. Воротникова // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 60, Т. 3. – С. 82–91.

28. Востоков А. Х. Русская грамматика / А. Х. Востоков. – Санкт-Петербург, 1839. – 402 с.

29. Гагарина Н. Н. Проблема композитообразования в русском и немецком языках / Н. Н. Гагарина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24(239). – С. 132–135.

30. Ганноха И. В. История развития аббревиации как способа словообразования в английском и русском языках / И. В. Ганноха // Science Time. – 2015. – № 4(16). – С. 154–160.

31. Герасимова М. Н. Некоторые особенности аналитических прилагательных в современном русском языке (на материале национального корпуса русского языка) / М. Н. Герасимова // Череповецкие научные чтения - 2014, Череповец, 11–12 ноября 2014 года / Ответственный редактор: Н. П. Павлова. – Череповец: ФГБОУ ВПО Череповецкий государственный университет, 2015. – С. 39–42.

32. Глотова И. П. К вопросу об универбации (О функционально-стилевом и общелитературном употреблении) / И. П. Глотова // Вопросы стилистики. – Вып. 12. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977. – С. 3–17.

33. Горбов А. А. Атрибутивные компоненты сочетаний типа бизнес-план: аналитические прилагательные? / А. А. Горбов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2015. – № 3. – С. 36–48.

34. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 767 с.

35. Греч Н. И. Практическая русская грамматика / Н. И. Греч. –10-е изд. – Санкт-Петербург, 1845. – 431 с.

36. Дубкова Ю. С. Семантико-прагматическая дифференциация словообразовательных ресурсов русского языка (на материале композитов с заимствованными основами авиа- и аэро-) / Ю. С. Дубкова // Русская филология. – 2011. – № 1–2. – С. 23–27.

37. Дубовский Ю. А. Структурно-семантические и орфографические черты композитов сферы бизнеса и коммерции / Ю. А. Дубовский, Т. Б. Заграевская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2017. – №3–1. – С. 70–80.

38. Дубовский Ю. А. Композитные лексические единицы в современной бизнес-коммуникации: англо-русские параллели в интернет-пространстве / Ю. А. Дубовский, Т. Б. Заграевская // Язык и культура. – 2019. – № 48. – С. 62–75.

39. Дьяков А. И. Понятие «поле» в лингвистике, особенности полевой структуры сферы «Англицизмы в русском языке» / А. И. Дьяков // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 198–210.

40. Дьячок Н. В. Универбация в русском языке: структурносемантическое и ономасиологическое описание: дис. …. д-ра филол. наук: 10.02.02 / Дьячок Наталья Васильевна. – Институт языкознания им. А. А. Потебни НАН Украины. – Киев, 2015. – 522с.

41. Дюжикова Е. А. Словосложение и аббревиация: сходство и различия (на материале современного английского языка) / Е. А. Дюжикова // Изв. Вост. ин-та. – 1995. – № 2. – С. 115–121.

42. Дюжикова Е. А. Моделирование как когнитивная основа формирования инференции английских аббревиатур // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 2(18). – С. 29–36.

43. Емельянова К. Ю. Окказиональные сложносокращенные слова в деривационно-эквивалентностном подходе / К. Ю. Емельянова // Развитие интеллектуально-творческого потенциала молодежи: из прошлого в современность: Материалы I Международной научно-практической конференции (Донецк, 8 февраля 2018 г.) – Ч. 2 / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 32–34.

44. Емельянова К. Ю. Ономасиологические модели квазиаббревиатур / К. Ю. Емельянова // Новые горизонты русистики : научный журнал. – Вып. 6. – Донецк, 2018. – С. 62–68.

45. Емельянова К. Ю. Абброконструкт и аффиксоид: к вопросу о связи понятий / К. Ю. Емельянова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 3–4. – С. 126–132.

46. Ермоленко Ю. А. Особенности ономасиологических моделей номинатем типа "словосочетание + аббревиатура" / Ю. А. Ермоленко // Наукові записки [Національного університету "Острозька академія"]. Сер. : Філологічна. – 2012. – Вип. 26. – С. 103–105.

47. Журавлев С. А. Аббревиация: взгляд из XXI века / С. А. Журавлев // Вестник Марийского государственного университета. – 2012. – № 10. – С. 46–49.

48. Зайцева Е. А. Явления, переходные между аббревиацией и сложением (на материале наименований лица) / Е. А. Зайцева // Известия

Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 16. – № 2(4). – 2014. – С. 941–943.

49. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская – Москва : Наука, 1992. – 221 с.

50. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995). – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 90–141.

51. Змановская А. Г. Аббревиатуры с параллельной базисно-признаковой эквивалентносной дешифровкой / А. Г. Змановская // Новые горизонты русистики. – 2021. – № 14. – С. 21–28.

52. Зубрицкая Ю. Д. Структурно-семантические особенности аббревиатур в молодежном Интернет-общении и проблемы их перевода (на примере аббревиатур в английском, русском и испанском языках) / Ю. Д. Зубрицкая // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : Сборник статей VIII Международной научной конференции молодых ученых. В 2-х частях, Екатеринбург, 08 февраля 2019 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Департамент лингвистики, Кафедра иностранных языков; Общая редакция: Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, С .А. Иванова, С. К. Пестерев. – Екатеринбург: ООО "Издательство УМЦ УПИ", 2019. – С. 263–267.

53. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А. В. Исаченко // Slavia. – 1958. – № 3. – С. 334–352.

54. Искандарова Г. Р. О когнитивно-ономасиологическом подходе к словообразованию (на материале немецкого языка) / Г. Р. Искандарова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – 2. – С. 18–25.

55. Кащеева А. В. Квантитативные и качественные методы исследования в прикладной лингвистике / А. В. Кащеева // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 3(49). – С. 155–162.

56. Ким Д. А. Роль коннотации в судьбе советизмов в современном русском языке / Д. А. Ким // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении : тезисы докладов участников международной научной конференции, Симферополь, 22–24 апреля 2019 года / Ответственный редактор Г. Ю. Богданович. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. – С. 21–23.

57. Крамаренко И. И. Аббревиационная группа «абон» в русском языке / И. И. Крамаренко // Наука и мир в языковом пространстве : сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол. : Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко и др. – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – С. 495–499.

58. Крестьянинова Е. С. Аббревиационная группа «ДОМ» в русском языке / Е. С. Крестьянинова // Новые горизонты русистики: материалы IV Международных научных чтений студентов и молодых ученых памяти Г. И. Рихтера / редкол. : В. И. Теркулов, В. В. Федоров и др. – Донецк : ДонНУ, 2017. – С. 28–33.

59. Кромер Э. В. К вопросу о способах словообразования в современном русском языке / Э. В. Кромер // Жанрово-стилевой подход в преподавании русского языка и культуры речи : Сборник научных статей и методических рекомендаций по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Иваново, 28–29 марта 2013 года / Составители и научные редакторы И. А. Сотова (отв. ред.), Э. В. Кромер, М. М. Меликян. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2013. – С. 188–197.

60. Копоть Л. В. Универбация как вид компрессивного словообразования в современном русском языке: автореф. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Копоть Лилия Владимировна; науч. рук. А. Н. Абрехов; АГУ. – Майкоп, 2005. – 24 с.

61. Корытова О. М. Сращение в композитном словообразовании / О. М. Корытова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 1(69). – С. 38–41.

62. Кочеткова Т. И. Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке : автореф дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Кочеткова Татьяна Ивановна; МГОУ. – Москва, 2005. – 44 с.

63. Кубрякова Е. С. Словосложение как процесс номинации и его отличительные формальные и содержательные характеристики / Е. С. Кубрякова // Теоретические основы словосложения и вопросы создания сложных лексических единиц : межвузовский сб. научн. трудов. – Пятигорск : Пятигорский пед. ин-т иностр. языков, 1988. – С. 3–23.

64. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва : Наука, 1988. – С. 141–172.

65. Кудрявцева В. А. Суффиксальная универбация в современном русском языке (система субстантива): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Кудрявцева Вера Андреевна. – Казахский педагогический институт. – Алма-Ата, 1983. – 26 с.

66. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. – К. : ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с.

67. Кузьмина Р. В. Омонимизация как результат аббревиации / Р. В. Кузьмина // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 215–218.

68. Кукушкина Е. А. Формально-структурные критерии композитообразования в немецком языке / Е. А. Кукушкина // Интеграция образования в условиях инновационной экономики : материалы Международной научно-практической конференции: в 2 частях, Саранск, 08–09 апреля 2014 года / Ответственный редактор Б. Ф. Кевбрин; Саранский кооперативный институт (филилал) Российского университета кооперации. – Саранск: Общество с ограниченной ответственностью "ЮрЭксПрактик", 2014. – С. 148–152.

69. Курс общей лингвистики // Статическая лингвистика и эволюционная лингвистика / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с

франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – Гл. III. – С. 81–100.

70. Левашов Е. А. Еще раз об аффиксоидах / Е. А. Левашов // Русская речь. – 2008. – № 3. – С. 50–52.

71. Левковская К. А. Словообразование: материалы к курсам языкознания / К. А. Левковская. – Москва: Изд-во МГУ, 1954. – 38 с.

72. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин – Москва : Наука, 1977. – 315 с.

73. Лопатин В. В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов / В. В. Лопатин // Новые слова и словари новых слов. – Ленинград, 1978. – С. 72–80.

74. Лялюк А. А. Ономасиологический и полевой подходы к изучению аббревиатурных слов / А. А. Лялюк // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – № 2 (26). – Владикавказ, 2017. – С. 146–150.

75. Лялюк А. А. Аббревиационно-ономасиологическое поле «Строения»: дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Лялюк Анна Александровна; науч. рук. В. И. Теркулов; ДонНУ. – Донецк, 2020. Т. 1 – 234 с.

76. Максименко О. И. Новые тенденции аббревиации (на материале русского, английского и немецкого языков) / О. И. Максименко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 174–181.

77. Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине; под ред. В. А Звегинцева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 568 с.

78. Махмудова Н. К. Причины образования аббревиаций в различных языках / Н. К. Махмудова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5. – № 2(15). – С. 58–60.

79. Милославский И. Г. О регулярном приращении значения при словообразовании / И. Г. Милославский // Вопросы языкознания. – 1975. – № 6. – С. 65–72.

80. Михайлова Е. Н. Модели образования слов в мутантной аббревиатурно-композитной группе «хлеб» / Е. Н. Михайлова // Новые горизонты славистики: материалы III Международных научных чтений студентов и молодых ученых памяти Г.И. Рихтера (28.04.2016) / редкол. : В. И. Теркулов, В. В. Федоров и др. – Донецк : ДонНУ, 2016. – С. 151–158.

81. Михайлова Е. Н. Мутантная аббревиатурно-композитная группа «грузо» в русском языке / Е. Н. Михайлова // Наука и мир в языковом пространстве : сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол. : Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко и др. – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – С. 522 – 527.

82. Михайлова Е. Н. Принципы выделения релятивных дешифровальных стимулов на материале «газо» (часть1) / Е. Н. Михайлова // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17-20 октября 2017 г.). – Том 4: Филологические науки. Ч. 2: Языкознание, литературоведение, культурология, журналистика / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – С. 46–48.

83. Михайлова Е. Н. Релятивные дешифровальные стимулы как источник текстовой эквивалентности / Е. Н. Михайлова [Электронный ресурс] // I Республиканская научно-практическая интернет-конференция студентов и молодых ученых (Горловка, 8 дек. 2017). – Режим доступа : slavistika.ucoz.org. – (Дата обращения: 16.04.2018).

84. Михайлова Е. Н. Модель прогнозирования релятивных дешифровальных стимулов / Е. Н. Михайлова // Новые горизонты русистики. – 2018. – Вып. 6. – С. 74–80.

85. Михайлова Е. Н. Ономасиологические особенности релятивного дешифровального стимула сложносокращенного слова / В. И. Теркулов, Е. Н. Михайлова // Новые горизонты русистики. – 2018. – Вып. 4. – С. 33–38.

86. Михайлова Е. Н. Презентативный дешифровальный стимул как первичный источник расширения семантики / Е. Н. Михайлова // Развитие интеллектуально-творческого потенциала молодежи: из прошлого в современность. – 2018. – Ч. 2. – С. 47–48.

87. Могилевский Р. И. Очерки аббревиации славянских языков: Автореф. дис … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Самарканд, 1984. – 33 с.

88. Мосолова Г. П. Аббревиатурные образования на страницах СМИ / Г. П. Мосолова, П. В. Каштанова // Гуманитарные науки и образование. – 2019. – Т. 10. – № 1(37). – С. 140–144.

89. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование : пособие [для филолог. спец. ун-тов] / В. Н. Немченко. – Москва : Высшая школа, 1984. – 255 с.

90. Немченко В. Н. Основные понятия словообразования в терминах / В. Н. Немченко. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1985. –204 с.

91. Осипова Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании (Суффиксальная универбация и усечение) / Л. И. Осипова // – Москва: Прометей, 1994. – 117 с.

92. Панов М. В. Об аналитических прилагательных в современном русском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М., 1971. – С. 174–181.

93. Петров А. В. Гнёзда сложных слов с функционально соотносительными компонентами -лечить и -терапия / А. В. Петров // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2006. – № 4 : Филология. – Том 19 (58). – С. 145–152.

94. Петров А. В. Абброоснова метео- в современном русском языке: формирование и функционирование / А. В. Петров // Исследования по семантике : Межвузовский научный сборник с международным участием.

Выпуск 26. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2016. – С. 82–91.

95. Петрова Е. Ю. Формальные модели эквивалентности в гнезде эквивалентности арт- / Е. Ю. Петрова // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17-20 октября 2017 г.). – Том 4: Филологические науки. Ч. 2: Языкознание, литературоведение, культурология, журналистика / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – С. 53–55.

96. Присная Л. Л. Явление семантической конденсации в современном тексте (некоторые особенности восприятия и порождения) / Л. Л. Присная, О. Н. Рукавицына // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 6(203). – С. 28–35.

97. Радомская Л. А. Существительные-юкстапозиты украинской терминологии с синонимическими компонентами / Л. А. Радомская // Мир языков: ракурс и перспектива : материалы VI международной науч.-практ. конф., Минск, 22 апреля 2015 г. – Минск : БГУ, 2015. – С. 111–117.

98. Рештаненко А. А. Формально-структурные особенности аббревиатурной группы «кино» / А. А. Рештаненко // Развитие интеллектуально-творческого потенциала молодежи: из прошлого в современность Материалы I Международной научно-практической конференции (под общ. ред. С. В. Беспаловой). – Донецк, 2018. – С. 53–54.

99. Рештаненко А. А. Аббревиатурно-юкстапозитные гибридные гнёзда / А. А. Рештаненко // Чтения молодых ученых: материалы IV Республиканской очно-заочной научно-практической конференции (Горловка, 12-13 апреля 2018 г.) – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИ», 2018. – С. 309–311.

100. Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

101. Ровная В. Ю. О симультанных абброконструктах (на материале аббревиационной группы «гео») / В. Ю. Ровная // Наука и мир в языковом пространстве : сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол. : Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко и др. – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – С. 544–548.

102. Русская грамматика : [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. – Москва : Наука, 1980–1982. – 783 с.

103. Рязанова В. А. Модели образования компонентов композитно-аббревиатурной группы «нефте» / В. А. Рязанова // Новые горизонты славистики: материалы III Международных научных чтений студентов и молодых ученых памяти Г.И. Рихтера. – Донецк, 2016. – С. 171–177.

104. Рязанова В. А. Сопоставительный анализ гнезд эквивалентности мутантных групп «нефте» и «газо» / В. А. Рязанова // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции. – Макеевка, 2016. – С. 544–548.

105. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул и дешифровальная матрица: модель описания / В. А. Рязанова // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум. Том 2. – Симферополь, 2017. – С. 198–204.

106. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул как фактор образования мутантной группы / В. А. Рязанова // Новые горизонты русистики: научный журнал. – Т. 2. – Донецк, 2017. – С. 33–37.

107. Рязанова В. А. Мутантные аббревиатурно-композитные группы в словообразовательной системе языка / В. А. Рязанова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. № 6. – С. 108–116

108. Рязанова В. А. Текстовые модели формирования структурных разновидностей эквивалентности мутантных (гибридных) композитов / В. А. Рязанова // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум. – Том 2. – Симферополь, 2018. – С. 301–306.

109. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул как источник интерпретации сложного слова / В. А. Рязанова // Социокультурная среда вуза и языковое развитие личности иностранного студента: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Москва, 2019. – С. 84–88.

110. Рязанова В. А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация / В. А. Рязанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2020. №1. – С. 114–122.

111. Рязанова В. А. Множественная трактовка сложных слов в эквивалентных словосочетаниях / В. А. Рязанова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 3(43). – С. 143–148.

112. Рязанова В. А. История словарей сокращений / В. А. Рязанова, А. И. Бровец // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2021. – № 3. – С. 70–76.

113. Рязанова В. А. Специфика словарной интерпретации семантики аббревиатур / В. А. Рязанова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8. – № 1. – С. 158–169.

114. Сахарный Л. В. Словообразование как синтаксический процесс / Л. В. Сахарный // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1974. – С. 17–19.

115. Сахарный Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. / Л В. Сахарный. – Ленинград: ЛГУ, 1985. – 97 с.

116. Селіванова О. О. Субстантивні композити в українській та російській мовах / О. О. Селіванова // Мовознавство. – 1992. – № 6. – С. 19–22.

117. Селиванова Е. А. Когнитивная ономасиология / Е. А. Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.

118. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М., 1988. – 114 с.

119. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи / Сост. под ред. А. Н. Чудинова. – Санкт-Петербург : Изд. книгопродавца В. И. Губинского, 1894. – 676 с.

120. Смирнова И. Р. О составном абброконструкте / И. Р. Смирнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2019. – № 2. – С. 62–70.

121. Снегова Е. П. Сложные слова со "сложным" характером: дискуссионный статус номинативных единиц типа "фитнес-клуб" / Е. П. Снегова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2017. – № 2. – С. 581–597.

122. Соснина Л. В. Адъективные композиты русского языка: структурный и ономасиологический аспекты: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Л. В. Соснина – Донецк, 2017. – 429 с.

123. Сухобрус Л. С. Сочетания юкстапозитного типа в русском языке: принципы описания : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Л. С. Сухобрус. – Бахмут, 2017. – 219 с.

124. Сухотин А. М. Проблема «сокращенных» слов в языках СССР / А. М. Сухотин // Письменность и революция. – Москва-Ленинград, 1933. – № 1. – С. 151−160.

125. Темнова Э. В. Теории тематических полей в современной русистике / Э. В. Темнова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2019. – № 08/2. – С. 100–102.

126. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич; ГИИЯ – Горловка, 2008. – 472 с.

127. Теркулов В. И. Универбализация: постановка проблемы / В. И. Теркулов // Ученые записки Забайкальского государственного

университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 135–142.

128. Теркулов В. И. О разновидностях абброконструктов : аброэквивалент и абброморфема / В. И. Теркулов // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы 5 Международной конференции. – Краснодар, 2015. – С. 30–33.

129. Теркулов В. И. К типологии эквивалентности «сложносокращенное слово – словосочетание» / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: IX Международная научно-практическая конференция (8-11 июня 2015 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. ст. В 2-х частях. I часть. – Симферополь : ООО «Антиква», 2015. – С. 6–18.

130. Теркулов В. И. Типология сокращенных компонентов аббревиатур / В. И. Теркулов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 127–134.

131. Теркулов В. И. Гнёзда эквивалентности сложносокращенных слов в аббревиационной группе с абброконструктом БИО / В. И. Теркулов, А. А. Сыроватская // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : ежеквартальный научный журнал. – № 3 (19). – Владикавказ, 2015. – С. 99–105.

132. Теркулов В. И. Универбализация, квазиуниверbализация, псевдоуниверbализация: определение терминов / В. И. Теркулов // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 37–41.

133. Теркулов В. И. Композиты и сложносокращенные слова: о смежности явлений / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.): сб. науч. ст.: в 2 ч. – Симферополь: ООО «Антиква», 2016. – Ч. I. – С. 230–241.

134. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации /

В. И. Теркулов // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. – Выпуск 3 (29) : Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 13–25.

135. Теркулов В. И. Об аббревиации / В. И. Теркулов // Педагогическая сокровищница Донбасса. – № 1. – 2016. – С. 8–11.

136. Теркулов В. И. Интерфикс в композитах и частичносокращенных словах / В. И. Теркулов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 3(23). – с. 82–86.

137. Теркулов В. И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум. – Том 2. – Симферополь, 2017. – С. 140–147.

138. Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – с. 73–97.

139. Теркулов В. И. Типология формальных эквивалентностных аббревиатурных трактовок сложносокращённого слова / В. И. Теркулов // Сталинградская гвоздика: Сб. материалов междунар. конф. / Под ред. И. А. Прихожан и В. И. Супруна. Вып. 3. – Волгоград : Фортесс, 2018. – с. 82–91.

140. Теркулов В. И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращенных слов / В. И. Теркулов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.) – Донецк, ДонНТУ, 2018. – С. 69–79.

141. Теркулов В. И. Иерархия дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности: к постановке проблемы / В. И. Теркулов, Е. С. Крестьянинова // Новые горизонты русистики. – 2018. – № 4. – С. 27–33.

142. Теркулов В. И. Текст как показатель аббревиатурной эквивалентности / В. И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс. Вып. 16. – Ставрополь, 2018. – С. 34–41.

143. Теркулов В. И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. –2020. – Москва, РУДН. – № 1. – С. 97–112.

144. Тибилова М. И. Семасиологические особенности аббревиатурных инноваций / М. И. Тибилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12-3(54). – С. 194–197.

145. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И. С. Улуханов. – Москва, 2005. – 314 с.

146. Уразгалиев В. Ш. Становление и развитие нефтяного дела в Российской империи / В. Ш. Уразгалиев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2013. – № 1. – С. 69–80.

147. Устименко И. А. Явление семантической конденсации в языке и речи / И. А. Устименко // Теория языкознания и русистики: наследие Б. Н. Головина. – Нижний Новгород, 2001. – с. 317–319.

148. Устинова И. А. Аббревиационная группа «авто» (автоматический) в русском языке / И. А. Устинова // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 568–573.

149. Филлмор Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1981. – Вып. 10. – С. 369–495.

150. Чуковский К. И. Живой как жизнь : о русском языке / Н. В. Корнейчуков. – Москва : Детская литература, 1966. – 208 с.

151. Шанский Н. М. Аффиксоиды в словообразовательной системе русского языка / Н. М. Шанский // Исследования по современному русскому языку. – М., 1970. – с.157–171.

152. Штельман Т. А. Структурные несоответствия в онимной аббревиатурнойгруппе мин- / Т. А. Штельман // Новые горизонты русистики. – 2021. – № 14. – С. 85–89

153. Штельман Т. А. Типы отступления от принципа эквивалентности при формировании сложносокращенных онимов с конструктом Рос- /

Т. А. Штельман // Язык. Культура. личность : материалы Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых, Самара, 16 декабря 2021 года / Самарский государственный социально-педагогический университет. – Самара: ООО "Научно-технический центр", 2022. – С. 70–76.

154. Шумарин С. И. Лексикографическое представление семантических и деривационных процессов в сфере аббревиации / С. И. Шумарин // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3(33). – с. 94–96.

155. Шумарин С. И. Словарное описание аббревиатур: лингвокультуроведческий аспект / С. И. Шумарин // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 31–33.

156. Ярмашевич М. А. Структура и семантика аббревиатур / М. А. Ярмашевич // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13. – № 3. – С. 3–5.

157. Adams V. Complex words in English. / V. Adams. – Harlow: Pearson Education/Longman, 2001. – 173 p.

158. Bauer L. When is a sequence of two nouns a compound in English? / L. Bauer // English Language and Linguistics 2: 1, 1998. – P. 65–86.

159. Marchand H. The Categories and Types of Present-day English Word-formation. A synchronic-diachronic approach / H. Marchand // Alabama Linguistic and Philological series. – Alabama : University of Alabama Press, 1966. – Vol. 13. – 379 p.

160. Zakhtser E. M. An Introduction to Teaching English Compound Nouns in EFL / E. M. Zakhtser // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. – 2019. – Vol. 9. – No 6(42). – P. 125–132.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ:

161. Алексеев Д. И. Словарь сокращений русского языка : около 17 000 сокращений / Д. И. Алексеев, И. Г. Гозман, Г. В. Сахаров ; под ред. Д. И.

Алексеева. – Изд. 4-е, стер. – Москва : Русский язык, 1984. – 485, [2] с. – Предыдущее, 3-е изд. доп.

162. Баранова Л. Н. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения : около 1 000 аббревиатур : расшифровка и произношение, употребление в речи. / Л. Н. Баранова. – М. : АСТПрессКнига, 2009. –320 с.

163. Булатов А. И. Современный англо-русский и русско-английский словарь по нефти и газу : около 60 000 терминов / А. И. Булатов. – Москва : Издательство "РУССО", 2006. – 752 с.

164. Борисов А. Б. Большой юридический словарь / А. Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2010. – 848 с.

165. Елисеев И. А. Словарь аббревиатур и акронимов русского языка. / И. А. Елисеев. – М. : Инфра-М,2015. – 716 с.

166. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru.

167. Новичков Н. Н. Словарь современных русских сокращений и аббревиатур: Около 12 000 сокращений и аббревиатур. / Н. Н. Новичков. – Изд-во: Инфоглоб, 1995 г.; – 298 с.

168. Новые сокращения в русском языке. 1996–1999 / под ред. И. В. Фаградянца. – М., 2000.

169. Скляревская Г. Н. Словарь сокращений современного русского языка / Г. Н. Скляревская. – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.

170. Словарь нефтегазовых терминов и аббревиатур. – Режим доступа: https://oilgasinform.ru/science/glossary.

171. Словарь по геологии нефти и газа. – Л.: Недра, 1988. – 679 с.

172. Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб : около 7 000 слов / сост. А. А. Щёлоков. – М. : АСТ : Гелеос, 2003. – 318 с.

173. Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 1578 с.

174. Фадеев С. В. Тематический словарь сокращений современного русского языка: около 20 000 сокращений. – М., 1998.

DONETSK STATE UNIVERSITY

Manuscript copyright

Ryazanova Valeriya A.

ABBREVIATED GROUPS IN STRUCTURAL AND ONOMASIOLOGICAL ASPECTS

5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia

Dissertation submitted for the degree of candidate of philological sciences

Translation from Russian

Supervisor:
Doctor of Philology, Professor
Terkulov Vyacheslav I.

Donetsk
2023

CONTENTS

LIST OF ABBREVIATIONS 216

INTRODUCTION 217

SECTION I BASIC CONCEPTS OF THE SYNCHRONIC-EQUIVALENT APPROACH TO ABBREVIATIONS 230

1.1. History of the study of univerbalisation 230

1.2. Means of lexical univerbalisation 233

1.3. The notion of a compound word construct 237

1.4. Degree of research on the means of lexical univerbalisation 241

1.5. Synchronous-equivalent approach to the univerbalization process 245

1.6. Decoding stimulus in structural and cognitive interpretations 254

1.7. An equivalence nest of a group 262

1.8. The notion of an abbreviation group 265

1.9. Hybrid abbreviation-composite groups 267

1.10. Predicting equivalence relations in a group 277

1.11. Peculiarities of lexicographic description of complex abbreviated words 284

Conclusions to Section I 289

SECTION II TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ABBREVIATION GROUPS 295

2.1. General principles of describing abbreviation groups 295

2.2. Additional parameters for the description of abbreviation groups 309

2.3. The abbreviation group "зав" 312

2.4. The abbreviation group "лингво" 313

2.5. Abbreviation group "мед" 314

2.6. The abbreviation group "теле" 316
2.7. Hybrid group "банд" 318
2.8. The hybrid group "ветро" 320
2.9. Hybrid group "газо" 321
2.10. Hybrid group "грузо" 323
2.11. Hybrid group "домо" 324
2.12. Hybrid group "жиро" 326
Conclusions to Section II 327
SECTION III ABBREVIATION-COMPOSITE HYBRID GROUP "НЕФТЕ" IN SYNCHRONIC CONSIDERATION 331
3.1. Quantitative aspect of abbreviation group description 331
3.2. Onomasiological aspect of describing an abbreviation group 335
3.3. Formal varieties of decoding stimuli of the HG "нефте" 354
3.4. Decoding matrixes of HG "нефте" 360
3.5. The core and periphery of the hybrid group "нефте" 365
3.6. Parallel and sequential hybridization formation 366
3.7. The semantic aspect of describing an abbreviation group 369
Conclusions to Section III 373
CONCLUSION 377
REFERENCE 386

LIST OF ABBREVIATIONS

AC abbro-construct

ADS abbreviation decoding stimulus

AU group abbreviation-uxtaposition group

CA complex abbreviated word

CAA complex abbreviated appellative

CAO complex abbreviated onym

CDS composite decoding stimulus

DCh decryption chain

DM decoding matrix

DS decoding stimulus

EN equivalence nest

HC hybrid abbreviation-composite construct

HG hybrid group

IB index balance

JDS uxtapositional decoding stimulus

OC onomasiological classes

OF onomasiological feature

SE syntactic equivalences

TDE textual derivational equivalence

TME text-motivational equivalence

INTRODUCTION

The emergence of abbreviation in the Russian language is associated with the 20th century: at that very time it became a widespread method of word formation, "an unprecedented tendency for the closest combination of words, thanks to which we got the *колхоз*, *комсомол*, *профсоюз*, *универмаг*, etc., was so strong and active at that time that together with itself it subdued even such words, which in ready combinations existed long before the Soviet era" [Chukovsky 1966]. The study of abbreviations and compound words has developed since the second half of the 20th century in the works of D Alekseev [Alekseev 1977], V. Borisov [Borisov 1972], E. Zemskaya [Zemskaya 1996], E. Kubryakova [Kubryakova 1988a; 1988b], L. Kudryavtseva [Kudryavtseva 2004], V. Lopatin [Lopatin 1977], A. Martine [Martine 2004], R. Mogilevsky [Mogilevsky 1983], L. Sakharnyi [Sakharnyi 1974], B. Serebrennikov [Serebrennikov 1988], A. Sukhotin [Sukhotin 1933], I. Ulukhanov [Ulukhanov 2005], N. Shanskiy [Shanskiy 1968] and many other scientists. Abbreviation is usually understood as a method of word formation in which there is "an random (i.e. indifferent to morphemic division) reduction of the bases of the words included in the motivating collocation (the last of which may not be abbreviated)" [Vostokov 1839, § 203].

As a result of numerous studies, the idea of abbreviation as a derivational process of transformation of a word combination into a word has formed. Language units are considered as opposed components of an abbreviation pair, in which an abbreviation is defined as a secondary name, completely retranslating the structure and semantics of a collocation.

The attention of researchers has been primarily focused on the study of initial and syllabic abbreviations. This is evidenced by the quantitative advantage of initial and syllabic acronyms among abbreviations of different types recorded in abbreviation dictionaries. This asymmetry can be explained by the fact that in the 1960s "there is a new trend in the production of sound and letter abbreviations" [Gannokha 2015, p. 159], while at present, "words built on the principle of

abbreviating one of the components of a word combination (*Госдума*, *госзакупки*, *нацпроект*, *политтехнолог*, *бандподполье*, *допсоглашение*, *танцпол*), or all (two or more) components (*Совфед*, *Центризбирком*, *фармпром*, *химпром*)" [Zhuravlev 2012, p. 47.] have become considerably common.

In addition, a number of researchers (V. Lopatin [Lopatin 1978], V. Nemchenko [Nemchenko 1985], E. Duzhikova [Duzhikova 1995]) have noticed the existence of language units, which are on the border between abbreviation and composition (so called "transitional phenomena", for example the word *пионерлагерь*, whose first part can be formed by abbreviation of the adjective *пионерский* or by adding to the base part of the word *пионер*). E. Dyuzhikova, analysing the material of modern English, is the first to compare a compound word and an abbreviation, noting that earlier both in Russian and foreign linguistics many issues related separately to both word formation and abbreviation were considered, but no one has yet explored the problem of their correlation. Following E. Dyuzhikova, V. Terkulov, after comparing abbreviation and word formation, came to the conclusion that these two processes have more in common than different [Terkulov 2016b].

The traditional approach to word-formation did not allow us to specify the status of complex words such as *бандглаварь* and *спортплощадка*, which can be interpreted as both abbreviations and composites: cf. *бандитский главарь* and *главарь банды*; *спортивная площадка* and *площадка для спорта*. In addition, this approach did not assume the possibility of synchronous coexistence of the two modes of word formation for one language unit, because such an interpretation can only be realized by delimiting the synchronic approach from diachronicity.

he new synchronic-equivalent approach to the process of universalization developed by the Experimental Laboratory of Abbreviation Trends Research (hereinafter referred to as the Laboratory) under the supervision of V. Terkulov made it possible to consider the processes in transition between abbreviation and compounding/conversion in a new vector and to identify (in addition to abbreviations and composite constructs) hybrid constructs – the initial components

of complex words that have dual synchronous interpretation when deployed into a segmented equivalent.

The synchronic approach reconsiders the nature of the actual relations between a complex word and its corresponding collocations. The analysis of texts posted on the Internet has shown that an abbreviation in the actual section of the language is quite often connected by motivational relations not with one collocation, but with several, which leads to the emergence of its **equivalence nest**. An equivalence nest is defined as "a set of actual coexisting units connected by relations of motivational (formal-semantic) equivalence with an abbreviation and used with it in equivalent texts". [Terkulov 2017b, p. 76]. As an example, there are 7 equivalent word combinations for the complex word *маслозавод*, regularly used in equivalent texts and corresponding to the formal-semantic structure of the compound word: *маслоэкстракционный завод*, *маслодельный завод*, *завод по производству масла*, *маслоперерабатывающий завод*, *масляный завод*, *завод по переработке масла*, *масложировой завод*.

As a result of research on the new approach, it has been found that a number of issues related to complex words and abbreviations need to be reconsidered. First of all, these are questions about the equivalence nest of a complex word and about the reasons for alternative syntactic equivalences in its decoding.

Thus **the relevance** of our study is determined by several reasons:

- Partially abbreviated words remain an understudied group of words in the system of word formation, since the attention of researchers has long been focused on initial and syllabic acronyms;

- Partially abbreviated words remain an understudied group of words in the system of word formation, since the attention of researchers has long been focused on initial and syllabic acronyms;

- The study of cjmplex abbreviation words (as well as abbreviations in general) did not imply an in-depth semantic aspect, as it was assumed that abbreviations fully duplicate the semantics of the original collocations, and therefore have a "clear" meaning;

- Complex words with a hybrid abbreviation-composite construct, the discovery of which occurred during the development of the synchronic approach to abbreviation, require more careful study.

The degree of development of the problem

The formation of the traditional approach to abbreviation was predated by the emergence of studies exposing different aspects of word formation in general. These are the works of E. Vasilevskaya [Vasilevskaya 1968], G. Vinokur [Vinokur 1959], A. Vostokov [Vostokov 1839], A. Isachenko [Isachenko 1959], K. Levkovskaya [Levkovskaya 1954], A. Martine [Martine 2004], L. Sakharnyi [Sakharnyi 1985], N. Shvedova [Shvedova 1970] and others.

The works of D. Alekseev [Alekseev 1977], V. Borisov [Borisov 1972], E. Duzhikova [Duzhikova 1995], Y. Ermolenko [Ermolenko 2012], R. Mogilevsky [Mogilevsky 1983], which are devoted to the study of formation and functioning of abbreviations in Russian, are especially interesting for our study. The motivational approach to abbreviations was established in Russian language studies for many years on this works.

Abbreviations have also become a subject of lexicographic research. During the 20th century a number of specialised dictionaries appear which are primarily oriented towards demonstrating the decoding of abbreviations. Among the most authoritative are *The Dictionary of Abbreviations of the Russian Language*, edited by D. Alekseev [Alekseev 1984], *The New Abbreviations in Russian Language* 1996-1999", edited by I. Fagradyants [The New Abbreviations in Russian Language 2000], *The Dictionary of Abbreviations of Modern Russian Language* by G. Sklyarevskaya [Sklyarevskaya 2004], *The Thematic Dictionary of Abbreviations of Modern Russian Language* by S. Fadeev [Fadeev 1998], *The Dictionary of Modern Russian Abbreviations and Acronyms* by N. Novichkov [Novichkov 1995], *The Dictionary of Abbreviations and Acronyms of Russian Language* by I. Eliseev [Eliseev 2015], *The Dictionary of Abbreviations and Abbreviations of Army and Special Services* by A. Schelokov [The Dictionary of Abbreviations and Abbreviations of Army and Special Services 2003]. It should be noted, that the

presented dictionaries do not reflect semantic and stylistic aspects of abbreviations' functioning, which causes some difficulties when they are used by a wide audience of users.

The study of semantic and onomasiological peculiarities of abbreviations has been studied at different times by Y. Apresyan [Apresyan 1974], O. Blumina [Blumina 2010], Y. Dubovsky [Dubovsky 2017], N. Diachok [Diachok 2015], G. Iskandarova [Iskandarova 2011], I. Miloslavskiy [Miloslavskiy 1975], E. Selivanova [Selivanova 2000], I. Ustimenko [Ustimenko 2001], etc.

Synchronous-equivalent approach, which led to the discovery of a number of previously undescribed phenomena in the field of abbreviation, is represented by the works of V. Terkulov [Terkulov 2015-2019], E. Alamayreh [Alamayreh 2016], E. Akulich [Akulich 2017], D. Bratsun [Bratsun 2018], A. Brovets [Brovets 2016-2018], K. Emelyanova [Emelyanova 2018], E. Krestyaninova [Krestyaninova 2017], A. Lyalyuk [Lyalyuk 2017, 2020], E. Mikhailova [Mikhailova 2016-2018], A. Reshtanenko [Reshtanenko 2018], V. Rovnaya [Rovnaya 2016], I. Smirnova [Smirnova 2019] and others. This research uses the theoretical findings obtained by the Laboratory participants during their study of Russian complex words in the process of compiling the *The Explanatory Dictionary of Russian Complex Abbreviated Words*, edited by V. Terkulov (further – *The Dictionary*).

The **aim** of the presented work is to determine the structural-onomasiological characteristics of the abbreviated groups studied within the framework of the synchronic-equivalent approach.

In order to accomplish the goal, the following **tasks** are set:

1) To prove the productivity of the synchronic-equivalent approach to the study of abbreviation processes;

2) To define the scope of basic notions of word formation ("abbreviation", "compound word", "universalisation") in terms of synchronic-equivalent approach and to specify notions that were developed within the new approach ("equivalence nest", "syntactic equivalent", "abbreviation group", "hybrid group", "construct", "decoding stimulus", "decoding matrix", etc.);

3) To identify differences between a proper abbreviation group and a hybrid abbreviation group as its special structural variety;

4) To develop criteria for describing an abbreviation group, based on structural, onomasiological and quantitative analysis of the group's components;

5) To approve the developed description methods on Russian abbreviation groups that constitute *The Explanatory-Equivalent Dictionary of Russian Complex Abbreviation Words*;

6) To carry out a comprehensive structural and onomasiological description of the hybrid abbreviation group " нефте ".

The object of the study is partially abbreviated words, i.e. a combination of a truncated stem in prepositional position with a whole word, which are included in Russian abbreviation groups, and composite words, which together with partially abbreviated words form hybrid abbreviation-composite groups. **The subject** of the research is structural, semantic, onomasiological and stylistic peculiarities of functioning of abbreviation groups.

Research methodology and methods. **Synchronic approach to the study of language** [Course of General Linguistics 1999], which involves the study of systemic processes in the language as they are perceived at the moment by the language community, is used as the methodological basis of the study. The basic postulates of synchronicity are used to develop methods for the study of word-formation processes in Russian.

In the process of this study the following **methods** were used:

- The continuous sampling method is used for the primary collection of research material. This method is used to analyze the electronic texts recorded in the information retrieval system "Google" (hereinafter - Google);

- Quantitative analysis is used, on the one hand, to select regularly used abbreviations and their equivalents; on the other hand, to identify relations of language units within an abbreviation group;

- The predictive method is used to model the matrix of potential syntactic equivalents;

- The matching method permits the identification of the fundamental differences between an abbreviation and a hybrid construct; this method is also used to identify the structural features of different abbreviation groups;

- Component analysis is used to study the structure of particular equivalence nests;

- The onomasiology method is used to determine the onomasiological status of the studied items;

- The formalisation method is used to construct models of decoding stimuli, to demonstrate the structure of decoding matrices of a group, and to compile onomasiology models of language items;

- Description and classification methods are also used to comprehensively describe the abbreviation group.

The source of the factual linguistic material is the linguistic units recorded in the database of the National Corpus of the Russian language, as well as words and equivalents selected during the production of *The Dictionary* and included in its working card index. **The illustrative material** used are dictionary entries in the dictionaries of abbreviations by D. Alekseev [Alekseev 1084], I. Fahradyants [New Abbreviations in Russian 2000], G. Sklyarevskaya [Sklyarevskaya 2004], L Baranova [Baranova 2009], and texts found on Google, mainly in the section "News".

The material for the study was 701 complex words and 1758 syntactic equivalents included in the abbreviation groups "банд", "ветро", "газо", "грузо", "домо", "жиро", "зав", "лингво", "мед", "нефте" and "теле", selected by a continuous sampling in the texts recorded in a *Google* search engine.

The scientific novelty of the work is determined by the following **provisions**:

- Complex abbreviated appellatives, unlike initial abbreviations, have not become a special object of linguistic research before;

- For the first time, a hybrid group (a special polyequivalent variety of an abbreviation group) is subjected to a comprehensive study;

- The study attempts to combine the results of structural and onomasiology analysis in order to identify common trends in the functioning of the construct in the complex words of the same abbreviation group.

The **theoretical significance** of the study lies 1) in the possibility of using the obtained results to complement the doctrine of word formation in the modern Russian language and for further research into abbreviation groups; 2) in proving the status of the hybrid construct as a separate type of structural language units; 3) in specifying a number of concepts formulated in the framework of the synchronic-equivalent approach; 4) in the comprehensive analysis of the linguistic material included in *The Dictionary* (to clarify the features of the formation of complex words belonging to hybrid groups and to predict the way of evolution of abbreviated and composite groups).

Practical significance. The obtained theoretical and practical information can be used, on the one hand, to optimize the articles of the developed *The Dictionary* and other dictionaries of abbreviations; on the other hand, in educational practice: in school and university courses devoted to the description of the word-formation system of language.

Hypothesis.

Statements to defense:

1. The study of complex abbreviated words can be carried out in two ways – in synchronic and diachronic. Diachronic approach allows us to determine the derivational relationship between the collocations and the reduced unit. The synchronic approach considers the complex word and all associated multipartite names as equivalent units that can replace each other in the text without semantic aberrations of the linguistic message, independent of the type and direction of derivational relations between them.

2. The variability of decoding a complex word into collocations is due to the influence of decoding stimuli - stereotypical decoding patterns kept in the native speaker's mind.

3. As a result of possible multiple interpretation, a complex word enters into textual equivalence relations not with a single collocation, but with a multitude of equivalent units forming a equivalence nest.

4. Complex abbreviated words with the same prepositional construct form abbreviation groups. The abbreviation group is linked to a system of decoding stimuli, which are realized in different combinations in equivalence nests. Each nest has the potential to increase in syntactic equivalences from unrealised decoding stimuli.

5. There are a number of constructs that synchronically have the status of both abbreviated and composite, since they can be deployed according to differently-structured models.

6. The construct within the same equivalence nest can have different structural and onomasiological statuses.

This work was **approved**

● at the III, IV, VI, VII, VIII and IX International scientific conferences of students and young scientists in memory of G.I. Rikhter (Donetsk);

● at the international scientific conferences of students and young scientists "Donetsk Readings 2017", "Donetsk Readings 2019", "Donetsk Readings 2020", "Donetsk Readings 2021", "Donetsk Readings 2022" (Donetsk);

● at the II Republican part-time scientific conference "Science and the World in the Space of Language" (Makeyevka);

● at the I, II and IV International symposium "Russian Language in a Multicultural World" (Yalta);

● at the XXIV, XXV, XXVIII and XXIX International scientific conference of students, postgraduate students and young scientists "Lomonosov" (Moscow);

● at the International research and practice conference "Social and Cultural Environment of Higher Education Institutions and Language Development of Foreign Students" (Moscow);

● at the Ninth Conference-School "Language Problems: The View of Young Scientists" (Moscow), etc.

Materials of the research are presented in 23 author's publications, four of which are included into the list of leading peer-reviewed scientific journals included by the High Attestation Commission of Russia in the list of editions, recommended for publication of main scientific results of dissertations for the degree of candidate and doctor of sciences, and one - into the list of leading peer-reviewed scientific journals, included by the High Attestation Commission of the DPR in the list of editions, recommended for publication of main scientific results of dissertations for the degree of doctor of sciences: **1**. Rjazanova V. A. *Sopostavitel'nyj analiz gnezd jekvivalentnosti mutantnyh grupp «nefte» i «gazo*» [Comparative analysis of the equivalence nests of mutant groups "нефте" and "газо"]. *Nauka i mir v jazykovom prostranstve: sbornik nauchnyh trudov II Respublikanskoj ochno-zaochnoj nauchnoj konferencii*. Makeevka, 2016, pp. 544–548. – in Russian. **2**. Rjazanova V. A. *Deshifroval'nyj stimul kak faktor obrazovanija mutantnoj gruppy* [Decoding stimulus as a factor in the formation of a mutant group]. *Novye gorizonty rusistiki: nauchnyj zhurnal*. Vol. 2. Donetsk, 2017, pp. 33–37. – in Russian. **3**. Rjazanova V. A. *Mutantnye abbreviaturno-kompozitnye gruppy v slovoobrazovatel'noj sisteme jazyka* [Mutant abbreviation-composite groups in the word-formation system of language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 9: Filologija. 2017, № 6, pp. 108–116. – in Russian. **4**. Rjazanova V. A., Terkulov V. I. *Gnjozda jekvivalentnosti kompozitnogo tipa v strukture gibridnoj gruppy* [Composite type equivalence nests in the structure of hybrid group]. *Doneckie chtenija 2017: Russkij mir kak civilizacionnaja osnova nauchno-obrazovatel'nogo i kul'turnogo razvitija Donbassa: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i molodyh uchenyh (Doneck, 17-20 oktjabrja 2017 g.*). Volume 4: Filologicheskie nauki. Part 2: Jazykoznanie, literaturovedenie, kul'turologija, zhurnalistika. Donetsk: DonNU Publishing House, 2017, pp. 57–59. – in Russian. **5**. Rjazanova V. A. *Deshifroval'nyj stimul i deshifroval'naja matrica: model' opisanija* [Decoding stimulus and decoding matrix: a description model]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: I Mezhdunarodnyj simpozium*. Vol. 2. Simferopol, 2017, pp. 198–204. – in Russian. **6**. Rjazanova V. A. *Metodika prognozirovanija*

otnoshenij jekvivalentnosti v gibridnyh gruppah [Methodology of predicting equivalence relations in hybrid groups]. *Novye gorizonty rusistiki: nauchnyj zhurnal*. Donetsk, 2018. № 6, pp. 44–49. – in Russian. **7**. Rjazanova V. A. *Deshifroval'nye stimuly gibridnoj gruppy «dymo»* [Decoding stimuli hybrid group "дымо"]. *Razvitie intellektual'no-tvorcheskogo potenciala molodezhi: iz proshlogo v sovremennost': Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Doneck, 8 fevralja2018 g.)*. Part 2. Donetsk, Publishing house of DonNU, 2018, pp. 54–56. – in Russian. **8**. Rjazanova V. A. *Tekstovye modeli formirovanija strukturnyh raznovidnostej jekvivalentnosti mutantnyh (gibridnyh) kompozitov* [Text models of the formation of structural varieties of equivalence mutant (hybrid) composites]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: II Mezhdunarodnyj simpozium*. Vol. 2. Simferopol, 2018, pp. 301–306. – in Russian. **9**. Rjazanova V. A. *Deshifroval'nyj stimul kak istochnik interpretacii slozhnogo slova* [Decoding stimulus as a source of interpretation of a complex word]. *Sociokul'turnaja sreda vuza i jazykovoe razvitie lichnosti inostrannogo studenta: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Moscow, 2019, pp. 84–88. – in Russian. **10**. Rjazanova V. A. *Deshifroval'nye stimuly kak individual'nye kriterii razvertyvanija slozhnogo* slova [Decoding stimuli as individual criteria for complex word deployment]. *Doneckie chtenija 2019: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Donetsk, Publishing house of DonNU, 2019, pp. 23–25. – in Russian. **11**. Rjazanova V. A., Terkulov V. I. *Kognitivnaja traktovka deshifroval'nyh stimulov slozhnogo slova* [Cognitive interpretation of decoding stimuli of a complex word]. *Jazyk i kul'tura : Sbornik nauchnyh trudov V Respublikanskoj ochno-zaochnoj nauchnoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem), Makeevka, 18 nojabrja 2019 goda*. Makeyevka: Donbass National Academy of Construction and Architecture Publ., 2019, pp. 133–135. – in Russian. **12**. Rjazanova V. A. *Idiomatichnost' semantiki slozhnosokrashhjonnyh slov* [Idiomaticity of semantics of compound abbreviated words]. *Novye gorizonty rusistiki*. 2020, № 11, pp. 52–60. – in Russian. **13**. Rjazanova V. A. *Tipologija abbreviaturnyh grupp: principy i realizacija*

[Typology of abbreviated groups: principles and implementation]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta*. Series D. *Filologija i psihologija*. 2020, №1, pp. 114–122. – in Russian. **14**. Rjazanova V. A. *Struktura kompleksnogo opisanija gibridnoj abbreviaturno-kompozitnoj gruppy* [Structure of a complex description of a hybrid abbreviation-composite group]. *Doneckie chtenija 2020: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti : Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Doneck, 17–18 nojabrja 2020 goda*. Donetsk, Publishing house of DonNU, 2020, pp. 54–56. – in Russian. **15**. Rjazanova V. A. *Principy tipologii abbreviaturnyh grupp* [Principles of typology of abbreviated groups]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire : sbornik nauchnyh statej IV Mezhdunarodnogo simpoziuma: v 2 tomah, Simferopol', 09–11 ijunja 2020 goda.* Simferopol, Publishing house of Crimean Federal University, 2020, pp. 450–455. – in Russian. **16**. Rjazanova V. A. *Tolkovanie leksicheskogo znachenija abbreviatur v slovarjah sokrashhenij* [Interpretation of the lexical meaning of abbreviations in the dictionaries of abbreviations]. *Novye gorizonty rusistiki*. 2021, № 14, pp. 49–55. – in Russian. **17**. Rjazanova V. A. *Gibridnaja abbreviaturno-kompozitnaja gruppa: parametry vydelenija* [Hybrid abbreviation-composite group: parameters of separation]. *Novye gorizonty rusistiki*. 2021, № 16, pp. 25–31. – in Russian. **18**. Rjazanova V. A. *Mnozhestvennaja traktovka slozhnyh slov v jekvivalentnyh slovosochetanijah* [Multiple interpretation of complex words in equivalent word combinations]. *Vestnik MGPU. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie*. 2021, № 3(43), pp. 143–148. – in Russian. **19**. Rjazanova V. A., Brovec A. I. *Istorija slovarej sokrashhenij* [History of dictionaries of abbreviations]. *Mezhdunarodnyj aspirantskij vestnik. Russkij jazyk za rubezhom*. 2021, № 3, pp. 70-76. – in Russian. **20**. Rjazanova V. A. *Abbreviaturnaja gruppa i smezhnye ponjatija* [Abbreviated group and allied notions]. *Doneckie chtenija 2021: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Doneck, 26–28 oktjabrja 2021 goda*. Donetsk, Publishing house of DonNU, 2021, pp. 28–30. – in Russian. **21**. Rjazanova V. A. *Sootnoshenie kvantitativnyh harakteristik v abbreviaturnyh gruppah* [Relation of quantitative

characteristics in abbreviated groups]. *Novye gorizonty rusistiki*. 2022, № 18, pp. 42-47. – in Russian. **22**. Rjazanova V. A. *Specifika slovarnoj interpretacii semantiki abbreviatur* [Specificity of dictionary interpretation of the semantics of abbreviations]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 2022, Vol. 8, № 1, pp. 158–169. – in Russian. **23**. Rjazanova V. A *Abbreviatury-apelljativy i abbreviatury-onimy kak ob"ekty slovarnogo opisanija* [Abbreviations-apellatives and abbreviations-onyms as objects of dictionary description]. *Doneckie chtenija 2022: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Doneck, 27–28 oktjabrja 2022 goda*. Donetsk, Publishing house of DonNU, 2022, pp. 40–42. – in Russian.

Number of citations in the RSCI – 80, Hirsch index – 4.

The work was carried out as part of the research work of the Russian language department of Donetsk State University: 1) grant project of the Foundation "Russian World", code number 2016/II-238 "Historical and Equivalent Description of Russian Language Abbreviation System in the Student Experimental Laboratory of Abbreviation Trends Research: Theory, Dictionaries", 2) initiative topic "Structural and Functional Parameters of Existence and Development of the Russian Language of the 20th-21st Centuries in its Regional and Common Linguistic Incarnations", cipher G 20/7, state registration number of R&D 0120D000037.

The structure of the work includes the List of Abbreviations, Introduction, 3 Sections (with internal breakdown into paragraphs), Conclusion, List of references. The main text is 171 pages, the list of references consists of 174 sources.

SECTION I
BASIC CONCEPTS OF THE SYNCHRONIC-EQUIVALENT APPROACH TO ABBREVIATIONS

1.1 History of the study of univerbalisation

The categorization of all word-forming entities takes into account the typology of their word-formation meanings. The word-formation meaning is derived from the semantic relation between the derivative and the productive units. The typology was formed on the basis of onomasiological approach to derivation developed by M. Dokulil, and later laid "the basis for the organization of the word-formation system" of the Russian language [Kosova 2013].

Within the framework of the motivational typology, 3 types of word-formation relations are traditionally considered:

● Transpositional relations, in which the semantics of the derivative word "is identical to the meaning of the motivating word, except for the particle component": *высокий — высота* [Kosova 2013, p.143];

● Modifying relations, in which the semantics of the derivative word is based on the meaning of the producing unit and "includes both the meaning of the motivating word and an additional modifying feature": *кот — котик* (the word formant introduces the diminutive meaning) [Kosova 2013, p.143];

● Mutational relations, which "lead to significant changes in the semantics of the derivative and do not depend on its part-of-speech affiliation, and name a substance, attribute, action that is completely different from what is named by the motivating word": *будить – будильник* [Sosnina 2016, P. 48-49].

L. Filippova also considers the equivalence type of word-formation relations [Filippova 2009]. Equivalence is observed at the level of semantics: derivative and producing units have an identical meaning. In opposition to the transpositional relationship, the equivalence relationship also notes the identical part-of-speech characteristic of both units. Such relations, according to the researcher, occur

between a derivative collocation and an abbreviation; between a derivative word and a truncation, etc. As a result of word-formation processes, a linguistic unit that differs from the producing unit only in the way it is formally expressed is formed.

The process of formation of linguistic units bound by the equivalence type of relations was first considered by A. Isachenko. The researcher proposed the idea of univerbalization as a loss of formal multipartition of the name. A. Isachenko identified six varieties of this process:

1) word compounding (*место жительства – местожительство*); 2) fusion (*на + канун – накануне*); 3) elliptical omission of one of the elements: a) ellipse of the designate member (*передовая линия – передовая*); b) ellipse of the signifying member (*патефонная пластинка – пластинка*); 4) affixal derivation (*футбольная майка — футболка*); 5) zero suffixation (*противогазовая маска — противогаз*); 6) different types of abbreviation (*медицинская сестра – медсестра*; *Московский государственный университет – МГУ*) (Cited. from: [Terkulov 2010]). In a broad sense, univerbat is the result of the emergence of "an undivided form of naming, which is characteristic of any new formation, regardless of the fact of whether the corresponding dismembered forms of naming are fixed in the language" [Vorotnikova 2005, 83].

This understanding of universalisation is shared only by some scientists (A. Petrov [Petrov 2006], L. Sakharny [Sakharny 1974, 1985], I. Ustimenko [Ustimenko 2001]). V. Borisov emphasised that abbreviation as a reduction of a multipartite name requires its coexistence in the language with an unabbreviated unit at the synchronous level (i.e. together); phenomena that are the result of centuries-long evolution of the name (with loss of some elements) do not belong to abbreviation [Borisov 1972].

A more accurate definition of universalization belongs to a group of Austrian and Czech linguists (I. Isachenko, M. Dokulil), who took into account the determining factor for universalization - the presence of an equivalent, interchangeable "having the character of a stable linguistic nomination" collocation of univerbat on the actual language section [Borisov 1972, 73].

Therefore, in the narrow sense, univerbation is the replacement of a separate-form unit by a single-form unit. The language must necessarily present both forms of denoting the same referent: multipartite and non-multipartite [Vorotnikova 2005]. This interpretation of the term "univerbation" found many followers among researchers (L. Kopot [Kopot 2005], I. Glotova [Glotova 1977], V. Lopatin [Lopatin 1978], L. Kudryavtseva [Kudryavtseva 1983], E. Zemskaya [Zemskaya 1992], L. Osipova [Osipova 1994] and others).

Nowadays the term universabasy is specialized to denote one type of replacement of a multipartite name by a non-multipartite one: on the collocation compression, when "the derivative word includes the base of only one member of the collocation, so the derivative (univerb) in form corresponds to one word, and in meaning - to the whole motivating collocation (*зачетная книжка – зачётка*)" [Terkulov 2010, 136].

Due to the specialization of the term "univerbation", it became necessary to create a term that would denote the processes of replacing a collocation with an abbreviated unit. V. Terkulov proposed to introduce the term "univerbalisation", by which the scientist denotes:

● Semantic univerbalization, characterized by the fact that "the communicant creates a word produced from only one of the members of the collocation that semantically includes the whole collocation". [Prisnaya 2015, p. 29]: *шампанское вино – шампанское*; *молочная продукция – молочка*, etc. Semantic universalization correlates with ellipses of different types and affix words according to A. Isachenko;

● Lexical univerbalisation, in which there is a constriction of the components of a stable multipartite name into one word, as a result of which "at least two components of the multipartite name are represented in the structure of the univerbat" [Prisnaya 2015., p. 11]. Lexical universalization combines composites (*вольный слушатель – вольнослушатель*), abbreviations (*станция скорой медицинской помощи – ССМП*; *кабинет министров – кабмин*; *автомобильная*

магистраль – автомагистраль) and juxtaposites (*кинорежиссёр – режиссёр кино*).

1.2. Means of lexical univerbalisation

Among the units realizing the relations of lexical universalization we consider abbreviated words (AW), composites and juxtaposites, because all these units are capable of entering into equivalence relations with collocations; the difference between them lies in the degree of formal representation of components of equivalent collocations.

Abbreviation (**as a process**) is the truncation of the bases of the components of a collocation and combining them into an non-multipartite unit. **Abbreviation** (**as a result**) is a noun consisting of truncated segments of words that are included in a synonymous collocation, the last of which (the base component) may be a whole, not a truncated word [Shvedova 1970]. N. Shvedova distinguishes particular types of abbreviations according to the structural principle:

1) Abbreviations of initial type, with two subtypes: a) formations from combinations of initial sounds of words: *высшее учебное заведение — вуз*, *загс*, *МХАТ*, *ТЮЗ*; b) formations from names of initial letters of words: *Союз Советских Социалистических Республик — СССР*, *ЦК*, *РСФСР*, *ВДНХ* (*pronounced: эсэсэсэр*, *цека*, *эрэсэфэсэр*, *вэдээнха*).

2) Syllabic abbreviations: *местный комитет — местком*, *продмаг*, *завхоз*, *комсомол*.

3) Mixed type of formations, combining elements of two previous ones: *социальное обеспечение* — собес, *городской отдел народного образования — гороно*, *главк*, *сельпо*, *ГОСТ*.

4) Abbreviations from combination of initial part of a word (words) with the whole word: *запасные части — запчасти*, *роддом*, *оргработа*, *гострудсберкасса*.

5) Abbreviation combining the initial part of a word with the oblique case of a noun: *комроты*, *поммастера*, *завкафедрой*, *управделами*.

6) Abbreviations composed of a combination of the beginning of the first word with the end of the second one (telescopic abbreviation): *мотоцикл + велосипед — мопед, эскадренный миноносец — эсминец, военный комиссариат — военкомат.*

Composite univerbalisation (also composite-formation) is a process in which unabbreviated bases of the components of a collocation are attached to the base component. As a result of composite univerbalization, composite words (CW) are formed: *добыча нефти – нефтедобыча, хранилище для овощей – овощехранилище.*

V. Terkulov defines two types of composition-formation - derivational and univerbalization. Derivational composition includes, for example, the word *легкоатлет*, "which is formed from the collocation *лёгкая атлетика* and includes in its semantics not only the meaning of the derivative collocation, but also the formant semantics "face", acting in the new word as an onomassiological basis (word-formation mutation)" [Terkulov 2016b, p. 230]. Unlike derivational composites, universational composites are formed as a result of addition - the ultimate lexical condensation of a collocation into a word without semantic aberrations, in which the supporting (last) component is equal to the whole word, and the preceding component (or components) is a pure base: oil *нефтедобыча – добыча нефти* [Russian Grammar 1980].

The work considers univerиalization-type composites, since it is they that reflect the equialent lexical-semantic meaning of the derivational collocation, in contrast to derivational composites that have mutational meaning [Terkulov 2016b].

The Laboratory also uses the term **juxtapositus** in its research. The main property of such units, formulated by L. Kudryavtseva, is the ultimate structural correspondence of the components, reflected in the universitas, to the components of the collocation. The researcher considers as juxtaposites words which have been formed by adding words regardless of the type of syntagmatic relevance of the units [Kudryavtseva 2004]: *метростанция – станция метро*; *киноблог – блог о кино*; *авторынок – рынок по продаже авто*, etc.

1.2.1 Differentiation between complex abbreviated appellatives and onyms

This paper focuses on the study of a complex abbreviated appellatives (*CAAs*), which include partially abbreviated words (*bakanalysis*), syllabic (*zavkaf*) and mixed (*agitAB*) abbreviations. Complex abbreviated appellatives refer to "noun lexemes connected by motivational relations with collocations and including in their composition the equivalents of at least two words of these collocations, at least one of which is a non-initial abbreviation". [Terkulov 2020, p. 104].

A complex abbreviated appellative is always a established complex name, which has obtained "the attributes of an integral unit, i.e. it is characterized by syntactic and semantic stability, idiomaticity" [Lyalyuk 2020, 188]. [Lyalyuk 2020, p. 188]. Complex abbreviated onyms are "abbreviations used to denote single objects" [Shtelman 2022, 71]. Most often, complex abbreviated onyms are used to name organizations, institutions, associations of people (*ИвНИТИ – Ивановский научно-исследовательский институт хлопчатобумажной промышленности*, *Упрочмашдеталь – Производственно-экспериментальное предприятие по упрочнению и восстановлению деталей машин*, etc.).

Complex abbreviated appellatives have not become a special object of study in traditional linguistic studies, as appellatives and onyms have been considered in the same general paradigm. The distinction between appellatives and onyms in research and lexicographical description is dictated by the differences in the principles and ways of their formation and functioning.

Complex abbreviated onyms do not arise as a result of transformation of a stable collocation into a word, but are constructed by the nominator synchronously with the multipartite name according to the laws of formation of nomenclatural units established in the society.

The creation of onyms is often accompanied by a breach of structural equivalence between an abbreviation and an multipartite name. In the process of forming complex abbreviated appellatives, the components of a collocation are replaced by their abbreviated equivalents. In this case, as a rule, the relevance of the

structures of the collocation and abbreviation is observed: for example, the collocation *кондитерский цех* is transformed into the equivalent *кондцех*; *племенное хозяйство* – into *племхоз*, *плата за квартиру* – into *квартплата*, etc.

This relevance is not an essential factor in the formation of abbreviations-onyms: cases of isomorphism of a onym and a multipartite name are one of the variants of "abbreviated designation of official names of business associations" [Shtelman 2022, p. 75]. For example, the complex abbreviation onym *горводоканал* with SE *городской водоканал* is constructed according to the principle of univerbalization, and the onym *минспорта* is "not *министерство спорта*, but *министерство по физической культуре, спорту и туризму*" [Shtelman [Shtelman 2021, p. 88]; *гостехнадзор* is not *государственный технический надзор*, but *государственный надзор за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники*.

Breaking the relevance of the abbreviation structure and its SE leads to obscuring the inner form of the abbreviated name, while the complex abbreviated appellative retains its motivational relationship with the original collocation. The evident inner form allows a native speaker to easily decode complex abbreviated appellatives; while complex abbreviated onyms "cannot be deployed into collocations by simple decoding of abbreviations, as they differ from correlated compound names in number, arrangement, formal-onomasiological properties of the components" [Shtelman 2021, p. 88].

Another fundamental difference is the possibility of multiple decoding of complex abbreviated appellatives: in this case, the formed segmented equivalents can be used as absolute synonyms both for abbreviations and for each other. For onyms, the only correct equivalent can be the one established by means of codification. The abbreviated onym *ПАЗ* has a regulated transcription *Павловский автобусный завод*. Decoding this abbreviation into the phrase * *Павловский автомобильный завод* is unacceptable: there is an inadequate transcription of the proper name.

Many researchers (D. Alekseev [Alekseev 1977], V. Lopatin [Russian Grammar 1980], M. Blokh [Blokh 2014] and others) point out the random nature of the formation of abbreviations (in particular - complex abbreviated appellatives). There is another point of view, which suggests the existence of a regularity in the process of universalisation. V. Borisov, for example, notes the presence of factors limiting the possibilities of abbreviation, which prove that "abbreviation is not arbitrary, but is subject to certain <linguistic> regularities". [Borisov 1972, p.77]. These factors include constraint by linguistic norms, the pragmatic factor of identifiability, phonetic acceptability, etc.

V. Terkulov points out the stereotypical nature of reduction processes. There is a notion in the minds of native speakers that, for example, the word агитационный in any collocation may be replaced by the abbreviated form агит-, the word государственный -- by the abbreviation гос-, etc. Abbreviated appellatives are created "by the stereotypical substitution by an abbreviation of a motivationally related word in a collocation " [Terkulov 2020, p. 104].

Thus, complex abbreviated appellatives need to be treated as a separate object of study.

1.3. The notion of a compound word construct

There are many views on the nature and status of the initial element of abbreviations.

K. Emel'janova notes: "the term abbroconstruct corresponds to a large number of other names: abbreviation stem, abbreviation corn, abbromorpheme, affixoid, formalised component, structural morpheme, abbreviation component, prefix morphemes (abbroprefixes), prepositional components and lexemo-morphemes. These units were not only named, but also interpreted differently in the works of scientists" [Emel'janova 2020, p. 127].

The idea of A. Reformatskij [Reformatskij 2000] and M. Panov [Panov 1971] about the existence of so-called analytic adjectives in Russian was widely developed. In 1937, A. Reformatskij suggested that the compound of the

профбилет type breaks down into words, that *проф, глав, спец* is a new, emerging category of morphologically unformatted analytical words, which can be called analytical adjectives [Gerasimova 2015].

An analytic adjective is "an immutable linguistic entity denoting a non-procedural attribute and performing in post- or preposition (with any spelling variant, including fused) an attributive function in relation to a noun (*картофель фри*, *куры гриль*, *онлайн аптека*, *кофе инстант*)" [Marinova 2010].

M. Panov proposed to identify 19 groups among analytic adjectives, "the principles of distinguishing which are not always clear: apparently, the author in grouping was guided not by the grammatical features of the classified units, but by their origin and/or, possibly, by other criteria, which are not clearly formulated in the article. As a result, elements with different features are often grouped in the same group, and units with the same or very similar features end up in different groups" [Gorbov 2015].

The boundaries of the object denoted by the term "analytic adjective" still remain undefined. In particular, the initial components of compounds (e.g. *авто-*, *вибро-*, *зоо-*, *кино-*, *фото-*, *электро-*, *лесо-*, *нано-*, *псевдо-*, *ультра-*, *микро-*, *нео-*) are classified by different researchers as either analytic adjectives (E. Zemskaja), affixoids (L. Krysin), or lexico-morphemes (S. Ojegov), or prepositive blocks (V. Akulenko).

Some researchers (N. Nikolina, E. Golovanova) classify formations like *онлайн-урок*, *веган-продукт*, *нано-технологии* as compound words "with immutable first component" or "with a zero interfix" [Marinova 2010, p. 628].

A. Gorbov proposed a procedure of "testing" an initial element for the degree of its independent functioning (including as an analytical adjective). The researcher suggests three criteria for assessing the positional independence of a word form: autonomy (the ability to form statements, for example, to be used as an answer to a question), separability (the ability to insert a segment containing at least one positional independent unit between the tested unit and the rest of the utterance) and displacement of the tested unit within the utterance [Gorbov 2015].

A. Gorbov suggests comparing the constructions *техно-стиль* and *стиль техно*; *кантри-музыка* and *музыка кантри*; *фитнес-зал* and * *зал фитнес*, *бизнес-план* and * *план бизнес*; *интернет-конференция* and * *конференция-интернет*, *лизинг-схема* and * *схема лизинг*, etc. The comparison showed that elements like *шоу-*, *фитнес-*, *интернет-*, which are close in meaning to relative adjectives, are not used separately from the definite word and are not transposed, and therefore are not analytical adjectives. At the same time, the elements *блютус-*, *техно-*, *кантри-* are capable of autonomous use, therefore they can be recognized as independent word forms. "Attributive elements that do not exhibit the properties of independent word forms should be considered as parts of words, which are, however, not vocabulary, but constructive units" [Gorbov 2015].

Thus, the question of the status of analytic adjectives, the scope of this grammatical class and the criteria for distinguishing them in modern linguistics remains open.

A. Petrov uses the term abro-base to denote borrowed components which are part of abbreviations in pre- or postposition, e.g. *инфо-*, *гео-*, *эко-*, *соц-*, *-ал*, *-метр*, etc. [Petrov 2016]. In our opinion, these components are rather reduced in comparison with the original bases *информационн-*, *географическ-*, *экономическ-*, *социальн-*, *алюминиев-*; these components are truncated roots of words, so they somewhat do not correspond to the concept of base. Moreover, abbreviated components of native origin (*бое-*, *все-*, *дымо-* etc.) are formed and function in the texts in the same way as borrowed ones: cf. *информационная группа – инфогруппа*; *дымовой датчик – дымодатчик*.

E. Levashov notes the emergence of the term affixoid in the 1970s, which receives quite a few similar definitions [Levashov 2008]. For example, the Russian Language Encyclopedia (1979) presents the following definition: "A component of a complex word or a complex abbreviation, repeated with the same meaning within a number of words and coming close in its word-formation function (ability to form new words with the same component) to a affix-suffix (for last components of addition) or prefix (for first components); respectively A. are divided into suffixoids

and prefixoids". N. Shanskiy defines an affixoid as a "root morpheme acting as an affix" [Shanskij 1970, p. 163]. L. Filippova attributes to the category of prefixoid constructions *все-* (*всесильный*, *всевозможный*, всеславный), *обще-* (*общеизвестный*, *общеобязательный*), *много-*(*многоопытный*, *многоуважаемый*, *многопрославленный*), *полу-* (*полумрак*, *полумгла*, *полутьма*, *полутень*, *полутон*, *полусмерть*); *лже-* (*лженаука*, *лжеакция*, *лжеосина*, *лжелиственница*, *лжескорпион*), with a separate consideration of "international character" foreign language components that are the result of truncation: auto- (Greek. The following are the components of "international character" of foreign language origin: *авто-* (Greek: himself): *автопортрет* (*авторский*), *агро* - (Greek: agros - field): *агрошкола*, *аэро* - (Greek: air): *аэросев*, *астро* - (Greek: astronomical): *астрофизика* (*астрономическая*), *био-* (Greek: bios - life): *биохимия* (*биологическая*), etc. [Filippova p.161].

K. Emel'janova notes that the interpretation of reduced components of abbreviations as affixoids "denies the very possibility of identifying complex abbreviated words as units of univerbalization word production", because this generalization erases "the distinction between the two processes of formation of complex abbreviated words discovered as a result of Laboratory research – univerbalization and quasiuniverbalization". [Emel'janova 2020, p. 128].

The participants of the Laboratory are developing the concept of an abbroconstruct (AC). An abbroconstruct is interpreted as a part of an abbreviation, which is a shortened doublet of a component of a multipartite name (i.e. a collocation) repeated in a number of other complex abbreviated words, i.e. it is "a reproducible means of predictable substitution <...> of a component of a producing collocation" [Terkulov 2020, p. 104]. An abbroconstruct differs from an affixoid in several ways:

1) The abbroconstruct is equivalent to an existing noun in the language (whereas an affixoid cannot be transformed into a simple adjective). Cf. the abbroconstructs *бое = боевой*, *инфо = информационный* and affixoid *гидро-*: it is not decomposed into the adjective **гидровый* in analogy with the abbroconstructs;

2) The abbroconstruct has lexemic semantics, while the affixoid serves as a qualifier of the semantics of the main component of the abbreviation. For example, the element *аква-* in the word *аквапарк* only specifies the sphere of services that are provided on the territory of *парк*.

The study identified varieties of constructs according to the way they are formed (abbroequivalents, abbroaffixoids and abbromorphemes - see point 1.5), the degree of representation of components (abbroconstructs, composite constructs and juxtaposed constructs - see point 1.9. 1.9), complexity of formal structure (simple and composite constructs, etc. - see 2.1).

1.4. Degree of research on the means of lexical univerbalisation

Russian research in the field of univerbalisation processes has focused on abbreviation. The works widely present typologies of abbreviations and their functioning in both Russian and foreign languages.

The question of causes of abbreviations and widespread occurrence of abbreviation as a word-formation method turned out to be debatable.

D. Alekseev points out that abbreviation is the most unconventional way of word formation in Russian, which leads to numerous variations and occasionalities both in creating abbreviations and decoding them into multipartite names. However, the popularity of abbreviation as a method of word formation, according to the researcher, was formed because "it allowed to create a continuous word, where previously there was only a description of the concept" [Alekseev 1962. [Alekseev 1962, p. 8].

V. Borisov assigns an important role to the law of economy of linguistic means, which generally stands at the basis of language evolution. The researcher also points out the principle of accuracy, which is especially important for terminological vocabulary, which most often includes abbreviations. An indivisible name, being inconvenient for regular use, is relatively quickly simplified, becomes shorter, or is replaced by an indivisible unit [Borisov 1972]. It is also necessary to take into account the tendency to eliminate information redundancy: the

unabbreviated meaning of a word combination, fixed in usus, declines the need for a component that duplicates information. For example, the complex word *авиахимпрополка* has been reduced to *авиапрополка* (because *авиапрополка* is only *химическая*); the collocation *нефтеперерабатывающий завод* has been reduced to *нефтезавод* (there are only *нефтеперерабатывающий завод*). V. Borisov also points out extra-linguistic factors of abbreviations appearance: conditions of speech communication (development of mass media, rise of mass culture), scientific and technical progress and so on.

N. Mahmudova, comparing different concepts of linguists about the reasons for the emergence of abbreviations, also notes "the desire for strangeness, verbal innovation", when abbreviations arise "as a conscious breaking of the norm, a protest against it" [Mahmudova 2016, p. 60].

V. Terkulov explains the emergence of abbreviations by the desire of a native speaker to overcome the asymmetric dualism of the multipartite name, which conveys lexical meaning similar to a monolithic unit (i.e. a simple word), but is segmented at the syntactic level [Terkulov 2020].

Composite words are also a debatable subject in the studies of Russian language researchers. As T. Kochetkova points out, there is no unified understanding of word compounding in modern Russian studies. Within the framework of lexical derivation, the mode of compounding is regarded as a kind of addition in general (along with concatenation, abbreviation, pure addition, as well as in identity with the latter) [Kochetkova 2005]. Most of the works of researchers are aimed at studying composite formation in English and German [Maksimenko 2017, Dubovskij 2019, Korytova 2009; Zakhtser 2019, Gagarina 2011, Kukushkina 2014]. In the English and German languages, this method of word formation is well-established, and the processes of formation of composite nouns themselves are more diverse and varied [Adams 2001].

In the studies of modern Russian scientists, there is a tendency to indistinguish heterogeneous entities classified by the authors as composite words. The traditional definition of a composite word (a lexical entity consisting of several denominative

elements and distinguished by the unity of meaning) is rather broad and can characterize different ways of lexical condensation. "For this reason, any multi-rooted entities are traditionally considered composite words: both juxtaposites (*быстрорастворимый*, *вагон-ресторан*), composite words proper (*белобилетник*, *взяткодатель*), abbreviations (*СНО*, *автомастерская*), complex borrowings (*филология*, *вокзал*), and complex derivatives (*комсомолец*, *нефтедобытчик*), etc." [Terkulov 2008, p.5]. For example, in a study on composite linguistic units in the sphere of business and commerce Y. Dubovskij and T. Zagraevskaja cite the words *авиатранспортный*, *автомат-кассир, бизнес-имидж*, *европолис*, *зарплата*, *конгресс-холл*, *самокоррекция*, *сельскохозяйственный*, which are treated by the authors as composites. Although among them are found both compound words (*авиатранспортный, зарплата*) and juxtaposites (*конгресс-холл, бизнес-имидж*) [Dubovskij 2017]. E. Snegova refers to the name composites juxtaposites and abbreviations *шоу-бизнес*, *ВИЧ-инфекция*, *ЖКХ-услуга*, *ро-ро-терминал*, *нетто-импортер*, *цунами-опасность*, *бистро-сеть*, etc. Regarding the examples given, the E. Snegova points out: "More and more composites of the type in question are appearing that do not have a foreign-language original, that have arisen not as a result of borrowing, but constructed by native speakers of Russian according to an assimilated model" [Snegova 2017, pp. 583-584].

The jukstaposites also remain poorly studied in Russian studies at present. The term juxtapositive was introduced by A. Bileckij to denote complex words in one line with abbreviation and composite [Bilec'kij 1962]. At the same time, composition is understood as a situation, when "several bases are combined into one word, in most cases with the help of a connecting vowel" [Kudrjavtseva 2004, p. 133]. Juxtaposition, on the other hand, is "a method of word formation of two- or several-rooted derivatives by combining separate words or word forms" with a special graphic appearance of a compound word - a combination of its parts with a hyphen (*бал-маскарад*, *лётчик-испытатель*, *бизнес-ланч*, *ток-шоу*, *веган-продукт*, *интернет-кабель*). [Suhobrus 2017, p. 5]. L. Radomskaja points out the existence

of juxtapositional derivatives with semantically unequal and equal relations between the components. Let us compare the juxtaposites *мышь-полёвка* and *адмирал-генерал*: in the first case, one component of the juxtaposite actualizes the meaning of the other (*полевая мышь*); in the second case, both components of the juxtaposite serve to express a single composite concept [Radomskaja 2015].

L. Kudryavtseva considers juxtapositives as units which are "an example of pure condensation", characterized by the connection of components without connecting vowels, the contraction of the word combination into one word, usually without changing the form of its components (fast-flowing < fast-flowing) [Kudryavtseva 2004, p. 133]. The researcher includes here also compound words, whose components are only formally identical with independent lexemes, but semantically derived not from them, but from attributive collocations, realizing word-formation models of composition (the word *остроконфликтный* arose not from the concatenation of the word combination **остро конфликтный*, but as a derivative of the collocation *острый конфликт*).

On the whole, two points of view have been formed in Russian studies regarding the process of concatenation. A part of the researchers (A. Vasilevskaja [Vasilevskaja 1968], K. Levkovskaja [Levkovskaja 1954], N. Grech [Grech 1845]) attribute concatenation of words to syntactic, rather than morphological way of word formation. As an argument, the researchers point out the lack of wholeness in units defined by juxtapositions: both the initial and the final component of juxtapositions may change during the form change.

A. Vostokov [Vostokov 1839], D. Rosenthal, N. Valgina [Valgina 2002], V. Nemchenko [Nemchenko 1984] share a more common, "morphological" approach. Researchers refer juxtaposition to the category of morphological ways of word formation, because juxtapositives have a fixed order of components and a single accent.

A similar discussion about compound nouns has developed among English linguists. Lawrence Bauer has outlined the general thrust of this debate: researchers consider compounds like *wage-earner*, *daisy-wheel*, *river-bed* as syntactic or

morphological constructions, because there is no single and consistent criterion for distinguishing such cases [Bauer 1998]. L. Bauer cites the fixed accent, which in English composite names is placed on the initial component, as the strongest criterion for the wholeness of such combinations.

1.5. Synchronous-equivalent approach to the univerbalization process

The idea of separating the synchronic and diachronic approach to the study of word-formation processes appeared in the studies of foreign linguists in the last century [Marchand 1966]. Researchers note that in linguistics the diachronic approach dominated for a long time, therefore "the first scientific classification of word-formation methods developed by V. Vinogradov does not distinguish between the phenomena of synchronic and diachronic" [Kromer 2013, p.189].

The participants of the Experimental Laboratory of Abbreviation Trends Research separate synchronic (equivalence) and diachronic (historical) approaches to the study of univerbalization.

Diachronic approach

The diachronic approach allows determining the producing collocation in the equivalence nest and the way the collocation is transformed into an equivalent non-multipartite unit (word) [Terkulov 2016a].

The nature of a complex abbreviated word itself stimulates the idea that any abbreviation is always secondary to its multi-component syntactic equivalent, hence a complex abbreviated word is always a derivative of a collocation. V. Terkulov and *The Dictionary* group argued for a different position. According to intralinguistic laws, a multipartite linguistic entity, for a number of reasons, tends to form an unpartitioned equivalent. Thus abbreviations, composite and juxtaposites are formed, in which the reduced components (constructs) fully reproduce the lexical and semantic meaning of the motivating collocation.

In the case of a real substitution of a multipartite name with an abbreviation, the reduced component of the original collocation has the status of an

abbroequivalent; in the case of compound universalization of the collocation, the construct has the status of a **compound equivalent**.

Contrary to universalization, there is an opposite phenomenon in the language: "CA may not be derived from a structurally and semantically equivalent collocation, it may not initially act as a variant of this collocation. On the contrary, in some cases, such a word-combination emerges as a result of the deployment of CA, is not a primary but a secondary sign in relation to CA" [Terkulov 2015c]. This process is denoted by the term "pseudo-univerbalization" in the Lab's works.

In the process of derivation, units may appear that do not arise on the basis of a segmented motivating equivalent, but by adding an abbromorpheme to the derivative word. These are the so-called quasiabbreviations. An **abbromorpheme** (D. Alekseev's term [Alekseev 1979]) is a special morpheme that functions as an abbroconstruct in the CA (a composite construct in the compound words, respectively)

When a quasiabbreviation is decodind in a collocation, this morpheme is transformed into a full-valued word and receives the status of a part of the stem (*авиабилет – авиационный билет*) and thus takes the borderline position between the affixoid and a part of the stem (i.e., abbroconstruct). According to whether the volume of the morpheme and the base of the derivative component of SE formally correspond, the following words are distinguished:

a) Abbromorphemes (if the morpheme forms part of the stem; in case of univerbalization its analogue is an abbroequivalent). Abbromorphemes, for example, include the morpheme "авиа", which may be expanded into the equivalents авиационный, авиации, авиатехнический, etc.

b) Composite morphemes (when the morpheme and base are the same; it corresponds to the compound equivalent in univerbalization). For example, the morpheme "право" is decoded into the equivalent words *права*, *прав*: *правозащитник – защитник прав*, *правоприменение – применения права* and *применение прав* [Terkulov 2015c].

Quasiabbreviations are affected by the principle of linguistic analogy, according to which any abbreviation has a full-valued equivalent in the language. By analogy with real abbreviations, quasiabbreviations are deployed according to the most common formal-onomasic models of collocations – equivalents of complex words of one abbreviation group.

The process of pseudouniverbalization can be described as follows. To specify semantics, a simple word through morphological derivation takes into composition a morpheme that occurs in a number of other words and has in them an identical lexical meaning (similar to the construct that appears in a number of words of the same abbreviation group).

For example, the simple word *анализатор* (a device, which for quantitative and qualitative studies of a substance) for the specification of the scope receives the abbromorpheme *газо*-: *газоанализатор*. The formally motivated word complies with CA as the end result of univerиalization (the word *газоанализатор* with SE *газовый анализатор* and *анализатор газа* formally corresponds to the complex abbreviated *words газодинамика* with SE *газовая динамика* and *динамика газа*; *газосепарация* with SE *газовая сепарация* and *сепарация газа*, etc.). In the minds of native speakers is equal to abbreviation, so that the created word gets the status of quasiabbreviation. By analogy with CA, quasiabbreviation is decoded according to the most common formal-onomasological models of collocations, equivalents of complex words of one abbreviation group (quasiabbreviation *газоанализатор* is decoded into a multipartite SE *газовый анализатор*).

The primacy of the word газоанализатор in relation to the multipartite equivalent is confirmed by the timing and regularity of the fixation of the use of these linguistic entities in the search services.

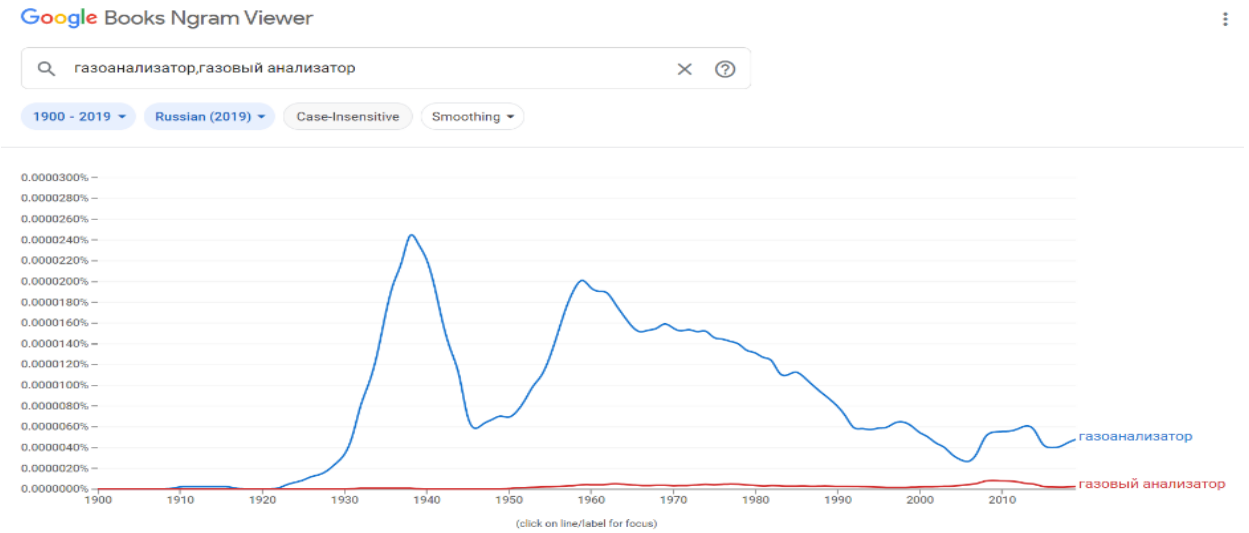
To determine the derivational status of linguistic entities in relation to each other, the Laboratory offers two web services of the Google search engine. Google AdWords is a service for handling complex ads designed to simplify the search for keywords that will be most relevant for website search optimization. With Google AdWords we operate with notion "demand index". It is defined as the number of

searches for a given word in the last two months. The demand index is the ratio of the CA demand index to the word combination demand index.

We also suggest using the Google Ngram service created specifically to calculate the frequency of word usage - it is a constantly updated archive containing all the digitally available books, articles, etc. The service allows you to determine the frequency of using words and word combinations for any period of time, provides statistics of word and word combination usage in different periods of time as a percentage; or with the frequency of using the initial form of the word and collocations; or as a percentage of all the words used. The service provides data on the first recorded mention of a word, as well as a comparative analysis of word usage [Bereznitskaja 2017]. However, this service does not take into account the use of linguistic units by Internet users in social networks, blogs, forums, etc., which can seriously distort the statistics for the past decades. Moreover, the corpus of the service contains texts published before 2008, which means that we do not have an opportunity to follow the variation of the relations of language units in the most modern state. Nevertheless, on the basis of the data provided by this service, we can detect the primacy of the analyzed units:

Figure 1

Graph of the fixation of language units in the Google Ngram Viewer service



According to the chart, the word газоанализатор has been actively recorded in texts since the 1920s, while the multipartite equivalent газовый анализатор appears after the 1950s. Moreover, the quasiabbreviation was generally used by native speakers much more frequently than the word combination. These two clauses indicate a pseudo-univerbalisation relationship between the units being compared.

Of course, it is possible to distinguish the abbroequivalent and abbromorpheme only with a comprehensive approach: taking into account the nature of derivational relations between the word and the collocation; the identity of onomasiological structure of this pair to other pairs of words and collocations, existing in the language at the synchronous level. The Laboratory developed a three-part methodology to distinguish between abbroequivalent and abbromorpheme.

The first step of the methodology: finding the balance of CA and SE mention indices in search engines. The Laboratory developed a method of quantitative analysis of abbreviation and quasiabbreviation pairs, which is carried out with the use of Internet search engines. The most important indicator for this analysis is the index balance (IB), which is the quotient of dividing a fixed number of uses of a word by the number of uses of an equivalent collocation. The count of uses is carried out taking into account all grammatical forms of the analyzed units in the mode of forced search for exact correspondence. The index balance < 1 indicates the higher frequency of the word combination usage and, hence, the univerbalization nature of the abbreviation formation. In turn, the balance > 1 indicates the secondary decoding of the real univerbalization abbreviation into a "new" word-combination or the process of pseudouniverbalization (modeling of a word combination on the basis of a simple word with an abbromorpheme) [Terkulov 2015a].

For example, CA *нефтепромышленность* has 29781 inclusions in search engine texts as of October 2016, while SE *нефтяная промышленность* has 721784 mentions. The index balance of 0.041 indicates the secondary character of the CA in relation to the collocation. In its turn, the word *нефтерубль* is mentioned 28444 times, while its equivalent *нефтяной рубль* is mentioned only 2875 times, hence,

нефтерубль appeared on the basis of the word with the abbromorpheme in the process of pseudouniverbalization.

The second step: determining the correspondence of the semantic structure of the collocation to the models of the Russian language. If the semantics of the collocation does not contradict the semantic norms of the language, it can qualify as a source for the emergence of abbreviation. If the semantics of the collocation is "unnatural", this collocation is regarded as a result of pseudouniverbalization. For example, the word *зоопарк* o (a scientific and educational institution where wild animals are kept in captivity) has a regular SE *зоологический парк* (IB = 300), where the interpretation *зоологический* has the meaning "connected with zoology" (*зоологией*; i.e. with science). Thus, the construct and its decoding are associated with the signification of different denotations, which leads to the conclusion about the creation of a collocation word based on a word with an abbroaffixoid.

The artificiality of the decoding *зоологический парк* is also confirmed by The etymological analysis of the component *зоо*-: this construct is a prefix borrowed from the Greek and added to words related to the animal world (cf. *zoo* in English) [Chudinov 1894].

The third step: finding out the identity of the onomasiological structure of CA and SE to the onomasiological structure of other pairs of linguistic entities, constructed by identical models and having similar semantics. If the onomasiological structure of SE is found in other pairs of linguistic entities with the same base component, we can assume that the analyzed SE is created by the classical model of modification of the main word, and the SE arises on its basis.

For example, the onomasiological structure "institution + qualificative / locative" is characteristic for complex words with the base *совет* in the meaning "collegial body", with the indicative component usually qualifying the place of functioning of the institution: cf. *горсовет – городской совет*, *райсовет – районный совет*, *сельсовет – сельский совет*, *облсовет – областной совет*, etc. The abbreviation *диссовет* with SE *диссертационный совет* is found. The scheme of the word-formation meaning of the adjective in this case is constructed

with the help of two relational links: "serving [rel1] to consider and defend [rel2] dissertations for the degrees of doctor and candidate of sciences". Thus, *диссовет* has a different onomasiological structure "institution + allative" from other motivational pairs with the base *совет*, which may indicate the non-univerbalization way of abbreviation formation.

The developed methodology of distinguishing the abbreviation and abbromorpheme allows us to evaluate the derivational relations between the syntactic equivalent and the single-form unit in a complex, taking into account different aspects of the functioning of the abbreviation pair.

Synchronic approach

At the synchronic level, it is impossible to determine the historically correct derivational relationship between a word and its textual equivalent, to name a particular linguistic unit as primary. The synchronic approach puts together diachronic abbreviation and pseudouniverbal quasiabbreviation into phenomena of the same order. The synchronic approach first of all takes into account the possibility of regular use by native speakers of abbreviations and their corresponding collocations as equivalents

For example, the word *нефтемагистраль* is a real abbreviation, which arose on the basis of the word combination (IB with SE *нефтяная магистраль* = 0.31; The glossa corresponds to the onomasiological model "spatial object + qualifier/distinctive" that is characteristic of the nominateme *магистраль*). The *нефтеловушка* is a simple word with an abbromorpheme (IB with SE *нефтяная ловушка* = 7.11; the glossa corresponds to the onomasiological model "adaptation + qualifier/distinctive" that is characteristic of the nominateme *ловушка*). Note that the linguistic units treated by us as secondary entities (CA *нефтемагистраль* and SE *нефтяная ловушка*) are not recorded in the Google Ngram service corpus, which may indicate their low frequency of use and their recent appearance in the language. At the synchronic level, both words are perceived by native speakers as real collocational contractions, since in both cases the single-form entities are

constructed according to similar structures, and also both words have regular segmented equivalents.

An indicator of the synchronous coexistence of CA and SE is the presence of texts in which both CA and its multi-component textual equivalent are used. According to the way the complex word cooperates with its syntactic equivalents in one or several texts, 4 types of equivalent texts can be distinguished [Terkulov 2018g]:

• **A proper equivalent text**. A text in which the complex word and its segmented equivalent are used synchronously to refer to the same referent. The equivalent collocated word duplicates the structural components of the complex word and has exactly the same meaning as the complex word. For example, the complex word *газообмен* is found in the same text with the equivalent *газовый обмен*: *Процедуры нравственного и физического очищения, голодание, диета, физические упражнения замедляют дыхание, улучшают общее состояние организма, состояние нервной и сосудистой систем и качество* ***газообмена*** *между атмосферным воздухом и кровью – Для того чтобы легкие успевали наиболее полно выполнить процедуру* ***газового обмена***, *необходимо дышать как можно медленнее как на вдохе, так и на выдохе* (http://www.aif.ru/archive/1676427; 20.11.2019).

• **Parallel equivalent texts**. Different contexts in which a complex word and a segmented equivalent are used to refer to the same referent. For example, the complex word *бандлидер* and its most frequent equivalent *лидер банды* are used only in parallel texts: *Это очень серьезный* ***бандлидер****, на руках которого большая кровь, человек, который владел различными формами противодействия, и, конечно, мог бы применить их, пойти на крайние меры* (http://www.interfax.ru/russia/8354; 20.11.2019) – *Как выяснилось,* ***лидер банды*** *создал группу в одной из соцсетей, все ее участники должны были пройти специальный обряд посвящения и каждый месяц перечислять организатору деньги* (https://www.1tv.ru/news/2019-0927/373023v_moskve_arestovana_

banda_kotoraya_sponsirovala_terroristov_zapreschennoy_v_rossii_gruppirovki_igil; 20.11.2019).

• **Conditional equivalent texts**. Texts in which a complex word and its equivalents have an identical significative meaning, but denote different referents. In the equivalence nest of the word *автоаксессуары* we find the *аксессуары в автомобиль* (i.e. in the cabin) and *аксессуары на автомобиль*: *Особенность **аксессуаров в автомобиль** в том, что многие полезные для транспортного средства вещи могут быть использованы не только как необходимая покупка, но и в качестве отличного подарка для друзей и знакомых – Для этого мы предлагаем купить такой **автоаксессуар**, как небольшой авточайник, кофеварка или раскладной, удобный и в то же время вместительный столик* (http://www.avto-podarok.ru/catalog; 20.11.2019); *Для начала необходимо определиться какие **автоаксессуары** нужны водителю и пассажирам – **Аксессуары на автомобиль** делятся на первостепенные и второстепенные* (https://www.autodela.ru/main/blogs/Ira_Avto/kak-vybrati-khoroshiye-avtotovary-i-aksessuary-dlya-avtomobilya; 06.09.2022)

• **Indirect-equivalent text**. Text in which equivalents of a complex word are used as synonyms, but the word itself is not used. For example, we find texts in which the equivalents *ветряной двигатель* and *ветровой двигатель* are used synonymously, but the related complex word *ветродвигатель* is not used: ***Ветряной двигатель** работает при плоскостях устройства ориентации, обращенных к ветру – Регулирование числа оборотов ветряных колес и предохранение **ветрового двигателя** от перегрузки осуществляется за счет того, что при усилении ветра рамы с ветровыми колесами преодолевают сопротивление пружин, поворачиваются на шарнирах и отклоняются в зону, защищенную от ветра плоскостями ветронаправляющего устройства* (http://www.ideasandmoney.ru/Ntrr/Details/131590; 20.11.2019).

Among the texts of journalistic style posted in the Internet news resources, we found such texts, in which the abbreviations *нефтемагистраль* and *нефтеловушка* and the corresponding collocations are used as equivalents in the

same context: *До последнего времени край действующего золотодобывающего карьера находился в 43 м от оси* ***нефтяной магистрали*** *– Хотя в свое время, когда только разрабатывался Березняковский карьер, нефтепроводчики пошли навстречу, особо оговорив условия ведения горных работ вблизи* ***нефтемагистрали*** (www.kp.ru/daily/26623/3641144; 14.02.2022); ***Нефтеловушки*** *по типу конструкции разделяют на горизонтальные и вертикальные – Выбор* ***нефтяной ловушки*** (https://www.pnsk-online.ru/news/poleznaya-informatsiya/272; 14.02.2021).

As a result of the textual-equivalence analysis of word-forming entities, it was found that an abbreviation can synchronously enter into equivalence relations not with one collocation, but with several at once, independent of the derivational status of the abbreviation. The possibility of multiple interpretation of an abbreviation is one of the main points of the developed synchronous approach to the univerbalization process.

1.6. Decoding stimulus in structural and cognitive interpretations

Possible polyequivalence of abbreviation is explained by the influence of decoding stimuli (DC) – implicit knowledge of native speakers, which condition the creation of a syntactic equivalent of a certain model as a result of interpretation of a compound word.

The assertion of the existence of DC leads to a rethinking of the notion of the spontaneous nature of the abbreviation process proposed by D. Alekseev [Alekseev 1977]. The abbroconstruct is qualified as "a reproducible means of predictive substitution <...> of a component of a producing collocation" [Terkulov 2020, p. 104]. It follows that in the vast majority of cases a native speaker does not create unique collocational constructions, but rather refers to the reproduction of previously known stereotypical models in order to decode a complex word.

From the position of the formal approach, the decoding stimulus is understood "as a stereotypical model of word interpretation into a word combination" on a synchronic section of the language [Terkulov 2016c, p. 18].

The Laboratory (see: [Akulich 2017, Brovets 2016-2017, Mikhajlova 2017, Rjazanova 2017b]) has developed a typology of decoding stimuli according to the nature of correspondence between the complex word and its equivalent. Researchers distinguish:

a) **presentational DS**, "an onomasiological feature, grammatically subordinated to the onomasiological basis, expressed adjectival and having a generalized meaning, which provides zero degree of interpretation of the abbreviation" [Brovec 2017a, p. 100], e.g. *дизтопливо – дизельное топливо*; *дипсостав – дипломатический состав*, *инфоповод – информационный повод*. Presentational DS implements the syntactic model "adjective + noun", fully reproduces CA and is its absolute synonym.

b) **Interpretative DS**, which generates equivalents with additional attributes not expressed in the complex word. Interpretive decoding stimuli are divided into two types: relational and modifying RS.

Relative DSs create "formally relevant to an abbreviation, coinciding with it in the number of onomasiological features text equivalents, expressed by case and prepositional case forms, actualizing grammatical values of number and case" [Brovec 2017a, p. 100]. There are two types of relational DS: actantive and acant-numerical. The **actantive** decoding stimulus indicates the actant role of the referent by means of a certain nominal or prepositional-nominal form: : *информресурс – ресурс информации* and *ресурс для информации* (in this case the referent has onomasiological meaning "source" and "destination" respectively), *канцбумага – бумага для канцелярии* ("material" + "destination"). The **actant-numerical** decoding stimulus adds to the indication of the referent's actant role its quantitative characteristic: *домовладелец – владелец дома* (one) and *владелец домов* (several).

Modificative DSs, which "create formally more complex word combinations than abbreviations and include in their composition an additional onomasiological feature, which is absent in the structure of an abbreviation" [Brovec 2017a, p. 100]: *адмінцентр – центрадмин[1]услуг[2]*. As a rule, the modificative DS provides a decoding of a complex word construct by means of another complex word or

collocation: *диетменю – меню* ***диетпитания*** and *меню диетического* ***питания***; *жилинспектор – инспектор жилинспекции* and *инспектор жилищного* ***надзора***.

In a complex transcription, the first onomasiological feature is reassigned to a secondary feature that is not represented in the abbreviation structure (the secondary feature is, for example, the component *надзора* for the CA *жилинспектор*). "This fact is assigned a second rank of modification <...> A zero rank in such a case is marked for presentational and relational equivalents, while the first rank corresponds to one feature new to the abbreviation" [Brovec 2017c, p. 163].

In the cognitive interpretation, the term decoding stimulus denotes "the implicit knowledge of a native speaker that stimulates the possibility of decoding a complex word in one way or another" [Rjazanova 2019]. The need to develop a cognitive method to study the decoding of abbreviations is explained by the fact that "to fully characterize abbreviation it is necessary to study not only structural types of abbreviations (since the ways of abbreviating words are extremely diverse and take different forms), but also the mechanisms of inference" [Duzhikova 2015, p. 30].

The notion that each compound word corresponds to an equivalent phrase encourages the native speaker who uses the compound word in speech, generate these collocations according to the learned models of decoding abbreviations of the passage structure and the needs of nomination - semantic specification of the meaning of CA. Thus, the linguistic persona forms individual criteria, which regulate the set of possible ways of decoding a particular complex word [Rjazanova 2021a].

The syntactic equivalences verified by the method of quantitative analysis are the basis for compiling the equivalence block of the developed *The Dictionary*. The compilers have defined the criteria, on observance of which a collocation obtains the status of a syntactic equivalent:

a) formal correspondence between the structural components of a collocated word and a complex word (the compound components of a complex word are reflected in the collocation);

b) textually confirmed identity of the meaning of the complex word and the supposed equivalent;

c) high frequency of use, excluding single, occasional uses of the construction (an acceptable number is at least 500 uses of the linguistic unit);

d) appropriateness of a syntactic equivalent required for a correct interpretation of the abbreviation.

Within the framework of the study, syntactic equivalents containing deviations from linguistic norms were selected from *The Dictionary*'s equivalence block (see below). On the basis of the analysis of these entities we can make an assumption about the most frequent reasons for the appearance of regularly used units with lexical, grammatical, syntactical and other mismatches.

• Decoding of borrowed items by models of native complex words. Borrowed words with the prefix *арт-* (from English 'art') are often interpreted by native Russian speakers as complex words with an abbromorpheme. As a result, the prefix is transformed into the dependent word *артистический*: *артдиректор* > *артистическй директор* (*Сейчас в Hermes, с одной стороны,* ***арт-директор*** *Надеж Ване-Цибульски, которая делает очень строгую, даже рассудочную моду, а с другой — вы, которая делает очень чувственные, эмоциональные ароматы. — Было действительно рискованно вот так делать аромат, но артистический департамент, Пьер-Алексис Дюма (****артистический директор*** *Hermes), поддержал меня на сто процентов*; www.kommersant.ru/doc/3072314; 23.11.2020); *артагентство* > *артистическое агентство*; *артперсонал* > *артистический персонал*, etc. Note that the borrowed *арт-директор* has a regular equivalent in Russian *художественный руководитель*.

• The disordered using of syntactic equivalents due to homonymy of non-segmented forms. For example, the linguistic entities *автоматический*

гидроподъёмник and *автомобильный гидравлический подъёмник* give rise to the homonymic *автогидроподъёмник*[1] 'a hydraulic lifting device specialised in lifting equipment together with workers to a certain height for carrying out various types of work' (the same as a car hoist) and *автогидроподъёмник*[2] 'a lifting device in a service station designed for maintenance and repair of low-slung motor vehicles'. Situations of homonymic confusion arise, when in the same text these linguistic entities are used as semantic doublets: ***Автомобильный гидроподъемник*** *можно смело отнести к категории спецтехники, имеющей оптимальное соотношение рабочего потенциала и удобства при работе с ней –* ***Автоматический гидроподъемник*** *может быть использован в работах самого широкого спектра назначения: строительных и монтажных, при прокладке коммуникаций, в городском озеленении, аварийных высотных работах – Перечислим основные средства контроля, которые могут быть установлены на* ***автогидроподъемник*** (technograd-spb.com/avtovyshka-bezopasnaya-i-funkcionalnaya-spectexnika; 23.11.2020)

• Using suffixal paronyms to form syntactic equivalents. Speakers are often not aware of the difference in the lexical meanings of paronyms when deploying complex words.

For example, the adjectives *драматический* 'relating to or based on drama as a literary genre' and *драматургический* 'relating to or characteristic of drama' are used disorderedly to interpret the construct *драм-*. *Драмтеатр* is 'a type of theatre where a dramatic literary work serves as the basis of the performance'. Obviously, the word correlates with the adjective *драматический*. Nevertheless, on the Internet there are many texts, in which the collocation *драматургический театр* is used as an equivalent for the word *драмтеатр*: *Красноярский* ***драмтеатр*** *проведет читки на книжной ярмарке – Красноярский* ***драматургический театр*** *имени Пушкина в рамка Книжной ярмарки покажет посетителям цикл читок «Современная пьеса Швейцарии»* (https://krsk.aif.ru/culture/1010669; 20.11.2020).

There are also indirectly-equivalent texts in which there is a confusion of the decodings драматический and драматургический: *Белгородский **драматургический театр** приедет с гастролями в Северную Осетию 22 сентября – Белгородский государственный академический **драматический театр** имени М.С. Щепкина в рамках проекта "Большие гастроли" представит в Северной Осетии постановки по произведениям Франсиса Вебера и Алексея Толстого* (https://tass.ru/severnyy-kavkaz/5590311?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews; 20.11.2020).

Native speakers most often do not differ between *'ветровой'* 'relating to the wind' and '*ветряной*' 'powered by the wind'. The mentioned adjectives are regular decoding stimuli that occur in parallel in almost all equivalence nests of the abbreviation-composite group "ветро". For example, in the equivalence nest of the word *ветроэнергетика* ("branch of power engineering, which transforms kinetic energy of air flow into certain form of energy" – '*ветровая энергетика*') we find equivalences *ветровая энергетика* and *ветряная энергетика*: *Именно здесь в провинциях Цзянсу, Гуандун, Фуцзянь наиболее динамично развивается **ветряная энергетика**, энергетика будущего — По прогнозу Bloomberg, установленная мощность **ветроэнергетики** в Китае через десятилетие будет увеличиваться на 70-140 ГВт каждый год*; news.rambler.ru/other/42132637-kitay-puskaet-dengi-na-veter-i-ne-tratit-ih-zrya; 23.11.2020); *Одним из наиболее успешных и прогрессивных вариантов альтернативного вида электроэнергии может стать **ветроэнергетика** – Нужно отметить, что **ветровая энергетика**, наряду с солнечной и гидро-, относится к возобновляемым экологически чистым источникам энергии* (https://economist.kg/novosti/ekonomika/2021/10/08/da-budet-svet-kak-my-stroim-pervyj-v-kyrgyzstane-vetropark/; 20.11.2021).

The usage of paronyms is possible in a number of equivalence nests of the above group. This refers to words that denote devices powered by wind (*ветротурбина*, *ветроустановка*, *ветродвигатель*, etc.). In this case, the

adjective *ветровой* will act as a hyperonym (at the onomasiological level, the word *ветровой* has a broader meaning): *ветряная турбина* and *ветровая турбина*, *ветряная установка* and *ветровая установка*, etc.

• Misidentification of the actant role of the construct or misidentification of the semantics of the construct. The speaker, perhaps due to insufficient competence, selects a syntactic equivalent in such a way that the onomasiological status of the deployed construct is transformed. For example, the contra-agentive is transformed into a fabricative in the pair *бронеснаряд – бронированный снаряд*, where *бронеснаряд* is 'ammunition designed to hit armoured targets' (i.e. an ***бронебойный*** *снаряд*) and the adjective *бронированный* is used in the meaning 'protected by armour'. In this case, the lexical meaning of the segmented name *бронированный снаряд* contradicts the semantics of the abbreviation *бронеснаряд*: *Резервуар был эффективен из-за его точности стрельбы, сильного* ***бронированного снаряда*** *и долговечности в суровых условиях пустыни* (ru.routestofinance.com/abrams-tank-next-generation; 22.11.2020) – *На горящем военном складе в Приморье начали взрываться* ***бронеснаряды*** (www.topnews.ru/news_id_50814.html; 22.11.2020).

The meaning of the collocation *автомобильное кресло* has become more specific since the emergence of its abbreviated equivalent *автокресло*: instead of 'seat in the car', the meaning has been narrowed to 'a restraining device designed to transport children in the car'. Speakers in a number of cases identify the meaning of the compound word car seat with any type of referents denoted by 'кресло в автомобиле': *Но пока мы не окунулись в негу блаженства, которое нам может подарить купленное* ***автомобильное кресло*** *для массажа, немного истории о развитии* ***автокресел*** *с функцией массажа вообще и о тестируемых нами современных автомобилях с такими сидениями, в частности* (autochrome.ru/raznoe/massazhnoe-kreslo-dlya-avtomobilya.html; 22.11.2020).

The collective difficulties in interpreting complex words result in these kinds of syntactic equivalents being formed. Since they are actively used in equivalent

texts, they cannot be ignored by the compilers of *The Dictionary* – just as, for example, units of the colloquial lexicon.

The Dictionary's equivalence section is based on a large number of Russian-language texts created by a large number of native speakers. Under normal conditions, a native speaker is not able to cover the entire volume of equivalent texts to further form personal criteria of interpretation of a complex word. These criteria are formed by each speaker based on individual cognitive experience. It follows that the set of decoding stimuli reflected in *The Dictionary* cannot coincide with the decoding stimuli of a particular user – it is always broader than individual registers. The influence of subjective experience on the interpretation of *The Dictionary* content can lead to false conclusions about the fallacy of syntactic equivalents that are in fact successfully used by native speakers in the Internet space.

It is assumed that the following factors influence the emergence of alternative SEs:

• CA refers to a narrow sphere of activity: an incompetent native speaker, not knowing the source collocation, deploys the CA "intuitively". The complex abbreviation *газостанция* is equivalent to the word combinations *газозаправочная станция*, *газораспределительная станция*, *газонаполнительная станция*. SE *газовая станция* is based on a complex abbreviated word and does not include a qualifying component in its structure.

• CA has a source word combination, the model of which is rarely found in Russian (e.g. in the case of the modificative DS); the native speaker picks up the SE of a more familiar construction. The word *ветдепартамент* is formed from the atypical phrase *департамент ветеринарного надзора*; the new SE *ветеринарный департамент* is constructed according to a regular structural model.

• The source word combination contains redundant information, so the native speaker selects a more compact equivalent for the CA. For example, the phrase *нефтеперерабатывающий завод* was given an equivalent *нефтяной завод*

(*нефтезавод* is only "*нефтеперерабатывающий*", so the qualifying component "*перерабатывающий*" is unnecessary).

In all such cases, the native speaker selects such SE models, which often occur in the equivalence nests of the same group.

1.7. An equivalence nest of a group

As a result of the action of decoding stimuli, a set of synchronous syntactic equivalences forms around the complex word, which form the abbreviation **equivalence nest** (as opposed to the traditional pair "multi-component source – abbreviation").

The equivalence nest is formed on the basis of actual textual equivalence, filled with components as such equivalent units are fixed in common texts [Terkulov 2015b]. For example, for the word *допвыпуск* only one syntactic equivalent (*дополнительный выпуск*) is recorded, and for the word *автомагазин* at least 30 equivalent word combinations are found: *автомобильный магазин*, *магазин автоаксессуаров*, *магазин автодеталей*, *магазин автозапчастей*, *магазин автомобилей*, *магазин автомобильных товаров*, *магазин автомобильных деталей*, *магазин автотоваров*, *магазин товаров для автомобилей*, *магазин аксессуаров для автомобилей*, *магазин товаров для автомобиля*, *магазин аксессуаров для автомобиля*, *магазин запчастей для автомобиля*, *магазин запчастей для авто*, *магазин товаров для авто*, *магазин деталей для авто*, *магазин запчастей на авто*, *магазин товаров для автомобилистов*, *магазин деталей для автомобилей*, *магазин запчастей для автомобилей*, *магазин деталей на авто*, *магазин запчастей на автомобили*, *магазин запчастей на автомобиль*, *магазин деталей на автомобиль*, *магазин по продаже авто*, *магазин по продаже автомобилей*, *магазин запасных частей для автомобилей*, *магазин автомобильных запасных частей*, *магазин запчастей к автомобилям*, *магазин по продаже автотоваров*.

Since the syntactic equivalences that make up the equivalence nest differ from each other in the nature of the representation of the complex word, it is customary to distinguish between types of textual equivalence.

Textual derivational equivalence (**TDE**). TDE is understood as a type of motivational relations between nominative units in which the meaning of the producing and derivative entities coincide, as, for example, in the pairs *автопарковка – автомобильная парковка*, *архвыставка – архитектурная выставка* etc. Within the textual derivational equivalence there are subspecies that take into account the relations of derivation in the equivalence nest: **univerbalization TDE** (TDE^1), reflecting the reduction of the collocation into a complex word: *государственное предприятие → госпредприятие*, *филологический факультет → филфак*; **pseudouniverbalization TDE** (TDE^2), caused by the expansion of the collocation on the basis of a word with an abbromorpheme: *зоомагазин → зоологический магазин*, *агротехника → аграрная техника*; **non-univerbal TDE** (TDE^3), reflecting the secondary reduction of an abbreviation: *адminотдел → адмот*, *аэрофотокарта → аэрокарта*; **compression TDE** (TDE^4), "which assumes the occurrence of a parallel CA doublet created as a result of such reduction of the original collocation that it does not lead to the formation of a CA" [Terkulov 2016g]: *центр административных услуг → центр адminуслуг*; *депутат Европейского парламента → депутат Европарламента*; **transformational TDE** (TDE^5) arises as a result of structural transformation of word combinations: *подножка для велосипеда → велосипедная подножка*, *описание жизни → жизненное описание*; **pseudocompressive TDE** (TDE^6) occurs when an element of a word combination is decoded into a more complex combination of words: *заместитель гендиректора → заместитель генерального директора*, *автотехнический центр → автомобильный технический центр*.

Text-motivational equivalence (**TME**). TME reflects the situation of textual interchange of entities in direct or indirect modifying motivational relations. Motivational relations lead to the formation of differences in the way identical

semantics is represented in the producing and derived entities. The following subspecies of TME are distinguished: **direct TME** (TME^1), implying direct modification relations between the equivalence nest components: *билет* → *авиабилет*; *макет* → *дизайн-макет* (in these examples, prosody is formed, which are marked with abbromorphemes); **mediated TME** (TME^2), "in which between the CA and its textual-modifying equivalent (usually a simple word) there is a collocation, connected with the equivalent by TME relations" [Terkulov 2015g, p. 102]: *материальная потребность* ← (*матпотребность*) ← *потребность*, *звуковое изменение* ← (*звукоизменение*) ← *изменение*; **parallel TME** (TME^3), with the formation of the word combination modifier: (*грузоконтейнер*) → *грузовой контейнер* → *контейнер для грузоперевозок* (secondary formed word combination clarifies the semantics of the collocation *грузовой контейнер*, which together with CA has the meaning "unit of transport equipment of multiple use, designed for transportation and temporary storage of goods").

In connection with the consideration of basic interpretations of complex abbreviations, V. Terkulov also offers a typology of formal correspondence between the components of abbreviations and equivalent collocations. In his paper [Terkulov 2018a], the researcher gives a description of the abbreviated interpretations of CA and gives models of their DCs. Based on the description provided, we compare the typology of formal correspondence of the complex word interpretation:

1. **Direct correspondence**. The structure of a complex word, both quantitatively and by the order of its components, is absolutely relevant to the structure of a word combination (*драмтеатр – драматический театр*).

2. **Component correspondence**. It is characterized by a mismatch in the number of components of equivalent entities in favour of a word or in favour of a collocation (*нефтепоставки – нефтяные поставки; дымоаппаратура – термическая дымовая аппаратура*).

3. **Metathesis correspondence**. Keeping the number of matching components is accompanied by their transposition in the abbreviation (*бандглаварь – главарь банды*; *радиодеталь – деталь радио*; *диско-стиль – стиль диско*).

4. **Component-metathesis correspondence**. The components of equivalent items differ both quantitatively and in order of sequence. Quantitative mismatch can occur in favour of a word (characteristic for abbreviation-composite equivalents: *ветрозащита – защита от ветра*) and in favour of a collocation (characteristic both for abbreviation-composite and abbreviation-uxtamposite equivalents: *жирозавод – завод по переработке жира*; *фотоклуб – клуб любителей фото*).

1.8. The notion of an abbreviation group

More than five hundred abbreviation groups were collected during the work on *The Explanatory-Equivalent Dictionary of Russian Complex Abbreviated Words*. An **abbreviation group** is a set of complex abbreviations of one part of speech having the same prepositional abbreviated component. For example, all abbreviated words that have the construct *био-* in their absolute beginning are combined into the abbreviation group "био" (*биоагент*, *биоблок*, *биодатчик*, *биозавивка*, *биозащита*, *биоиспытания*, *биоконтроль*, *биоматериал*, *биополимер*, *биореактор*, *биосистема*, *биоспутник*, *биотипливо*, *биофабрика*, *биохимия*, etc.).

The abbreviated groups have already become the object of study of scientists (Y. Dubkova [Dubkova 2011], V. Antonov [Antonov 2012]), however with the development of the synchronous-equivalent approach the description of abrogroups was developed in the works of V. Terkulov, A. Brovec, A. Reshtanenko, K. Emel'janova, I. Ustinova, E. Krest'janinova and others.

V. Antonov uses the term thematic field to denote a set of words with a common prepositive construct: "The result of one of the word-formation "microbursts" is the emergence of a new thematic field of lexemes with the element "нано-" (*нановещество*, *наноуровень*, *наноразмер*, *нанообъект*, *наноробот*, *наносредство*, etc.), which is actively replenished by new entities" [Antonov 2012].

It is necessary to clarify: the thematic field is "groups of lexemes of different parts of speech, united by a common theme. The semantic field includes lexemes of different parts of speech, united by common semantic meaning and word-formation

relations" [Temnova 2019]. V. Antonov considers only nouns in the thematic field "нано", specifically - terms and compound names.

The debatable term "thematic group" also corresponds to the thematic field. Y.Apresjan points out that the thematic group "includes lexemes of different parts of speech, united on the principle of classification of the realities themselves, rather than lexico-semantic relations" [Apresjan 1974]. In his turn, A.D'jakov notes that thematic groups "contain words of one part of speech" [D'jakov 2012].

The scope and nature of the linguistic units that constitute an abbreviated group, a thematic field and a thematic group obviously do not the same. The principles by which the lexemes that compose them are different. The sets of composite nominative entities with a common prepositional component did not become an independent object of research. The abbreviation group is formed more on the structural principle than on the semantic one, since one of the main criteria for combining complex words into one group is the presence of a common construct, which, moreover, in different complex words may have a different onomasiological status. This makes it necessary to identify the abbreviation group as a separate way of combining linguistic entities.

The concept of the abbreviation onomasiological field (AOF), which combines the field and onomasiological approaches to the study of abbreviations, has also been developed [Lyalyuk 2017]. AOF is understood as "a combination of CAs, which are characterized by the presence of an identical component in the composition of meanings, but have different specificity of conceptual knowledge representation" [Bratsun 2020]. Language entities included in one abbreviation field contain synonymous basic components. For example, the AOF "дорога" includes the complex abbreviated words *авиалиния*, *авиамагистраль*, *авиамаршрут*, *авиапуть*, *авиатрасса*, *автодорога*, *автозимник*, *автокоридор*, *автомагистраль*, *автотракт*, *автотрасса*, *автошоссе*, *альпмаршрут*, *велоаллея*, *велобульвар*, *велодорога*, *велодорожка*, *велополоса*, *велотрасса*, *велошоссе*, *гумкоридор*.

A narrower concept is that of 'abbreviation nest', which is a set of equivalence nests with an identical basis. For example, the abbreviation nest "завод" includes abbreviations such as *автозавод*, *конезавод*, *машзавод*, *молокозавод*, *нефтезавод*, *курзавод*, *овцезавод*, *птицезавод*, *пчелозавод*, *рыбзавод*, *свинзавод*. The top of the equivalence nest of the abbreviation nest is the decoding stimulus with the lowest index balance.

Thus, complex abbreviations can be combined according to two criteria - according to a common feature component (into abbreviation groups) and according to a common basis component (into abbreviation nests).

As a result of a study of about 600 abbreviation groups we have developed their typology based on quantitative, structural-formal and semantic principles. Section 2 of this study is devoted to the types of abbreviation groups.

1.9. Hybrid abbreviation-composite groups

The problem of determining the status of a hybrid construct was formulated by linguists as early as in the second half of the 20th century, but a detailed and consistent study of these linguistic entities has still not been carried out. The problem was discussed in the academic "Grammar 80". The author of the section "Word Formation of Nouns" V. Lopatin considers the phenomena adjacent to abbreviation and word formation: "A large group of abbreviations <...> that are abbreviations of adjective-noun combinations, the first (abbreviated) component of which is a whole stem: *пионерлагерь* (*пионер* and *пионерский лагерь*), *бортмеханик* (*борт* and *бортовой механик*), *кожизделия* (*кожа* and *кожевенные изделия*) <...>. Such abbreviations cannot be strictly distinguished from compound nouns with a zero interfix" [Russian Grammar 1980, p. 255].

E. Djuzhikova, analyzing abbreviations of modern English, for the first time carried out a comparison of a compound word and an abbreviation, noting that previously both in Russian and foreign linguistics "many issues related separately to both word formation and abbreviation were considered, but no one has ever raised the problem of their correlation" [Djuzhikova 1995, p. 115].

The researcher identifies the following features common to the process of abbreviation and compound word.

1. Both the abbreviation and the compound word are created on the basis of signs, which are already fixed and actively used in the language as independent units. "How these full-valued lexical entities are retained or reproduced in the resulting entity is another matter. <...> While in the structure of a compound word the signs contained in the original motivating unit are fully repeated, in an abbreviation they are reduced to unrecognisability" [Djuzhikova 1995, p. 117].

2. The formation of compound words and abbreviations occurs according to certain models. "The modeling process is peculiar to both a compound word and an abbreviation, but the latter exhibits a more numerous and diverse set of models, and different types of abbreviations are characterized by different degrees of explicitness in expressing the same meaning" [Djuzhikova 1995, p.118].

3. Formation of a complex word's own semantics. "The difficulty of interpreting complex words lies in the fact that the relationship between the base and the feature in them sometimes allows *several readings*. <...> The difficulty of analysing composites can be explained by the fact that the relations between words, usually expressed with the help of prepositions, pass into the latent category when these words become components of a complex word. Thus, the explicitly expressed relation of purpose in the collocation kettle for fish becomes implicit in the compound word fish-kettle, since it can be understood as "kettle with fish" or as "kettle for fish", a fish-sauce as "sauce made from fish" and as "sauce for fish"". [Djuzhikova 1995, pp. 118–119].

As a result, E. Djuzhikova concludes that there are more similarities than differences between composition and abbreviation.

E. Zajceva says that a number of names of a person can combine the features of an abbreviation and a compound word. For example, the word *бандглаварь* ("*главарь банды*, *бандитский главарь*") may be characterized as formed by the abbreviation method (*бандглаварь* < *бандитский* + *главарь*) and as created by the compound method with a null interfix (*бандглаварь* < *банд*(*а*) + *ø* + *главарь*)

[Zajceva 2014, p. 942]. Names of a person with the first component кибер- (short for *кибернетический*) can also be analyzed from different positions: as a result of word reduction (*киберпанк* < *кибернетический* + *панк*) and as the addition of stems with zero interfix (*киберпанк* < *кибер* + *ø* + *панк*).

Thus, the idea of the similarity of abbreviation and composition in linguistics is not new: the existence of a large number of words that are on the border of these two modes of word formation only confirms the relevance of the problem posed by the researchers. The traditional approach to word formation did not present an opportunity to specify the status of complex words such as *бандглаварь* and *спортплощадка*. Moreover, it did not assume the possibility of combining the two modes of word formation for a single linguistic entity, as such an idea can only be realized by distinguishing the synchronic approach from diachronic.

V. Terkulov in the process of developing the synchronic approach also turned to this problem. Like E. Djuzhikova, the researcher identified a number of similarities between abbreviation and word formation (composite formation) and pointed out that univerbalization composites and CAs, as well as quasi-composites and quasi-abbreviations should be considered in one row, "because eventually all these entities exist against the background of actual parallel use of their derivational equivalents in the language" [Terkulov 2016b, p. 232].

The scientist cited a number of similarities between CAs and composites. Firstly, both composites and CA have functional-semantic, parallel syntactic equivalents existing in the language (e.g., composit *нефтепереработка* and CA *нефтескважина* are used in modern Russian along with the equivalents *переработка нефти* and *нефтяная скважина*). Secondly, the formation of CA and composit is very often carried out not simply within the same onomasiological model, but even within the same nominateme (i.e. within factually identical onomasiological bases; for example, the nominateme добыча is realized in CA *гидродобыча – гидравлическая добыча* and in composites *газодобыча – добыча газа* and *нефтедобыча – добыча нефти*). Thirdly, both abbreviated and

composite constructions, regularly used in the language, form groups of complex words (abbreviated or composite).

Some researchers propose the idea of the interfix as a special structural element that appears in composite words and is absent in abbreviations and that "contributes to neutralising the grammatical meanings of the first component" [Terkulov 2016d, p. 83]. V. Terkulov provides a number of arguments that refute the differentiating role of the interfix: ("there are no semantic (designificant) differences determined by the presence or absence of the interfix, for example, between *кожзаменитель* and *домовладелец*" [ibid]). A large number of precedents are recorded for the use of interfixes in the formation of CAs. Moreover, the neutralization of the grammatical meanings of the initial component occurs both in composite words and complex abbreviated words regardless of the use of the interfix (cf. composite word *домовладелец* and the CA *домработница*; *дымодатчик* and *дымзавеса*); neutralization of grammatical meanings occurs by simply dropping grammatical indicators of the source word, the interfix can be removed from the formed word without affecting its lexical meaning. Thus, interfixes "act as elements of word construction, but not of word creation" [ibid. Terkulov 2016d, p. 84].

It follows that the difference between the CA and the composite word is only in the formal identity/non-identity of their constructs to the bases: the composite word construct is equal to the word base and the CA is equal to a part of the base. Following V. Terkulov, we conclude that univerbalization composition and abbreviation are formal varieties of one process – the ultimate word-compression of collocations into words.

Formations that combine features of abbreviations and univerbalization composites, introduced by V. Terkulov into a separate category of words with a mutant abbreviation-composite construct (later renamed hybrid abbreviation-composite construct) [Terkulov 2016b].

Hybrid abbreviation-composite construct (HC) is a complex word construct that combines features of both abbreviation and composite construct, is synchronously equivalent to several word combinations built according to different

models, and in combination with the base component forms a word that can be decoded both as a complex abbreviation and as a composite [Rjazanova 2017c].

Out of over 500 entries in the Glossary of *The Dictionary*, 80 are classified as hybrid (*газо-*, *грязе-*, *крупо-*, *музыко-*, *нефте-*, *фрукто-*, *хлебо-*, *цвето-*, etc.). Complex words with a common hybrid construct are combined into an abbreviation-composite **hybrid group** (HG). The analysis of hybrid construct functioning is presented in the works of Donetsk researchers [Blumina 2017, Reshtanenko 2018b].

Considering the ways of interpretation of the word combination of a complex word, V. Terkulov pointed out that in addition to the classical abbreviation interpretation of complex abbreviated words there is also composite (in which the formal equivalent of the abbreviation is the base word of the equivalent word combination) and juxtaposition (which formally corresponds to the conjunction).

At the same time, the researcher distinguishes basic interpretations - abbreviation proper, based on the representation of the word only as an abbreviation (*бортжурнал – бортовой журнал*), and mixed hybrid, in which the abbreviation interpretation can be combined with composite (*дымоулавливание – улавливание дымов*) or juxtaposition (*кинопросмотр – просмотр кино*).

Thus, we can speak of distinguishing subtypes of hybrid constructs - abbreviated-composite and abbreviated-uxtaposite.

A part of juxtapositives is able to expand into an equivalent collocation, thus imitating the process of abbreviation (*метростанция – станция метро* and *станция метрополитена*; *кинопросмотр – просмотр кино* and *просмотр кинофильма*). The mixing of ways of interpreting the univerbat leads to the formation of a hybrid abbreviation-uxtaposition group (AU group). Within the framework of the synchronic-equivalent approach to the complex word Lab has investigated the AU group "кино" [Reshtanenko 2018a] and "метро" [Reshtanenko 2018b].

Abbreviation-composite and abbreviation-uxtaposite groups function similarly. The difference is observed only at the structural level: while the abbreviation-composite construct corresponds to part of the base + base of the

equivalent word, the abbreviation-uxtapositive corresponds to part of the base of the equivalent word + the whole word.

In the AU group equivalence nest, there are also different ways of interpreting the construct: *кинофильмов – кино* (*кинообзор*: *обзор кинофильмов*, *обзор кино*); *для автомобиля – для авто* (*автоаксессуары*: *аксессуары для автомобиля*, *аксессуары для авто*). The juxtapositive interpretation is defined by A. Reshtanenko as "a kind of hybrid-abbreviation interpretation of complex abbreviations, which indicates the coincidence of the forms of the construct and the equivalents" [Reshtanenko 2018, p. 309]. The researcher also distinguishes two types of yuxtapositive interpretation: simple, which "imply the presence of two full-noun words" (*кинофестиваль – фестиваль кино*) and complex, which includes more than two full-noun words (*киноклуб – клуб любителей кино*) [Reshtanenko 2018, p. 310].

1.9.1 Formation of an equivalence nest in a hybrid group. The equivalence nest of a hybrid group can be formed on the basis of univerbalisation (abbreviated or composite) and on the basis of quasi-univerbalisation. Equivalents deployed on the basis of simple words mimic the same actual textual relationships as those between univerbals and motivating collocations.

Decoding a complex word with a hybrid construct follows stereotypical models, in which the construct is deployed in different ways and implements one of its formal-semantic varieties (abbroconstruct or composite construct). If a hybrid construct in a word combination is treated as an abbreviation, we refer its decoding stimulus to the **abbreviation type** (ADS: *нефтегавань – нефтяная гавань*). If the construct is deployed as a composite, then a **composite decoding stimulus** (CDS: *грузовладелец – владелец груза*) applies . In the equivalence nest of the abbreviation-uxtapositional group, in addition to ADS, **uxtapositional decoding stimuli** (UDS) are applied: *кинофильма – кино* (*кинообзор*: *обзор кинофильмов*, *обзор кино*. The set of all the decoding stimuli of a word (the models by which the elements of the equivalence nest of a compound word are deployed) constitutes its **decoding matrix** [Rjazanova 2017a]. For example, the construct газо- in the hybrid

equivalence nest of the word *газообмен* represents the decoding matrix "noun + adjective, noun + noun in gen. or abl. singular and plural": *газовый* (*обмен*), (*обмен*) *газа*, (*обмен*) *газов*, (*обмен*) *газом* and (*обмен*) *газами*.

The abbreviation-composite hybrid of a construct within one equivalence nest is formed in different ways. An analysis of the sequence of word decoding into equivalent segmented entities in the equivalence nests of hybrid groups reveals two ways of forming the hybridity of the construct [Rjazanova 2018].

The first mode – parallel fan – is characteristic of all the hybrid groups we have considered ("банд", "ветро", "газо", "дымо"», "домо", "жир", "нефте", etc.). In this case, the equivalence nest consists of several decoding segments, each of which uses one of the DS types: homeowner - *домовладелец* – 1) *владелец домохозяйства – владелец домашнего хозяйства*; 2) *владелец домов* (the first chain involves ADS: all its components are formed by abbreviating words; the second chain involves CDS). The status of the construct within a decoding segment does not change. Hybridity of the construct is expressed when elements of the equivalence nest from different decoding segments are used in the texts: ***Владелец домохозяйства*** *в этот момент был на работе, но быстро приехал по звонку родственников – Лишь спустя 4 часа после первого «неуправляемого полета»* ***домовладелец*** *позвонил в ДЧ местного отдела полиции и сообщил о случившемся* (https://stolica-s.su/incident/road/94418; 25.02.2018); *В данное время это положение пересматривается, и в перспективе* ***владелец дома****, в котором никто не зарегистрирован и проживают в его стенах преимущественно в теплое время года, будет освобожден от уплаты за вывоз отходов на период до шести месяцев – Получив приглашение разрешить возникший спор таким путем,* ***домовладелец*** *обычно задумывается* (http://newsgomel.by; 25.02.2018).

The second method is the **sequential decryption chain** (DCh). In the decryption chain, at a certain stage one type of DS is replaced by another, which leads to a change in the current status of the hybrid construct. Such transition is possible in multi-component decoding chains where the construct formally

corresponds to the last element or its component: *нефтепоставки – поставки нефтепродуктов – поставки продуктов нефтепереработки – поставки продуктов переработки нефти*. In this case, the construct "нефте" in the intermediate links is interpreted as an abbreviation, and in the latter – as a composite, since it is structurally identical with the feature component of the collocation. This mode of hybridity formation is much rarer than the parallel one, but it is of interest because in DCh there is an interaction of two phenomena – abbreviation and word compounding.

1.9.2 The core and periphery of a hybrid group. When investigating hybrid groups, questions arise: Do all equivalence nests of hybrid groups meet the "hybridity requirements " (i.e. parallel decoding of the construct as both abbreviated and composite/uxtapositive)? What can be included in the hybrid group: all complex words with a repeating hybrid construct or only those which contain collocations based on different models and thus give the structure a possibility to ambiguously decode?

We hypothesized the presence of a core and a periphery in a hybrid group. The nucleus of the SG includes words whose SEs fully meet the HC criteria: they contain synchronous syntactic equivalents built according to the models of abbreviated and non-abbreviated types (e.g., the word *газоэкспорт*, having SE *газовый экспорт* and *экспорт газа*).

On the periphery of the HG there are units with only one type of decoding stimulus (abbreviated or non-abbreviated) in the GG, which corresponds to abbreviation and composite/juxtaposit equivalence nests (*газосварка* with SE *газовая сварка*; *газосбережение* with SE *сбережение газа*).

It would be fair to attribute such cases to abbreviation or composite formation, but a comprehensive approach to the study of univerbalization suggests that words on the periphery of a GG can potentially move to its core. If we take into account the fact that originally any abbreviation from diachronic point of view corresponds to one concrete collocation, then we can conclude that each word that is currently in the core once had one SE and, therefore, corresponded to either CA or CW (or

juxtaposition). Over time, as a result of DSs, the equivalence nest expands, and depending on its structure, we can classify the construct unfolded in them as a hybrid construct.

Thus, any word from the periphery of the HG under the influence of decoding stimuli can take on new SEs and balance the equivalence nest. For example, the word *газоокуривание*, located in the periphery of the GG, has a nest of equivalence on the type of CW with syntactic equivalents *окуривание газом* and *окуривание газами*. The EN implements the onomasiological model (OM) "procedure + mediative". In the core of the group we find words with the same onomasiological model: *газонаполнение* with DSs *наполнение газом*, *наполнение газами*, *газовое наполнение*. Similarly to the nests of words with the same OM, the word *газоокуривание* could potentially take into its composition SE **газовое окуривание*. The Google search engine recorded 30 uses of the word combination as of 18.01.2018. The high balance of the indexes of SE and word usage (93.2) indicates the occasional status of the word combination in the modern language system.

The action of decoding stimuli on the hybrid construct was investigated on the material of the HGs "нефте" and "газо" [Ryazanova 2016a., Ryazanova 2016b]. It was assumed that words of different hybrid groups, which are formed according to the same model and contain a common basic component (such as *нефтедобыча – газодобыча*), have a set of identical syntactic equivalents and implement the same variants of the decoding construct.

As a result of the comparison of hybrid groups, 21 pairs of compound words with a common base component, built on the same model, were found.

Absolute coincidence of equivalence nests (their volume and models of syntactic equivalence formation) is observed only in four pairs of complex words. It should be noted that in these cases equivalence nests are limited to one or two syntactic equivalences: *нефтеаппаратура – газоаппаратура* (1 SE); *нефтезаправка – газозаправка* (1 SE); *нефтепромышленность –*

газопромышленность (1 SE); *нефтехимия – газохимия* (1 SE), *нефтеэкспорт – газоэкспорт* (2 SEs).

Decoding matrixes of hybrid groups "нефте" and "газо" have variants of decoding stimuli built according to unique models. For example, regular decoding stimulus нефтепродукты, which is absent in the group "газо" is noted for the construct нефте-: *нефтебак – бак для нефтепродуктов; нефтезамещение – замещение нефтепродуктов; нефтепереработка – переработка нефтепродуктов*, etc. In some cases, the appearance of unique DS patterns is influenced by polysemy of the base component. For example, the word нефтестанция has unique DSs *X-добывающая и X-наливная*; слово *газостанция – X-распределительная*, *X-заправочная*, *X-наполнительная*, *X-измерительная*.

The volume of EN and the number of decoding stimuli are also influenced by differences in grammatical meanings of the items. For instance, the construct нефте- is almost always decoded with equivalents in the singular form (the use of нефть in the plural form is allowed only in professional speech). Complex words of the group «газо» have more syntactic equivalents due to the presence of plural forms (for example, the word газонакопление has 2 syntactic equivalents, in contrast to the word нефтенаколение: cf. *накопление газа – накопление газов* and *накопление нефти*).

Thus, instead of coincidence of decoding matrixes of complex words we observe non-systematic convergence of ENs structures, which use the most regular decoding variants built in both hybrid groups on the same model.

The DM system of the hybrid group "газо" is more balanced in the relationship of models and representation of the construct as a dual element of word-formation structure.

The HC "нефте" has a large number of ENs, in which abbreviated interpretations prevail over composite ones. For example, the most regular is the DS with the syntactic model "adjective + noun". The other models of ENs are very few (sporadic uses are noted). In this connection, we can assume that this construct is more inclined towards the abbreviation type. In turn, we cannot interpret the nature

of the HC "газо" so unambiguously, as it occupies a middle position between abbreviation and composite formation.

1.10. Predicting equivalence relations in a group

We define decoding stimuli as the criteria for possible decoding abbreviations. By comparing the decoding stimulus patterns of particular equivalence nests with the decoding matrix of the corresponding group, we find that the same representations of native speakers also predict blockages in the use of deployment patterns. In the analyzed equivalence nests we regularly find empty, lacunar, positions of syntactic equivalences. Thus, a particular equivalence nest does not implement the entire DM of a group, but an arbitrary set of possible decoding models.

The randomness of the equivalence nests has an impact on the results of the continuous sampling of syntactic equivalences in the primary collection of the abbreviation group. At the first stage of the DSs search, Internet texts are processed and the equivalent collocations are recorded.

Based on the recorded equivalents an empirical base of models of decoding stimuli of the group is formed. It is assumed that with this methodology of decoding stimuli collection there can be a omission of actual models of decoding a complex word.

In order to more adequately convey the structure of the abbreviation group, a methodology for predicting equivalence relations has been developed. The methodology allows to systematise the search for syntactic equivalences [Terkulov 2018b]. It includes three phases of equivalence prediction and starts with the analysis of empirical group schemas and detection of lacunar positions and patterns in the use of deployment models:

Table 1

Empirical scheme of the DS "*ветер*"

Lemma: *ветер*, *-тра*, м. Motion, air flow in horizontal direction		
Tokens	*ветровой*	*ветробарьер – ветровой барьер*

	ветряной	*ветроэнергетика – ветряная энергетика*
	ветроэнергетический	*ветроустановка – ветроэнергетическая установка*
	ветровой электрический	*ветростанция – ветровая электрическая станция*
	к ветру	*ветроустойчивость – устойчивость к ветру*
	к ветрам	*ветроустойчивость – устойчивость к ветрам*
	от ветра	*ветрозащита – защита от ветра*

For simplicity in constructing the scheme, all variants of the same decoding stimulus found in the texts (the so-called tokens) are combined in a lemma, which is the headword of the scheme. Consider each step of the prediction technique.

1) **Prediction of tokens within a schema** (**internal prediction**)

The internal prediction phase uses the principle of analogy and the semantic principle.

● Decoding stimuli with a simple structure that are intuitively understandable to native speakers occur most frequently in equivalence nests, and are most actively used to deploy reduction by analogy to other words in the abbreviation group. For example, the DS *нефтяной* can be used to deploy all complex words with the construct нефте- due to its extremely generalized meaning and simple structure: нефтяная вышка, нефтяная гавань, нефтяной доллар, нефтяная цистерна, *нефтяной порт*, etc.

Table 2

Predictive scheme of the DS "*ветер*"

(hereafter the predicted tokens are in ***bold italics***)

Lemma: *ветер, -тра*, м. Movement, air flow in horizontal direction		
Tokens	*ветровой*	*ветробарьер – ветровой барьер*
	ветряной	*ветроэнергетика – ветряная энергетика*
	ветроэнергетический	*ветроустановка – ветроэнергетическая установка*
	ветровой электрический	*ветростанция – ветровая электрическая станция*
	к ветру	*ветроустойчивость – устойчивость к ветру*
	к ветрам	*ветроустойчивость – устойчивость к ветрам*
	от ветра	*ветрозащита – защита от ветра*
	****от ветров***	*ветрозащита – ****защита от ветров***

For the lemma ветер in the abbreviation group "ветро" we find relational decoding stimuli к ветру and к ветрам (*ветроустойчивость – устойчивость к ветру*, *устойчивость к ветрам*), which have the same structural model and which enter into paradigmatic relations with each other based on the transmission of different numerical characteristics of the feature.

In parallel, the relational DS *от ветра* (*ветрозащита – защита от ветра*) is also found empirically. By analogy with the reference paradigm *к ветру – к ветрам*, the possibility of the existence of a potential decoding stimulus **от ветров*, which will differ from the previously detected DS in the form of plurality, is predicted.

Next, the generated DS is checked for its use in equivalence texts. The predicted syntactic equivalent **защита от ветров* is fixed in the Google and is indeed used in the texts in parallel with the abbreviation and with the previously detected phrase: a) *Кроме защиты здания от продувания, проникновения сквозь стены холодного воздуха,* ***ветрозащита*** *предохраняет дом от сильного промерзания зимой – Плиты OSB используются в качестве утеплителя здания, но также они подходят и для его* ***защиты от ветров*** (https://sk-vibor.ru/articles/vetrozaschita-karkasnogo-doma; 14.01.2022); b) ***Защита от ветра*** *необходима, так как и яблони, и груши опыляются насекомыми, а сильный ветер мешает их лёту, что приводит к плохому опылению – В районах разведения цитрусовых и других фруктовых деревьев в разных странах эвкалипты популярны в качестве породы, быстро создающей* ***защиту от ветров*** *и дающей материал для подпорок* (https://ru-ecology.info/term/52986; 14.01.2022).

● Sometimes the possibility of decoding a complex word is influenced by the lexical compatibility of the base component of the abbreviation. For example, the bases of the lexical-semantic group "приспособление" are regularly combined with dependent components that have the onomasiological status "destinative" (the purpose of the adaptation): *нефтебочка – бочка для нефти; нефтехранилище – хранилище для нефти*, etc.

Table 3

Empirical scheme of the DS "*жировая ткань*"

Lemma: *ткань*, *-и*, ж. A system of cells and intercellular matter, united by a common origin, structure and function		
Tokens	*жировой ткани*	*жироотложение – отложение жировой ткани* ***жиронакопление** – *накопление жировой ткани*

In the group "жиро" for the token *жировой ткани* is predicted by the basis *накопление* by analogy with the reference syntactic equivalent *отложение жировой ткани*, found for the complex word жироотложение by the method of continuous sampling. In the reference equivalent, the token *жировой ткани* has the onomasic status "finitive" (an object that will result from a certain action) and is combined with bases that have the meaning "process" or "action". For the base *отложение* was found a synonym *накопление,* with which a syntactic equivalent and the corresponding abbreviation are generated by the reference model. The texts found on Google using modelled units indicate the effective use of semantic equivalence relation prediction: *Ранее эксперты полагали, что* ***накопление жировой ткани*** *происходит постепенно – день за днем* (https://nauka.tass.ru/nauka/592481; 14.01.2022) *– Кроме того, на фоне недостатка гормонов щитовидной железы повышается* ***жиронакопление*** *и снижается жиросжигание* (www.championat.com/lifestyle/article-4065349-kak-izbavitsja-ot-stressa-s-pomoschju-trenirovok-sport-i-gormony-mnenie-vracha.html; 14.01.2022).

2) **Predicting tokens of related lemmas**

In the abbreviation groups with developed system of decoding stimuli we can detect paradigms of tokens that belong to synonymous or similarly related lemmas. For example, in the abbreviation group "аллерго" we find *аллергия*, *аллергик* and *аллерген* lemmas that unite parallel token systems:

Table 4

Comparative scheme of lemmas of the AG "*аллерго*"

Lemma 1: *аллергия, -и*. 1. Hypersensitivity of the body to a substance, manifested by general malaise, runny nose, rash, and other clinical manifestations. Lemma 2: *аллергик, -а*. A person who suffers from *аллергия*. Lemma 3: *аллерген, -а*. An agent of a natural or artificial environment that causes *аллергию*.			
Tokens	*аллергии*	*аллергика*	*аллергенов*
	на аллергию	*аллергиков*	*на аллергены*
	от аллергии	*аллергиков*	*аллергенами*
	по аллергии	*для аллергиков*	
	при аллергии		
	против аллергии		

In such cases, a comparison of the lemmas used in parallel can reveals lacunar structural patterns of the tokens.

In the abbreviation group "кино" the lemma *кино* was recorded, its connection with the parallel lemmas *кинофильм*, *кинематограф* and *кинотеатр* was detected in the actualization of its meanings. From the comparison of lemmas it was revealed that the paradigm for the tokens of lemma *кино* is filled to a greater extent than paradigms of the parallel lemmas, therefore *кино* lemma tokens are used as a reference in the comparative scheme:

Table 5

Predictive scheme of the related lemmas "*кино*", "*кинематограф*", "*кинотеатр*"

Lemma: *кино*, aptote. 1. 1. A work of art intended to be shown on the screen (the same as a *кинофильм*). 2. 2. A set of activities related to the production, distribution, etc., of кинофильмов (same as *кинематограф*). 3. A theatre for the showing of films (the same as a кинотеатр).			
Tokens	кино	кинематограф	кинотеатр
	кино	кинематографа	***кинотеатра***
	в кино	в кинематографе	в кинотеатре
	из кино	из кинематографа	***из кинотеатра***
	для кино	***для кинематографа***	для кинотеатра
	за кино	***за кинематограф***	***за кинотеатр***
	по кино	***по кинематографу***	***по кинотеатру***
	о кино	о кинематографе	о кинотеатре

For the lemma *кинематограф*, a blank token position **по кинематографу* (analogous to the parallel DS *по кино*) is detected. The token on film is fixed in the

equivalence nest of the word *киноэксперт* (*эксперт по кино*). For this abbreviation the syntactic equivalent * *эксперт по кинематографу* is predicted.

Parallel equivalence texts are recorded for the units in question: *Успех Киры свидетельствует о том, что интерес иностранных зрителей и* ***киноэкспертов*** *к нашему фестивальному кино заметно возрос* (https://www.vokrug.tv/article/show/16408663891; 14.01.2022) – *Он прогуливал школу, чтобы сходить в кинотеатр, и буквально засыпал вопросами местного* ***эксперта по кино*** *Дениса Хейса* (https://www.peoples.ru/art/cinema/actor/harris; 14.01.2022) – *В целом, инаугурационный фестиваль в одном из самых буржуазных египетских городов, проведенный под началом уважаемого в киномире* ***эксперта по кинематографу*** *арабских стран Интишаля Аль-Тимими, показал впечатляющий - особенно для первого раза - уровень программирования и организации* (https://www.kp.ru/daily/26738.5/3765703; 14.01.2022).

3) Predicting lemmas of a single nominateme

In decoding matrixes with modificative DSs, the construct can be decoded into a complex component (a feature abbreviation or word combination). For example, in the abbreviation group "домо", the construct *домо-* has a modificative DS *домохозяйство*. DS itself is a regular abbreviation with its own equivalence nest. Thus, two parallel lemmas are used to deploy the construct in the abbreviation group "домо": "домо"and "домохозяйство":

Table 6

Comparative schema of the nominative "*дом*" and "*домохозяйство*"

Lemma 1: *дом*, *-а*. A building or complex of buildings. Lemma 2: *домохозйство*, *-а*; *домашнее хозяйство*. group of dwellings run by a household authority.			
Tokens	*в доме*		
	дома		*домашнего хозяйства*
	домами		
	домов		
	домом	*домохозяйством*	

In the empirical stage, the equivalents *владелец дома*, *владелец домов* and *владелец домашнего хозяйства* found for the CA *домовладелец*. Since DS *домашнего хозяйства* itself is a syntactic equivalent of contraction, it is assumed that all components of this nest can be used to deploy the construct. Thus, we can predict the emergence of syntactic equivalents **владелец домохозяйства* and **владелец домохозяйств* (analogous to tokens *дома* and *домов*). The generated token *домохозяйств is indeed used to deploy the construct, which is confirmed by the presence of equivalence texts: *Теперь* ***владельцы домохозяйств*** *села могут заключить договор с КП* «*Кураховская городская служба единого заказчика*» *на вывоз бытовых отходов – Каждый* ***домовладелец****, который подписал договор с коммунальщиками, бесплатно получит контейнер для мусора* (https://kurahovo.info/v-kurahovskoj-gromade-zakupili-novye-musornye-kontejnery-foto; 14.01.2022).

Predicting equivalence relations does not always lead to the identification of actual frequency units. For example, the token *от ветров* found in the abbreviation group "ветро" is not used to form a regular syntactic equivalent of the complex word *ветробарьер*, although the equivalence nest notes the equivalent барьер *от ветра*. Attempts to model for words of the abbreviation group "*нефте*" the relational DS that would differ from the empirically detected tokens of the lemma *нефть* (*для нефти*, *к нефти*, *от нефти*) by the plural form (*для нефтей*, *к нефтям*, *от нефтей*) proved inconclusive.

Thus, the methodology for predicting equivalence relations reduces the probability of missing a syntactic equivalent of the abbreviation at the empirical stage of abbreviation group collection.

1.11. Peculiarities of lexicographic description of complex abbreviated words

The traditional diachronic approach to abbreviation, formed in theoretical research, has influenced the methods of lexicographic description of abbreviations. In parallel with theoretical developments during XX and early XXI century specialized dictionaries of abbreviations, fixing abbreviations of different structural types, appear. For example, *The Dictionary of Russian Language Abbreviations* by D. Alekseev (1977), *The Dictionary of Modern Russian Acronyms and Abbreviations* by N. Novichkov (1995), *The New Dictionary of Abbreviations of the Russian Language* edited by E. Kovalenko (1995), *The Dictionary of Abbreviations of the Modern Russian Language* by S. Fadeev (1997), *The New Abbreviations in the Russian Language* by I. Fagradyants (1999), *The Dictionary of Acronyms and Abbreviations of the Army and Special Services* by A. Shelokov (2003) and others.

The study of dictionary entries in the dictionaries presented identified common trends in the description of abbreviations.

1. The dictionaries include both abbreviated appellatives and onyms: in *The Dictionary of Abbreviations*, edited by D. Alekseev, we find the abbreviations *ОТК – отдел технического контроля, ОТН – объединение тологезского народа* (political party), *ОТЦ – Останкинский телевизионный центр, КФС – Кружок футболистов* "*Сокольники*" [Alekseev 1984].

2. The dictionaries include abbreviations of different types: initial and syllabic abbreviations, complex abbreviations, graphic abbreviations (truncations), but the dictionaries reviewed primarily include initial abbreviations. The preface to *The Dictionary* by G. Skljarevskaja points out that it does not describe complex abbreviated words, because "such words are usually easy to understand and do not need to be deciphered" [Skljarevskaja 2004].

3. The greatest attention in the dictionary articles is paid to the interpretation – word combinations, which are regarded by dictionary compilers as sources of the abbreviations described. Often the formal correspondence between the abbreviation

and the definition is indicated in the dictionary entry (it is demonstrated which elements of the components of the word combination form the abbreviation):

- **КЮТ** [кют], (*м*.) – **к**луб **ю**ных **т**ехников;
- **КЮТО** [кютó] — **К**омиссия для стран **ю**жной части **Т**ихого **о**кеана;
- **ЛВЖ** [эл-вэ-жé] — **л**егко**в**оспламеняющаяся **ж**идкость.

4. Some entries provide brief information on the scope of abbreviations; also, examples of the use of abbreviations are sporadically illustrated. However, no reasoning for the presence or absence of these blocks in the entries is found. For example, *The Dictionary* by G. Skljarevskaja for the abbreviation *ГКО* includes a generic concept (*ценная бумага*) as auxiliary information, which gives an idea of the meaning of the vocabularies. *The Dictionary* also includes the abbreviation *ЗС*, with the interpretation *золотой сертификат*. *ЗС* is also "*ценная бумага*", but there is no indication of that in the dictionary entry. We compare the lexical meanings of these abbreviations: *ГКО* – 'a type of voluntarily placed government *securities* (emphasis added by us – note V.R.), certifying the contribution of money by their holders to the budget and giving the right to a fixed income during the entire period of holding these securities' [Borisov 2010]; *ЗС* – 'one of the types of *securities* (emphasis added by us – note V.R.), issued into circulation by the state to cover budget expenditure' [Borisov 2010].

Traditionally, specialized dictionaries of abbreviations do not take into account the semantic aspect of the description: in particular, there is no explanatory block, no stylistic and functional notations. This is caused by the notion that dismembered names, due to the descriptive structure and redundancy of the information embedded in them, have a pure semantics and do not need to be interpreted, as do the abbreviations formed from them [Rjazanova 2021a].

The absence of an explanatory block in a dictionary entry may cause difficulties for users. The interpretations of abbreviations do not provide sufficient information to understand the lexical meaning, especially in cases where the interpretation itself refers to a limited scope of use or is characterised by idiomaticity. Definition is then needed for both abbreviations and interpretations:

● *ОЗ — оперативная зона*;

● *ПНП — подвижной наблюдательный пост*;

● *СНС — симпатическая нервная система* [Sklyarevskaya 2004].

There are also specific features of the semantics of abbreviations themselves, related to the stable fixation of these units in the language.

1. Divergence of semantics of abbreviation and equivalent collocation.

Some abbreviations expand their meaning by acquiring additional meanings not expressed by the components of the compound name [Shumarin 2014]. M. Jarmashevich argues that the process of meaning change is not typical for Russian abbreviations: "only about 4% of units of this type (lexical abbreviations – note V.R.) actually demonstrate processes of semantic development of their meaning" [Jarmashevich 2013, p. 4].

Nevertheless, the abbreviation *МКАД* (*Московская кольцевая автомобильная дорога*) in present-day contexts can express the meaning of a symbolic border, separating the capital from the province: "*Есть ли жизнь за МКАД*?" (https://rg.ru/2021/02/17/reportery-soiuza-vyiasniali-kak-zhivetsia-v-prigorodah-moskvy-i-minska.html; 30.01.2022). The English abbreviation *SMS* (Short Message Service), used in Russian along with the transliteration *СМС*, now "has the meaning not only of a short message using the built-in function in the phone, but also any message in any social networks and applications for communication" [Zubritskaja 2019].

A large number of figurative meanings (mostly with negative connotations) appeared in the syllabic abbreviation *колхоз* in isolation from the derivative collocation *коллективное хозяйство*: 'disorder', 'about a tastelessly dressed person', 'about a low level of education; about the stupidity, unculturedness of someone' [Kim 2019].

2. Possibility of homonymic relations.

This feature is most relevant for initial abbreviations. In a number of cases the initial components of unrelated splintering names coincide, resulting in abbreviations with identical formal expression. The studied dictionaries contain a

large number of abbreviations and acronyms with identical formal expression, with no special marking indicating homonymic relations between vocabularies:

- ОС [о-э́с], нескл., ж. Окружающая среда;
- ОС [о-э́с], нескл., ж. Операционная система;
- ОС [о-э́с], нескл., ж. Операционная среда;
- ОС [о-э́с], нескл., ж. Опытная станция;
- ОС [о-э́с], нескл., ж. Орбитальная станция;
- ОС [о-э́с], нескл., ж. Орбитальная ступень;
- ОС [о-э́с], нескл., м. Орбитальный самолет;
- ОС [о-э́с], нескл., м. Ортопедический салон, etc.

In *The Dictionary* by G. Skljarevskaja such cases are explained as polysemousness of abbreviation, not as homonomy [Skljarevskaja 2004, p. 15].

3. Polysemy of complex abbreviated words.

Polysemy may be due, on the one hand, to the polysemy of the basic component of a complex abbreviated words and, on the other hand, to the possibility of a variable interpretation of the attribute component.

The polysemantic nature of the word *экономрежим* is due to the polysemantic nature of the basic component *режим*. According to *The Explanatory Dictionary* by D. Dmitriev, the word *режим* has the following meanings: 'state system, type of government'; 'a planned and executed order of life, affairs, actions'; 'a system of medical prescriptions aimed at overcoming the course of an illness'; 'a period of working time which is designed to work with visitors, clients, customers'; 'a way of functioning of a device', etc. [Dmitriev 2003]. In *The Dictionary* edited by V. Terkulov for the complex word *экономрежим* the meanings are specified:

> ***Эконо̀мрежи́м***, ***-а***, м. 1. The condition under which an electrical appliance operates so that less energy is consumed. 2. A means of economic activity based on the principles of conservatism, minimizing resource consumption, or saving resources. 3. Same as *экономполитика* ◄ 0,1: *режим экономии*; 1: *экономичный режим*, *экономический режим*, *экономный режим* ►30: *режим экономики* ● *режим*, *политика* (3), *экономполитика* (3).

In this case, the first and second meanings are realized in the same syntactic equivalents (*экономный режим*, *экономичный режим*, *экономический режим*, *режим экономии*). The alternative word combinations here appear as a result of regular mixing of paronyms by native speakers, and not because of the polysemantic basis. The syntactic equivalent *режим экономики* corresponds to the third meaning of abbreviation.

The complex word *маслозавод* in *The Dictionary*, ed. by V. Terkulov, has two lexical meanings: 1. 'a plant for the production of vegetable or animal oil and dairy products'; 2. 'a plant for the processing of used industrial oils'.

For the attribute component *масло*, this abbreviation shows signs of polysemeaning. The meanings 'a fatty substance prepared from substances of animal, vegetable or mineral origin, used as a food' and 'a liquid mixture of hydrocarbons, arising as a by-product of oil refining' can be distinguished. In the noun syntactic equivalents *маслоэкстракционный завод*, *маслодельный завод*, *завод по производству масла*, *маслоперерабатывающий завод*, *масложировой завод*, etc. are found.

Масло in the first sense is produced purposefully for further use in food, cosmetics, medicine, etc. In this case, the word *маслозавод* agrees with the syntactic equivalents *маслодельный завод*, *завод по производству масла* (on the onomasiological level the attributive component expresses the purpose of functioning of the enterprise) and *масложировой завод* (the attributive component indicates the material used in the production at the enterprise). A collocation *маслоэкстракционный завод* is associated with the technological process of obtaining oil from vegetable raw materials.

A collocation *маслоперерабатывающий завод* is not associated with the generation of products, but with the processing of used motor oils into diesel fuel or the recovery of oil for reuse. In correlation with this SE, the complex word *маслозавод* actualises the second meaning.

Thus, the semantics of the abbreviation may influence the ways of its interpretation. In this regard, the study of the lexical features of abbreviations turns

out to be fundamentally important both in the lexicographic description of units and in the comprehensive study and description of an abbreviation group, in predicting equivalence relations, etc.

The multidimensional principle of describing abbreviations is effectively implemented in *The Explanatory Dictionary of Russian Complex Words*, edited by V. Terkulov, which in addition to transcripts for abbreviations also provides interpretations of meaning, actual frequent syntactic equivalents, grammatical and stylistic notations, synonyms and derivative words (see the example above).

The Dictionary of Abbreviations of Foreign Language Origin by L. Baranova provides etymological references to abbreviations, transcriptions, accents and transcriptions, spelling variants, synonyms, scope and examples of the use of vocabularies.

Conclusions to Section I

1. Since the beginning of the 20th century the Russian language has been actively filled with abbreviations and acronyms. The lexical layer formed in a short period of time became an object of linguistic research in several directions at once:

- in the study of formation and functioning of abbreviations in the Russian language;

- in elaborating typologies of abbreviations according to formal attributes;

- comparing abbreviations and acronyms in Russian and English, German and other languages;

- in lexicographic description of newly-formed units.

In general, numerous studies are united by a common understanding of abbreviation as a result of transformation of a well-established dismembered name (collocation) into an unfragmented one, while they simultaneously function in the language. Abbreviation is seen as a one-act process of creating a correlative pair "word combination > abbreviation", in which the formed word fully preserves the semantic, stylistic and other characteristics of the original word combination.

This approach to abbreviation is based on the theory of **univerbation**, which was proposed by the Austrian linguist A.Isachenko. Currently, the term univerbation specialises in one type of lexical condensation, in which the derived word includes only one component of the derived word combination (*зачётная книжка – зачётка*).

V.Terkulov suggested the term **univerbalization** as an alternative to describe the various processes of replacement of a fragmented name by a whole-formed unit.

2. The relations between the notions of "univerbalization" and "abbreviation" are defined. Univerbalization includes several variants of the condensation of stable word combinations, which differ in the degree of reduction and the order of representation of the elements of the word combination in the derived word. The occurrences of univerbalization include ellipsis (*мобильный телефон > мобильный*), univerbation (*молочная продукция > молочка*), composite universalization (*вольный слушатель – вольнослушатель*) and abbreviation (*избирательная комиссия – избирком*).

Composite univerbalization (or composition-formation) is a process of lexical condensation, in which the bases of the components of a collocation are added together. In this case, to the main component of the collocation - the base - in the preposition is attached an uncut stem of the dependent component, forming a composite construct of a compound word (*конденсация **газа** – **газ**оконденсация*, where *газо* is a construct with an interfix, and *газо* – the base).

Abbreviation is an arbitrary truncation of the stems of the components of a collocation and combining them into an undivided unit (for example, the word *газопромышленность*, formed from the word *газовая промышленность*). N. Shvedova defines a typology of abbreviations based on the structural principle, according to which the object of this study is the fourth and fifth type – complex abbreviated words.

A **complex abbreviated appellative** (CAA) is a combination of a truncated stem in the prepositive position (so-called abbroconstruct) with a whole word in the nominative or oblique case (*госконтроль – государственный контроль;*

заведующий кафедрой – завкафедрой). The study objects are complex abbreviated appellatives – nouns which are established complex lexemes. Complex abbreviated appellatives are contrasted with complex abbreviated onyms on the basis of the established differences in the principles of formation and functioning of these entities. Firstly, CAA is the result of stereotypical replacement of a stable dismembered name by an abbreviated form, while an abbreviated onim appears simultaneously with the full name and is a product of artificial construction of the name. Secondly, abbreviated appellatives are easy to decipher, unlike CAOs, because the construction of the name often obscures the inner form of its segmented equivalent.

3. Traditional studies focus solely on the derivational relationship in the pair "collocation > abbreviation". This view is commonly referred to as the **diachronic approach** to universalisation. The provisions of the diachronic approach are reflected in lexicographical works. Specialized dictionaries of abbreviations, published during the 20th and early 21st centuries, contain information only on collocations, including both appellatives and onyms in equal measure. Information about the peculiarities of the use of abbreviations, stylistic features and semantic differences is presented in a reduced form or is completely absent.

There is a distinction between complex abbreviated appellatives and onyms, because abbreviations of segmented proper names are created artificially and are usually formalised, whereas the process of abbreviating appellatives occurs haphazardly.

4. The Laboratory has developed a synchronic approach to univerbalization, within the framework of which the thesis research is conducted.

In the quantitative analysis of linguistic entities it was found that in many cases the correlation pair "collocation - abbreviation" is formed on the basis of a whole-formed unit by deploying its components into a word combination. This process is a **pseudo-univerbalization**, and the whole-formed source of a collocation is called a **quasi-abbreviation**. Synchronous approach reduces abbreviation and quasi-abbreviation to the same type of entities, because it is impossible to determine

derivational relations between a word and an equivalent collocation in the actual section of the language, while in equivalent texts abbreviation and quasi-abbreviation function in the same way.

In addition, a synchronous analysis of word-formation entities showed that an abbreviation can be equivalent to several word combinations at once. Equivalence implies the possibility to use as an absolute synonym of an abbreviation a word combination that consists of its components. Thus, an abbreviation enters into a relationship not with a single "source" collocation, but with a set of equivalent segmented units, forming an **equivalence nest** with them.

Equivalence nests united by an identical prepositional construct form an **abbreviation group**.

5. Deployment of quasi-abbreviations into word combinations, as well as emergence of alternative syntactic equivalents of abbreviations, is explained by action of **decoding stimuli** (DS). In a broad sense, DS are implicit knowledge of native speakers, which stimulates the deployment of a complex word in one way or another. In a narrow sense, DS are stereotypical patterns of deployment of a complex word.

The aprioristic notion that a complex word has a segmented equivalent prompts native speakers to create their own syntactic equivalents for words with an abbromorpheme, or to reinterpret equivalents for complex words that were actually formed on the basis of collocations. In the process of compiling *The Dictionary*, it was discovered that each abbreviation group has a matrix of schemes by which it is possible to decode a complex word (the so-called decoding matrix). Each equivalence nest in the group is characterized by an individual set of DSs and lacunar positions, which can be filled in the case of a new frequency SE for a word of this equivalence nest.

Based on this assumption, a three-part methodology for predicting equivalence relations in an abbreviation group has been developed. The methodology allows to systematize and supplement the material of *The Dictionary*, which was collected by means of a random sampling from Internet texts.

6. The decoding stimuli of the same abbreviation group differ in the degree of representation of the components of the complex word and in the presence of modifying components, which are not materially expressed in the CA. The participants of the Laboratory have developed a typology of decoding stimuli, among which the following are distinguished:

- Presentational DSs that reproduce the structure of a complex word;

- Interpretative DS, which contain an additional feature not expressed in the abbreviation. Interpretative DS are divided into two types: modificative DS, which interprets a word construct through another complex word or word combination; relative DS, which actualises the prepositional-propositional form of the construct.

7. There are also a number of constructions, which as a result of multiple decoding may simultaneously have the status of abbreviated and non-abbreviated (depending on the choice of the interpreting word combination): *водо-* with abbreviated (*водотранспорт — водный транспорт*) and composite status (*водосток — сток воды*,), *кино-* with abbreviated (*кинопремьера — премьера кинофильма*) and juxtaposed status (*киносъемки – съемки кино*) and others. Such constructs are called **hybrid** constructs. Compound words with a common hybrid construct form a **hybrid abbreviation group**.

The duality of the construct may be reflected both within a single equivalence nest and in parallel existing nests of the same group, so it is customary to distinguish the core and the periphery of the group. In the core of the group are the ENs, in which differently-structured SEs are found, which realize the dual status of the construct. At the periphery of the hybrid group are the nests in which the construct is interpreted unambiguously.

8. The nature of the representation of an abbreviation may also be influenced by its semantics. In the case of polysemy of a complex abbreviation, equivalents that relate to one of the meanings of the complex word may be formed.

9. It is necessary to distinguish an abbreviation group from related concepts. Apart from abbreviated groups, there are other ways of combining complex words: thematic field (groups of lexemes of different parts of speech, united by the common

semantic meaning and word-formation relations), thematic group (lexemes of different parts of speech, united on the basis of classification of realities, rather than lexical-semantic relations). The principles of unification and the nature of the linguistic entities that make up the abbreviation group, the thematic field and the thematic group do not coincide. he abbreviation group is formed more on the structural principle than on the semantic one, as it takes into account the presence of a common structural component of its constituent units. This necessitates the need to collect and study abbreviation groups.

SECTION II
TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ABBREVIATION GROUPS

2.1. General principles of describing abbreviation groups

The card index of *The Explanatory Dictionary of Russian Complex Words* lists over five hundred abbreviation groups characterized by their heterogeneous structure, volume and contents. There are a number of differential characteristics that can be used to typologize the abbreviation groups [Rjazanova 2020].

All detected differentiating features are subject to three principles: quantitative, structural-formal and semantic.

The quantitative principle of abbreviation group typology determines the quantitative relations of abbreviation group components and the frequency of their use. Quantitative methods imply "the use of numerical data"; "seeking to identify universal patterns" based on generalisations, etc. [Kashcheyeva 2013, p. 156]. The following typologies are proposed within the quantitative principle.

1. According to frequency.

The frequency criterion allows to separate low-used abbreviations / equivalents and to specify the object of research. During the compilation of the vocabulary of *The Dictionary* under development, the minimum number of allowed uses of the incoming units in the Google search engine – not less than 500. As the analysis of equivalent texts has shown, it is this number of uses that indicates that a word and a collocation becomes usable in texts of several stylistic types (for example, in texts of scientific and colloquial type), i.e. it passes from a highly specialised to a common category of usage. According to this indicator we distinguish regular and occasional abbreviation groups.

A) **Regular abbreviation groups**. Frequent entities are of interest because they demonstrate general tendencies of word-formation processes. Such groups include ENs, all components of which are regularly recorded in equivalent texts. For example, in the abbreviation group "ветро" the lowest frequency figures are 4953

uses (for the word *ветроротор*), 9702 uses (for the word *ветроотражатель*), 20887 uses (for the word *ветронасос*); the remaining CAs of the group "ветро" are recorded in the equivalent texts more than 20 thousand times.

At the same time, in a regular abbreviation group there may be less-used abbreviations or syntactic equivalents, which are not taken into account by the authors of *The Dictionary* under development.

At the same time, in a regular abbreviation group there may be less-used abbreviations or syntactic equivalents, which are not taken into account by the authors of *The Dictionary* under development. Thus, for the abbreviation *авиавыставка* are considered the frequent equivalents *авиационная выставка* (over 48,000 uses), *выставка авиационной техники* (over 14,000 uses), *выставка авиации* (over 4,000 uses), but the occasional equivalent *авиатехническая выставка*, as only 22 uses are recorded for it, is not considered. These units are treated by the authors of *The Dictionary* as occasional [Emelianova 2018a].

B) **Occasional groups**. The existence of groups, which are not included in *The Dictionary* vocabulary due to low frequency of use of their components by native speakers, for example, the group "венч" (from English venture 'risky'), which consists of occasional abbreviations *венчкапитал* (255 units), *венчбизнес* (55 units), *венчфинансирование* (9 units), *венчинвестирование* (8 units).

It is to be noted that the segmented equivalents of these abbreviations are actively used by native speakers: for example, the collocation *венчурный бизнес* has over 625,000 uses in Internet texts.

2. According to the correlation of usage frequency.

The typology is based on the methodology of quantitative analysis of abbreviation groups developed by the Laboratory, which is used to search for abbreviations and their syntactic equivalents and to establish the primacy of language entities within the equivalence nest [Terkulov 2016c]. The most important criterion for typologisation is the index balance – a numerical index, the ratio of the total number of abbreviations' uses to the number of uses of its syntactic equivalents. The IB, which is a decimal fraction (IB < 1), indicates a univerbalization relationship

between an abbreviation and an equivalent; when the IB > 1, the relationship between the entities being compared is regarded as pseudo-univerbalization. The following types of groups are distinguished according to the prevailing IB.

A) **Univerbalization groups**. Most of the abrogroups included in the vocabulary of *The Dictionary* by V.Terkulov are based on univerbalization relations between components of the EN. An equivalence nest is interpreted as an univerbalization nest if it contains at least one equivalent with IB > 1. For example, in EN of the word *радиооблучение* syntactic equivalents *облучение радиацией* with IB = 0.079, *радиоактивное облучение* with IB = 0.107 and pseudo-universalization *облучение радиоволнами* with IB = 6 and *радиоволновое облучение* with IB = 14 are fixed; as a whole group "радио" is characterized as an univerbalization. Secondary syntactic equivalents can be formed on the basis of diachronic abbreviations that have emerged as a result of univerbalisation. In this connection, it is fundamental to determine derivational relations whether or not there is a syntactic equivalent with IB < 1. Univerbalisation groups include "доп", "зам", "академ", "гос", "диет", "маг", "ком", "жил" and many others.

B) Pseudo-univerbalisation groups. This category consists of abrogroups in which the absolute majority of ENs have the status of pseudo-univerbal groups. This type is represented in *The Dictionary* by a small number of groups: "дизайн" (*дизайн-студия*, *дизайн-проект*, *дизайн-документ*), "аудио" (*аудиоальбом*, *аудиоархив*, *аудиодиск*), "вибро" (*виброамортизатор*, *виброгалтовка*, *виброгаситель*), "видео" (*видеобеседа*, *видеоданные*, *видеоплата*), "край" (*крайводоканал*), "крупо" (*крупорезка*).

B) **Combined groups**. In such groups, it is not possible to determine the prevailing IB indicator, since univerbalization and pseudo-univerbalization ENs are represented in them in approximately equal proportions. To this type we refer the groups "масло" (11 and 12 EN respectively), "бензо" (18 and 21 EN), "глав" (16 and 13 EN), "астро" (17 and 15 EN), "диско" (16 and 16 EN), "био" (33 and 43 EN), etc.

3. According to the number of equivalence nests included in the abbreviation group.

This parameter depends on the number of equivalence nests included in an abbreviation group. Based on the data in the card index of *The Dictionary* we can distinguish the following types of abbreviation groups.

A) **Single-component abbreviation groups**. The existence of groups that are represented by a single equivalence nest is noted: "авар" (the group includes the equivalence nest *аварком – аварийный комиссар*), "ар" (*ардом – арестный дом*, *арестантский дом*, *дом арестантов*), "ворсо" (*ворсолин – линолеум с ворсом*, *ворсистый линолеум*, *ворсовый линолеум*), "гастроль" (*гастрольбюро – гастрольное бюро*), "деж" (*дежчасть – дежурная часть*), etc. The argument for singling out such words into a separate group is the potential possibility of adding other equivalence nests, which may be formed either by word abbreviation or by pseudo-univernalization.

B) **Small-component abbreviation groups**. This type includes groups with up to 20 equivalence nests. The relevant small-component groups, described in The Dictionary, are the groups "грам" (3 ENs: *грамдиск*, *грамзапись*, *грампластинка*), "крупо" (5 ENs: *крупозавод*, *крупопроизводство*, *крупорезка*, *крупоцех*), "инж" (10 ENs: *инжбат*, *инжбюро*, *инжвокр*, *инжбригада*, *инжграф*, *инжэкон*, *инженокр*, *инжокр*, *инжсклад*, *инжек*), "бард" (12 ENs: *бардблюз*, *бардвечер*, *бардгруппа*, *барддуэт*, *бардисполнитель*, *бардклуб*, *бардконцерт*, *бардмузыка*, *бардпевец*, *бардрок*, *бардслёт*, *бардфестиваль*), etc.

B) Multicomponent abbreviation groups. Most of the abbreviation groups included in the Dictionary belong to the multicomponent type. Among them are groups "гофро" (50 ENs), "жил" (57 ENs), "информ" (63 ENs), "алко" (66 ENs), "евро" (87 ENs), "вибро" (118 ENs), "вело" (175 ENs), "гос" (278 ENs), "авиа" (283 ENs), etc.

The **structural-formal principle** of classifying abrogroups is associated with the concepts of "equivalence nest", "decoding matrix", "abbreviation group"

developed in the synchronic-equivalence approach, which are multilevel forms of combining word-formation entities into complete sets. This principle takes into account the structural characteristics of word-formation entities and ways of formal organization of these entities within the abbreviation group. Several typologies of abrogroups have been developed in accordance with this principle.

4. According to the structure of the initial component.

The Dictionary vocabulary frequently includes complex words, the structure of which includes several initial constructs. I. R. Smirnova [Smirnova 2019] has proposed a division of abbroconstructs into two varieties according to the structural feature. The following types of groups are defined according to the type of construct.

A) **Groups with a simple construct**. These groups consist of complex words with one simple initial construct. Most of the abbreviation groups described in The Dictionary (e.g. "агло", "акусто", "алко", "аллерго", "вегето", "вен", "вет", "водо", "гвард", "зерно", "интер", "канц", etc.) belong to this type.

B) **Groups with a compound construct**. In these groups, several simple constructs are combined into a compound construct, which in different ways "unfolds" into word equivalents in the decoding of the complex word. In *The Dictionary* that is in development, words with compound constructions are considered in separate appropriate groups.

This type includes, for example, the groups "авиамет" (in the word *авиаметобсепечение* the compound construct is decoded in different ways: cf. equivalents *метеорологическое обеспечение гражданской авиации*, *авиационное метеорологическое обеспечение*, *авиационное метеообеспечение*), "авторем" (the EN of the word *авторемзавод* contains equivalents *авторемонтный завод*, *завод по ремонту автомобилей*), "ветроэлектро" (cf. equivalents for the complex word *ветроэлектрогенератор*: *ветровой электрогенератор, ветряной электрогенератор, ветровой электрический генератор, ветряной электрический генератор*), "лазеромагнито" (*лазеромагнитотерапия – лазерномагнитная терапия, лазерная магнитотерапия, лазерная магнитная терапия*), "дымовент"

(*дымовентканал – дымоход и вентиляционный канал, дымовентиляционный канал, дымоход и вентканал*).

5. According to possibilities of structural interpretation of an initial component of a complex word.

As a result of multiple interpretations of the abbreviation the initial construct gets several structural deployment patterns. In some cases the variants of interpretation have structural differences that lead to variation of the status of the construct. Based on the presence or absence of such variation, varieties of abbreviation groups are distinguished.

A) **Abbreviation groups proper**. This type includes groups whose construct is interpreted as an abbreviation in all decoding variants (i.e. in all cases of interpretation it is a truncation of a component, as a rule, of an attributive one). Most of the groups included in the Dictionary belong to the abbreviation type proper: "авиа" (abbreviated DSs *авиационный*, *авиации*, *авиатехнический*, *авиастроительный*, etc.), "агро" (DSs *аграрный*, *агрономический*, *агропромышленный*, *агрохимический*, etc.), "арома" (DSs *ароматный*, *ароматический*, *ароматизированный*, etc.), "бак" (DSs *бактериальный*, *бактерийный*, *бактерицидный*, *бактериологический*, etc.), "био" (DSs *биологический*, *бионический*, *биомедицинский*, *биомеханический*, etc.), "жертво" (DS *жертвенный*), "зап" (DS *запасной*), "конд" (DSs *кондитер*, *кондитерский*) and many others.

B) **Hybrid abbreviation-composite groups**. The construct of such groups may be treated as an abbreviation and as a composite at the same time. Constructs with a variant structural treatment are less common in the vocabulary of *The Dictionary*. The list of the abbreviation-composite groups includes "банд" (ADS *бандитский* and CDS *банды*), "броне" (ADS *бронированный* and CDS *с броней*), "ветро" (ADSs *ветровой*, *ветряной* and CDS *ветра*), "взрыво" (ADSs *взрывной*, *взрывчатый*, *взрывоопасный* and CDS *взрывом*), "газо" (ADSs *газовый*, *газозаправочный*, *газоконденсат* and CDS *газа*), "грузо" (ADS *грузовой* and CDS *груза*), "домо" (ADSs *домашний*, *домовой*, *домовый* and CDS *дом*), "дымо"

(ADSs *дымовой*, *дымообразующий* and CDS *дыма*), "квартиро" (ADS *квартирный* and CDS *квартиры*), "командо" (ADS *командный* and CDS *команды*), etc.

C) **Hybrid abbreviation-uxtaposition groups**. This type of hybrid groups differs from the abbreviation-composite groups in the way of structural treatment of the construct. In the abbreviation-uxtapositional groups the construct of a complex word may be related both to a part of a word (i.e. has an abbreviation treatment) and to the whole word (has an uxtapositional treatment): "видео" (ADSs *видеозаписывающий*, *видеокамеры* and UDS *видео*), "аудио" (ADS *аудиовоспроизводящий* and UDS *с аудио*), "авто" (ADSs *автомобильный*, *автомобиля* and UDS *авто*), "метро" (ADS *метрополитена* and UDS *метро*), etc.

6. According to the nature of representation of the base and attribute components.

There are also situations when the abbreviated components in a complex word are different structural elements, i.e. attribute or basis. Depending on the way of representation of abbreviated components, we distinguish types of groups.

A) **Groups of words with an abbreviated attribute component**. In the vast majority of complex words the abbreviated element is the attribute component of the equivalent collocation, which is explained by the dependent syntactic position of the attribute: "асбо" (*асбоцемент – цемент с асбестом*), "бриг" (*бригврач – врач бригады*), "бум" (*бумпроизводство – производство бумаги*), "гвард" (*гварддивизия – дивизия гвардии*), "мор" (*моракадемия – академия мореходства*) and many others.

B) **Groups of words with an abbreviated base component**.

There are cases where an abbreviation with direct formal correspondence of the components (the structure and order of the components is preserved) is formed on the basis of a word combination with the model "noun1+ noun^{n}".

In univerbal entities of this type, the abbreviated component will be the basis, because in the corresponding word combination the basis precedes the attribute:

"зам" (*замдиректора – заместитель директора*), "нач" (*начсклада – начальник склада*), "пом" (*помпрокурора – помощник прокурора*) [see Zmanovskaya 2021].

C) **Groups of words with abbreviated basic and attribute components**. We find low-component abbreviation groups that include only syllabic abbreviations, in which both basic and attribute components are abbreviated: "лик" (*ликбез – ликвидация безграмотности*), "каб" (*кабмин – кабинет министров*).

D) **Groups of words with variability in the way the components are represented**. We found two cases where the basic and attribute components are represented differently in the same group.

● In hybrid abbreviation-uxtaposition groups the construct may be represented as a truncated component and as a whole word (of syntactic equivalent). For example, the word *кинопросмотр* from the AG "кино" may be decoded as *просмотр кинофильма* and as *просмотр кино*. In the first case, the attribute component is reduced; in the second case, there is no reduction at all - both the construct and the base correspond to the whole word.

● *The Dictionary* records the group "lingvo" in which some words are deployed in such a way that the feature and basis components are rearranged: *лингвогеография* is simultaneously treated as *лингвистическая география* and as *географическая лингвистика*; *лингвокультурология* is transcribed as расшифровки *лингвистическая культурология* and as *культурологическая лингвистика*, etc. Thus, depending on the chosen interpretation, the construct *лингво-* performs the functions of a basic or attribute component.

7. According to the volume of the decoding matrix.

The analyzed constructs differ in the possibilities of interpretation. Accordingly, groups of words with different constructs differ in decoding matrixes.

A) **Groups with a simple decoding matrix**. This type of DM assumes one way of decoding abbreviations: "аббро" (DS *аббревиатурный*), "ген^{3}" (DS *генеральный*), "пат" (DS *патологический*), "нар" (DS *народный*), "акусто" (DS

акустический), "гум" (DS *гуманитарный*), "втор" (DS *вторичный*), "инд" (DS *индивидуальный*), etc.

B) **Groups with a composite decoding matrix**. This type includes groups whose decoding matrix contains from 2 to 10 DSs. In the analyzed groups composite decoding matrixes are fixed most frequently: "натур" (2 DSs: *натуральный*, *натурой*), "пище" (3 DSs: *пищевой*, *пищевых продуктов*, *для пищевых продуктов*), "гидро" (5 DSs: *гидравлический, гидровакуумный, гидромеханический, гидростатический, гидротехнический*), "молоко" (7 DSs: *молочный*, *молока, по обработке молока*, *по переработке молока*, *по производству молока*, *молочной продукции*, *по производству молочной продукции*), "бак" (9 DSs: *бактериальный, бактериологический, бактерийный, бактерицидный, бактериофаговый, бактерий, бактериями, на бактерии, на бакпосев*).

C) **Groups with a multi-component decoding matrix**. In groups of this type, decoding matrixes comprising more than 10 decoding stimuli are recorded. In The Dictionary, such groups constitute a rather large cluster: "диет" (16 DSs: *диетический, диетического питания, диетпитания*, *для диетического питания*, *для диетпитания, диетой, диету, из диетического меню*, *с диетическим меню, диетолога*, *диетологом, диетологический, диетологии, из диетических продуктов*, *с диетическими продуктами*, *с диетпродуктами*), "лесо" (20 DSs: лесной, *лесных земель, лесных ресурсов, лесных культур, лесоматериалами, лесоматериалов, лесными материалами, лесных материалов, лесного хозяйства, лесов, леса, от леса, по переработке леса, лесотехнический, лесопильный, лесопромышленный, лесоперерабатывающий, лесообрабатывающий, лесозаготовительный, лесохозяйственный*), "жил" (50 DSs: *жилищный, по жилищным вопросам, жилдома*, *жилдомов*, *жилого дома*, *жилых домов, жильцов, жилого здания*, *жилых зданий, жилинспекции*, *жилищной инспекции, жилищного кодекса, жилнадзора*, *по жилнадзору, жилищного надзора*, *по жилищному надзору, жилой, жилполитики*, *по жилполитике, жилищной политики*, *по жилищной политике, жилищной*

политики и жилищного фонда, жилого помещения, *жилым помещением*, *жилыми помещениями*, *жилых помещений, жилищного права*, *по жилищному праву, в жилищном строительстве, жилищных товариществ, жилфонда; жилищного фонда, жилищного хозяйства, для жилья*, *жильём*, *жилья*, *на жильё*, *о жилье*, *по жилью, жилищно-коммунальный, о жилищных отношениях, на получение жилья, собственников жилья, жилищно-строительный, на улучшение жилищных условий*, *на улучшение жилусловий*, *по улучшению жилищных условий*, *по улучшению жилусловий*, *улучшения жилищных условий, жилищно-эксплуатационный*), etc.

8. According to the structure of the decoding matrixes.

The decoding matrixes of groups differ not only in quantitative, but also in structural characteristics. The typology is based on the structural varieties of decoding stimuli that form DM.

A) **Groups with a presentational decoding matrix**. Such DMs consist of one or more decoding stimuli that fully reproduce the structure and semantics of the abbreviation in the syntactic equivalent: "доп" (DSs *дополнительный*, *дополненный*), "гум" (DS *гуманитарный*), "глав" (DSs *главный*, *головной*), "кардио" (DS *кардиологический*), "омо" (DS омонимичный), "кибер" (DS *кибернетический*), "пат" (DS *патологический*), "нар" (DS *народный*), etc.

B) **Groups with a relative decoding matrix**. This type of abbreviation groups is rather rare in the Dictionary. Relative decoding matrix consists of decoding stimuli specifying case and actantal values of the attribute component, which cannot be reflected in the structure of the construct. Among the groups studied, the type with relative DM includes "пом" (DS *помощник*), "каб" (DS *кабинет*), "пред^{2}" (DS *председатель*), "зам" (DS *заместитель*).

C) **Groups with a modification decoding matrix**. Several abbreviation groups have been recorded in the Dictionary, in which only modification decoding stimuli are used to decode the construct. In the groups with modification DM that we have found, we note the use of a borrowed construct that does not occur in modern Russian as an independent word: "бальнео" (from Latin balneum 'bathing';

DSs *бальнеологический*, бальнеогрязевой, *бальнеотерапии*, *для бальнеопроцедур*, *бальнеоклиматический*, etc.); "гастро" (from Greek gaster, gen. gastros 'stomach'; DSs *гастрологический*, *гастрономический*, *гастроскопический*, *гастрономии*, *в гастрономии*, *по гастрономии*), "гидро" (from Greek hydor 'water'; DSs *гидравлический*, *гидровакуумный*, *гидромеханический*, *гидростатический*, *гидротехнический*).

D) **Groups with a combined decoding matrix**. A large number of abbreviation groups is detected, in the decryption matrix of which DCs of different structural types are simultaneously present. Depending on the presented abbreviation decoding models, the following types of group decoding matrixes are distinguished:

• Presentational DSs + relational DSs

This type is the most common among the decoding matrixes we reviewed. Such DMs combine simple in structure, but at the same time regular patterns of deployment of abbreviations: "дип" (DSs *дипломатический*, *дипломатии*), "погран" (DSs *пограничный*, *пограничников*), "полиграф" (DSs *полиграфический*, *полиграфии*), "гор" (DSs *городской*, *города*), "мифо" (DSs *мифологический*, *мифов*), натур (DSs *натуральный*, *натурой*), "небо" (DSs *небесный*, *неба*, *небес*), "дор" (DSs *дорожный*, *дорожников*), etc.

• Presentational DSs + modificational DSs

This kind of decoding matrix is found only in a few abrogroups: "био" (DSs *биологический*, *биологического происхождения*), "испол" (DSs *исполнительный*, *исполнительский*, *исполдокумента*, *исполпроизводства*, etc.).

• Presentational DSs + relational DSs + modificational DSs

Such decoding matrices have been proposed to be called intensive. *The Dictionary* presents many groups with DM of this type: "грави" (*гравитационный, гравиметрический, гравитирующий; гравитации; гравитационного взаимодействия, гравитационных волн, гравитационного поля, гравитационного притяжения, гравитационного типа*), "канц" (*канцелярный*,

канцелярский; канцелярит, *канцелярии*, *в канцелярии*, *для канцелярии; канцелярских изделий, канцтоваров, канцелярских товаров*), "нац" (*национальный, националистический*; *нации, наций, националистов, национализма, национальности, для национальностей, по национальностям; национально-государственный, по национальной политике, национально-культурный, национально-патриотический, национально-освободительный, национально-патриотический, национально-этнический, национально-языковой, национального меньшинства, нацменьшинства, нацменьшинств*), etc.

The necessity of introducing the semantic aspect is due to the results of the study of abbreviations included in specialized dictionaries of Russian abbreviations. The **semantic principle** is based on noting the development of the peculiarities of the lexical meaning of complex abbreviations as they are regularly used.

For example, there are cases of homonymy of abbreviations and constructions that arise both as a result of accidental coincidence of abbreviated forms and in the purposeful creation of homonymic constructions in a language game [Kuzmina 2011, Baranova 2012]. The homonyms *архмузей*[1] (*архитектурный музей*) and *архмузей*[2] (*археологический музей*), for example, appeared by accident due to the coincidence of forms of the elements composing the abbreviation; the complex abbreviated word *Коллега (literary and musical project; the abbreviation consists of the initial syllables of the names Коловский*, *Летов, Гаркуша*) is a homonym of the uzual word *коллега* and was probably created to emphasize the social status of artists, whose first names are the basis of the abbreviation.

The phenomenon of polysemantic abbreviations is also revealed. The polysemantic nature of an abbreviation can be based on the polysemy of the producing segmented name or on the polysemy of one of its constituent components. The polysemy of an abbreviation, in turn, can lead to the expansion of the equivalence nest, when different lexical meanings are actualised in the syntactic equivalents. The polysemy of the construct in some cases is the reason for the formation of parallel decoding stimuli for all words of the same abbreviation group.

For example, the abbreviation *матобеспечение* has several meanings: 1. 'a set of technical, energy, raw materials and other resources designed to increase production efficiency', 2 'cash payments on various grounds', etc. The fixed syntactic equivalents *обеспечение материально-техническими ресурсами* and *обеспечение материалами* relate only to the first meaning, since the component *материал* in them has the meaning 'substances for the manufacture of something' rather than 'money'.

9. According to the type of semantic correlativity

The typology is based on semantic correlations, which are found both within one abbreviation group and when comparing different abbreviation groups.

A) **Monosemantic groups**. We refer to this type of abbreviation groups, whose constructions are not in homonymic relations with constructions of other groups and also have one meaning (we are talking about monosemantic constructions, not monosemantic words within the group).

Note that the presence of relational and modificatory DSs in the decoding matrix leads to variability of onomasiological interpretations of the construct, but on the lexical level such influence is insignificant, because the construct preserves the identity of its semantic meaning in all decoding models. Most of the groups described in *The Dictionary* are monosemantic: "невро" ('related to the science that studies the nervous system and its diseases'), "паро" ('related to the gas that is formed by heating'), "желче" ('related to the fluid that is produced by the liver'), "опто" ('related to the large batch trade'), "пом" ('an official who reports directly to, assists and is usually a deputy to the main supervisor'), "пище" ('relating to the manufacture of products used for food'), etc.

B) **Simultaneous groups**. Simultaneous abbreviations name different objects of reality, which at the linguistic level have homonymic means of expression [Rovnaya 2016]. In some cases, the homonymity of the forms leads to the mixing of the decoding stimuli of the simultaneous groups to deploy the abbreviations: "авто" (1. 'self-acting, being an automaton or carried out by means of an automaton'; 2. 'provided by an automatic device': *автокоррекция – автоматическая коррекция*,

автоматизированная коррекция), 'астро' (1. related to the doctrine of the stars, which is based on the belief that by the location of the stars one can predict the future'; 2. 'related to the science of the structure and development of cosmic bodies, the systems formed by them and the universe as a whole': *астропрогноз – астрономический прогноз*, *астрологический прогноз*), "жен" (1. 'a female person'; 2. 'a married woman, a spouse in relation to her husband': *женоубийца – убийца женщины*, *убийца жены*), "электро" (1. 'acting by means of an electric current'; 2. 'related to the application of the properties of an electron, based on the use of the properties of electrons': *электрогитара – электрическая гитара*, *электронная гитара*).

C) **Groups with a polysemous construct**. In a number of cases, the polysemy of the stem, on the basis of which a complex word construct is formed, induces the formation of a plurality of decoding stimuli. In this regard, we have proposed to distinguish groups with polysemous constructs.

Among the material selected for the Dictionary we find several polysemous constructs which form groups of complex words. These include the construct *абон-*, for which two lexical meanings are found: 1. 'related to a user of some kind of service' (in this case, the construct is comparable to the stem *абонент*); 2. 'related to a document giving the right to receive some services' (the construct is comparable to the stem *абонемент*). In the equivalence nests alternative equivalences appear corresponding to both meanings: *абонентское обслуживание* and *абонементное обслуживание* for the word *абонобслуживание*; *абонементный билет* and *абонентский билет* for *абонбилет*; *абонентная плата* and *абонементная плата* for *абонплата*, etc.

The proposed typology covers various aspects of abbreviation group functioning that have been identified in studies within the synchronic-equivalent approach to abbreviation.

2.2. Additional parameters for the description of abbreviation groups

This part of the description builds on the features of the emergence and functioning of hybrid groups discussed in Section I. The description of some features of the equivalence nests of abbreviation-composite and abbreviation-uxtaposite groups has already been done [Blumina 2010, Mihajlova 2016a, Mihajlova 2016b]. We propose a scheme of analysis that includes a complete set of parameters defined for the equivalence nests of abbreviation groups, taking into account hybridity in the framework of the synchronic-equivalence approach to the univerbalization process.

The scheme includes the following features.

1. Formal correspondence of entities.

The degree of correspondence between the elements of complex words and the components of equivalent collocations demonstrates the possibilities of structural interpretations of complex words. Following V. Terkulov, we distinguish types of correspondence for abbreviated groups (including hybrid ones):

● Direct correspondence, in which the structure of a complex word is absolutely relevant to the structure of a collocation (*драмтеатр – драматический театр*; *нефтепоставки – нефтяные поставки*);

● Component correspondence, characterized by preservation of the order of the components with a mismatch in the number of components of equivalent entities (*нефтезавод – нефтеперерабатывающий завод; дымоаппаратура – термическая дымовая аппаратура*);

● Metathesis correspondence, in which preservation of the number of matching components is accompanied by their transposition in a complex word (*бандглаварь – главарь банды*; *киномания – мания кино*);

● Component-metathesis correspondence, where the components of equivalent entities differ both quantitatively and in order (*ветрозащита – защита от ветра*; *фотоклуб – клуб любителей фото*).

2. Description of the formal varieties of the group's decoding stimuli.

The description of DS varieties is aimed not only at consideration of the potential of group equivalence nests, but also includes the study of the mechanisms

of conversion of a collocation into a univerbat, as a result of which one can speak about variability of interpretation of constructions and about the mechanisms of emergence of hybrid constructions.

The system of abbreviation group DS models is described as follows. The base component of a complex word is replaced by **Y**; in the syntactic equivalent, the base component is expanded into the main word. The symbol **X** denotes the attribute component (i.e. the expanded construct of a complex word). We find the following refining types of the attribute component.

a. **x**: a simple noun (with the case of the noun: 1 is nominative, 2 is genitive etc.) (y-x^2: *домовладелец – владелец дома*);

b. **x**(**adj**): a simple adjective formed from a noun (y-x(adj): *ветрогенератор – ветровой генератор*);

c. **x-a**(**noun**) (specifying the case of the noun) is a complex noun in an equivalent phrase (specifying the second component of the продуктов): (y-z($noun^2$)/u-(x-products): *нефтесклад – склад нефтепродуктов*);

d. **x-a**(**adj**): a complex adjective in an equivalent word combination (specifying the second component of the composite): (y-x-a(adj) / y-a(x-перерабатывающий): *жирозавод – жироперерабатывающий завод*);

e. (**prep**)-**x** (specifying the case of the noun): a simple noun joined to the component of the collocation with a preposition (with the preposition refined): (y-(prep)-x/ к x($noun^3$): *ветроустойчивость – устойчивость к ветру*);

f. (**prep**)**x-a**(**noun**) (with noun case): complex noun with preposition (with preposition specification): (y-(prep)-x-z(noun)/ для x-a($noun^2$): *нефтеёмкость – ёмкость для нефтепродуктов*).

g. **z**(**adj**)-**x**: a word combination following the adjective + noun model (y-z(adj)+x): *бандлидер – лидер бандитской группы*).

h. **z**(**noun**)-**x** (specifying the case of the noun): a noun + noun phrase (y - z($noun^2$+x): *бандлидер – лидер группировки бандитов*).

In parallel, the models of formation of a complex word on the basis of a collocation are considered. The models of equivalence relations formation

demonstrate the mechanisms of the formation of the univerbat in relation to the structure of its equivalent word combination. Among the producing and deriving units (words and collocations) are found components belonging to the following parts of speech: nouns (symbol **Noun**); adjectives (symbol **Adj**); participles (symbol **Part**); preposition (symbol **Prep**). The components of complex words are in some cases joined by means of an interfix (symbol **int**). Taking into account the main difference between abbroconstructions and composite constructions, namely the degree of formal representation of the construct, the abbroequivalent is designated as part of the stem of a word combination component (the symbol **Pstem**), the composite equivalent is designated as the stem of a word combination component (the symbol **Stem**). In some cases, the construct may be part of a complex component of a word combination (symbol **cp**). For each word and phrase component there are grammatical meanings: number (symbols **sing** and **pl**), case (**1** – nominative; **2** – genitive, etc.). In square brackets the components of the phrase dropped out in the process of univerbalization are given. The model of formation of equivalence relations of the word *нефтедобыча* in comparison with SE *нефтяная добыча* looks like PstemAdj1sing+int+Noun1sing (the abbreviation consists of a part of an adjective base in the nominative case and a noun in the nominative case singular, which are connected by means of the intrefix). The model of abbreviation *юрсловарь* formed from SE *Dictionary of Legal Terms* may be represented as PstemAdj2pl[Noun2pl]+Noun1sing (the abbreviation consists of a part of an adjective base in the Gen. singular and a noun in the Nom. singular. The structure of the word does not reflect the component of the word combination – the noun in the plural with which the adjective agrees).

3. The balance of the equivalence nests of the hybrid group.

The typology is based on the correlation between the core and the periphery of the group. The core includes words whose GE contains synchronous syntactic equivalents constructed according to different models and realizing decoding stimuli of different types (e.g., the word *газоэкспорт*, which has SEs *газовый экспорт* and *экспорт газа*). At the periphery of the group are the units with only one type of

decoding stimulus (abbreviated or composite/uxtapositive) in SE. According to the ratio of core to periphery volumes, balanced and unbalanced groups are distinguished. Balanced groups are those in which at least half of the equivalence nests are in the core. Unbalanced groups are those in which peripheral equivalence nests predominate. Note that the peripheral part of the group is also subdivided into types, depending on which type of decoding stimuli characterizes the equivalence nest. For example, in the hybrid group "дизайн", the absolute majority of equivalence nests (79%) belong to the core (*дизайн-агентство*: *агентство дизайна*, *дизайнерское агентство*); the remaining 21% of the nests are in the periphery by abbreviation type (*дизайн-документ*: *дизайнерский документ*, *документ дизайнера*).

The components of the analyzed groups are included in the vocabulary of *The Explanatory Dictionary of Russian Complex Abbreviated Words*, hence, all the groups under consideration are characterized as regular.

2.3. The abbreviation group "зав"

This group is a proper abbreviation type. According to the ratio of the frequency of use of equivalents the group belongs to the univerbalization category: 75% of syntactic equivalents have IB >1 in relation to their corresponding word. There is a large number of SEs (26% of the total number), which are used as often as the complex word, in approximately the same proportion. The index balance in these cases is equal to 1.

The group belongs to the multi-component type, since it includes 41 ENs. The simple construct *зав* is represent the abbreviated basic component (head of department), while in 19 GEs (46% of the total number) both basic and attribute components are abbreviated (*завканц – заведующая канцелярией; завдел – заведующий делопроизводством; завхоз – заведующий хозяйственной частью*).

The decoding matrix is represented by two DSs – *заведующий* and *заведующая* (y-x5), in which the identifying feature is the grammatical gender

determined by the gender status of the referent. In most ENs, both DSs are presented simultaneously, with a "y-x^5+y-x^5" model: *зафкафедрой – заведующий кафедрой*, *заведующая кафедрой* (PstemNoun1sing+StemNoun5sing); *завмаг – заведующий магазином*, *заведующая магазином* ((PstemNoun1sing+PstemNoun5sing). Both DSs are relational, so the structure of the decoding matrix as a whole can be described as relational and the number of DSs as composite.

The number and order of components of equivalent entities is preserved in all equivalent pairs, so that in the equivalence nests of the abbreviation group "зав" there is a direct correspondence of elements of complex words and collocations.

2.4. The abbreviation group "лингво"

The abbreviation group consists of 38 equivalence nests, in which univerbalization and pseudo-univerbalization relations are represented in equal proportion. Thus, according to quantitative parameters, the group belongs to the multi-component combined type.

The construct *лингво-* in this group represents both basic and attribute components; in many cases such variability is observed within a single equivalence nest (*лингвоантропология – лингвистическая антропология*, *антропологическая лингвистика; лингвогеография – лингвистическая география*, *географическая лингвистика; лингвоэкология – лингвистическая экология*, *экологическая лингвистика*, etc.). In this connection, the group "lingvo" can be characterized as a group with a single-component construct and with a variability of ways of representation of the components.

The system of DSs includes 6 variants of the decoding of the construct of different structural type (composite combined type). The most frequent model of DM is the one-component presentational model "y-x(adj)" (found in 42% of ENs): *лингвоархеология – лингвистическая археология* (PstemAdj1sing+int+Noun1sing); *лингвотренажер – лингвистический тренажер* (PstemAdj1sing+int+Noun1sing); *лингвофорум – лингвистический*

форум (PstemAdj1sing+int+Noun1sing). In the DM model "y-x(adj) + y-x(adj)" there is a substitute function of the construct: *лингвоаксиология – лингвистическая аксиология* (PstemAdj1sing+int+Noun1sing), *аксиологическая лингвистика* (StemAdj1sing+int+PstemNoun1sing); *лингвопоэтика – лингвистическая поэтика* (PstemAdj1sing+int+Noun1sing), *поэтическая лингвистика* (StemAdj1sing+int+PstemNoun1sing).

In a number of cases, the complex word with the construct lingvo unfolds not into a word combination, but into a compound name: *лингвокультуролог – лингвист-культуролог, культуролог-лингвист*; *лингвоэксперт – эксперт-лингвист, лингвист-эксперт; лингвопсихолог – лингвист-психолог, психолог-лингвист; лингвофилософ – лингвист-философ, философ-лингвист*. This way of decoding a complex abbreviation is also original because both components in the formed names are equal; the possibility of transposing the constituent parts confirms this observation.

In comparing complex words with their equivalents, we find direct correspondence (*лингвосемиотика – лингвистическая семиотика; лингвобаза – лингвистическая база*), component correspondence (*лингвобаза – лингвистическая база данных; лингвообразование – лингвокультурное образование*); metathesis correspondence (*лингвофилософия – философия лингвистики; лингвоэкспертиза – экспертиза лингвиста*) and component-metathesis correspondence (linguo-centre - centre of linguistic education, centre of linguistic training).

2.5. Abbreviation group "мед"

The abbreviation group includes 150 equivalence nests, which allows relating it to a multicomponent type. Most of the equivalence nests (70%) correspond to the univerbalization type, so the group as a whole can be characterized as univerbalization.

The abbroconstruct *med-* in the analyzed group is simple, but it is also a part of the construct *medsan-*. In absolute majority of cases, the construct is related to the

attribute component; in the words *медкатастроф* and *медтруда* the base component is abbreviated (cf. *медкатастроф – медицина катастроф*, *медтруда – медицина труда* and *медаллергия – медицинская аллергия*). The group also contains several complex words in which both the attribute and the base components are abbreviated: *медбат – медицинский батальон*, *медген – медицинская генетика*, *медфак – медицинский факультет*).

Construct *med-* has 11 decoding variants, therefore the group can be classified as a group with a multiple decoding matrix. The absolute majority of syntactic equivalences correspond to the presentational DS "y-x(adj)". Herewith, 77% of the equivalence nests of the presented group consist of a single SE constructed according to the specified model, e.g. *медбельё – медицинское бельё* (PstemAdj1sing+Noun1sing). The second most regular (6% of the total) is the presentational model "y-x(adj) + y-x(adj)": *медкома – медикаментозная кома* (PstemAdj1sing+Noun1sing); *медицинская кома* (PstemAdj1sing+Noun1sing). The other 17% of equivalence nests correspond to combined decoding matrices of different types.

The EN of the word *медобувь* includes most of the DCs used in the group and has the decoding matrix «y-x(adj) + y-x^2+ y-x^2 + y-(prep)-x^2/для x^2 + y-(prep)-x^2/для x^2 + y-(prep)-x(noun)^2/для x(*работника*)^2 + y-(prep)-x(noun)^2/для x(*персонала*)^2 + y-(prep)- z(adj)-x^2/для z(adj)-x^2 + y-(prep)- z(adj)-x^2/для z(adj)-x^2»: *медицинская обувь* (PstemAdj1sing+Noun1sing), *обувь медика* (PstemNoun2sing+Noun1sing), *обувь медиков* (PstemNoun2pl+Noun1sing), *обувь для медика* (PstemNoun2sing+Noun1sing[-Prep]), *обувь для медиков* (PstemNoun2pl+Noun1sing[-Prep]), *обувь для медработника* (Pstem^{1}Noun2sing (ср)+Noun1sing[-Prep]), *обувь для медперсонала* (Pstem^{1}Noun2sing (ср)+Noun1sing[-Prep]), *обувь для медицинских работников* (PstemAdj2 pl+ Noun1sing [-Prep-Noun2pl]), *обувь для медицинского персонала* (PstemAdj2sing+Noun1sing [-Prep-Noun2sing). In general, the DM of the group "мед" can be attributed to the presentational type.

The following types of formal correspondence are observed: direct correspondence (*медмаска – медицинская маска*, *медакадемия – медицинская академия*); metathesis correspondence (*медотрасль – отрасль медицины; медлицензия – лицензия медика*); component-metathesis correspondence (*медаллергия – аллергия на медпрепараты*; *медработник – работник медучреждения*). No cases of component correspondence were detected.

2.6. The abbreviation group "теле"

The group consists of 215 equivalence nests, of which only 20% include a univerbalizing syntactic equivalent with IB <1. Thus, the group is defined as a multi-component pseudo-univerbalizing type.

On the basis of the simple abbroconstruct *теле-* a composite construct *телерадио-* is formed. The construct represents only sign components of equivalent word combinations, therefore the group belongs to groups with abbreviated sign components. The construct also has the graphic doublet *ТВ* (abbreviation for *телевидение*, *телевизионный*, *телевизор*), which occurs in many ENs of the group (*телебизнес* and *ТВ-бизнес*; *телешоу* and *ТВ-шоу*; *теледатчик* and *ТВ-датчик*, etc.).

The abbrogroup "теле" has a complex system of decoding stimuli: more than 80 ways of decoding of presentational, interpretative and relational types are used to deploy the construct (multiple combined decoding matrix).

According to the type of semantic correlativity, the group belongs to monosemantic groups. The presence of the homonymic construct *теле-*, associated with telemetry (measurement at a distance of physical, technical and other values) is noted. The homonymic abbreviation groups include the complex abbreviated homonyms *телесистема*[1] ('a set of devices intended to convert an image into an electric signal, transmit it to a distance, synthesize an image using an electric signal') with SEs *телевизионная система, система телевидения, система телевещания, система телевизионного вещания* and *телесистема*[2] ('a set of measuring instruments, auxiliary devices and communication channels intended to

transmit measuring information signals to a distance') with SEs *система телеметрии, телеметрическая система*.

Decoding stimuli are combined in equivalence nests according to a variety of models, ranging from simple single-component ones ("y-x(adj)": *телекадр — телевизионный кадр*; *телемост — телевизионный мост*; *телеобъединение — телевизионное объединение*) to multiple schemes. The most complex GEs schemes are observed for the word *телережиссер*. Its nest includes 17 DSs: «y-x(adj) + y-x^2 + y-(prep)-x/нах(noun)^6 + (y-x-a(noun^2)/y-(x-фильма) + (y-x-a(noun^2)/y-(x-фильмов) + y-z(noun)+x) + y-x-a(noun^2)/y-(x-программы) + y-x-a(noun^2)/y-(x-программ) + y-x-a(noun^2)/y-(x-передачи) + y-x-a(noun^2)/y-(x-передач) + y-x-a(noun^2)/y-(x-спектакля) + y-x-a(noun^2)/y-(x-спектаклей) + y -z(adj)+x + y -z(adj)+x + y -z(adj)+x + y -z(adj)+x + y -z(adj)+x; *телевизионный режиссёр* (PstemAdj1sing+Noun1sing), *режиссёр телевидения* (PstemNoun2sing+Noun1sing), *режиссёр на телевидении* (PstemNoun2sing+Noun1sing[-Prep]), *режиссёр телефильма* (Pstem^{1}Noun2sing(cp)+ Noun1sing), *режиссёр телефильмов* (Pstem^{1}Noun2pl(cp)+ Noun1sing), *режиссёр телепрограммы* (Pstem^{1}Noun2sing(cp)+ Noun1sing), *режиссёр телепрограмм* (Pstem^{1}Noun2pl(cp)+ Noun1sing), *режиссёр телепередачи* (Pstem^{1}Noun2sing(cp)+ Noun1sing), *режиссёр телепередач* (Pstem^{1}Noun2pl(cp)+ Noun1sing), *режиссёр телеспектакля* (Pstem^{1}Noun2sing(cp)+ Noun1sing), *режиссёр телеспектаклей* (Pstem^{1}Noun2pl(cp)+ Noun1sing), *режиссёр телевизионного фильма* (PstemAdj2sing+Noun1sing [-Noun2sing]), *режиссёр телевизионных фильмов* (PstemAdj2pl+ Noun1sing [-Noun2pl]), *режиссёр телевизионной программы* (PstemAdj2sing+Noun1sing [-Noun2sing]), *режиссёр телевизионных программ* (PstemAdj2pl+ Noun1sing [-Noun2pl]), *режиссёр телевизионной передачи* (PstemAdj2sing+Noun1sing [-Noun2sing]), *режиссёр телевизионных передач* (PstemAdj2pl+ Noun1sing [-Noun2pl]). The multiple also includes patterns of ENs *телесценарсит* (19 DSs), *телесъёмка* (20 DSs), etc. It is impossible to identify a

specific scheme as the main one, as almost each of the 215 equivalence nests has an individual set of DSs.

In the analyzed group all types of correspondence of the components of complex words and equivalent word combinations are found: direct correspondence (*телемагнат – телевизионный магнат*, *телеповесть – телевизионная повесть*, etc.); component correspondence, represented by only a few pairs of equivalents: *телеголосование – телезрительское голосование*, *телесеть – телевещательная сеть; телевещательная станция*; metathesis correspondence (*телепространство – пространство телевидения*, *телепремьера – премьера телевизионного сериала*); component-metathesis correspondence (*теледатчик – датчик телесигналов*, *телетранстлятор – транслятор телепередач*, *телеигрок – игрок телевизионного клуба*, etc.).

2.7. Hybrid group "банд"

In terms of frequency ratio, the group is pseudo-univerbality: in the absolute majority of equivalence nests the IB indicates in favour of a higher frequency of word usage in comparison with word combinations. Only in the equivalence nests of the words *бандглаварь* and *бандгруппировка* we find index balances < 1 (0,1: *главарь банды*; 1: *главарь бандитов*, *главарь бандгруппы;* 1: *бандитская группировка*).

The group includes 6 ENs, thus the group can be characterised as low-component. The construct in this group is simple, presents a attribute component and has 10 patterns of decoding: *банды*, *бандитов*, *бандитский*, *бандгруппы*, *бандгруппировки*, *бандформирования*, *группы бандитов*, *группировки бандитов*, *бандитской группы*, *бандитской группировки*. In terms of the volume of the decryption matrix, the group "банд" belongs to the composite type.

Decryption matrix structure: the group has a combined decryption matrix (presentational DSs + relational DSs + modification DSs). The equivalence nests of the words *бандлидер* and *бандглаварь* have DMs that include all possible decoding stimuli for a given group: «у-х(adj) + у-$х^2$ + у-$х^2$ + у-х-а($noun^2$)/у-(х-группы) + у-

x-a(noun^2)/y-(x-группировки) + y-x-a(noun^2)/y-(x-формирования) + y-z(noun^2)-x + y-z(noun^2)-x + *y*-z(adj)+x + *y*-z(adj)+x»: *бандлидер – бандитский лидер* (PstemAdj1sing+Noun1sing), *лидер банды* (StemNoun2sing+Noun1sing), *лидер бандитов* (PstemNoun2pl+Noun1sing), *лидер бандгруппы* (Pstem^{1}Noun2sing(cp)+ Noun1sing), *лидер бандгруппировки* (Pstem^{1}Noun2sing(cp)+ Noun1sing), *лидер бандформирования* (Pstem^{1}Noun2sing(cp)+ Noun1sing), *лидер группы бандитов* (PstemNoun2pl+Noun1sing [-Noun2sing]), *лидер группировки бандитов* (PstemNoun2pl+Noun1sing [-Noun2sing]), *лидер бандитской группы* (PstemAdj2sing+Noun1sing [-Noun2sing]), *лидер бандитской группировки* (PstemAdj2sing+Noun1sing [-Noun2sing]). The three equivalence nests have the combined decoding matrix "y-x(adj) + y-x^2" (*бандгруппа – группа бандитов*, *бандитская группа*).

According to composition, the group is defined as a hybrid unbalanced group. Two equivalence nests refer to the core of the group (nests of the words *бандлидер*, *бандглаварь*). Four nests belong to the periphery of the abbreviation type (*бандгруппа*, *бандгруппировка*, *бандформирование*, *бандподполье*).

All group equivalence nests reflect parallel hybrid formation patterns of the construct. It follows that the duality of the construct is actualized only in the equivalent texts: *Организованное бандподполье разгромлено, однако оставшиеся мелкие* ***группы бандитов*** *агонизируют и пытаются хоть как-то заявить о себе. В минувшем июне в республике была уничтожена самая «нашумевшая» за последний год группировка, так называемая «южная»* ***бандгруппа*** (https://kavtoday.ru/17333; 05.07.2017); ***Бандгруппой*** *нанесен материальный ущерб потерпевшим на сумму около 500 000 рублей. Следствием выявлено 24 активных участников* ***бандитской группы****, из которых 13 человек арестованы, а 11 активно разыскиваются* (http://cripo.com.ua; 05.07.2017).

Structural correlation of units: direct correspondence (*бандгруппа – бандитская группа*; *бандглаварь – бандитский главарь*); metathesis

correspondence (1. direct interpretation: *бандлидер – лидер банды*, *бандглаварь – главарь банды*; 2. figurative interpretation: *бандлидер – лидер бандформирования*); component-metathesis correspondence (implicit interpretation: *бандглаварь – главарь бандитской группировки*, *главарь группировки бандитов*. This kind of abbreviation reveals components that have no equivalents in the abbreviation structure).

2.8. The hybrid group "ветро"

In terms of frequency, the group belongs to the combined type, as it combines univerbalization and pseudo-univerbalization equivalence nests in almost equal proportions - 44% and 56%. In terms of the number of equivalence nests, the group belongs to the low-component type, as it contains 13 ENs. The group is characterized by a simple construct that is equivalent to the attribute component.

The decoding matrix is combined (presentational DEs + relational DEs + modifying DEs). The construct has abbreviated and composite decoding stimuli *ветровой, ветряной, от ветра, к ветру, к ветрам, ветроэнергетический*. In terms of the volume of the decoding matrix, the group refers to type with composite DM.

In terms of core-periphery ratio, this group is unbalanced: out of fourteen equivalence nests, four are in the core (*ветробарьер – ветровой барьер*, *барьер от ветра; ветрозащита – ветровая защита*, *защита от ветра*). The remaining 80% of the ENs of the group belong to the periphery of the abbreviation type.

It is important to note that native speakers most often do not distinguish between the concepts "ветровой" and "ветряной" – regular decoding stimuli, which occur simultaneously in almost all equivalence nests of the group (*ветроэнергетика – ветровая энергетика*, *ветряная энергетика*). These correlates of the construct *ветро-* have different meanings: *ветровой* – 'related to wind'; *ветряной* – 'powered by wind'. Only the parallel decoding fan is represented in the group. The most frequent decoding matrix model is "y-x(adj) + y-x(adj) ":

ветропарк – ветряной парк (PstemAdj1sing+int+Noun1sing), *ветровой парк* (PstemAdj1sing+int+Noun1sing).

The following types of formal correspondence are noted:

• Component correspondence (presence of an interfix in a compound word), in which a direct interpretation (*ветродвигатель – ветровой двигатель*) is distinguished; and a transferred interpretation (*ветроустановка – ветроэнергетическая установка*). In the case of a transposed interpretation, the function of the construct is performed by the abbroconstruct of the abbreviation that is part of the equivalent collocation;

• Component-metathesis correspondence: in addition to the regular interfix, we observe omission of components that indicate grammatical relations and rearrangement of the retained ones (*ветрозащита – защита от ветра* → StemNoun2sing+int+Noun1sing[-Prep], *ветроустойчивость – устойчивость к ветру* → StemNoun3sing+int+Noun1sing[-Prep]. There is a secondary abbreviation *ветростанция* (abbreviation for *ветроэлектростанция*) which has syntactic equivalents *ветряная электростанция* (PstemAdj1sing+int+Stem^{2}Noun1sing(ср)) / *ветровая электростанция* (PstemAdj1sing+int+Stem^{2}Noun1sing(ср)).

In correlation with the secondary abbreviation ветростанция , these equivalents also belong to the component-metathesis type of correspondence.

For two compound words of the group, the use of the initial abbreviation as a doublet (*ветродвигатель – ВД, ветроустановка – ВЭУ*) is noted. However, in our opinion, such a single use of doublet units is not enough to classify the group "wind" as a type with reduced basic and feature components (according to the nature of representation of basic and feature components).

2.9. Hybrid group "газо"

The group also belongs to the combined group in terms of the frequency ratio of abbreviations and their equivalents. Equivalence nests that contain at least one univerbalization equivalent (having with the compound word IB < 1) account for

62.5% of all the nests of the group. The group is multi-component, as it is represented by 92 equivalence nests.

The construct *газо*-, which forms this group, is defined as simple, but is also part of the structure of the compound constructs *газомото*-, *газотурбо*- and *газоэлектро*-. The construct represents the abbreviated attribute component of the compound words that make up the group. As in the previous case, for a small number of complex words of the group we find doublet initial abbreviations, in which both attribute and basis components are abbreviated (*газобаллон – ГБ, газодинамика – ГД, газозаправка – АЗГС, газообородувание – ГО*, etc.).

The decoding matrix of the group is combined (presentational DSs + relational DSs + modifying DSs). Multiple syntactic equivalences of the group are combined into equivalence nests according to the following decoding matrix: a) "y-x^2 + y-x^2": the most common decoding matrix - 15 equivalence nests are built according to this model, e.g. *газообработка – обработка газа* (StemNoun2sing+int+Noun1sing), *обработка газов* (StemNoun2pl+int+Noun1sing)*; газоперекачка – перекачка газа*, *перекачка газов*; b) " y-x(adj) + y-x^2 + y-x^2" (10 equivalence nests), e.g., *газоконденсат – газовый конденсат* (PstemAdj1sing+int+Noun1sing), *конденсат газа* (StemNoun2sing+int+Noun1sing), *конденсат газов* (StemNoun2pl+int+Noun1sing)*; газоиндикатор – газовый индикатор*, *индикатор газа*, *индикатор газов*; c) «y-x(adj)» (10 equivalence sockets), e.g. *газосварка – газовая сварка; газоупор – газовый упор*. Modification DSs are also used: *газостанция – газораспределительная станция* (Stem[1]Adj1sing(cp)+int+Noun1sing), *газопереработка – переработка газового конденсата* (PstemAdj2sing+int+ Noun1sing [-Noun2sing]). The group belongs to the type with multiple decoding matrix (26 tokens to decode the construct *газо* - are noted in *The Dictionary*).

The core of the group contains 40% of syntactic equivalents, with the periphery to a greater extent (also 40%) represented by word combinations formed according to the composite type. The periphery of the abbreviation type includes 13

ENs. In the decoding matrix of the group there are 23 DSs (*газовый*, *газа*, *газов*, *газом*, *газами*, *к газу*, *к газам*, *для газа*, *газоэлектрический*, etc.).

The group is marked by a parallel way of forming a hybridity of the construct. The following types of structural correspondence are detected:

- component correspondence (direct interpretation: *газодинамика – газовая динамика*; transposed interpretation: *газостанция – газозаправочная станция*);

- component-metathesis correspondence (direct interpretation: *газообмен – обмен газом* (StemNoun5sing+int+Noun1sing), *газоустойчивость – устойчивость к газам* (StemNoun3sing+int+Noun1sing[-Prep]); transposition: *газопродажа – продажа газопродуктов* (Stem^{1}Noun2pl+int+Noun1sing); implicit interpretation: *газоочистка – очистка газового конденсата*).

DS *газовый конденсат* appears in several equivalence nests of the group; no intermediate DS *газоконденсат* is recorded, although this complex word has a large number of uses as an independent acronym.

2.10. Hybrid group "грузо"

There are 33 ENs in this group, among which both univerbalization (65%) and pseudo-univerbalization (35%) nests are represented. In terms of quantitative features, the group belongs to the multi-component combined type.

The decoding matrix of the group is represented by different types of decoding stimuli. The construct has regular presentational, relational and modifying DSs. The equivalence nests of the group mainly include three syntactic equivalences and are combined in the decoding matrix "y-x(adj) + y-x^{2} + y-x^{2}": *грузоперевозка – грузовая перевозка* (PstemAdj1sing+int+Noun1sing), *перевозка груза* (StemNoun2sing+int+Noun1sing), *перевозка грузов* (StemNoun2pl+int+Noun1sing). Modifying DSs are marked less frequently: *грузоконтейнер – контейнер для грузоперевозок* (Stem^{1}Noun2pl(cp)+int+Noun1sing), *грузопорт – грузопассажирский порт* (Pstem^{1}Adj1sing(cp)+int+Noun1sing). The group has 15 decoding stimuli; thus, it is of the combined multiple decoding matrix type.

The group is not balanced in terms of core-periphery ratio: two-thirds of the equivalence nests belong to the core. Most of the core equivalence nests are dominated by composite-type decoding stimuli. This is due to the possibility of parallel use of composite decoding noun-recognition stimuli in both singular and plural (*грузоперевозка – грузовая перевозка*, *перевозка груза* and *перевозка грузов*, etc.). Five equivalence nests belong to the composite type periphery (*грузополучатель – получатель груза*, *получатель грузов*; *грузовладелец – владелец груза*, *владелец грузов*; *грузохозяин – хозяин груза*, *хозяин грузов*), six– to the abbreviation type periphery (*грузобагаж – грузовой багаж*, *грузонапряженность – грузовая напряженность*).

Only the parallel decoding fan is represented in the group under consideration.

When comparing complex words with their syntactic equivalents, we find a component mismatch of units (mismatch in favour of a compound word with an interfix: *грузобагаж – грузовой багаж*, *грузоперевозки – грузовые перевозки*) and component-metathesis matching (presence of an interfix in a compound word and permutation of matching components in it is observed: *грузополучатель – получатель груза*, *грузопоток – поток грузов*).

2.11. Hybrid group "домо"

The group in question contains 16 equivalence nests with an equal ratio of univerbalization and pseudo-univerbalization equivalence nests (low-component combined type).

The decoding matrix is represented by ten decoding stimuli of presentational, relational, and modifying types (i.e., the group is characterized by a composite matrix with a combined type of decoding stimulus representation).

In the decoding matrix of the group there are 10 decoding stimuli (house, home, household, domoviy, home, in the house, at home, households, etc.). Complex words belonging to the group have equivalence nests of different ranges, consisting of 1-7 syntactic equivalences. Compare, for example, *домохозяйство – домашнее хозяйство* (PstemAdj1sing+int+Noun1sing) and *домоуправление – управление*

домом (StemNoun5sing+int+Noun1sing), *управление домами* (StemNoun5pl+int+Noun1sing), *домовое управление* (PstemAdj1sing+int+Noun1sing), *домашнее управление* (PstemAdj1sing+int+Noun1sing), *управление дома* (StemNoun2sing+int+Noun1sing), *управление домов* (StemNoun2pl+int+Noun1sing), *управление домохозяйством* (Stem[1]Noun5sing (ср)+ int+Noun1sing). Due to the large number of decoding stimuli, almost every complex word in the group has a unique decoding matrix. The model coincides only in single-component equivalence nests belonging to the periphery of abbreviation type: "y-x(adj)" (*домомучительница – домашняя мучительница*, *домохозяйство – домашнее хозяйство*, *домохозяйка – домашняя хозяйка*).

The group is a balanced hybrid: two-thirds of the group's complex words belong to its core. The periphery is equally represented by abbreviated and composite nests of equivalence (*домкомбед – домовой комитет бедноты*; *домохозяйка – домашняя хозяйка*; *домохозяйство – домашнее хозяйство* and *домовладение – владение домом*, *владение домами*; *домоправитель – правитель дома*; *домоправление – управление домом*, *правление домом*, *правление домами*).

There is one syllabic abbreviation in the group: *домкомбед* (*домовой комитет бедноты*).

Despite the developed system of decoding stimuli, only a parallel way of construct hybridity formation is detected in the group. Formal correspondence of the components of equivalent units is represented by direct (*домработница – домашняя работница*), component (*домостроительство – домашнее строительство*), metathesis (in direct and transposable interpretation: *домработник – работник дома*; *домовладелец – владелец домохозяйства*), metathesis-component type (*домовладелец – владелец домашнего хозяйства*). Thus, the hybrid group "domo" includes all types of formal matching interpretations.

2.12. Hybrid group "жиро"

The group belongs to the combined type in terms of the frequency ratio of words and equivalents. The number of univerbalization equivalence nests exceeds pseudo-univerbalization SEs (62 % and 38 %, respectively).

The hybrid group of 28 ENs has a well-developed system of decoding stimuli. The decoding matrix is represented by presentational, relational, and modifying DSs (and thus belongs to the combined type). In terms of DM volume, the group corresponds to the multiple type of abbrogroups, since it combines 13 ways of decoding complex words.

According to the ratio of core to periphery, the group belongs to the unbalanced one: 65.5% of equivalence nests are in the core of the group; 24.5% of nests are in the composite type periphery and 10% are in the abbreviation type periphery. The core of the hybrid group has a common decoding matrix "y-x(adj) + $y\text{-}x^2$ + $y\text{-}x^2$": *жироуловитель – жировой уловитель* (PstemAdj1sing+int+Noun1sing), *уловитель жира* (StemNoun2sing+int+Noun1sing), *уловитель жиров* (StemNoun2pl+int+Noun1sing). In the equivalence nest of the word *жирозавод*, unique DS models "y-x(adj)+ y-x-a(adj)/y-(x-processing)" and "(y-(prep)x-z(noun)/y-(по)-переработке-x)" arise: *жироперерабатывающий завод* ($Stem^1$ Partit1sing(ср)+int+Noun1sing), *завод по переработке жира* (Stem Noun1sing+int+Noun1sing[-Prep- Noun3sing])/

Hybridity of a construct in a group is formed in two ways: by a parallel fan and a sequential chain. The equivalence nest of the complex word *жирозавод* has two decoding chains 1) *жировой завод*; 2) *жироперерабатывающий завод – завод по переработке жира*: here is a change in the actual status of the construct from composite to abbreviation, since the attribute component "жиро" at the first stage of the decoding chain is attached to the basis as a composite construct, while forming a DS for the next stage of reduction. Note that the intermediate equivalent **завод по жиропереработке* is missing in the second decoding chain. A component mismatch (direct interpretation: *жиромасса – жировая масса*; 2.

transposed interpretation: *жирокомбинат – жироперерабатывающий комбинат*); component-metathesis correspondence (appearance of additional components in the word combination and in the word + transposition: *жирозавод – завод по переработке жира*, *жироотложение – отложение жиров*) are recorded.

Two adjectives, *жировой* and *жирный* , are used as presentational DSs for the construct fat- (*жирообмен – жировой обмен, жирный обмен; жироотложение – жировое отложение, жирное отложение*). As in the case of the hybrid group "ветро", native speakers do not distinguish between these paronyms when unwrapping a compound word: *жировой* – 1. 'containing fats'; 2. 'producing from fats various articles of consumption'; *жирный* – 'abundant in fat'.

Conclusions to Section II

A universal classification based on quantitative, structural and semantic parameters is used to describe the abbreviation groups, which can be determined for all the analyzed linguistic material: the frequency of use of equivalence nest components, nature of derivational relations between them, degree of representation of elements of a complex word, volume of decoding matrixes, number and volume of equivalence nests of the group, etc. This classification consists of 9 items, which include 27 possible types of abbreviation groups.

For hybrid groups, additional description parameters related to peculiarities of functioning of hybrid constructs in equivalence nests, as well as specifics of organization of hybrid abrogroups: correlation of core and periphery of a hybrid group, types of structural interpretations of a construct, etc. are also taken into account.

Within the framework of this study 10 abbreviation groups recorded in *The Dictionary* were analyzed. All the groups studied contain regularly used abbreviations and syntactic equivalents, which excludes the influence of occasional formations on the overall structure of the abrogroups. The abrogroups are organized

according to a single principle and are aggregations of equivalence nests with a complex abbreviation and its all possible regular syntactic equivalents.

The study did not take into account single-component abbreviation groups, as it is impossible to discover the systemic features of the group on the material of a single equivalence nest.

The constructions of all the studied abbreviation groups have several decoding variants, which form complex decoding matrices. Thus, the selected linguistic material can be used to study the expression of stereotyping in the consciousness of native speakers when they substitute abbreviated entities with expanded equivalents.

The comparison of different abbreviation groups of the Russian language revealed differentiating features, on the basis of which a typology of abrogroups was developed and applied in this study to classify the selected linguistic material. As a result of the comparison of the abbrogroups both commonalities and differences were found.

1. Most of the abbreviation groups include both univerbalization and pseudo-univerbalization equivalence nests in varying proportions. This suggests that univerbalization AGs in the process of functioning in the language are added to both "real" abbreviations and the products of synthetic unwrapping of a simple word into a collocation.

2. In *The Dictionary* for some groups of complex words we find doublet forms - syllabic or initial abbreviations (*ВЭУ* for *ветроустановка*, *ВД* for *ветродвигатель*, *АЗГС* for *газостанция*, *ГО* for *газооборудование*, *ГУ* for *газоустановка*, *ГП* for *грузополучатель*, *ДХ* for *домохозяйство*); abbreviations *завкаф* from *зафкафедрой*, *завлаб* from *завлабораторией*, etc. However, as noted above, their number relative to other words of the group is insignificant (less than 10%) to constitute grounds for attributing a group to the type of combined by nature of representation of basic and attribute components.

Separately, we should consider the group "теле", in which the construct has a regular doublet TB. Both forms are associated with the same referent and are implemented in the same syntactic equivalents. The form TB is treated as a doublet

and is not considered as an independent construct. In a similar correlation are the forms жир- and жиро-, forming the abbreviation group "жиро".

3. In a number of cases equivalence nests reveal equivalences arising from the unordered use of paronyms by native speakers (to deploy the initial construct of a complex word): DSs *ветровой* and *ветряной* for *ветро* -, DSs *домовой*, *домашний* for the construct *домо* -, *жировой* and *жирный* for the construct *жиро* -, etc. Syntactic equivalents of this kind are formed as a result of developing a situation of collective difficulty in interpreting complex words.

4. On the material of the groups considered it was not possible to establish a relationship between the number of complex words and the number of their possible interpretations. For example, there are 11 DCs for every 150 equivalence nests in the group "мед"; on average, 1 decoding pattern accounts for 13 abbreviations. At the same time, the group "жиро", which includes 28 УТs, has 13 DCs (on average, 1 decoding pattern accounts for 2 abbreviations).

Instead, a correlation is found between the nature of the univerbalization relations in the group and the number of interpretations. Pseudo-univerbalization type groups tend to have a higher number of DSs than combination groups, regardless of the number of ENs in the groups; univerbalization type groups are associated with fewer interpretations than combination groups. This is due to the assumption that the abbro-affixoid has free possibilities of interpretation, whereas the univerbalization constructs are restricted by the existing frequency segmented names in the language.

5. A complex word construct most often represents the attributive component of an equivalent collocation. The extensive material in the Dictionary confirms this pattern. To see the difference in the formation and functioning of different-type abbreviation groups, the group "зав", whose construct always corresponds to the basis of the collocation (*завскладом – заведующий складом*), and the group "лингво", in which the construct represents both basic and attribute components (*лингвоантропология – лингвистическая антропология*, *антропологическая лингвистика*) were selected for analysis in this study.

6. Most hybrid abbreviation groups are characterized by unbalanced equivalence nests by the core-periphery ratio. Among the groups analysed, only the hybrid group "домо" is balanced. Note also that only in this analyzed group the hybrid is formed in a parallel way, since the decoding matrix is represented by a set of simple presentational and relational DSs.

Taken together, this section analyses 693 equivalence nests and 202 models of decoding stimuli. The description presented here covers diverse aspects of equivalence nest formation and functioning. We have given a preliminary overview of the material of *The Dictionary* with the example of ten abbreviation groups.

A detailed typological register of all the abbreviation and hybrid groups included in *The Dictionary* is to be compiled in the future.

SECTION III
ABBREVIATION-COMPOSITE HYBRID GROUP "НЕФТЕ" IN SYNCHRONIC CONSIDERATION

The study of the abbreviation-composite group is based on the methodology of describing the abrogroups, developed by V.Terkulov within the framework of the synchronous approach to the system of abbreviations of the modern Russian language. The Laboratory has produced a number of works that describe abbreviation groups [Akulich 2017b; Kramarenko 2016; Krest'janinova 2017; Petrova 2017; Rovnaja 2016; Terkulov 2015g; Ustinova 2016], but a comprehensive study of abbrogroups covering both their structural and semantic characteristics has not yet been completed. Only adjectival composites were subjected to multidimensional analysis [Sosnina 2017]. The specifics of the analyzed material have led to the introduction of additional aspects found in the course of the presented research into the proposed methodology.

3.1. Quantitative aspect of abbreviation group description

The description of an abbreviation group from the quantitative aspect is conditioned by the notion that the quantitative characteristics of the group are related to the possibilities of interpreting its constituent components. For instance, we noted in the previous section that the pseudo-univerbalization abroaffixoid is characterized by a greater variability of interpretations than the univerbalization abbreviations.

The quantitative approach refutes the notion that all language entities with abbreviated components are secondary formations to dissociated equivalents.

The methods of quantitative description of the abbreviation group were developed by the participants of the Laboratory [Bereznitskaya 2016, 2017].

The hybrid abbreviation-composite group "нефте" includes 62 equivalence nests. The group consists of complex words with different frequency ranges. The words *нефтебак*, *нефтедобыча*, *нефтепереработка*, *нефтехимия* number more than 1 million mentions in the Google search engine; the words *нефтедоллар*,

нефтезавод, *нефтеразлив*, *нефтехранилище*, *нефтешлам* occur more than 100 thousand times in the search engine. Rarely used compound words (up to 2,000 mentions) include the words *нефтезамещение*, *нефтеконденсат*, *нефтенакопитель*, *нефтеполгощение*.

The *Explanatory Dictionary of Russian Complex Abbreviated Words*, in the development of which a hybrid group of "нефте" was compiled, has frequency limitations for the incoming units. *The Dictionary* captures the abbreviations for which there are more than 500 uses in the Google search engine, which allows to screen out occasional entities. Low-frequency complex abbreviated words are also not considered within the scope of this study.

To deploy the construct, 13 lemmata and 26 tokens (actually represented in the texts of DSs forms) are found:

• ***нефть***, ***-и***; pl only *special*: *нефтью*, *нефти*, *нефтей*, (*для*) *нефти*, (*от*) *нефти*, (*к*) *нефти;*

• ***нефтегазовый***, ***-ая***, ***-ое***: *нефтегазовая;*

• ***нефтедобыча***, ***-и***, sing: *нефтедобычи;*

• ***нефтедобывающий***, ***-ая***, ***-ое***: *нефтедобывающий;*

• ***нефтеперерабатывающий***, ***-ая***, ***-ое***: *нефтеперерабатывающий;*

• ***нефтепереработка***, ***-и***: *нефтепереработка*, *по нефтепереработке*, *по переработке нефти*

• ***нефтепровод***, ***-а***: *в нефтепровод*, *в нефтепроводы*;

• ***нефтепродукт***, ***-а***: *для нефтепродуктов*, *от нефтепродуктов*, *к нефтепродуктам*, *нефтепродуктов*, *нефтепродуктами*;

• ***нефтеналивной***, ***-ая***, ***-ое***: *нефтеналивная;*

• ***нефтесодержащий***, ***-ая***, ***-ое***: *нефтесодержащий;*

• ***нефтяной***, ***-ая***, ***-ое***: *нефтяной;*

• ***продукт***, ***-а***: *продуктов нефтепереработки*, *продуктов переработки нефти;*

• ***газа***, ***-а***: *нефти и газа*.

The developed system of decoding stimuli, the variety of models of decoding matrices, the large number of common words known to a wide range of native speakers, determined the choice of the hybrid group "нефте" as the material for the study.

Among the considered equivalence nests, 37 belong to the univerbalization type: the syntactic equivalents presented in them are used more frequently than the equivalent abbreviations. For example, the word *нефтебочка* has equivalents *нефтяная бочка* (IB = 0,1), *бочка для нефти* (IB = 1), *бочка для нефтепродуктов* (IB = 1), and for the word *нефтеочистка* the equivalents *очистка нефти* (IB = 0.1), *очистка от нефтепродуктов* (IB = 1) and *очистка от нефти* (IB = 1) are recorded. There are 17 equivalence nests, in which the frequency of use of an abbreviation and an equivalent word combination is identical. These include ENs of words *нефтебак* (equivalents *бак для нефтепродуктов*, *бак для нефти*, *нефтяной бак* in which IB = 1), *нефтестанция* (*нефтеналивная станция*, *нефтяная станция*, *нефтедобывающая станция* with IB = 1).

Also, 18 pseudo-univerbalized ENs are found in the group, in which the segmented equivalents are less frequent than their corresponding abbreviations. These are the ENs of words *нефтепродукт* (equivalents *продукт нефтепереработки* with IB = 51; *продукт переработки нефти* with IB = 84; *продукт нефтехимии* with IB = 111; *продукт из нефти* with IB = 220), *нефтехранилище* (equivalents *хранилище нефти* with IB = 9; *хранилище нефтепродуктов* with IB = 11; *нефтяное хранилище* with IB = 24; *хранилище для нефтепродуктов* with IB = 44 and *хранилище для нефти* with IB = 44), etc. The remaining 7 ENs are characterised by mixed index balances.

There are no significant gaps in the frequency of abbreviations and syntactic equivalents in the described group. Only two pairs of linguistic entities were found in which the IB exceeds the number 200: *нефтедобыча – нефтяная добыча* (IB = 245) and *нефтепродукт – продукт из нефти* (IB = 220). These frequencies indicate that complex words are used at least 200 times more frequently than their corresponding segmented equivalents. However, this difference in the frequency of

fixations is not extremely large, since *The Dictionary* allows the entry of units with an index balance of 500.

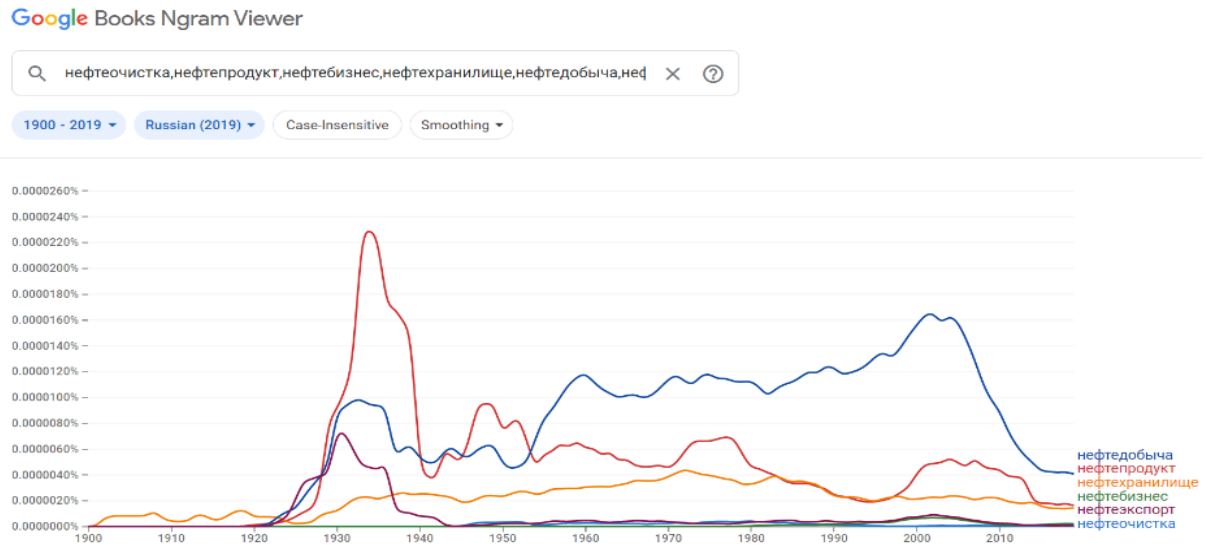
There is also an insignificant number of syntactic equivalents with extremely low IB: *нефтеимпорт – нефтяной импорт* (IB = 0.01; the use of the word combination is recorded approximately 95 times more frequently than the acronym), *нефтепоставки – поставки нефти* (IB = 0.007; the word combination occurs approximately 140 times more frequently than the acronym), *нефтеторговля – торговля нефтью* (IB = 0.006; the word combination is used approximately 165 times more frequently than the acronym). This ratio is also not critical: in the developed *Dictionary*, pairs with IB equal to the number 0.0001 (*главрежиссёр – главный режиссёр*; *главинж – главный инженер*) and 0.00001 (*госфинмониторинг – государственный финансовый мониторинг*) can be found.

A large number of pairs of equivalent entities with IB = 1 show a tendency to balance the frequency of persistent abbreviations and segmented names.

When comparing complex group of words in the Google Ngram service, we find that quasi-univerbalized abbreviations with the initial element нефте- appeared in Russian language earlier than real abbreviations.

Figure 2

Frequency graphs of the words *нефтедобыча, нефтепродукт, нефтехранилище, нефтебизнес, нефтеэкспорт, нефтеочистка*



Quasi-univerbalizations words *нефтедобыча, нефтепродукт* and *нефтехранилище* facility appeared earlier and are used by native speakers more actively than univerbalizations abbreviations *нефтеэкспорт, нефтебизнес, нефтеочистка*, which is confirmed by quantitative calculations of the Laboratory. The detected tendency may testify to the fact that initially words with the construct oil- were calques from European languages, which appeared in connection with the peculiarities of the development of the oil extraction industry on the territory of the Russian-speaking population (large-scale oil extraction in the late 19th century was organized by foreign companies Nobel Brothers and Royal Dutch Shell. See: [Urazgaliev 2013]).

According to the volume of equivalence nests, we find that one-component nests (8 ENs) are more numerous among the pseudo-univerbalization ones. There are also: two-component ENs - 2; three-component ENs - 2; four-component ENs - 1; five-component EN - 1.

Univerbalization ENs are characterized by a large number of one- and two-component nests in approximately the same proportion: one-component ENs - 18; two-component ENs - 16; three-component ENs - 12; four-component EN - 1; five-component EN - 1.

Thus, in the analysed group the pattern, according to which pseudo-univerbalization constructs have a greater variability of transcripts, does not appear.

3.2. Onomasiological aspect of describing an abbreviation group

The onomasiological approach reveals the peculiarities of the formation of the semantic characteristics of complex words. The problem of onomasiological meaning of derivative words has been considered in the works of many researchers, including N.Dyachok [Dyachok 2015], G.Iskandarova [Iskandarova 2011], A.Lyalyuk [Lyalyuk 2017], I.Miloslavsky [Miloslavsky 1975] and others. With regard to derivative words, linguistics has developed the notion that their meaning simultaneously includes both the semantics of the original, producing, base, and their own semantic features. To establish the structure of the semantic meaning of a

derivative word, onomasiological models are constructed - schemes for the formation of nominative units and their realisations. In creating onomasiological models, E. Selivanova takes into account all possible aspects of the meaning of a derivative word. The researcher defines onomasiological models on the basis of four features: 1) general sense of the onomasiological basis (formant structure); 2) specific content of two or more onomasiological attributes (referent part); 3) their valency and semantic link; 4) type of relations between the basis and the attribute [Selivanova 1992, p. 20].

Abbreviation (as well as composition and concatenation) has a different purpose than other word formation methods: an abbreviation does not name a new object of extra-linguistic reality, but is a special way of expressing an already existing linguistic entity (which is not quite true for quasi-abbreviations [Emelianova 2018b]). The absolute identity of the meanings of univerbals and collocations makes it possible to use these entities equivalently in texts. Therefore, the correspondence / mismatch of the onomasic model of the original and final units can serve as a marker to determine the specifics of the formation and functioning of complex words in the language [Brovets 2016b, 48].

Thanks to the onomasiological approach, the Laboratory has developed some methods for studying equivalence nests, for example, detection of modifying decoding stimuli [Brovets 2017b], determination of pseudo-univerbalization processes in equivalence nest formation [Emelyanova 2018a], prediction of equivalence relations by onomasiological models [Mikhaylova 2018a, 2018b].

Special principles of onomasiological models have been developed for complex words, since a dismembered name acts as a derivative entity of a complex word. In particular, V. Terkulov, following M. Dokulil, defines the structure of the **onomasiological model** (**OM**) as two-part, which includes:

a) Onomasiological basis – a component of the model, which is formed on the basis of the main word of the original word combination;

b) onomasiological feature – a component of the model, formed on the basis of the semantics of the dependent lexeme [see Blumina 2010].

For example, the word нефтесклад, derived from the word combination склад для нефти, has onomasiological basis 'spatial object', because the base component of the word corresponds to the word склад - 'territory, premises for storage of something', and onomasiological feature 'destinative', because the dependent component для нефти realizes the feature 'purpose of action or object'. Thus, the OM of the word нефтесклад is represented by the formula 'spatial object + destinative'.

It is customary to use the names of lexico-semantic groups (LSG) as onomasiological basis designations, as this category unites specific lexical entities by archseme – the common basic component of meaning [Blumina 2017]: "profession", "institution", "substance", "subject", "science", "branch", etc. To express the onomasiological feature semantic cases are used, proposed in the works of E.Selivanova [Selivanova 2000], whose classification is based on the case grammar of Ch. Fillmore [Fillmore 1981]. Deep cases reflect the semantic relations of the dependent component of a word combination with the base component.

Note also that for complex words formed on the basis of complex collocations or as a result of the use of modifying DSs, onomasiological models include additional elements. The model may reflect a composite onomasiological feature that corresponds to the structure of the word combination and represents all the components of the complex word: the word *нефтегазоразведка*, equivalent to the word combination *разведка нефти и газа*, corresponds to the model "event + destinative + destinative", with all three components of the model reflected in the structure of the word. In some cases, the onomasiological model receives additional feature components, which are not included in the structure of the complex word, but appear in the composition of the word combination in the process of decoding. For example, in the EN word *нефтезавод* we find the equivalent *завод по переработке нефти*. Obviously, in the structure of the word combination a second onomasiological feature "по переработке" appeared, re-subordinating to itself the first onomasiological feature "нефти", subordinated before to the basis "завод". In this case, the onomasiological model is represented by the formula "establishment +

destinative + allative", and corresponds to the structure of an equivalent word combination rather than a complex word. The emergence of the implicit components of the model is explained by the influence of the modification DSs [Brovets 2017b].

Y. Ermolenko notes that the specificity of OM of an abbreviation (and a compound word including - V.R.) "directly depends on the structure (bi- or multi-component) of the equivalent word combination" [Ermolenko 2012, p. 104]. Exactly the word combination actualizes the onomasiological model of abbreviation. It follows that onomasiological model is given not for the co complex abbreviation, but for the synchronous pair "abbreviation + collocation". For complex words with several syntactic equivalents, several onomasiological models will thus be relevant.

3.1.1. Typology of onomasiological classes in the group "нефте". Thirteen onomasiological classes (OC) were found in the analyzed group, which characterize the onomasiological status of the basic components of complex words and their segmented equivalents.

Substance (19). The OC unites entities with the meaning 'physical substance with a specific chemical composition': *нефтесмесь*, *нефтешлам*, *нефтебитум*, *нефтеотходы*, etc.

Person (1). Names bases with the meaning 'producer of an action or bearer of a condition': *нефтемагнат*.

Action (32). The OC contains bases with the meaning 'organised action or a set of actions aimed at realising a certain goal': *нефтеобработка*, *нефтеизвлечение*, *нефтеперекачка*, *нефтеэкспорт*, etc.

Association (2). The OC contains complex abbreviations meaning 'structures made up of several elements': *нефтекартель*.

Branch (3). This OC combines names with the meaning 'a separate, independent part of some kind of activity': *нефтеиндустрия*, *нефтепромышленность*, *нефтехозяйство*.

Attachment (25). This OC includes names of devices, i.e. 'devices, mechanisms, instruments, etc., designed to perform certain work, certain actions': *нефтебочка*, *нефтенакопитель*, *нефтецистерна*, *нефтеловушка*, etc.

Spatial object (24). The group includes entities referred to as 'natural objects, artificial and other objects (including buildings, structures) whose location can be determined': *нефтестанция*, *нефтетерминал*, *нефтепорт*, *нефтешахта*, etc.

Process (4). This OC refers to bases with the meaning 'successive change of phenomena, states in development of something' or 'a sequence of actions to achieve a result': *нефтенакопление*, *нефтепоглощение*, *нефтепотребление*.

Property (7). The OC includes the names of properties, by which 'an essential feature distinguishing one object, one phenomenon from another' is meant: *нефтенасыщенность*, *нефтесодержание*, *нефтестойкость*, *нефтеёмкость*.

Event (3). The OC contains complex abbreviations that denote 'something that happened, has happened, a significant phenomenon, a fact of public or private life': *нефтеразлив*.

Condition (2). This OC names bases with the meaning 'the totality of the circumstances of an object's existence': *нефтезависимость*.

Facility (4). This OC combines names that denote 'an instrument necessary to achieve, carry out something' or 'material values': *нефтеаппаратура*, *нефтедоллар*, *нефтерубль*, *нефтевалюта*.

Institution (5). This OC covers complex abbreviated words denoting 'an entity with a specified number of employees and administration in charge of a particular area of administration, economy, commerce, research or educational work': *нафтезавод*, *нефтебаза*.

3.1.2. Types of onomasiological features in the group "нефте". The onomasiological feature (OF) of the name in the analysed group corresponds to its initial component (the нефте-). The following main types of onomasiological features are found in the analyzed abbrogroup.

OP Qualifier

(51 uses; 38.5% of the total number of detected OP patterns)

The most frequent type of onomasiological feature, since qualifiers - like allatives - convey the most general semantic meaning of the word-forming entity

[Apresyan 1974]. Predominantly expressed by presentational decoding stimuli, it acts as an adjective, which indicates the belonging of an object to a certain class.

Model 1. Substance + qualifier (7; 5.2%). The OP describes the material of which the substance is composed. It is mainly represented by presentatives, but an interpretive structural model is also noted: *нефтешлам – нефтяной шлам – нефтесодержащий шлам* (*В ходе соответствующего развития в 2018 году иранские исследователи на нефтеперерабатывающем заводе в Керманшахе смогли производить различные типы катализаторов для закачки в* ***нефтешлам***, *что сделало страну единственным производителем этого продукта в мире –* ***Нефтяной шлам*** *представляет собой сложную смесь, содержащую разное количество отработанного масла, сточных вод, песка и минеральных веществ –* ***Нефтесодержащий шлам*** *содержит большое количество токсичных веществ, от самых канцерогенных полициклических ароматических соединений до тяжелых металлов и даже до радиоактивных материалов*; http://nangs.org/news/downstream/iranskie-issledovateli-proizveli-benzin-i-neftehimicheskie-produkty-s-pomoshtyyu-umnogo-i-nedorogogo-metoda; 07.08.2021); *нефтебитум – нефтяной битум*; *нефтеотходы – нефтяные отходы*, *нефтеконденсат – нефтяной конденсат*, etc.

Model 2. Institution + qualifier (3; 2.25%). The mentioned model indicates the connection of institutions with the field of production. The connection is expressed with the presentational lemma *нефтяной*: *нефтебаза – нефтяная база* (*Оттуда сырая нефть поступает в главную* ***нефтебазу*** *Рамат Йотам – Система также связана с бензозаправочной станцией для автоцистерн компании EAPC и* ***нефтяной базой*** *компании PEI*; http://www.eapc.com/ru/the-crude-oil-system/oil-terminals; 07.08.2021). The interpretative DS *нефтеперерабатывающий завод* also appears in the equivalence nest of the word *нефтезавод*.

Model 3. Event + qualifier (6; 4.5%). The presented model realizes the connection of the stages of industrial activity with the industry. In all cases, the

model corresponds to the presentative DS: *нефтедобыча – нефтяная добыча* (***Нефтяная добыча*** *картеля в день выросла до 31,695 миллиона баррелей – Влияние, указывает Bloomberg, оказал тот фактор, что резко увеличилась* ***нефтедобыча*** *в Ираке* (*с 247 тысяч баррелей в сутки до 4,3 миллиона*); http://tvrain.ru/news/dobycha_nefti_opek _dostigla_maksimuma_za_tri_goda-399878; 07.08.2021); *нефтепереработка – нефтяная переработка*, *нефтеимпорт – нефтяной импорт*, *нефтеразведка – нефтяная разведка*, etc.

Model 4. Association + qualifier (2; 1.5%). The model is implemented in two presentation SEs of the equivalence nest of *нефтекартель*: *нефтекартель – нефтяной картель*: (*Цены на нефть достигли максимальных уровней с середины 2015 года после решения ОПЕК и стран, не входящие в* ***нефтяной картель*** *о совместном сокращении добычи для снижения избыточного предложения и поддержания рынка, сообщает* Reuters – ***Нефтекартель*** *надеялся, что не входящие в него государства сократят добычу на 600 тыс. баррелей в сутки*; http://biz.liga.net/all/tek/novosti/tseny-na-neft-vzleteli-posle-resheniya-nefteekspo-rterov; 07.08.2021), *нефтяная картель*.

Model 5. Branch + qualifier (3; 2.25%). The OP in this model specifies the industry, indicates the object of industrial activity. The presentative syntactic equivalents correspond to this onomasiological model: *нефтепромышленность – нефтяная промышленность* (*Это единственный в России мультимедийный научно-популярный проект, посвященный влиянию* ***нефтяной промышленности*** *на жизнь современного человека – Зал «Наука» посвящен достижениям и исследованиям, которые сегодня используются в* ***нефтепромышленности***; http://fedpress.ru/article/2379634; 07.08.2021); *нефтеиндустрия – нефтяная индустрия*, *нефтехозяйство – нефтяное хозяйство*.

Model 6. Attachment + qualifier (10; 7.5%). The OP indicates the association of attachments with an industry. This model corresponds to presentative syntactic equivalents: *нефтескважина – нефтяная скважина* (*На месторождении имени А. Алабушина в Усинском районе Коми горит*

нефтяная скважина, *сообщили* «*Интерфаксу*» *в пресс-службе регионального МЧС – Информация о возгорании* ***нефтескважины*** *№2 на месторождении поступила в центр управления в кризисных ситуациях днем в понедельник*; http://www.vedomosti.ru/business/news/2017/04 /10/ 68 5023-gorit-neftyanaya-skvazhina-lukoil-usinskneftegaza; 07.08.2021), *нефтебочка – нефтяная бочка*, *нефтеловушка – нефтяная ловушка* и т.д. There is also one relevant SE of the interpretative type: *нефтедобывающая скважина*.

Model 7. Spatial object + qualifier (13; 9.77%). The presented model indicates the type of industrial activity which takes place on the territory of the spatial object or is connected with it: *нефтегавань – нефтяная гавань* (*По легенде учений, при заходе в* ***нефтегавань*** *произошел навал танкера* «*ВФ Танкер-20*» *на грузовой причал, в результате чего на подводной части корпуса судна образовалась трещина, нефть стала вытекать из танкера – Дежурный диспетчер* ***нефтяной гавани*** *немедленно оповестил о чрезвычайном происшествии заинтересованные службы*; http://riadagestan.ru/news/economy/v_makhachkalinskom_morskom _torgovom_-portu_proshli_ucheniya_po_likvidatsii_razliva_nefti; 07.08.2021), *нефтеплатформа – нефтяная платформа*, *нефтемагистраль – нефтяная магистраль*, etc. In the equivalence nest of the complex word нефтестанция , this model is implemented by means of several syntactic equivalents of different structural typology - with presentative DS (*нефтяная станция*) and with intrepretative DS (*нефтеналивная станция*, *нефтедобывающая станция*).

Model 8. Event + qualifier (1; 0.75%). The OP indicates the association of the event with an object that is used in some way in the event. The model is found only in one equivalence nest: *нефтеразлив – нефтяной разлив* (*По действующему законодательству* ***нефтяной разлив****, произошедший на водном объекте, должен быть локализован в течение двух часов –* «*Эковахта Сахалина*» *оперативно передала информацию о* ***нефтеразливе*** *руководству ООО* «*РН-Сахалинморнефтегаз*», *сахалинского управления Росприроднадзора и Сахалинской межрайонной природоохранной*

прокуратуры; https://sakhalin.info/news/194375; 28.01.2022). There are also texts, in which the word нефтеразлив and its equivalents are interpreted as "an oil slick floating on the surface of a water body, resulting from an oil spill"; in this case equivalents correspond to OM "spatial object + qualifier" (***Нефтяной разлив*** *находился на расстоянии 146,4 км от Феодосии – Это происшествие не связано с* ***нефтеразливами****, но оно настолько масштабное, что обойти его нельзя*; http://www.angi.ru/news/2885984-Нефтяные%20катастрофы%202020%20года; 07.08.2021).

Model 9. State + qualifier (1; 0.75%). The OP indicates the relationship of state to a correlating factor. The model occurs only in the equivalence nest of the word *нефтезависимость*: *нефтяная зависимость* (*Саудовская Аравия давно мечтает положить конец своей* ***нефтяной зависимости*** *– Похоже, только в такой ситуации может пройти* ***нефтезависимость***; http://nangs.org/news/world/resursnoe-proklyatie-pochemu-strany-proizvoditeli-smirilisy-s-neftyanoy-zavisimostyyu; 07.08.2021).

Model 10. Facility + qualifier (4; 3%). The onomasiological base is presented here in two meanings – facility as a tool of activity and as material values. The model is realized in presentative decoding stimuli: *нефтедоллар – нефтяной доллар* (*Что касается Казахстана, то, по мнению экономиста, отказываться от* ***нефтедоллара*** *не имеет смысла – Во-первых, из-за гегемонии* ***нефтяного доллара****, которая длится уже несколько десятилетий*; http://inosmi.ru/economic/20171121/ 240800693.html; 07.08.2021); *нефтеаппаратура – нефтяная аппаратура*, *нефтевалюта – нефтяная валюта*, etc.

Model 11. Person + qualifier (1; 0.75%). An indication of the field of activity with which the person is associated. The model occurs once in the analysed group: *нефтемагнат – нефтяной магнат* (*Цикл о знаменитых армянах решено начать с Галуста Гюльбенкяна - крупного* ***нефтемагната*** *и мецената, чей день рождения отмечается сегодня - 29 марта – Крупный* ***нефтяной магнат*** *первой половины XX века, он сконвертировал огромные доходы от торговли*

нефтью в произведения искусства; http://newsarmenia.am/news/analytics/meynstrim-galusta-gyulbenkyana; 07.08.2021).

Destinative (23; 17.5%)

Destinative is an argument determining the purpose of an action. Onomasiological models with OP 'destinative' in the abbreviation group "нефте" correspond to relational and interpretive decoding stimuli. It is expressed by means of a noun in the oblique case (as a rule, in the genitive case) using in some occasions the preposition *для*.

Model 12. Event + destinative (1; 0.75%). The OM indicates the ultimate purpose of the event. The model is realised in one syntactic equivalent of the relational type: *нефтегазоразведка – разведка нефти и газа* (*На втором месте с зарплатой 6,9 млн тенге расположился начальник* ***нефтегазоразведки*** *структурно-поискового бурения из Алматинской области*; http://mgorod.kz/nitem/samaya-vysokaya-zarplata-zafiksirovana-v-atyrauskoj-oblasti; 07.08.2021 – *Гренландия прекращает выдачу новых лицензий* ***на разведку нефти и газа***, *говорится в сообщении*, *размещенном на сайте правительства*; http://www.interfax.ru/world/778316; 07.08.2021).

Model 13. Attachment + destinative (12; 9%). Indicates the purpose of the attachment. Relative decoding stimuli corresponding to this onomasiological model occur in two structural variants «noun^1+noun^2» and «noun^1+prep+noun^2»: *нефтебак – бак для нефти / бочка для нефти; нефтеёмкость – ёмкость для нефти*, *нефтенакопитель – накопитель нефти*, etc. Corresponding interpretative DSs appear due to the regularly used lemma *нефтепродукт*: *нефтеловушка – ловушка для нефтепродуктов* (*В целях дальнейшего исключения распространения нефтесодержащей жидкости установлены* ***нефтеловушки*** *и боновые заграждения*; http://pg11.ru/news/80583; 07.08.2021 – *Дренажная* ***ловушка для нефтепродуктов*** *имеет непроницаемую и*

сорбирующую стороны; http://infoplate.ru/content/33-sorbent; 07.08.2021), *бочка для нефтепродуктов*, *цистерна для нефтепродуктов*, etc.

Model 14. Spatial object + destinative (8; 6,1%). Indication of the purpose of the spatial object; appears in relative and interpretative DSs: *нефтехралище – хранилище для нефти* (*Самый большой в мире супертанкер использовался как плавучее* ***нефтехранилище*** *– В данный момент он используется как стационарное* ***хранилище для нефти***, *но не исключается возможность его модернизации и последующего использования в будущем*; http://madmem.ru/raznoe/samaya-bolshaya-mire-texnika-neprilichno-bolshaya-texnika-dlya-samoj-tyazheloj-raboty-foto-selektor-motor.html; 08.08.2021). As in the previous case, in many equivalence nests appear SEs corresponding to the presented onomasiological model, while differing at the structural level (relatives: *склад для нефти*, interpertatives: *склад для нефтепродуктов*).

Model 15. Institution + destinative (2; 1.5%). Indication of the field of activity that takes place in an institution. The model is found in the equivalence nest of the word *нефтезавод*: *нефтезавод – завод по нефтепереработке* (*В Комсомольске-на-Амуре местные жители опять стали жаловаться на резкий запах со стороны* ***нефтезавода***; http://todaykhv.ru/news/society/32711; 08.08.2021 – *Поставщиком горючего на АЗС выступает московской* ***завод по нефтепереработке***; http://globusks.ru/na-kakoi-zapravke-luchshe-benzin-kakie-zapravki-luchshe-reiting; 08.08.2021).

Model 15B. Institution + destinative + transgressive (1; 0.75%). A variation of the onomasiological model is due to the presence in the EN of the word нефтезавод of a modifying interpretative DS *завод по переработке нефти* (*Подпольный* ***нефтезавод*** *держал предприниматель под Новосибирском – Хитроумный новосибирец организовал собственный* ***завод по переработке нефти*** *под Новосибирском и два с половиной года, с июня 2017 по январь 2020 года*, *производил на нём дизельное топливо и мазут*; http://gorsite.ru/news/ekonomika/podpolnyy_neftezavod_derzhal_predprinimatel_pod_novosib irskom/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop ; 09.08.2021).

Allative (13; 9.9%)

The onomasiological feature 'allative' names the object to which the action is directed, or the goal of the movement. The onomasic signifier is implemented in interpretive and relational decoding stimuli. As with the destinative, it is expressed by means of a noun in the genitive case.

Model 16. Event + allative (4; 3%). In the presented model, oil is the object that is exposed during the event. This model is realised in relative syntactic equivalents: *нефтеобработка – обработка нефти* (*Многие парфюмерные композиции, ароматные отдушки, красители, лежащие в основе косметических и парфюмерных средств, также производятся в процессе* ***нефтеобработки*** *– В результате первичной* ***обработки нефти*** *получают различные виды топлива и мазут*; https://azvolga.com/kakie-nefteprodukty-poluchayut-iz-nefti/; 15.06.2022), *нефтеанализ – анализ нефти*, etc. There is also one corresponding interpretive decoding stimulus: *нефтезамещение – замещение нефтепродуктов.*

Model 16B. Event + allative + transgressive (1; 0.75%). This onomasiological model differs from the previous one by an additional element, which occurs as a result of the action of the modifying interpretative decoding stimulus: *нефтеочистка – очистка продуктов нефтепереработки* (*Айал Николаев и Арсен Сивцев продемонстрировали модель комплекса* ***нефтеочистки***; http://www.1sn.ru/199266.html; 08.08.2021 – *Даже качественная* ***очистка продуктов нефтепереработки*** *не избавляет от химического состава нефти*; http://pelletprom.ru/articles/ ekologiya-pelletnogo-topliva; 08.08.2021).

Model 17. Spatial object + allative (1; 0.75%). The onomasiological feature indicates the activity that takes place in the territory of the spatial object. The model is found only in the nested equivalence of the word *нефтерайон*: *район нефтедобычи* (***Нефтерайон*** *порта представляет собой крупный универсальный терминал, пропускной способностью до 25 млн тонн в год и*

оснащен оборудованием для работы практически со всеми видами нефтеналивных грузов; http://portnews.ru/news/279797; 08.08.2021 – *Выступая против рискованных идей Губкина создать новый* ***район нефтедобычи*** *на пространствах Урала и Поволжья, его оппоненты утверждали, что большая волжская нефть — это утопия, приводили резоны в пользу надежного и опробованного бакинского региона*; http://www.business-gazeta.ru/article/323863; 08.08.2021).

Model 18. Process + allative (4; 3%). In OM the onomasiological feature acts in the role of the substance, which is involved in the performance of the process. The model is realized in relative syntactic equivalents (*нефтенакопление – накопление нефти*, *нефтепоглощение – поглощение нефти*, *нефтепотребление – потребление нефти*) and in one interpretative: *нефтепотребление – потребление нефтепродуктов* (*Впрочем, Китай и Индия постепенно наращивают* ***нефтепотребление***, *что, как отмечает Bloomberg, может стать «проблеском надежды» для отрасли*; http://www.forbes.ru/newsroom/biznes/411515-bloomberg-soobshchil-o-rastushchem-davlenii-na-plan-opek-uvelichit-dobychu; 08.08.2021 – *Однако* ***потребление нефтепродуктов*** *в Индии должно увеличиться еще больше по мере предстоящего роста уровня жизни в стране*; http://tass.ru/opinions/11945107; 08.08.2021).

Model 19. Property + allative (1; 0.75%). The onomasiological feature in this OM names the object that represents the characteristic of the property. The model is implemented in the EN of the word *нефтеёмкость* in the meaning 'physical quantity characterizing ability of a sorbent material to absorb oil or oil products': *нефтеёмкость – ёмкость нефти* (*Нефтепоглощающая способность растительных отходов является главным критерием, который следует учитывать при производстве того или иного вида сорбента, поскольку* ***нефтеемкость*** *производимого сорбента напрямую зависит от изначальной нефтеемкости чистого сырья – Из таблицы видно что, чем*

меньше сорбционная ***емкость нефти****, тем меньше становится возвращение его в производственный цикл*; http://articlekz.com/article/12515; 08.08.2021).

Locative (2; 1.5%)

Onomasiological feature "locative" characterizes location of an object or place of an event. It is most often expressed by the constructions "noun in the oblique case" + "preposition". In the analyzed abbreviation group, the onomasiological feature 'locative' is combined with 'destinative', as it simultaneously conveys the semantics of place and destination.

Model 20. Attachment + locative/destinative (2; 1.5%). The onomasiological feature indicates the place and the destination of the attachment. The model is represented by interpretative syntactic equivalents from one equivalence nest: *нефтеврезка – врезка в нефтепровод* (*Незаконная* ***нефтеврезка*** *в Новокуйбышевске функционировала несколько лет*; http://www.niasam.ru/proisshestviya_ i_kri minal/nezakonnaya-neftevrezka-v-novokujbyshevske-funktsionirovala-neskol-ko-let-video-17613.html; 08.08.2021 – ***Врезку в нефтепровод*** *в Миорском районе обнаружили сотрудники службы безопасности предприятия*; http://auto.onliner.by/2021/06/03/muzhchina-sdelal-vrezku-v-nefteprovod; 08.08.2021), *врезка в нефтепроводы*.

Fabricative (3; 2.25%)

Onomasiological feature indicating the material from which the base object is made. Expressed by means of a noun in the oblique case form, it occurs in interpertative and relational type decoding stimuli.

Model 21. Substance + fabricative (2; 1,5%). The OP indicates the constituent components of a substance. It is expressed in interpretative and relative syntactic equivalents: *нефтесмесь – смесь нефти* (*Из-за неритмичности поставок исходных нефтей*, *состав сырьевой* ***смеси нефти***, *поступающей на*

переработку, может меняться в течение суток или периода времени, что влечет за собой изменения физико-химических свойств сырья и влияет на технологический режим работы АВТ – В связи с этим, существует необходимость постоянного контроля за качеством ***нефтесмеси*** *по определенным показателям качества в заданных пределах для обеспечения эффективности использования ее на НПЗ, а также определения товарной стоимости сырья*; http://magazine.neftegaz.ru/articles/tekhnologii/542378-obzor-tekhnologicheskikh-aspektov-pervichnoy-pererabotki-s-uchetom-peremennogo-sostava-neftyanogo-sy; 08.08.2021), *смесь нефтепродуктов*.

Model 22. Property + fabricator (1; 0.75%). In the presented model, oil acts as a characterising property factor. The model appears in the relational EN of one equivalence nest: *нефтенасыщенность – Насыщенность нефтью* (*Исследования показали хорошую пористость и* ***насыщенность нефтью***; http://www.bashinform.ru/news/919447-kak-bashkiriya-stala-respublikoy-nefti-arkhiv-pechati; 09.08.2021 – *Преимуществами таких участков является их высокая продуктивность и* ***нефтенасыщенность***; http://newslab.ru/news/991009; 09.08.2021).

Possession (9; 6.8%).

This onomasiological feature indicates that the object belongs to someone or something. The OF "Possession" is expressed with a noun in the genitive case and is realized in interpretative or relational decoding stimuli.

Model 23. Substance + possessive (4; 3%). The onomasiological model indicates the object that serves as the source of the substance. Relative and interpretative DSs correspond to this model: *нефтеотходы – отходы нефти, отходы нефтепродуктов* (*Утилизация* ***отходов нефтепродуктов*** *должна проводиться в соответствии с нормами законов – Метод основан на переработке* ***отходов нефти*** *в вакуумном оборудовании или оборудовании, способном обеспечить тепловой пиролиз – В процессе очищения емкостей для*

хранения вещества скапливаются ***нефтеотходы*** *вместе с механическими компонентами*; http://utilizatsiya-othodov.ru/utilizatsiya-othodov-proizvodstva/nefteproduktov; 09.08.2021); *нефтешлам – шлам нефти*, *шлам нефтепродуктов*, etc.

Model 23B. Substance + posessive + transgressive (1; 0.75%). This onomasiological model corresponds syntactic equivalents only of modifying interpretative type: *нефтеотходы – отходы переработки нефти* (*По сравнению с другими изоляционными материалами отечественные битумы являются* ***отходами переработки нефти****, а производство их достаточно обеспечено сырьевой базой – Одним из наиболее сложных в плане работ по утилизации шламов вопросов является утилизация твердых* ***нефтеотходов***; https://cccp-online.ru/pererabotka-otxodov-nefti/; 15.08.2022).

Model 23C. Substance + possessive + causative (1; 0.75%). A kind of onomasiological model is singled out due to the different onomasiological status of the attributive component: *нефтепродукт – продукт переработки нефти* (*Газойль представляет собой* ***продукт переработки нефти*** *и остаточных нефтепродуктов – Данный* ***нефтепродукт*** *обладает сравнительно невысокими потребительскими параметрами*, *поэтому его нельзя использовать в чистом виде для заправки легковых автомобилей*; http://postavcom.ru/products/dizelnoe-toplivo/dt-analogi/tyazhelyj-atmosfernyj-gazojl; 09.08.2021).

Model 24. Property + possessive (3; 2.2%). The onomasiological model indicates the property that characterizes *нефть* as an object: *нефтеотходы – отходы нефти*, *отходы нефтепродуктов* (*Однако на сегодня не менее важной проблемой называют работу по утилизации* ***отходов нефтепродуктов*** *– На предприятиях нефтепереработки отработанная вода*, *содержащая* ***нефтеотходы***, *собирается для отстаивания в специальные пруды и нефтеловушки – Применяют восстановление и очистку* ***отходов нефти***, *после чего к ним возвращаются утраченные качества*; http://oilyug.ru/pererabotka/ spravochnik-himika-21.html; 09.08.2021);

нефтенасыщенность – насыщенность нефти; нефтесодержание – содержание нефтепродуктов.

Transgressive (5; 3.8%).

This onomasiological feature indicates the object that is being transformed. The OF is realized in the form of a noun in the genitive case.

Model 25. Event + transgression (5; 3.8%). The onomasiological model indicates situations where the carrying out of an event causes an transformation of *нефть*. The model corresponds to the relational and interpretative DSs: *нефтепереработка – переработка нефти* (*Акционерами компании являются крупнейшие в Белоруссии предприятия, занимающиеся нефтедобычей и* ***нефтепереработкой***. *Основные виды деятельности — реализация нефтепродуктов на экспорт, закупка и* ***переработка нефти***, *а также импорт нефтепродуктов и сырья для переработки*; http://1prime.ru/oil/20210729/834329118.html; 09.08.2021), *переработка нефтепродуктов*, *нефтеочистка – очистка нефти*, etc.

Counteragent (4; 3%).

The OF "counteragent" indicates the object against which the event unfolds. The onomasiological feature is expressed by the constructions "noun in oblique case" + "preposition".

Model 26. Event + counteragent (2; 1.5%). The meaning of event, which is directed against the attributive component, is realised. The onomasiological model corresponds to two syntactic equivalents - relative and interpretative: *нефтеочистка – очитка от нефти* (*Восстановить ихтиофауну удалось после* ***очистки от нефти*** *воды и дна этого ручья, влияющего на экосистему крупнейшей в регионе реки, при помощи технологий биологов Томского госуниверситета (ТГУ), сообщили ТАСС в пресс-службе томского вуза*;

http://tass.ru/obschestvo/11915849; 09.08.2021 – *Даже история про использование магнитной пудры для* ***нефтеочистки*** *показалась правдивой, а по факту оказалась просто красивой сказкой*; http://realnoevremya.ru/articles/212482-istoriya-sozdaniya-i-kraha-ybm-magnex; 09.08.2021), *очистка от нефтепродуктов.*

Model 27. Property + counteragent (2; 1.5%). The onomasiological model indicates the property of the object, which is directed against the onomasiological feature. OM appears in syntactic equivalents corresponding to relational and interpretative DSs: *нефтестойкость – стойкость к нефти* (*Продукт отличается масло- и* ***нефтестойкостью*** *и не содержит галогенов*; http://ru-bezh.ru/news/2014/07/01/aei-compounds-razrabotala-novuyu-zashhitu-dly; 09.08.2021 – *Они отличаются* ***стойкостью к нефти*** *и ультрафиолетовому излучению и практически не требуют технического обслуживания*; http://www.lamor.com/ru/оборудование/пенонаполненные-нефтеограждающие-fob; 09.08.2021), *стойкость к нефтепродуктам*.

Distributive (14; 10.6%).

The onomasiological feature names the object that is subjected to the distribution. Models with the OM correspond to interpretative or relational DSs that include a noun in the genitive case.

Model 28. Event + distribution (14; 10.6%). The onomasiological model realizes the meaning of the event, which is held for the purpose of distribution of *нефть* or *нефтепродукты*. It is expressed in the form of a noun in the instrumentive case: : *нефтепоставки – поставки нефти* (*Это более чем вдвое превышает объем* ***нефтепоставок*** *за аналогичный период октября – Как напоминает Bloomberg, Венесуэла начала отключать систему спутникового слежения на своих судах еще в начале 2019 года, чтобы осуществлять* ***поставки нефти*** *на Кубу*; http://www.kommersant.ru/doc/ 4157933;

09.08.2021), *поставки нефтепродуктов*, *нефтеперекачка – перекачка нефти*, *перекачка нефтепродуктов*, etc.

Kausative (8; 6%).

The OF "causative" indicates an object, which is the cause of the status or state of the referent named in the base. Onomasiological models with this attributive component in the analyzed abbreviation group correspond to relational and interpretive decoding stimuli.

Model 29. Substance + causative (4; 3%). The model indicates the object or process expressed in the OF that gave rise to the object designated by the basis: *нефтепродукт – продукт нефтепереработки* (*Множество медицинских препаратов изготавливаются из углеводородов – производных* ***нефтепродуктов*** *– Например, губные помады содержат церезин, жидкие и твердые парафины, которые также являются* ***продуктами нефтепереработки***; http://naruservice.com/articles/oblasti-primenenie-nefti; 09.08.2021), *продукт нефтехимии*; *нефтеотходы – отходы нефтепереработки*, etc.

Model 29B. Substance + causative + transgressive (3; 2.2%). This variant of the onomasiological model corresponds to the modifying interpretative DC *переработки нефти*: *нефтепродукт – продукт переработки нефти* (*Этот вид* ***нефтепродуктов*** *неизбежно образуется при переработке нефти – Очевидно, что его, как побочный* ***продукт переработки нефти***, *проще и выгодней использовать привычным способом*; http://tass.ru/opinions/11945107; 09.08.2021).

Model 30. Event + transgressive + causative (1; 0.75%). The onomasiological model realizes the meaning of the event, which leads to the change of the object. The model is implemented in modification DS: *нефтеочистка – очистка продуктов нефтепереработки* (*После реализации проекта комплекс будет ежегодно выпускать 6,9 млн тонн бензина*,

дизельного топлива и других продуктов ***нефтеочистки***; http://oilcapital.ru/news/markets/02-03-2007/kitay-zanyalsya-neftepererabotkoy; 09.08.2021 – *Даже качественная* ***очистка продуктов нефтепереработки*** *не избавляет от химического состава нефти*; http://pelletprom.ru/articles/ekologiya-pelletnogo-topliva; 09.08.2021).

The study intends to compare the resulting onomasiological models and models of decoding stimuli in order to determine the patterns of onomasiological feature occurrence depending on the structure of the DS.

3.3. Formal varieties of decoding stimuli of the HG "нефте"

The notations given in Section II are used to describe the DS models of the group.

Model y-x(adj)

This model is the most regular in the abrogroup "нефте": it corresponds to 50% of all ENs of the group. The construct is interpreted as an abbreviation in the process of deployment because the equivalent stem contains the suffix *-ян-* (*нефтяной*, *-ая*, *-ое*) not reflected in the structure of the construct. The syntactic equivalent is a two-component word combination. This DS is characterized by a variety of onomasiological models in the system of the ENs of group, differing only by the status of the basic component: "fixture + qualifier" (*нефтяная бочка*, *нефтяная цистерна*, *нефтяная вышка*, *нефтяная ловушка*, etc.), "event + qualifier" (*нефтяной импорт*, *нефтяная переработка*, *нефтяной экспорт*), "spatial object + qualifier" (*нефтяной порт*, *нефтяное хранилище*), etc. The DS forms a generalised, qualificative interpretation of the meaning of the syntactic equivalent.

Researchers (E. Zemskaja, Y. Apresjan) note the high variability of the meaning of adjectives depending on the context, so "it is not appropriate to ascribe any meaning to them other than the most general relation to what is indicated by the

base" [Apresjan 1974, p. 212]. Thus, the DS y-x(adj) is "universal" for the deployment of any complex word. In addition, the model "adjective + noun" is a common model of collocations in Russian.

The univerbalisation occurs according to the formal models "Adj1sing+Noun1sing > PstemAdj1sing+int+ Noun1sing" or "Adj1pl+Noun1pl > PstemAdj1pl+int+ Noun1pl" (*нефтяная магистраль > нефтемагистраль / нефтяные отходы > нефтеотходы*) and realizes the component type of the formal correspondence of the treatment of a complex word (in its direct variation).

Model y-x^{n}

In this model, the construct *нефте-* is expanded into a simple noun. The volume of the construct formally coincides with the volume of the base of the equivalent word, providing a composite interpretation of the analyzed construct. This model corresponds to 30% of the collocations of the equivalence nests of HG "нефте". The model has 2 formal varieties: depending on the case form of the equivalent noun we distinguish y-x^{2} (Gen.: *нефтесклад – склад нефти*) and y-x^{5} (Instr.: *нефтеторговля – торговля нефтью*). SEs with this relative DS realise onomasiological models "event + allative" (*анализ нефти, добыча нефти*), "event + distributive" (*перекачка нефти, поставки нефти; торговля нефтью, снабжение нефтью*), " attachment + destinative" (*отстойник нефти, улавливатель нефти*) and many others. It is a relational CDS, indicating the actant-numerical characteristics of the referent designated by the construct.

Univerbalisation occurs according to the models "Noun1sing+ Noun2sing > StemNoun2sing+int+ Noun1sing" (*разлив нефти > нефтеразлив*); "Noun1sing+ Noun2pl > StemNoun2pl+int+ Noun1sing" (*смесь нефтей > нефтесмесь*); " Noun1pl+ Noun2sing > StemNoun2sing+int+ Noun1pl"(*отходы нефти > нефтеотходы*); "Noun1sing+ Noun5sing > StemNoun5sing+int+ Noun1sing" (*торговля нефтью > нефтеторговля*). The structural relationship of the linguistic entities corresponds to the component-metathesis type.

Model y-x-a(noun)

This model combines several syntactic varieties, among which y-(*x-продуктов*) takes the main place. Its emergence in the group and its widespread use in various equivariant nests of the analysed group is explained by the connection between the referents expressed by the construct and the decoding stimulus.

In the presented model, the construct does not unfold into an independent noun, but passes into an equivalent complex word. As mentioned above, the model has several varieties (depending on the basis of the equivalent complex word): *y*-(*x-продуктов*) / *y*-(*x-переработки*) / *y*-(*x-добычи*) (*нефтеэкспорт – экспорт нефтепродуктов* / *нефтеотходы – отходы нефтепереработки* / *нефтерайон – район нефтедобычи*). SEs constructed according to this DS model implement the following onomasiological models: "substance + posessive" (*отходы нефтепродуктов*, *шлам нефтепродуктов*), "event + distributive" (*перекачка нефтепродуктов*, *поставки нефтепродуктов*), "spatial object + allative" (*склад нефтепродуктов*, *район нефтедобычи*).

The metathesis-component-type universalization model is represented by the following formal varieties: "Noun1sing+ Noun2sing(cp) > Stem[1]Noun2sing(cp)+int+ Noun1sing" / "Noun1sing+ Noun2pl(cp) > Stem[1]Noun2pl(cp)+int+ Noun1sing" / "Noun1pl+ Noun2sing(cp) > Stem[1]Noun2sing(cp)+int+ Noun1pl" / "Noun1pl+ Noun2pl(cp) > Stem[1]Noun2pl(cp)+int+ Noun1pl" (*потребление нефтепродуктов > нефтепотребление* / *экспорт нефтепродуктов > нефтеэкспорт* / *отходы нефтепереработки > нефтеотходы* / *отходы нефтепродуктов > нефтеотходы*). Among the studied ENs, we found 1 SE with the formal variant y-x-a(noun[5]) ("Noun1sing+ Noun5pl(cp) > Stem[1]Noun5pl(cp)+int+ Noun1sing": *снабжение нефтепродуктами > нефтеснабжение*). An equivalent noun with an additive has a qualifying character and corresponds to the interpertative type of DS.

Model y-(prep)x

The model combines three-component ENs in which the attributive component (a simple noun) is linked to the base by a preposition (*для*, *от*, *к*): *бак для нефти*, *очистка от нефти*, *стойкость к нефти*. The construct нефте- formally coincides with the base of an equivalent noun. The model has variants, determined by prepositions: y-(для)-x^2 (*цистерна для нефти*); y-(от)-x^2 (*очистка от нефти*); y-(к)-x^3 (*стойкость к нефти*); y-(в)-x^4 (*врезка в нефтепровод*). The system of onomasiological models is represented by the following varieties: "attachment+ destinative" (*емкость для нефти*), "spatial object + destinative" (*терминал для нефти*), "event + counteragent" (*очистка от нефти*), etc.

Univerbalization is carried out according to the metathesis-component model: "Noun1sing+Prep+Noun2sing > StemNoun2sing+int+ Noun1sing[-Prep]" / "Noun1sing+Prep+ Noun3sing > StemNoun3sing+int+ Noun1sing[-Prep]" (*склад для нефти > нефтесклад* / *стойкость к нефти > нефтестойкость*). The model is a type of relational decoding stimulus.

Model y-(prep)x-a(noun)

The model is a variant of the DS y-(prep)x and also assumes a three-component word combination as an equivalent; the attributive component in this case is a complex noun. The model also has formal varieties with different prepositions (y-(для)-x-a(noun^2) / y-(от)-x-a(noun^2) / y-(по)-x-a(noun^3): *емкость для нефтепродуктов / очистка от нефтепродуктов / завод по нефтепереработке*) and syntactic varieties (depending on the basis of the equivalent compound word): y-(prep)(x-*продуктов*), y-(prep)(x-*переработке*). DS duplicates the system of onomasiological models of the previous DS: "attachment + destinative" (*бак для нефтепродуктов*), "spatial object + destinative" (*хранилище для нефтепродуктов*), "property + counteragent" (*стойкость к нефтепродуктам*), etc.

Univerbalization is carried out according to composite- metathesis models: "Noun1sing+Prep+Noun2pl(ср) > Stem^{1}Noun2pl(ср)+int+ Noun1sing[-Prep]" /

"Noun1sing+Prep+Noun3sing(cp) > Stem[1]Noun3sing(cp) +int+ Noun1sing[-Prep]" / "Noun1sing+Prep+Noun3pl(cp) > Stem[1]Noun3pl(cp) +int+ Noun1sing[-Prep]" (*бак для нефтепродуктов – нефтебак* / *завод по нефтепереработке – нефтезавод / стойкость к нефтепродуктам – нефтестойкость*).

Model y-x-a(adj)

This decoding stimulus is a decoding of the construct into a complex adjective or participle. The syntactic equivalent in this case is two-component. DS is of the abbreviation type, since the construct, when deployed, turns out not to be identical to the base of the equivalent word. Onomasiological models of DS include: "substance + qualifier" (*нефтесодержащий шлам*, *нефтегазовый конденсат*), "spatial object + qualifier" (н*ефтедобывающая станция*, *нефтеналивная станция*), "attachment + qualifier" (*нефтегазовый сепаратор*, *нефтедобывающая скважина*).

There are two formal varieties of the equivalence model: "Part1sing(cp)+ Noun1sing > Stem[1]Part1sing(cp)+int+ Noun1sing" / "Adj1sing(cp)+ Noun1sing > Stem[1]Adj1sing(cp)+int+ Noun1sing" (*нефтеперерабатывающий завод* > *нефтезавод* / н*ефтегазовая разведка – нефтеразведка*). The model implements a component-metathesis type of formal correspondence of the treatment of a complex word.

Model y-z(noun)-x

The presented DS is qualitatively different from all the previous ones, because the SE constructed according to this model includes three full-valued components. This interpretative DS extends the structure of the complex word and 'specializes' its meaning; as a result of the DS action, a second onomasiological feature appears in the SE structure, which grammatically re-subordinates the primary feature expressed by the construct *нефте-*. For example, the complex word *нефтеотходы* in some cases unfolds into the word combination *отходы переработки нефти*: the construct in this case is decoded into the word combination *переработка нефти*,

in which its equivalent takes the position of the dependent word. The connection with the basis in this case occurs through the component "*переработки*" actualized during decoding. Thus, in this model the construct takes the position of the second-rank feature component [Brovets 2017b]. The model includes words belonging to the onomasiological class "substance": "substance + transgression" (*очистка продуктов нефтепереработки*).

Univerbalization occurs according to composite-metathesis models: "Noun1pl+ Noun2sing+ Noun2sing > StemNoun2sing+int+ Noun1pl [-Noun2sing]" (*отходы переработки нефти > нефтеотходы*); "Noun1sing+Noun2pl+Noun2sing > Stem[1]Noun2sing(ср) +int+ Noun1sing[-Noun2pl]" (*очистка продуктов нефтепереработки*).

Model y-(prep)-z(noun)-x

The model functions on the principles of the previously considered DS and is its modification with the appearance of a preposition. Thus, the DS is a four-component syntactic equivalent. The model contains words belonging to the onomasiological class "spatial object": "spatial object + transgressive" (*завод по переработке нефти*).

Univerbalization is carried out according to the metathesis-component model "Noun1sing+Prep+ Noun2sing+ Noun2sing > StemNoun2sing +int+ Noun1sing[-Prep-Noun2sing] " (*завод по переработке нефти – нефтезавод*).

Model y-z(noun)-x-z(noun)

The model is a more complex modification of the previously considered DS. In this case, the attribute component is decoded into a word combination. In this case, the construct is not expanded, but becomes part of a complex word that is part of the formed word combination. In this DS model, the construct also assumes the position of a second-rank attribute component. The model implements the onomasiological class 'event' with the signifier "allative", "presentative".

The model of metathesis-component type of correspondence operates in case of univerbalization: "Noun1sing+ Noun2pl+ Noun2sing > Stem[1]Noun2sing(cp) +int+ Noun1sing[Noun2pl] (*экспорт продуктов нефтепереработки > нефтеэкспорт*; *очистка продуктов нефтепереработки > нефтеочистка*).

Model y-z(noun)-z(noun)-x

The model is at the next step in the complexity of the presentational base. In this case, the construct also unfolds into a word combination, but takes the position of a third-ranking attribute component. A four-component syntactic equivalent is formed as a consequence of this DS. The model is implemented in the onomasiological class 'event'.

The univerbalization occurs according to the schemes "Noun1sing+ Noun2pl+ Noun2sing + Noun2sing > StemNoun2sing+int+ Noun1sing[-Noun2pl- Noun2sing]" / "Noun1pl+ Noun2pl+ Noun2sing + Noun2sing > StemNoun2sing+int+ Noun1pl[-Noun2pl- Noun2sing]" (*экспорт продуктов переработки нефти > нефтеэкспорт*; *поставки продуктов переработки нефти > нефтепоставки*).

In summary, we found 10 basic models of decoding stimuli in which the construct of a complex word unfolds into equivalents of different structures (including 1-4 components), and the construct itself realises 6 kinds of formal variation (simple noun, simple adjective, compound noun, compound adjective, second and third rank word combinations).

3.4. Decoding matrixes of HG "нефте"

We identified one-, two-, three-, four-, and five-component equivalence nests among the models of GE belonging to the hybrid group "нефте".

One-component DMs

1. **Model "y-x(adj)"**: one of the simplest DM models of the group "нефте". Such nests contain only abbreviated DS, according to which the construct is expanded into a simple adjective. By the number of ENs the model significantly leaves out other DMs: about 30% of equivalence nests correspond to it (*нефтеиндустрия – нефтяная индустрия*, *нефтемагнат – нефтяной магнат*, etc.).

2. **Model "y-x"**: the construct is deployed as a simple noun in one word-combination, hence, only CDS is implemented in ENs(*нефтеизвлечение – извлечение нефти; нефтепоглощение – поглощение нефти*). This model corresponds to 8% of the equivalence nests of the group "нефте".

Two-component DMs

3 **Model "y-x + y-x(adj)"**: one of the most common models in the group. Equivalence nests constructed according to this DM represent the duality of the hybrid construct: it is expanded both as an adjective and as a noun, matching or not matching the base of the equivalent word. Six equivalence nests follow this model (*нефтеотходы – нефтяные отход / отходы нефти; нефтеимпорт – нефтяной импорт / импорт нефти*). Such decoding matrices show the hybrid nature of the construct, since abbreviation and composite DSs are involved for decoding.

4. **Model "y-x+ y-x-a(noun)**": as the previous model, this DM implements the DSs of abbreviation and composite types. In this case the construct is expanded into a noun or a complex adjective: *нефтесодержание – содержание нефти / содержание нефтепродуктов*; *нефтеснабжение – снабжение нефтью / снабжение нефтепродуктами*.

5. **Model "y-x(adj) + y-(prep)x"**: a model in which the construct implements different types of DSs. The complex word has two-component and three-component collocations-equivalent: *нефтезависимость – нефтяная зависимость /*

зависимость от нефти; *нефтеловушка – нефтяная ловушка / ловушка для нефти*.

6. **Model "y-x(adj) + y-x-a(noun)"**: the presented model, despite the presence of several SEs in the composition, realizes the DC only of the abbreviation type. In ENs, the construct is decomposed into an adjective and into a compound noun: *нефтерайон – нефтяной район* / *район нефтедобычи*.

7. **Model "y-x + y-x"**: in the equivalence nests corresponding to this model, different actant characteristics of the referent designated by the construct are actualised. In all cases, the construct formally coincides with the base of the equivalent component of the collocation: *нефтенасыщенность – насыщенность нефти* / *насыщенность нефтью*.

Three-component DMs

8. **Model "y-x + y-x(adj) + y-x-a(noun)"**. Regular DM, which implements the basic types of decoding of the construct "нефте": a simple noun, a simple adjective and a complex noun: (*нефтепереработка – переработка нефти* / *нефтяная переработка* / *переработка нефтепродуктов*; *нефтеразлив – разлив нефти* / *нефтяной разлив* / *разлив нефтепродуктов*). This model involves both abbreviated and composite DCs.

9. **Model "y-x(adj) + y-(prep)x + y-(prep)x-a(noun)"**: a regular model reflecting DSs of different types. Two- and three-component ENs appear in equivalence nests built on this model (*нефтебак – нефтяной бак* / *бак для нефти* / *бак для нефтепродуктов*; *нефтецистерна – нефтяная цистерна* / *цистерна для нефти* / *цистерна для нефтепродуктов*).

10. **Model "y-x + y-x(adj) + y-(prep)x"**: the model suggests the appearance of simple two-component and three-component word combinations in the equivalence nest (*нефтеотстойник – нефтяной отстойник* / *отстойник нефти* / *отстойник для нефти*).

11. **Model "y-x(adj) + y-x-a(adj) + y-x-a(adj)"**: this model reflects only abbreviation-type DSs, because the construct in such equivalence nests is deployed

in a simple or complex adjective (participle). SEs have a two-component structure: *нефтестанция – нефтяная станция* / *нефтеналивная станция* / *нефтедобывающая станция*.

12. **Model "y-x(adj) + y-x-a(noun) + y-z(noun)-x"**: the scheme reproduces the EN of the word нефтепродукт, which, together with some syntactic equivalents, is used as a decoding stimulus for the other complex words of the group. In the equivalence nest, equivalences consisting of two or three words are found: *нефтепродукт – нефтяной продукт* / *продукт нефтепереработки* / *продукт переработки нефти*.

Four-component DMs

In this group we find four four-component equivalence nests, each of which has a particular model.

13. **Model "y-x + y-x(adj) + y-(prep)-x + y-(prep)-x-a(noun)"**: the model is relevant for EN of the word нефтеёмкость. SEs contain 2-3 components; the equivalence nest objectifies DSs of different abbreviation and composite types (*нефтеёмкость – ёмкость нефти* / *нефтяная ёмкость* / *ёмкость для нефти* / *ёмкость для нефтепродуктов*).

14. **Model "y-x(adj) + y-x-a(adj) + y-(prep)-x-a(noun) + y-(prep)-z(noun)-x"**: the model reflects the relationships of the equivalence nest of the word нефтезавод. SEs contain 2-3 components; the equivalence nests also objectify abbreviation and composite-type DSs (*нефтезавод – нефтяной завод* / *нефтеперерабатывающий завод* / *завод по нефтепереработке* / *завод по переработке нефти*).

15. **Model "y-x + y-(prep)-x + y-(prep)- x-a(noun) + y-z(noun)- z(noun)-x"**: the model characterizes the EN of the word нефтеочистка. SEs are word combinations of 2-3 components; the equivalence nest reflects DSs of different types (*нефтеочистка – очистка нефти* / *очистка от нефти* / *очистка от нефтепродуктов* /*очистка продуктов переработки нефти*).

16. Model "y-x + y-x(adj) + y-x-a(noun) + y-x-a(adj)": the model characterises the EN of the word нефтешлам. SEs are word combinations of 2-3 components; the equivalence nest reflects DSs of different types (*нефтешлам – шлам нефти* / *нефтяной шлам* / *шлам нефтепродуктов* / *нефтесодержащий шлам*).

Five-component DMs

17. **Model "y-x + y-x(adj) + y-x-a(noun) + y- x-a(noun) + y-z(noun)-x"**: this and the following models represent the schemes of the largest equivalence nests of the group. The DSs of the considered DM are collocations of 2-3 components; the equivalence nests contain SEs corresponding to DSs of different types. This model characterizes EN of the word *нефтеотходы*: *отходы нефти / нефтяные отходы / отходы нефтепродуктов / отходы нефтепереработки / отходы переработки нефти*.

18. **The model "y-x + y-x(adj) + y-x-a(noun) + y-(prep)x + y-(prep)(x-a(noun)"**: The DSs of this DM are word combinations of 2-3 components, which also correspond to different structural types. The model is represented in ENs by two complex words: *нефтесклад – склад нефти / нефтяной склад / склад нефтепродуктов / склад для нефти / склад для нефтепродуктов; нефтехранилище – хранилище нефти /– нефтяное хранилище / хранилище нефтепродуктов / хранилище для нефти / хранилище для нефтепродуктов*.

19. **Model "y-x + y-x(adj) + y-x-a(noun) + y-z(noun)-x-a(noun) + y-z(noun)-z(noun)-x"**: this model is the most complex of all those found in the analyzed group. The equivalence nests corresponding to this DM contain syntactic equivalences that are second- and third-rank 2-4-component word combinations. The model is typical for two compound words: *нефтепоставки – поставки нефти* / *нефтяные поставки* / *поставки нефтепродуктов* / *поставки продуктов нефтепереработки* / *поставки продуктов переработки нефти; нефтеэкспорт – экспорт нефти* / *нефтяной экспорт* / *экспорт*

нефтепродуктов / экспорт продуктов нефтепереработки / экспорт продуктов переработки нефти.

We have considered 19 DM models of the hybrid group "нефте" of different complexity. One-, two-, three-, four- and five-component models of decoding matrixes were distinguished, the formal status of the construct in specific DMs was determined, and the types of DMs inherent in each of the considered models were outlined. The analysis showed, on the one hand, the wide variability of the group equivalence nest structures and, on the other hand, the variety of forms in which the hybrid construct *нефте-* can be implemented in the process of decoding a complex word.

3.5. The core and periphery of the hybrid group "нефте"

There are 29 equivalence nests belonging to the nucleus of the group, of which 15 are balanced (*нефтеперекачка / перекачка нефти – перекачка нефтепродуктов; нефтеотходы / нефтяные отход – отходы нефти; нефтеимпорт / нефтяной импорт – импорт нефти,* etc.). The core group includes two-component (*нефтеторговля / торговля нефтью – торговля нефтепродуктами*), three-component (*нефтетерминал / нефтяной терминал – терминал для нефти – терминал для нефтепродуктов*), four-component (*нефтешлам / нефтяной шлам – шлам нефти – нефтесодержащий шлам – шлам нефтепродуктов*) and five-component (*нефтехранилище / хранилище нефти – нефтяное хранилище – хранилище нефтепродуктов – хранилище для нефти – хранилище для нефтепродуктов*) equivalence nests.

The periphery of the abbreviation type includes 25 ENs. This represents 40% of the total number of ENs and is several times greater than the number of ENs belonging to the composite type periphery (*нефтехимия – нефтяная химия*, *нефтеплатформа – нефтяная платформа*). Here we note single-component (*нефтешахта – нефтяная шахта*), two-component (*нефтерайон – нефтяной район – район нефтедобычи*) and three-component (*нефтестанция – нефтяная*

станция / нефтедобывающая станция / нефтеналивная станция) equivalence nests.

In the periphery of the composite type there are 8 ENs (13 %): *нефтеторговля – торговля нефтью*. We refer to the periphery as one-component (*нефтепоглощение – поглощение нефти*) and two-component (*нефтенасыщенность – насыщенность нефти / насыщенность нефтью*) equivalence nests.

This correlation between the core and the periphery varieties indicates the development of the abbreviated interpretation of the constructs in the group. This is indicated by several facts. Firstly, the analysis of syntactic equivalent models revealed a large number of DSs in which the construct is interpreted as an abbreviation and a small number of composite-type DSs. Secondly, most of the DSs formed by the abbreviation type have a balance of reference indices <1, indicating that this DS is regularly used to replace the segmented equivalent.

3.6. Parallel and sequential hybridization formation

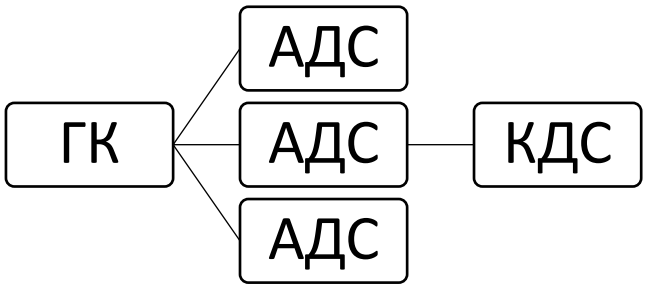
In the equivalence nests of the hybrid group "нефте", decoding chains were found, in which composite and abbreviation-type DSs are sequentially used. Such chains are found in ENs of words *нефтезавод, нефтеотходы, нефтепоставки, нефтепродукт, нефтеэкспорт*. The structure of decoding matrixes of the presented ENs has been described earlier.

In studying these nests, it was found that some syntactic equivalents are in some cases a reduction of another syntactic equivalent that is more complex in composition. It follows that the complex word in such decoding chains is the result of a secondary reduction of the word combination.

The presented ENs consist of 3-5 components, which are combined in several chains. We were able to identify 4 schemes showing the distribution of syntactic equivalents of a single EN.

Table 7

Scheme of EN of the complex word *нефтезавод*



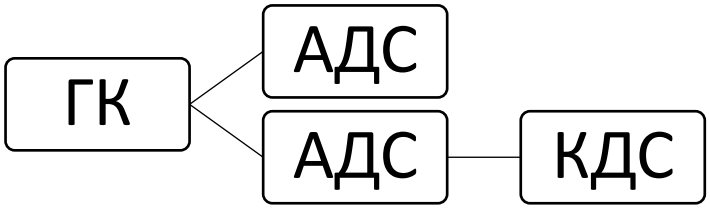
Нефтезавод: 1) *нефтяной завод*; 2) *завод по нефтепереработке* < *завод по переработке нефти*; 3) *нефтеперерабатывающий завод*.

The equivalence nest of the word нефтезавод is realized by a fan with three decoding chains. The simplest DChs (1 and 3) are formed according to the abbreviation type (the construct is expressed in the structure of an adjective or participle) and are not markers of construct hybridity. The multi-component DCh 2 demonstrates a change in the actual status of the construct as the syntactic equivalents are condensed into a complex word. The collocation *переработка нефти*, which is a component of EN *завод по переработке нефти*, is transformed into a complex word *нефтепереработка*. In the process, the composite status of the construct "нефте" is activated. The formed *SE завод по нефтепереработке*, in its turn, is reduced to CA *нефтезавод* on the principles of abbreviation.

Thus, the hybridity of the construct нефте- in the word нефтезавод is confirmed not only by textual equivalence, but also by the structural relation of linguistic units within one decoding chain.

Table 8

Scheme of the EN of a complex word *нефтепродукт*

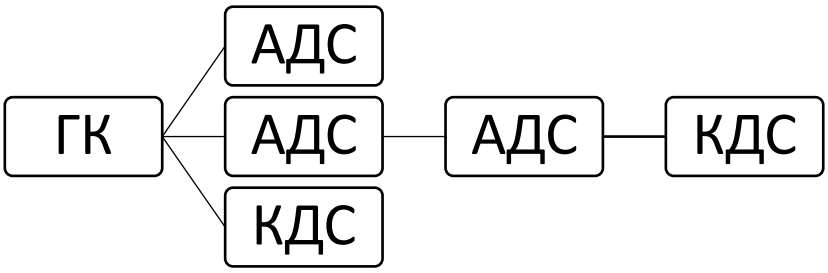


Нефтепродукт: 1) *нефтяной продукт*; 2) *продукт нефтепереработки < продукт переработки нефти*.

The word equivalence nest consists of two decoding chains. DCh 1 reproduces an abbreviation-type decoding stimulus (the construct is expanded into an adjective). DCh 2 is formed in a sequential way, which corresponds to decoding chain 2 in the scheme of EN of the word *нефтезавод*.

Table 9

Scheme of ENs of the complex words *нефтепоставки*, *нефтеэкспорт*



Нефтепоставки: 1) *нефтяные поставки*; 2) *поставки нефтепродуктов < поставки продуктов нефтепереработки < поставки продуктов переработки нефти*; 3) *поставки нефти*.

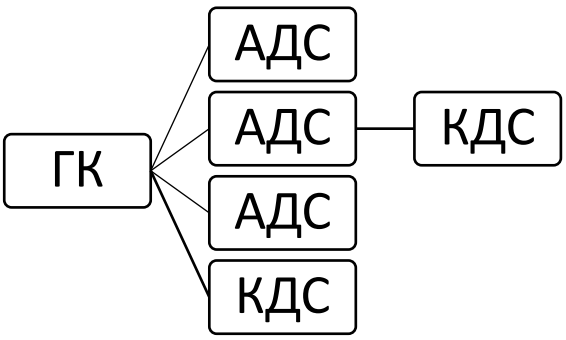
Нефтеэкспорт: 1) *нефтяной экспорт*; *экспорт нефтепродуктов < экспорт продуктов нефтепереработки < экспорт продуктов переработки нефти*; 3) *экспорт нефти*.

The five-component ENs of the words *нефтепоставки* and *нефтеэкспорт* include 3 DChs. Simple decoding chains 1 and 3 use DSs of abbreviation and composite type; in this case a parallel way of formation of construct hybridity is implemented.

DCh 2 reflects a sequential way of hybridization formation.

Table 10

Scheme of the EN of the complex word *нефтеотходы*



Нефтеотходы: 1) *нефтяные отходы*; 2) *отходы нефтепереработки* < *отходы переработки нефти*; 4) *отходы нефти*.

Syntactic equivalents of the EN are combined into 4 decoding chains, in one of which the construct changes its formal status in the process of unfolding (according to the principle of similar DCh discussed earlier). The remaining decoding chains are in relations of parallel use of different types of DCs.

Of the remaining equivalence nests, 25 ENs have syntactic equivalences corresponding to different types of DCs. Such, for instance, are ENs of the words слов *нефтесмесь* (*нефтяная смесь – смесь нефтей – смесь нефтепродуктов*), *нефтеторговля* (*торговля нефтью – торговля нефтепродуктами*), *нефтеловушка* (*нефтяная ловушка – ловушка для нефти*). The equivalence nests that belong to the periphery of the hybrid group do not contain the sign of duality of the construct at this stage of existence of the hybrid group «нефте».

3.7. The semantic aspect of describing an abbreviation group

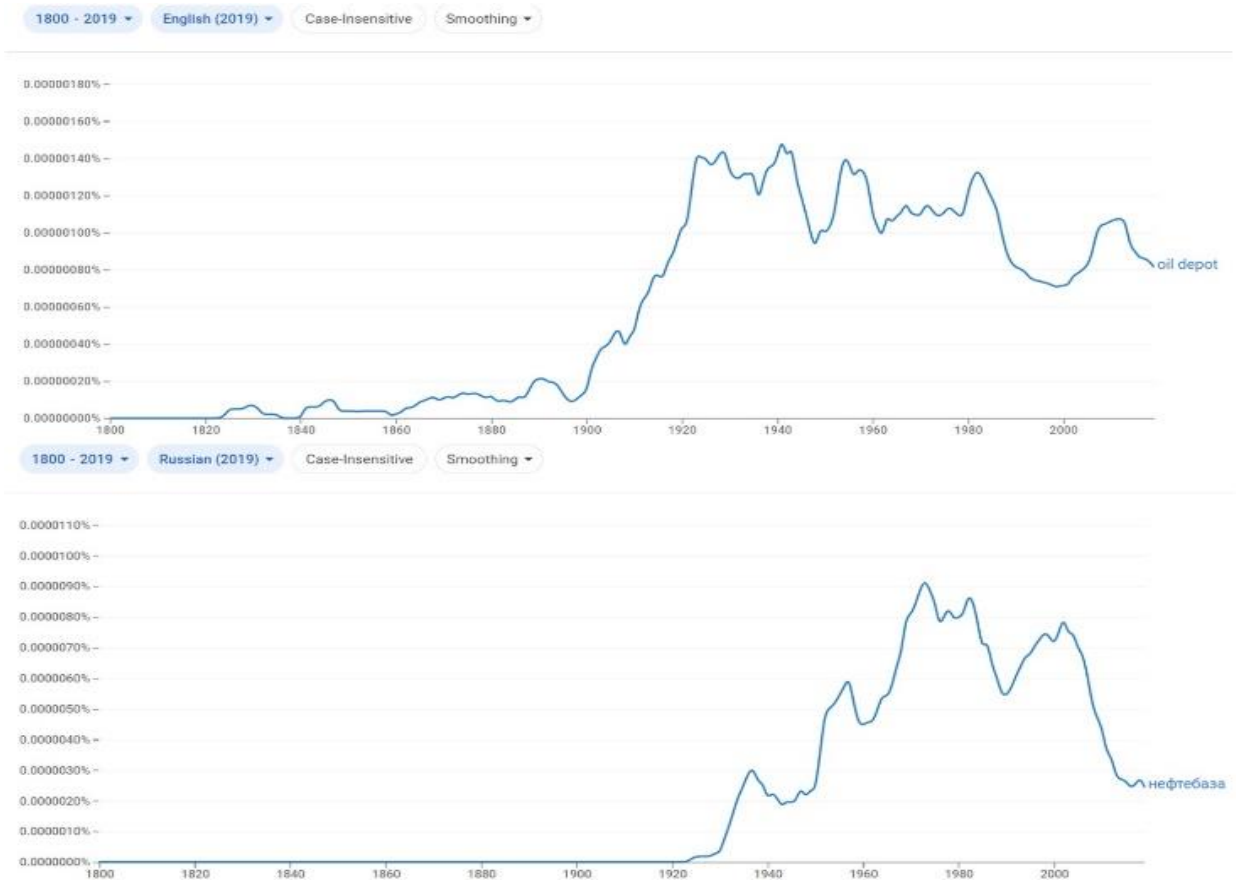
The semantics of abbreviations has been studied by G.Mosolova [Mosolova 2019], M.Tibilova [Tibilova 2015], M.Yarmashevich [Yarmashevich 2013], S. Shumarin [Shumarin 2011] and others.

As a result of the analysis of semantic features of the linguistic entities included in the abbreviation group, it is possible to establish the influence of the semantics of abbreviations on the structure of equivalence nests.

In paragraph 3.1. of this study assumes a pseudo-univerbal origin of the construct *нефте-*, because complex words from pseudo-univerbalization ENs are recorded in Google Ngram service earlier than real abbreviations. The first words with the analysed construct could be traces of foreign languages. For example, according to Google Ngram, *нефтебаза* has been mentioned in Russian-language texts since the 1920s; its English equivalent *oil depot* was first mentioned in 1820s, and then started to be actively used after 1900:

Figure 3

Fixation of the names *нефтебаза* and *oil depot* in Google Ngram



The "primacy" of English equivalents is also recorded in other cases: the English *oil trap* and *oil production* appear in texts from the 1890s, and their corresponding Russian quasi-abbreviations *нефтеловушка* and *нефтедобыча* begin to be used in texts after 1920. The word нефтедоллар appears in Russian-language texts from the 1980s, while the English equivalent oil dollar has been actively used since the 1920s. The English word oil pier has been used since the

1900s, while the Russian equivalent нефтепирс appears only in the 1960s, and so on. This frequency relationship between equivalents may be indirectly an argument in favour of the hypothesis put forward.

In a number of cases, the construct of the described group is included in the structure of the comlex construct *нефтегазо-*, with which the complex abbreviated words *нефтегазоконденсат*, *нефтегазонасыщенность*, *нефтегазоразведка*, etc. are formed.

Previous studies have considered the idea of similarities between the constructs *нефте-* and *газо-* based on the relationship between the named referents. This relationship is evidenced not only by the existence of the composite construct *нефтегазо-*. Terms of oil and gas industry often become the object of description in special dictionaries and encyclopaedias, devoted to a particular field of human activity: we found *Dictionary Of Oil and Gas Terms And Abbreviations* [Electronic resource: oilgasinform.ru/science/glossary], *Dictionary of Oil and Gas Geology* [Dictionary of Oil and Gas Geology, 1988], *English-Russian and Russian-English Dictionary of Oil and Gas* [Bulatov 2006], etc.

In addition, the constructs нефте- and газо- are associated with lexemes that have common semantics: both constructs denote 'mineral', 'combustible substance used as fuel'. On the basis of semantic commonality a comparative analysis of the abbreviation groups "нефте" and "газо" was carried out. We compared ENs of words found in these groups with the same basic components *(газоанализ* and *нефтеанализ; газодобыча* and *нефтедобыча; газопереработка* and *нефтепереработка*, etc.). It turned out that the close semantics of constructs and bases does not cause their identical structural interpretation. Thus, each abbreviation group is characterised by individual parameters of functioning in the language.

The analyzed group contains polysemantic words; the polysemanticity of some of them develops on the ground of the polysemanticity of the basis component [Rjazanova 2022]. For example, the basis *ёмкость* has the following meanings: 1. 'the capacity to contain a certain amount of something'; 2. 'a receptacle for storing something'. *The Dictionary* has also recorded several meanings for the derivative

нефтеёмкость: 'a large vessel for the storage of crude or refined oil'; 2. 'a physical quantity characterising the capacity of a sorption material to absorb oil or oil products'. There are several equivalences in the equivalence nest: *нефтяная ёмкость*, which correlates with both meanings; *ёмкость для нефти* can only correlate with the second meaning; and *ёмкость нефти*, which actualizes the first meaning.

In most cases, polysemanticity is formed directly in a complex word as a result of idiomaticisation. For example, the word *нефтебочка* is used in two meanings: 1. 'a large vessel for storing crude or refined oil' (the same as *нефтеёмкость* in the first sense); 2. 'a measure of the volume of oil products used for measurement in economic calculations in some countries' (the same as *barrel*). Obviously, the second meaning has nothing to do with the semantics of its individual structural components.

The multiple meanings of the complex words of the analysed group lead to the appearance of parallel syntactic equivalents actualising one of the meanings of abbreviation. The syntactic equivalent *бочка для нефти* corresponds only with the meaning 'a large vessel for storing crude or refined oil', because the onomasiological model of this equivalent ("attachment + destinative") does not contradict this meaning.

The polysemantic abbreviation *нефтестанция* has a syntactic equivalent *нефтедобывающая станция*, which corresponds to only one meaning of the word ('an engineering complex designed to drill wells and extract hydrocarbons under the sea, ocean or other water space'); the equivalent *нефтеналивная станция* corresponds only with the meaning 'oil distribution point from a pipeline to oil tankers'.

The group under consideration includes mostly common words, but special terms are also found. In The Dictionary, such words are marked with labels: *спец*. (*нефтекартель*, *нефтеврезка*), *техн*. (*нефтеразлив*), *пром*. (*нефтегавань*), *экон*. (*нефтезависимость*), *экз*. (*нефтебочка*). The plural form of the construct

(*нефтей*, *нефти*, *для нефтей*) arises in special terms, as the word in this form is used to denote varieties of oil or its fractions.

Conclusions to Section III

The abbreviation group can be considered in two modus operandi:

● In the structural, which involves quantitative description of the group and the creation of formal models of the components of different levels (SE, EN);

● In the onomasiological, which focuses on the analysis of the semantics embodied in the language entities and on the fixation of the lexical features of the components.

Onomasiological description is carried out by comparing onomasiological models (OM) of possible syntactic equivalents. OM has a two-part structure and includes onomasiological basis (reflects the onomasiological status of the main component of the collocation) and onomasiological feature (relates to the attribute component of the collocation and to the construct). The names of lexico-semantic groups are used to convey the status of onomasiological basis; OFs are conveyed by means of deep cases.

The formal description of the group is carried out in two steps: first, decoding stimulus patterns and ways of representing the syntactic equivalent structure in the abbreviation are analysed; second, the decoding matrixes of the equivalence nests are compared. In order to describe the DCs, notation conventions are used, reflecting the particulate membership of the components that make up the collocations.

The following characteristics of the group are found.

1. In the considered group 134 syntactic equivalences which are combined in 62 equivalence nests are marked. Decoding of complex words into equivalent word combinations occurs according to 26 possible models of decoding stimuli. The number of ENs formed according to the univerBalization type slightly exceeds the pseudo-univerBalization nests (59% and 41%, respectively). It is suggested that pseudo-univerbalized ENs may have emerged as a result of foreign word calibration, which can be explained by extra-linguistic factors.

2. For the abbreviation group "нефте" 30 onomasiological models (4 of which have varieties) have been found. The most regular were the models with the onomasiological feature "qualificative", indicating that the object belongs to a class. Among regularly occurring OMs we single out the model "spatial object + qualifier" (corresponds to 13 SEs out of 134 corresponding to this OM, for example, *нефтеплатформа – нефтяная платформа*), "fixture + qualifier" (corresponds to 10 SEs: нефтебочка – нефтяная бочка, etc.). Onomasiological models with the feature "qualifier" correspond to the presentational decoding stimulus "y-x(adj)", in which the basis is represented by a simple noun and the attributive component by an adjective. This model is the simplest on the structural and semantic levels: the model formally duplicates the structure of the SE and the adjective within it conveys the most general semantics of the construct. This explains the high frequency of models with the OF "qualificative".

The OF "destinative" (the purpose of a fixture) is also a regular one. This feature is a part of OM " attachment + destinative" (corresponds to 12 SEs: *нефтеловушка – ловушка для нефтепродуктов*), "spatial object + destinative" (10 SEs: *нефтесклад – склад нефти* / *склад для нефти*). In the described group this OM is realised in different DSs: "y-x^n" and "y-(prep)x".

3. The DS model "y-x(adj)" is the most frequently used for decoding abbreviated words: about 50% of syntactic equivalents are built on this model. Complex abbreviated words are formed from such SEs according to the scheme "PstemAdj1sing+int+Noun1sing".

As a rule, the equivalence nests of the group also contain DSs that provide a composite interpretation of complex words. For example, in the regular model "y-xn" (about 30% of the total number) the construct is interpreted as a simple noun; at the same time, the construct and the basis of the attributive component formally coincide in such DSs: *нефтеанализ – анализ нефти; нефтесмесь – смесь нефтей; нефтеснабжение – снабжение нефтью*, etc. This DS implements onomasiological models of various types, since the attributive component in such DSs is concretised by a relativistic semantics.

Similar relations between components are also realised in three-part DS models in which the syntactic connection of components is carried out with the help of prepositions: «у-(для)-$х^2$» (*цистерна для нефти*); «у-(от)-$х^2$» (*очистка от нефти*); «у-(к)-$х^3$» (*стойкость к нефти*); «у-(в)-$х^4$» (*врезка в нефтепровод*). The first variant implements regular onomasiological models with OF "destinative".

4. The decoding matrixes of the group "нефте" include from 1 to 5 DSs. The most regular is the one-component DM "y-x(adj)", which occurs 18 times in the described group. This pattern includes only an abbreviated interpretation of the construct. The widespread character of this scheme is due to the extremely common semantics of the syntactic equivalent and to its simple structure.

The DM pattern "y-x + y-x(adj)" corresponds to 6 equivalence nests of the described group. On the whole, a large number of DMs containing individual sets of DSs is observed: 19 decoding matrix patterns were found for 62 ENs of the group.

5. Since the described group belongs to the hybrid type, it is also necessary to investigate ENs for structural duality of the construct. The hybrid core of the group includes 29 ENs, of which 15 are balanced.

The abbreviated decoding stimulus y-x(adj) coexists in the equivalence nest with other models in which the attribute component is concretized through relational composite DSs. For example, the word *нефтепереработка* has equivalents *нефтяная переработка* and *переработка нефти*, according to which onomasiological models "process + qualitative" and "process + transgressive" are formed. Thus, at least two onomasiological interpretations are possible for complex words belonging to the core of group.

There are also possible DM models, in which an abbreviated interpretation of the structure is also presented by modifying DSs. For example, in a multicomponent matrix of the word *нефтеотходы* we find 5 DSs: *нефтяные отходы* ("substance + qualifier"), *отходы нефти* ("substance + posession"), *отходы нефтепродуктов* ("substance + posession"), *отходы нефтепереработки* ("substance + allative"), *отходы переработки нефти* ("substance + allative + transgressive"). With a constant basis, the word *нефтеотходы* has 4 variants of

onomasiological features, which are actualized depending on the presented interpretations.

Thus, different onomasiological meanings of a complex word may lead to its multiple structural interpretation. On the other hand, in complex modifying decoding stimuli a reassignment of a feature component to another component not expressed in the abbreviation structure occurs. For example, in SE *отходы переработки нефти* the attribute component *нефте-* is subordinated not to the basis *отходы*, but to the modifying component *переработки*; in accordance with the meaning of which the attribute component receives the status of 'transgression'.

6. The polysemy of some complex words of the analyzed group leads to the appearance of parallel syntactic equivalents, actualizing one of the meanings of reduction. The polysemy may be formed by:

a) as a result of the transfer of the polysemy of the base;

b) as a result of the polysemy of the original word combination;

c) as a result of idiomaticisation of the meaning of the formed complex word.

The combination of onomasiological and structural approach to the description of the abbreviation group proved effective. The multidimensional analysis of the group revealed the interdependence between the semantics of linguistic entities and the ways of their formal representation.

CONCLUSION

Abbreviation became an object of large-scale linguistic research in the early 20th century due to the intensification of this process in the word-formation system of the Russian language. The main theoretical works are based on the so-called diachronic approach, which has formed the idea of abbreviation for several decades. The traditional diachronic approach is characterized by the following provisions:

a) An abbreviation arises as a result of transformation of an established segmented name (word combination) into an indistinct one;

b) An abbreviation is a secondary name that fully represents the structure and semantics of the original word combination, so that an abbreviation can be interpreted through the producing word combination;

c) A word combination and an abbreviation are in a binomial relationship, in which it is impossible to include alternative entities in the abbreviation pair formed by them;

d) The traditional approach does not differentiate between abbreviated appellatives and onyms. Abbreviations of segmented proper names are treated as occurring according to standard schemes.

The traditional approach investigates abbreviations of different structural types: initial and syllabic abbreviations, complex abbreviated words, univerbats, etc., but there is an increased interest in initial abbreviations. This is evidenced, in particular, by the ratio of abbreviations in the dictionaries of abbreviations: they are dominated by initial abbreviations, among which a large number of onyms are found.

Our study focuses on complex abbreviated appellatives. The choice of the object of research is due to the peculiarities of formation of these entities. Abbreviated onyms are constructed according to standardized schemes, while the formation of abbreviated appellatives occurs in an unordered way and is largely subject to intralingual laws. Moreover, initial abbreviations have a unified scheme of formation and represent the corresponding components of a dismembered name

in an appropriate order. In the case of complex abbreviated appellatives, there is variability in the formation and representation of the components.

Abbreviation refers to the result of lexical condensation, in which an arbitrary reduction of the stems of words that are part of the motivating word combination takes place. Complex abbreviation is a type of noninitial abbreviations that include partially reduced words (combination of a truncated base in a prepositional position - construct - with a whole base component of a word combination) and syllabic abbreviations (combination of initial syllables of word combination components).

The Experimental Laboratory for the Study of Abbreviation Trends developed a synchronic-equivalent approach to the abbreviation process. The new approach found that a number of issues related to the formation and functioning of abbreviations needed to be redefined.

The synchronic approach focuses on the equivalence relations between the entities of word formation. Equivalence refers to the use of an abbreviation and its corresponding segmented name in the same texts as absolute synonyms (such entities are regarded as equivalents).

An abbreviation in a synchronic slice of language can be equivalent to several word combinations simultaneously. Thus, an abbreviation correlates not with a single producing word-combination, but with a set of equivalent word-combinations regardless of derivation relations. This set of syntactic equivalents forms the abbreviation equivalence nest.

Using quantitative techniques, it was found that the motivational relationship between an abbreviation and a word combination can be multidirectional. An equivalence nest can be formed on the basis of a whole-form unit, formally similar to a complex word, by deploying its components into a word combination, or on the basis of an existing abbreviation in the language. This process is called pseudo-univerbalization; the component of a simple word that receives a structural transformation as a result of pseudo-univerbalization is an abbromorpheme.

The emergence of multiple equivalence is explained by the action of decoding stimuli (DS) on the equivalence nest. The term was introduced by V.Terkulov and

originally concerned the formal aspect of abbreviation research. A decoding stimulus refers to a stereotype of decoding an abbreviation, a structural model that can be used in the deployment of a word into a word combination.

The typology of decoding stimuli according to the degree of formal reproduction of the components of a compound word includes the following types:

- Presentational DSs that reproduce the structure of a complex word;

- Modificative DSs, interpreting a word's construction through another complex word or word combination;

- Relative DSs, which actualize the prepositional-pase form of the construct.

The set of decoding stimuli that form one equivalence nest constitutes the decoding matrix of the nest.

We have developed a cognitive approach to understanding decoding stimuli, according to which DC is the implicit knowledge of native speakers, which stimulates the deployment of a complex word in one way or another. The cognitive approach is based on native speakers' perception that any complex word (including a nominative entity that looks like a complex word, but is not) has a segmented equivalent. This notion induces native speakers to deploy simple words with an abbromorpheme or to create new segmented equivalents for abbreviations formed through univerbalization. As a result of the study, the reasons for the formation of alternative syntactic equivalents for abbreviations have been identified, among which we will highlight the following:

1. Selection of simple constructions. In a number of cases abbreviations are formed on the basis of word combinations that are complex in structure or functionally restricted. In this case, the native speaker selects a DS of simple construction, which reflects the general semantics of the abbreviation. For example, the abbreviation *ветдепартамент* is formed from the word combination *департамент ветеринарного надзора*, which is probably unfamiliar to most native speakers, so often this abbreviation is deployed in the SE *ветеринарный департамент*.

2. The use (in most cases incorrectly) of suffixal paronyms to expand the abbreviation. There is a regular use of paronymic adjectives to decipher constructs: *ветровой* and *ветряной* for the construct *ветро-*; *драматический* and *драматургический* for the construct *драм-*; *бронированный* and *броневой* for the construct *броне-*, etc.

3. Deployment of borrowed entities according to the models of native abbreviations. For example, borrowed words with the prefix *арт-* (from English 'art') are often interpreted by native speakers of Russian as complex words with an abbromorpheme, as a result of which there are segmented equivalents with the component *артистический* (*артдиректор* > *артистическй директор*).

4. Problems with the interpretation of the semantics of a complex word, which lead to different interpretations of the actant role of the attribute component, to confusion of homonymic forms, etc.

Decoding stimuli influence not only the number of syntactic equivalents of a complex word, but also the qualitative characteristics of the equivalence nest. As a result of multiple decoding of a complex word, situations arise where the initial construct receives several structural treatments of varying degrees of representation. Such a construct is called a hybrid construct. In relation to different syntactic equivalents of the same EN, such a construct may be interpreted as abbreviated (i.e. the construct is structurally smaller than the corresponding word-combination component) and as non-abbreviated - composite (if the construct coincides with the stem of the corresponding word-combination component) or juxtaposed (if the equivalent components coincide completely).

For hybrid constructs, we have founded a special typology of DSs according to the way the formal-semantic varieties are implemented. We define DS of abbreviation type (ADS), composite type (CDS) and juxtaposition type (JDS) according to the abbreviation, composite and juxtaposition interpretations of the construct.

Words of the same part of speech with a common prepositional construct are combined into abbreviation groups. We did not find voluminous studies of such sets

of abbreviated words in works belonging to diachronic approach. The description of abbreviation groups has been extensively developed in the works of the participants of the Lab. We distinguish abbreviation groups from related concepts mentioned in the works of other researchers. In particular, the abbreviation group is not identified with the thematic group and the thematic field, which unite word-formation entities of different parts of speech.

It is noted that the equivalence nests of one abbreviation group are characterised by a greater or lesser commonality of decoding stimuli. Thus an abbreviation group forms its own decoding matrix. The components of the general DM of a group are found in different combinations in the DM of equivalence nests; as a rule, simple presentational DM patterns are represented in all equivalence nests of the group, while the appearance of modificative and relational DSs is due to the specific features of a particular EN. This observation formed the basis for developing a methodology for predicting equivalence relations in an abbreviation group.

Each abbreviation group is characterized by individual parameters of formation and functioning. As a result of the study of the groups, which were collected by the Laboratory in the course of its work on the *Explanatory Dictionary of Russian Complex Abbreviated Words* under the direction of V. Terkulov, we managed to identify differentiating features, on the basis of which we developed the typology of abbreviation groups.

The typology of abbreviation groups is based on several principles. Previous studies have taken into account:

- Quantitative principle, which takes into account the frequency and quantitative ratio of the components of an abbreviation group, derivation relations and other parameters that can be evaluated from the position of quantity;

- Structural-formal principle, which takes into account the structure of the AG's constituent entities and ways of expressing the constituent components in equivalence nests.

The semantics of the components plays a major role in the formation of an abbreviation group. In particular, it is necessary to take into account the homonymic

relations of the entities, which lead to the formation of simulants, leading to the mixing of the decoding matrixes of the simulant groups. In addition, the polysemantic nature of complex words or their components leads to the formation of new decoding stimuli. In this connection, the semantic principle of typology of abbreviated groups is also put forward.

Thus, 9 parameters are formed, within which 27 variants of characteristics are proposed for the analysis of an abbreviation group.

We analysed 10 groups collected in the course of work on *the Dictionary* in order to verify the effectiveness of the method of describing abbreviation groups using the proposed typology. Section II is devoted to this study. The abbreviation groups were selected by random sampling. A total of 693 equivalence nests and 202 decoding stimulus patterns were analyzed in this section.

For most groups, individual features of functioning are already detectable in the primary analysis. For example, only the groups "банд" and "теле" turned out to be pseudo-univerbal; in the group "зав" only relational DSs are found; the group "теле" is simultaneous, as a homonymic construct is found; in the group "лингво" the construct is deployed as a basic and as a attribute component, etc.

The correlation between the nature of univerиalization relations in the group and the number of decoding stimuli was revealed on the material of the studied groups. It is assumed that interpretations of pseudo-univerbal ENs are freer, as they are based on the choice of native speakers, with the abromorpheme itself characterised by an abstract meaning. Univerbal interpretations, on the other hand, are restricted to derivational syntactic equivalents.

The result of developing the theoretical material discussed in Sections I and II of this study is a comprehensive synchronic description of the abbreviation group "нефте". In the analyzed group 134 syntactic equivalents are recorded, which are combined in 62 equivalence nests.

In addition to the principles already discussed, the onomasiological principle is also applied to comprehensively describe an abbreviation group. This principle is not appropriate for classifying abbreviated groups, because, in our opinion, it is

manifested at the level of particular ENs and is related to the actual semantics of abbreviations and the corresponding word combination. Onomasiological principle is effectively used for internal analysis of the group.

Thus, the description of the abbreviation group "нефте" is carried out from the structural and onomasiological aspects, within which the following research directions can be identified: quantitative analysis of the group; structural analysis of equivalence nests and their components through formal indicators - models of decoding stimuli and decoding matrixes; study of hybrid core and periphery of the group and models of construct hybridity formation; description of onomasiological characteristics of abbreviations; study of semantic features of the components of the described group.

Structural description of the group includes analysis of the frequency of the group's items, indication of quantitative characteristics and study of formal features of the components of the abbreviation group. Twenty-six patterns of decoding stimuli of presentational, modifying and relational types were discovered for 62 equivalence nests of the group. The construct нефте- can be expanded into a simple adjective, a simple noun and into a complex word. Often the construct is implemented in the structure of the complex feature componentнефтепродукт. The most regular is the presentational model y-x(adj): about 50% of the syntactic equivalents of the group correspond to this DS. Note that the model of the word combination "adjective + noun" is simple and, at the same time, universal in terms of conveying the structure of a complex word in a segmented equivalent. In addition, researchers note the high variability of the meaning of adjectives depending on the context, so that they convey the most general attitude towards what is indicated by the base of the abbreviation. These factors explain the high prevalence of the above-mentioned DC for the decoding of complex words in Russian. As a rule, the analyzed construction is parallelly expanded into a simple noun, which is part of a modificative or relational DS. The construct *нефте-* coincides with the stem of simple nouns that are used for interpretation (*нефтью, нефти, для нефти*, etc.); due to such an interpretation, the structural duality of the construct is realized.

The equivalence nests of the group have between 1 and 5 components. For the analyzed group 19 models of decoding matrixes are found. The most regular is the one-component DM "y-x(adj)", which includes the most regular DC model. Multicomponent DMs prevail in the analyzed group, in which the construct receives binary decoding. We found many four- and five-component DMs, each of which characterizes 1-2 ENs.

For onomasiological description of the group we compiled typology of onomasiological models of all syntactic equivalents. Onomasiological models include onomasiological basis (the categories of lexico-semantic groups are used to convey) and onomasiological feature (conveyed by the semantic case). The abbrogroup 'нефте' numbers 30 onomasiological models with several subtypes.

The most regular are the models with OF "qualifier", corresponding to DS "y-x(adj)": "spatial object + qualifier", " fixture + qualifier", "substance + qualifier", etc. Regular are also models with the OF "destinative", with which the DSs "y-x^n" and "y-(для)x" are regularly correlated.

In multi-component ENs, as a rule, several onomasiological models are found that correspond to the constituent SEs. Thus, a construct in the same unambiguous abbreviation may have not only structural but also onomasiological variation. The question of the primacy of these characteristics remains open: do the potential onomasiological meanings inherent in the word cause the emergence of new syntactic equivalents, or does the development of onomasiological features result from the spontaneous creation of structural equivalents of the abbreviation?

A semantic analysis of the components has proved to be effective in describing the abbreviation group. We proposed and substantiated the interpretation of several ENs of the group, the structure of which, in our opinion, is due to the polysemantic nature of the abbreviation.

The study of semantic characteristics proved to be promising both for lexicographic description of abbreviations and for in-depth theoretical analysis of abbreviation groups. In general, a comprehensive multidimensional analysis, taking into account both quantitative and formal, onomasic and semantic characteristics of

the group, can provide in-depth information on the formation and functioning of the abbreviation group.

The Laboratory has created a number of works in which a fragmentary description of abbreviation groups has been carried out, focusing primarily on the study of structural features of linguistic material. This study, however, contains a fundamental description of the abbreviation group in the interrelationship of all its functional aspects, the discovery of which is linked to the development of a new approach to abbreviation. The proposed description of abbreviation groups can be used as a methodological basis for the study of linguistic material.

As a result of a comprehensive analysis of abbreviation groups, a sphere of functioning of complex abbreviated words has emerged that needs to be studied in more detail. We are talking about the semantics of abbreviations as independent linguistic entities. In future studies, it is planned to study in detail the semantic features of complex abbreviated words and to examine the relationship between the semantics of an abbreviation and the structure of its equivalence nest.

REFERENCE

1. Akulich E. A. *Sistema deshifroval'nyh stimulov v gnezde jekvivalentnosti «velo»* [System of decoding stimuli in the equivalence nest "вело"]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: I Mezhdunarodnyj simpozium*. Edited by E. Ja. Titarenko. Vol. 2. Simferopol,"ARIAL" Publ., 2017, pp. 153–157. – in Russian

2. Akulich E. A. *Modeli obrazovanija slozhnosokrashhennyh slov v abbreviacionnom gnezde «velo»* [Models of formation of complex abbreviated words in the abbreviated nest "вело"]. *III Respublikanskoj ochno-zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Chtenija molodyh uchenyh»*. Edited by N. V. Volkova. Gorlovka, GIIJa Publ., 2017, pp. 32–34. – in Russian

3. Alamajreh E. Ju. *Nekotorye utochnenija opredelenija ponjatija "abbreviacija"* [Some clarifications of the definition of "abbreviation"]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, 2016, № 4, pp. 224–231. – in Russian

4. Alekseev D. I. *Stilisticheskie osobennosti bukvennyh abbreviatur i slozhnosokrashhennyh slov* [Stylistic features of letter abbreviations and complex abbreviated words]. *Voprosy stilistiki: tezisy dokladov na mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii*. Saratov, 1962, pp. 44–59. – in Russian

5. Alekseev D. I. Abbreviatury kak novyj tip slov [Abbreviations as a new type of words]. *Razvitie slovoobrazovanija sovremennogo russkogo jazyka*. 3rd edition. Moscow, 1977, pp. 13–37. – in Russian

6. Alekseev D. I. *Sokrashhennye slova v russkom jazyke* [Abbreviated words in Russian]. Saratov, Publishing house of Saratov State University, 1979. 328 p. – in Russian

7. Antonov V. P. *Lingvisticheskij status jelementa «nano-» v sovremennom russkom jazyke* [Linguistic status of the element "нано-" in the modern Russian language]. *Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. 2012, №2, pp. 37–43. – in Russian

8. Apresjan Ju. D. *Leksicheskaja semantika* (*sinonimicheskie sredstva jazyka*) [Lexical semantics (synonymic means of language)]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 367 p. – in Russian

9. Baranova L. A. Abbreviaturno-uzual'naja omonimija i omonimija iskonnyh i zaimstvovannyh abbreviatur kak sredstva jazykovoj igry na styke jazykov [Abbreviation-uzual homonymy and homonymy of native and borrowed abbreviations as means of language play at the junction of languages]. Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu. Serija: Movoznavstvo. 2012, Vol. 20, № 18, pp. 3–8. – in Russian

10. Bereznickaja E. A., Terkulov V. I. Al'ternativnye kvantitativnye metodiki analiza slozhnosokrashhennyh slov [Alternative quantitative methods of analysis of complex abbreviated words]. *Nauka i mir v jazykovom prostranstve : Sbornik nauchnyh trudov II Respublikanskoj ochno-zaochnoj nauchnoj konferencii, Makeevka, 23 nojabrja 2016 goda. Redkollegija: E. V. Gorohov, N. M. Zajchenko* [et al]. Makeyevka: Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture Publ., 2016, pp. 458–462. – in Russian

11. Bereznickaja E. A. *Ispol'zovanie servisa Google Ngram dlja kvantitativnogo analiza slozhnosokrashhennyh slov* [Using Google Ngram service for quantitative analysis of complex abbreviated words]. *Novye gorizonty rusistiki*. 2017, № 2, pp. 7–10. – in Russian

12. Bilec'kij A. O. *Programa kursu «Zagal'ne movoznavstvo»* [Program of the course "General Language Studies"]. Kiev, KDU Publ., 1962. 50 p. – in Ukrainian

13. Bloh M. Ja. *Abbreviacija kak produktivnyj sposob slovoobrazovanija v istorii evropejskih jazykov* [Abbreviation as a productive way of word formation in history of European languages]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. 2014, № 1(29), pp. 186–199. – in Russian

14. Bljumina O. V., Terkulov V. I. *Osnovy onomasiologicheskoj klassifikacii russkih i ukrainskih kompozitov so znacheniem «processual'nost'»* [Fundamentals of onomasiological classification of Russian and Ukrainian composites with the

meaning of "proceduralism"]. *Slavjanskie jazyki : edinicy, kategorii, cennostnye konstanty*. Volgograd, 2010, pp. 216–231. – in Russian

15. Bljumina O. V. Mutantnyj abbreviaturno-kompozitnyj onomasiologicheskij klass processual'nosti [Mutant abbreviation-composite onomasiological class of proceduralism]. Russkij jazyk v polikul'turnom mire: I Mezhdunarodnyj simpozium. Vol. 2. Simferopol, 2017, pp. 163–166. – in Russian

16. Borisov V. V. *Abbreviacija i akronimija. Voennye i nauchno-tehnicheskie sokrashhenija v inostrannyh jazykah* [Abbreviation and acronyms. Military and scientific and technical abbreviations in foreign languages]. Moscow, Voenizdat Publ., 1972. 320 p. – in Russian

17. Bracun D. A. *Abbreviaturnyj onomasiologicheskij klass: modeli formal'nogo opisanija* [Abbreviation onomasiological class: models of formal description]. *Novye gorizonty rusistiki*. 2018, № 6, pp. 4–9. – in Russian

18. Bracun D. A. *Sistema abbrokonstruktov abbreviaturnogo polja "doroga"* [System of abbroconstructs of abbreviated field "дорога"]. *Novye gorizonty rusistiki*. 2020, № 10, pp. 4–12. – in Russian

19. Brovec A. I. *Bazovye tipy deshifroval'nyh stimulov v gnezde jekvivalentnosti slozhnosokrashhennogo slova* [Basic types of decoding stimuli in the equivalence nest of a complex abbreviation]. *Nauka i mir v jazykovom prostranstve: sbornik nauchnyh trudov II Respublikanskoj ochno-zaochnoj nauchnoj konferencii*. Makeevka, DonNACA Publ., 2016, pp. 51– 57. – in Russian

20. Brovec A. I. *O simul'tannyh abbrokonstruktah (na materiale abbreviacionnoj gruppy jelektro)* [About simultaneous abbreviations (on the material of abbreviation group электро)]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire : X Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija (8-11 ijunja 2016 g.) : sbornik nauchnyh statej*. In 2 vols. Edited by E. Ja. Titarenko. Simferopol', «ARIAL» Publ., 2016, Vol. 1., pp. 41– 51. – in Russian

21. Brovec A. I. *Modifikacionnyj interpretativnyj deshifroval'nyj stimul slozhnosokrashhennogo slova* [Modifying interpretive decoding stimulus of a complex abbreviated word]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija*.

Moscow, Publishing house of Lomonosov Moscow State University, 2017, № 6, pp. 98– 107. – in Russian

22. Brovec A. I. *Al'ternacija modifikacionnogo interpretativnogo deshifroval'nogo stimula abbreviatury: tipy semanticheskoj relevantnosti* [Alternation of modifying interpretive decoding abbreviation stimulus: types of semantic relevance]. *Doneckie chtenija 2017: Russkij mir kak civilizacionnaja osnova nauchno-obrazovatel'nogo i kul'turnogo razvitija Donbassa: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i molodyh uchenyh (Doneck, 17–20 oktjabrja 2017 g.).* Volume 4: *Filologicheskie nauki*. Part. 2: *Jazykoznanie, literaturovedenie, kul'turologija, zhurnalistika*. Edited by Prof. S. V. Bespalova. Donetsk, Publishing house of DonNU, 2017, pp. 13– 16. – in Russian

23. Brovec A. I. *Dubletnaja al'ternacija modifikacionnogo deshifroval'nogo stimula abbreviatury* [Doublet alternative modification decoding abbreviation stimulus]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: II Mezhdunarodnyj simpozium*. In 2 vols. Edited by E. Ja. Titarenko. Simferopol', «ARIAL» Publ., 2018, Vol. 2., pp. 162– 167. – in Russian

24. N. S. Valgina, D. Je. Rozental', M. I. Fomina. *Sovremennyj russkij jazyk*: [*uchebnik*] [Modern Russian language: textbook]. Edited by N. S. Valgina. Moscow, Logos Publ., 2002. 528 p. – in Russian

25. Vasilevskaja E. A. *O russkom slovoslozhenii (Slovosochetanie, slovoslozhenie, affiksacija)* [About Russian word compounding (Collocation, word compounding, affixation)]. Moscow, 1968. 35 p. – in Russian

26. Vinokur G. O. *Zametki po russkomu slovoobrazovaniju* [Notes on Russian word-formation]. *Izbrannye raboty po russkomu jazyku*. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959, pp. 419– 443. – in Russian

27. Vorotnikova A. V. *Kompressivnoe slovoobrazovanie: problema opisanija univerbov russkogo jazyka* [The problem of the description of the Russian language univerbals]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*. 2005, № 60, Vol. 3, pp. 82– 91. – in Russian

28. Vostokov A. H. *Russkaja grammatika* [Russian grammar]. St. Petersburg, 1839. 402 p. – in Russian

29. Gagarina N. N. *Problema kompozitoobrazovanija v russkom i nemeckom jazykah* [The problem of composing in Russian and German]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011, № 24(239), pp. 132– 135. – in Russian

30. Gannoha I. V. *Istorija razvitija abbreviacii kak sposoba slovoobrazovanija v anglijskom i russkom jazykah* [History of development of abbreviation as a method of word formation in English and Russian languages]. Science Time. 2015, № 4(16), pp. 154–160. – in Russian

31. Gerasimova M. N. *Nekotorye osobennosti analiticheskih prilagatel'nyh v sovremennom russkom jazyke (na materiale nacional'nogo korpusa russkogo jazyka)* [Some features of analytical adjectives in modern Russian (on the material of the national corpus of the Russian language)]. Cherepoveckie nauchnye chtenija - 2014, Cherepovec, 11–12 nojabrja 2014 goda. Editor in Chief: N. P. Pavlova. Cherepovets, Publishing house of Cherepovets State University, 2015, pp. 39–42. – in Russian

32. Glotova I. P. *K voprosu ob univerbacii (O funkcional'no-stilevom i obshheliteraturnom upotreblenii)* [To the question of univerbalization (On the functional-stylistic and general literary use*)]*. *Voprosy stilistiki*. Issue 12. Saratov, Publishing house of the Saratov University, 1977, pp. 3–17. – in Russian

33. Gorbov A. A. *Atributivnye komponenty sochetanij tipa biznes-plan: analiticheskie prilagatel'nye?* [Attributive components of combinations like business plan: analytical adjectives?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2015, № 3, pp. 36–48. – in Russian

34. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Responsible editor N. Ju. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1970. 767 p. – in Russian

35. Grech N. I. *Prakticheskaja russkaja grammatika* [Practical Russian grammar]. 10th edition. St. Petersburg, 1845. 431 p. – in Russian

36. Dubkova Ju. S. *Cemantiko-pragmaticheskaja differenciacija slovoobrazovatel'nyh resursov russkogo jazyka (na materiale kompozitov s zaimstvovannymi osnovami avia- i ajero-*) [Semantic-pragmatic differentiation of word-formation resources of Russian language (on the material of composites with borrowed bases авиа- and аэро-)]. *Russkaja filologija*. 2011, № 1–2, pp. 23–27. – in Russian

37. Dubovskij Ju. A. *Strukturno-semanticheskie i orfograficheskie cherty kompozitov sfery biznesa i kommercii* [Structural-semantic and orthographic features of business and commerce composites]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 2017, №3–1, pp. 70–80. – in Russian

38. Dubovskij Ju. A., Zagraevskaja T. B. *Kompozitnye leksicheskie edinicy v sovremennoj biznes-kommunikacii: anglo-russkie paralleli v internet-prostranstve* [Composite lexical units in modern business communication: English-Russian parallels in the Internet space]. *Jazyk i kul'tura*. 2019, № 48, pp. 62–75. – in Russian

39. D'jakov A. I. *Ponjatie «pole» v lingvistike, osobennosti polevoj struktury sfery «Anglicizmy v russkom jazyke*» [The concept of "field" in linguistics, features of the field structure of the sphere "Anglicisms in Russian"]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2012, № 1, pp. 198–210. – in Russian

40. D'jachok N. V. *Univerbacija v russkom jazyke: strukturnosemanticheskoe i onomasiologicheskoe opisanie: dis. .... dokt. filol. nauk* [Univerbalization in Russian language: structural-semantic and onomasiological description]. Potebnia Institute of Linguistics, Kiev, 2015. 522 p. – in Russian

41. Djuzhikova E. A. *Slovoslozhenie i abbreviacija: shodstvo i razlichija (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka*) [Word compounding and abbreviation: similarities and differences (on the material of modern English)]. *Izvestija Vostchnogo instituta*. 1995, № 2, pp. 115–121. – in Russian

42. Djuzhikova E. A. *Modelirovanie kak kognitivnaja osnova formirovanija inferencii anglijskih abbreviatur* [Modelling as a cognitive basis for the formation of English abbreviations inference]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie*. 2015, № 2(18), pp. 29–36. – in Russian

43. Emel'janova K. Ju. *Okkazional'nye slozhnosokrashhennye slova v derivacionno-jekvivalentnostnom podhode* [Occasional complex abbreviated words in derivational-equivalent approach]. *Razvitie intellektual'no-tvorcheskogo potenciala molodezhi: iz proshlogo v sovremennost': Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Doneck, 8 fevralja 2018 g.)*. Part 2. Edited by Prof. S. V. Bespalova. Donetsk, DonNU Publishing House, 2018, pp. 32–34. – in Russian

44. Emel'janova K. Ju. *Onomasiologicheskie modeli kvaziabbreviatur* [Onomasiological models of quasi-abbreviations]. *Novye gorizonty rusistiki : nauchnyj zhurnal*. Issue 6. Donetsk, 2018, pp. 62–68. – in Russian

45. Emel'janova K. Ju. *Abbrokonstrukt i affiksoid: k voprosu o svjazi ponjatij* [Abbroconstruct and affixoid: to the question of the relationship of concepts]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Serija D: Filologija i psihologija*. 2020, № 3–4, pp. 126–132. – in Russian

46. Ermolenko Ju. A. *Osobennosti onomasiologicheskih modelej nominatem tipa "slovosochetanie + abbreviatura*" [Peculiarities of onomasiological models of nomination type "word combination + abbreviation"]. *Naukovi zapysky [Nacional'nogo universitetu "Ostroz'ka akademija"]. Serija : Filologichna*. Issue 26. 2012, pp. 103–105. – in Russian

47. Zhuravlev S. A. *Abbreviacija: vzgljad iz XXI veka* [Abbreviation: view from the XXI century]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012, № 10, pp. 46–49. – in Russian

48. Zajceva E. A. *Javlenija, perehodnye mezhdu abbreviaciej i slozheniem (na materiale naimenovanij lica*) [Phenomena transitive between abbreviation and

composition (on the material of face names)]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. Vol. 16. № 2(4). 2014, pp. 941–943. – in Russian

49. Zemskaja E. A. *Slovoobrazovanie kak dejatel'nost'* [Word-formation as an activity]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 221 p. – in Russian

50. Zemskaja E. A. *Aktivnye processy sovremennogo slovoproizvodstva* [Active processes of modern word-formation].Russkij jazyk konca XX stoletija (1985–1995). Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1996, pp. 90–141. – in Russian

51. Zmanovskaja A. G. *Abbreviatury s parallel'noj bazisno-priznakovoj jekvivalentnosnoj deshifrovkoj* [Abbreviations with parallel base-sign equivalent decoding]. *Novye gorizonty rusistiki*. 2021, № 14, pp. 21–28. – in Russian

52. Zubrickaja Ju. D. *Strukturno-semanticheskie osobennosti abbreviatur v molodezhnom Internet-obshhenii i problemy ih perevoda (na primere abbreviatur v anglijskom, russkom i ispanskom jazykah*) [Structural and semantic features of abbreviations in youth Internet-communication and problems of their translation (by the example of abbreviations in English, Russian and Spanish)]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoj nauki XXI veka : Sbornik statej VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh. V 2-h chastjah, Ekaterinburg, 08 fevralja 2019 goda. Ministerstvo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii, Ural'skij federal'nyj universitet im. pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina, Ural'skij gumanitarnyj institut, Departament lingvistiki, Kafedra inostrannyh jazykov*. General Editor: Zh. A. Hramushina, A. S. Porshneva, S. A. Ivanova, S. K. Pesterev. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UMC UPI Publ. 2019, pp. 263–267. – in Russian

53. Isachenko A. V. *K voprosu o strukturnoj tipologii slovarnogo sostava slavjanskih literaturnyh jazykov* [On the structural typology of the vocabulary composition of Slavic literary languages]. Slavia. 1958, № 3, pp. 334–352. – in Russian

54. Iskandarova G. R. *O kognitivno-onomasiologicheskom podhode k slovoobrazovaniju (na materiale nemeckogo jazyka)* [About cognitive-onomasiological approach to word formation (on the material of German)]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2011, № 2, pp. 18–25. – in Russian

55. Kashheeva A. V. *Kvantitativnye i kachestvennye metody issledovanija v prikladnoj lingvistike* [Quantitative and qualitative research methods in applied linguistics]. *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy*. 2013, № 3(49), pp. 155–162. – in Russian

56. Kim D. A. *Rol' konnotacii v sud'be sovetizmov v sovremennom russkom jazyke* [The role of connotation in the fate of Sovietisms in modern Russian]. *Mezhkul'turnye kommunikacii: russkij jazyk v sovremennom izmerenii : tezisy dokladov uchastnikov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Simferopol', 22–24 aprelja 2019 goda.* Editor in Chief G. Ju. Bogdanovich. Simferopol: Vernadsky Crimean Federal University Publishing House. 2019, pp. 21–23. – in Russian

57. Kramarenko I. I. *Abbreviacionnaja gruppa «abon» v russkom jazyke* [Abbreviation group "абон" in Russian]. *Nauka i mir v jazykovom prostranstve : sbornik nauchnyh trudov II Respublikanskoj ochno-zaochnoj nauchnoj konferencii (23 nojabrja 2016 g., Makeevka).* Editorial board: E. V. Gorohov, N. M. Zajchenko et al. Makeevka, DonNACA Publ. 2016, pp. 495–499. – in Russian

58. Krest'janinova E. S. *Abbreviacionnaja gruppa «DOM» v russkom jazyke* [Abbreviation group "ДОМ" in Russian]. *Novye gorizonty rusistiki: materialy IV Mezhdunarodnyh nauchnyh chtenij studentov i molodyh uchenyh pamjati G. I. Rihtera*. Editorial board: V. I. Terkulov, V. V. Fedorov et al. Donetsk, DonNU Publ. 2017, pp. 28–33. – in Russian

59. Kromer Je. V. *K voprosu o sposobah slovoobrazovanija v sovremennom russkom jazyke* [To a question about the ways of word formation in the modern Russian language]. *Zhanrovo-stilevoj podhod v prepodavanii russkogo jazyka i kul'tury rechi : Sbornik nauchnyh statej i metodicheskih rekomendacij po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ivanovo, 28–29 marta 2013 goda*. Compiled and scientific editors: I. A. Sotova (responsible editor), Je. V. Kromer, M. M. Melikjan. Ivanovo, Ivanovo State University Publ. 2013, pp. 188–197. – in Russian

60. Kopot' L. V. *Univerbacija kak vid kompressivnogo slovoobrazovanija v sovremennom russkom jazyke: avtoref. ... kand. filol. nauk* [Univerbalization as a

type of compressive word formation in the modern Russian language]. Maykop, 2005. 24 p. – in Russian

61. Korytova O. M. *Srashhenie v kompozitnom slovoobrazovanii* [Fusion in composite word-formation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2009, № 1(69), pp. 38–41. – in Russian

62. Kochetkova T. I. *Slovoslozhenie kak sredstvo nominacii i predikacii v sovremennom russkom jazyke : avtoref dis. ... d-ra filol. nauk* [Word compounding as a means of nomination and predication in the modern Russian language]. Moscow, Moscow State Regional University Publ. 44 p. – in Russian

63. Kubrjakova E. S. *Slovoslozhenie kak process nominacii i ego otlichitel'nye formal'nye i soderzhatel'nye harakteristiki* [Word compounding as a process of nomination and its distinctive formal and substantive characteristics]. *Teoreticheskie osnovy slovoslozhenija i voprosy sozdanija slozhnyh leksicheskih edinic : mezhvuzovskij sb. nauchn. trudov*. Pyatigorsk, Pyatigorsk Pedagogical Institute of Foreign Languages Publ., 1988, pp. 3–23. – in Russian

64. Kubrjakova E. S. *Rol' slovoobrazovanija v formirovanii jazykovoj kartiny mira* [The role of word-formation in the formation of language picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 141–172. – in Russian

65. Kudrjavceva V. A. *Suffiksal'naja univerbacija v sovremennom russkom jazyke (sistema substantiva): avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [Suffixal univerbation in Modern Russian (substantial system)]. Alma-Ata, Kazakh Pedagogical Institute Publ., 1983. 26 p. – in Russian

66. Kudrjavceva L. A. *Modelirovanie dinamiki slovarnogo sostava jazyka* [Modeling the dynamics of the vocabulary of language]. Kiev, "Kyiv University" Publ., 2004. 208 p. – in Russian

67. Kuz'mina R. V. *Omonimizacija kak rezul'tat abbreviacii* [Homonymization as a result of abbreviation]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Serija «Gumanitarnye nauki»*. Vol. 2. Issue 3. 2011, pp. 215–218. – in Russian

68. Kukushkina E. A. *Formal'no-strukturnye kriterii kompozitoobrazovanija v nemeckom jazyke* [Formal and structural criteria of composite formation in German]. *Integracija obrazovanija v uslovijah innovacionnoj jekonomiki : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2 chastjah, Saransk, 08–09 aprelja 2014 goda*. Editor in Chief B. F. Kevbrin. Saransk, "JurJeksPraktik" Publ., 2014, pp. 148–152. – in Russian

69. *Kurs obshhej lingvistiki* [A course in general linguistics]. Edited by Sh Balli and A. Seshe. Translated from the French by S. V. Chistjakova. Under the general editorship of M. Je. Rut. Ekaterinburg, Urals University Press Publ., 1999. Chapter 3, pp. 81-100. – in Russian

70. Levashov E. A. *Eshhe raz ob affiksoidah* [Once again about affixoids]. *Russkaja rech'*. 2008, № 3, pp. 50–52. – in Russian

71. Levkovskaja K. A. *Slovoobrazovanie: materialy k kursam jazykoznanija* [Word-formation: materials for linguistics courses]. Moscow, Publishing house of Moscow State University, 1954. 38 p. – in Russian

72. Lopatin V. V. *Russkaja slovoobrazovatel'naja morfemika. Problemy i principy opisanija* [Russian word-formation morphemics. Problems and principles of description]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 315 p. – in Russian

73. Lopatin V. V. *Suffiksal'naja univerbacija i smezhnye javlenija v sfere obrazovanija novyh slov* [Suffixal universality and related phenomena in the formation of new words]. *Novye slova i slovari novyh slov*. Leningrad, 1978, pp. 72–80. – in Russian

74. Ljaljuk A. A. *Onomasiologicheskij i polevoj podhody k izucheniju abbreviaturnyh slov* [Onomasiological and field approaches to the study of abbreviated words]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki*. № 2 (26). Vladikavkaz, 2017, pp. 146–150. – in Russian

75. Ljaljuk A. A. *Abbreviacionno-onomasiologicheskoe pole «Stroenija»: dis. ... kand. filol. nauk* [Abbreviation-onomosiological field of " Buildings"]. Donetsk, 2020. 234 p. – in Russian

76. Maksimenko O. I. *Novye tendencii abbreviacii (na materiale russkogo, anglijskogo i nemeckogo jazykov*) [New tendencies of abbreviation (on the material of Russian, English and German languages)]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*. 2017, Vol. 8, № 1, pp. 174–181. – in Russian

77. Martine A. *Osnovy obshhej lingvistiki* [Fundamentals of general linguistics]. Ed. By V. A Zvegincev. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 568 p. – in Russian

78. Mahmudova N. K. *Prichiny obrazovanija abbreviacij v razlichnyh jazykah* [Reasons of abbreviation formation in different languages]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal*. 2016, Vol. 5, № 2(15), pp. 58–60. – in Russian

79. Miloslavskij I. G. *O reguljarnom prirashhenii znachenija pri slovoobrazovanii* [On regular meaning increment during word-formation]. *Voprosy jazykoznanija*. 1975, № 6, pp. 65–72. – in Russian

80. Mihajlova E. N. *Modeli obrazovanija slov v mutantnoj abbreviaturno-kompozitnoj gruppe «hleb»* [Models of word formation in mutant abbreviation-composite group "хлеб"]. *Novye gorizonty slavistiki: materialy III Mezhdunarodnyh nauchnyh chtenij studentov i molodyh uchenyh pamjati G. I. Rihtera (28.04.2016)*. Editorial board: V. I. Terkulov, V. V. Fedorov et al. Donetsk, DonNU Publ., 2016, pp. 151–158. – in Russian

81. Mihajlova E. N. *Mutantnaja abbreviaturno-kompozitnaja gruppa «gruzo» v russkom jazyke* [Mutant abbreviation-composite group "грузо" in Russian]. *Nauka i mir v jazykovom prostranstve : sbornik nauchnyh trudov II Respublikanskoj ochno-zaochnoj nauchnoj konferencii (23 nojabrja 2016 g., Makeevka)*. Editorial board: E. V. Gorohov, N. M. Zajchenko. Makeevka, Publishing house of DonNACA, 2016, pp. 522 – 527. – in Russian

82. Mihajlova E. N. *Principy vydelenija reljativnyh deshifroval'nyh stimulov na materiale «gazo» (chast' 1*) [Principles of the selection of relational decoding stimuli on the material of "газо" (part1)]. *Doneckie chtenija 2017: Russkij mir kak civilizacionnaja osnova nauchno-obrazovatel'nogo i kul'turnogo razvitija*

Donbassa: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i molodyh uchenyh (Doneck, 17-20 oktjabrja 2017 g.). – Tom 4: Filologicheskie nauki. Chast' 2: Jazykoznanie, literaturovedenie, kul'turologija, zhurnalistika. Edited by Prof. S. V. Bespalova. Donetsk, Publishing house of DonNU, 2017, pp. 46–48. – in Russian

83. Mihajlova E. N. *Reljativnye deshifroval'nye stimuly kak istochnik tekstovoj jekvivalentnosti* [Relative decoding stimuli as a source of textual equivalence]. *I Respublikanskaja nauchno-prakticheskaja internet-konferencija studentov i molodyh uchenyh (Gorlovka, 8 dek. 2017)* [Electronic resource] Mode of access: slavistika.ucoz.org (Date of access: 16.04.2018). – in Russian

84. Mihajlova E. N. *Model' prognozirovanija reljativnyh deshifroval'nyh stimulov* [A model for predicting relational decoding stimuli]. *Novye gorizonty rusistiki*. 2018. Issue 6, pp. 74–80. – in Russian

85. Mihajlova E. N. *Onomasiologicheskie osobennosti reljativnogo deshifroval'nogo stimula slozhnosokrashhennogo slova* [Onomasiological features of the relational decoding stimulus of a complex abbreviated word]. *Novye gorizonty rusistiki*. 2018. Issue 4, pp. 33–38. – in Russian

86. Mihajlova E. N. *Prezentativnyj deshifroval'nyj stimul kak pervichnyj istochnik rasshirenija semantiki* [Presentational decoding stimulus as the primary source of semantic expansion]. *Razvitie intellektual'no-tvorcheskogo potenciala molodezhi: iz proshlogo v sovremennost'*. 2018. Part 2, pp. 47–48. – in Russian

87. Mogilevskij R. I. *Ocherki abbreviacii slavjanskih jazykov: Avtoref. dis … d-ra filol. nauk* [Sketches of Slavic languages abbreviation]. Samarkand, 1984. 33 p. – in Russian

88. Mosolova G. P. *Abbreviaturnye obrazovanija na stranicah SMI* [Abbreviations on the pages of the media]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2019. Vol. 10. № 1(37), pp. 140-144. – in Russian

89. Nemchenko V. N. *Sovremennyj russkij jazyk. Slovoobrazovanie : posobie* [*dlja filolog. spec. un-tov*] [Modern Russian language. Word-formation : manual (for

philological special universities)]. Moscow, High-School Publ., 1984. 255 p. – in Russian

90. Nemchenko V. N. *Osnovnye ponjatija slovoobrazovanija v terminah* [Basic concepts of word-formation in terms]. Krasnoyarsk, Publishing house of Krasnoyarsk University, 1985. 204 p. – in Russian

91. Osipova L. I. *Aktivnye processy v sovremennom russkom slovoobrazovanii (Suffiksal'naja univerbacija i usechenie*) [Active processes in the modern Russian word-formation (suffixal universalization and truncation)]. Moscow, Prometheus Publ., 1994. 117 p. – in Russian

92. Panov M. V. *Ob analiticheskih prilagatel'nyh v sovremennom russkom jazyke* [On analytical adjectives in the modern Russian language]. *Fonetika. Fonologija. Grammatika*. Moscow, 1971, pp. 174–181. – in Russian

93. Petrov A. V. Gnjozda slozhnyh slov s funkcional'no sootnositel'nymi komponentami -lechit' i –terapija [The nests of the compound words with functionally correlated components -лечить and -терапия]. Uchenye zapiski Tavricheskogo nac. universitta im. V. I. Vernadskogo. Simferopol, 2006. No.4. Vol. 19 (58), pp. 145–152. – in Russian

94. Petrov A. V. *Abbroosnova meteo- v sovremennom russkom jazyke: formirovanie i funkcionirovanie* [Abbro-foundation метео- in modern Russian language: formation and functioning]. *Issledovanija po semantike : Mezhvuzovskij nauchnyj sbornik s mezhdunarodnym uchastiem*. Issue 26.Ufa, Publishing house of Bashkir State University, 2016, pp. 82–91. – in Russian

95. Petrova E. Ju. *Formal'nye modeli jekvivalentnosti v gnezde jekvivalentnosti art-* [Formal models of equivalence in the equivalence nest арт-]. *Doneckie chtenija 2017: Russkij mir kak civilizacionnaja osnova nauchno-obrazovatel'nogo i kul'turnogo razvitija Donbassa: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i molodyh uchenyh (Doneck, 17-20 oktjabrja 2017 g.*). Volume 4. Part 2. Edited by Prof. S. V. Bespalova. Donetsk, Publishing house of DonNU, 2017, pp. 53–55. – in Russian

96. Prisnaja L. L., Rukavicyna O. N. *Javlenie semanticheskoj kondensacii v sovremennom tekste (nekotorye osobennosti vosprijatija i porozhdenija*) [The phenomenon of semantic condensation in modern text (some features of perception and generation)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2015, № 6(203), pp. 28–35. – in Russian

97. Radomskaja L. A. *Sushhestvitel'nye-jukstapozity ukrainskoj terminologii s sinonimicheskimi komponentami* [Juxtapositional nouns in Ukrainian terminology with synonymic components]. *Mir jazykov: rakurs i perspektiva : materialy VI mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf., Minsk, 22 aprelja 2015 g*. Minsk, BSU Publ., 2015, pp. 111–117. – in Russian

98. Reshtanenko A. A. *Formal'no-strukturnye osobennosti abbreviaturnoj gruppy «kino»* [Formal and structural features of the abbreviation group "кино"]. *Razvitie intellektual'no-tvorcheskogo potenciala molodezhi: iz proshlogo v sovremennost' Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii.* Ed. by S. V. Bespalova. Donetsk, 2018, pp. 53–54. – in Russian

99. Reshtanenko A. A. *Abbreviaturno-jukstapozitnye gibridnye gnjozda* [Abbreviated-yuxtapositive hybrid nests]. *Chtenija molodyh uchenyh: materialy IV Respublikanskoj ochno-zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Gorlovka, 12-13 aprelja 2018 g.*). Gorlovka, «GII» Publ., 2018, pp. 309–311. – in Russian

100. Reformatskij A. A. *Vvedenie v jazykovedeni* [Introduction to linguistics]. Ed. by V. A. Vinogradov. Moscow, Aspect Press Publ., 1996. 536 p. – in Russian

101. Rovnaja V. Ju. *O simul'tannyh abbrokonstruktah (na materiale abbreviacionnoj gruppy «geo»*) [About simultaneous abbroconstructions (on the material of abbreviation group "гео")]. *Nauka i mir v jazykovom prostranstve : sbornik nauchnyh trudov II Respublikanskoj ochno-zaochnoj nauchnoj konferencii (23 nojabrja 2016 g., Makeevka*). Editorial board: E. V. Gorohov, N. M. Zajchenko et al. Makeevka, Publishing house of DonNASA, 2016, pp. 544–548. – in Russian

102. *Russkaja grammatika* [Russian grammar]. Acad. of Sciences of the USSR, Institute of Russian Language. N. Ju. Shvedova (chief editor) and others. Moscow : Nauka Publ., 1980–1982. 783 p. – in Russian

103. Rjazanova V. A. *Modeli obrazovanija komponentov kompozitno-abbreviaturnoj gruppy «nefte»* [Models of formation of components of composite-abbreviated group "нефте"]. *Novye gorizonty slavistiki: materialy III Mezhdunarodnyh nauchnyh chtenij studentov i molodyh uchenyh pamjati G. I. Rihtera*. Donetsk, 2016, pp. 171–177. – in Russian

104. Rjazanova V. A. *Sopostavitel'nyj analiz gnezd jekvivalentnosti mutantnyh grupp «nefte» i «gazo»* [Comparative analysis of the equivalence nests of mutant groups "нефте" and "газо"]. *Nauka i mir v jazykovom prostranstve: sbornik nauchnyh trudov II Respublikanskoj ochno-zaochnoj nauchnoj konferencii*. Makeevka, 2016, pp. 544–548. – in Russian

105. Rjazanova V. A. *Deshifroval'nyj stimul i deshifroval'naja matrica: model' opisanija* [Decoding stimulus and decoding matrix: a description model]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: I Mezhdunarodnyj simpozium*. Vol. 2. Simferopol, 2017, pp. 198–204. – in Russian

106. Rjazanova V. A. *Deshifroval'nyj stimul kak faktor obrazovanija mutantnoj gruppy* [Decoding stimulus as a factor in the formation of a mutant group]. *Novye gorizonty rusistiki: nauchnyj zhurnal*. Vol. 2. Donetsk, 2017, pp. 33–37. – in Russian

107. Rjazanova V. A. *Mutantnye abbreviaturno-kompozitnye gruppy v slovoobrazovatel'noj sisteme jazyka* [Mutant abbreviation-composite groups in the word-formation system of language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 9: Filologija. 2017, № 6, pp. 108–116. – in Russian

108. Rjazanova V. A. *Tekstovye modeli formirovanija strukturnyh raznovidnostej jekvivalentnosti mutantnyh (gibridnyh) kompozitov* [Text models of the formation of structural varieties of equivalence mutant (hybrid) composites]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: II Mezhdunarodnyj simpozium*. Vol. 2. Simferopol, 2018, pp. 301–306. – in Russian

109. Rjazanova V. A. *Deshifroval'nyj stimul kak istochnik interpretacii slozhnogo slova* [Decoding stimulus as a source of interpretation of a complex word]. *Sociokul'turnaja sreda vuza i jazykovoe razvitie lichnosti inostrannogo*

studenta: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moscow, 2019, pp. 84–88. – in Russian

110. Rjazanova V. A. *Tipologija abbreviaturnyh grupp: principy i realizacija* [Typology of abbreviated groups: principles and implementation]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta*. Series D. *Filologija i psihologija*. 2020, №1, pp. 114–122. – in Russian.

111. Rjazanova V. A. *Mnozhestvennaja traktovka slozhnyh slov v jekvivalentnyh slovosochetanijah* [Multiple interpretation of complex words in equivalent word combinations]. *Vestnik MGPU. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie*. 2021, № 3(43), pp. 143–148. – in Russian

112. Rjazanova V. A., Brovec A. I. *Istorija slovarej sokrashhenij* [History of dictionaries of abbreviations]. *Mezhdunarodnyj aspirantskij vestnik. Russkij jazyk za rubezhom*. 2021, № 3, pp. 70–76. – in Russian.

113. Rjazanova V. A. *Specifika slovarnoj interpretacii semantiki abbreviatur* [Specificity of dictionary interpretation of the semantics of abbreviations]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 2022, Vol. 8, № 1, pp. 158–169. – in Russian.

114. Saharnyj L. V. *Slovoobrazovanie kak sintaksicheskij process* [Word formation as a syntactic process]. *Problemy struktury slova i predlozhenija. Perm: Publishing house of PSU*, 1974, pp. 17–19. – in Russian

115. Saharnyj L. V. *Psiholingvisticheskie aspekty teorii slovoobrazovanija* [Psycholinguistic aspects of the theory of word-formation]. Leningrad, Publishing house of Leningrad State University, 1985. 97 p. – in Russian

116. Selivanova O. O. *Substantivni kompoziti v ukraïns'kij ta rosijs'kij movah* [Substantive composites in Ukrainian and Russian languages]. Movoznavstvo Publ., 1992, № 6, pp. 19–22. – in Ukrainian

117. Selivanova E. A. *Kognitivnaja onomasiologija* [Cognitive onomasiology]. Kiev, Fitosociocentr Publ., 2000. 248 p. – in Russian

118. Serebrennikov B. A. *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i myshlenie* [The role of human factor in a language: Language and thinking]. Moscow, 1988. 114 p. – in Russian

119. *Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo jazyka : Materialy dlja leksicheskoj razrabotki zaimstvovannyh slov v rus. lit. rechi* [The dictionary of foreign words included in Russian language : materials for lexical development of borrowed words in Russian literary speech]. Edited by A. N. Chudinov. St. Petersburg, published by the bookseller V. I. Gubinsky, 1894. 676 p. – in Russian

120. Smirnova I. R. *O sostavnom abbrokonstrukte* [About the composite abbro-construct]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Serija D: Filologija i psihologija*. 2019, № 2, pp. 62–70. – in Russian

121. Snegova E. P. *Slozhnye slova so "slozhnym" harakterom: diskussionnyj status nominativnyh edinic tipa "fitnes-klub* [Compound words with "complex" character: debatable status of nominative units like "фитнес-клуб"]. Acta Linguistica Petropolitana. *Trudy instituta lingvisticheskih issledovanij*. 2017, № 2, pp 581–597. – in Russian

122. Sosnina L. V. *Ad"ektivnye kompozity russkogo jazyka: strukturnyj i onomasiologicheskij aspekty: diss. ... dokt. filol. nauk* [Adjectival composites of the Russian language: structural and onomasiological aspects]. Donetsk, 2017. 429 p. – in Russian

123. Suhobrus L. S. *Sochetanija jukstapozitnogo tipa v russkom jazyke: principy opisanija : dis. ... kand. filol. nauk* [Combinations of juxtapositional type in Russian: principles of description]. Bakhmut, 2017. 219 p. – in Russian

124. Suhotin A. M. *Problema «sokrashhennyh» slov v jazykah SSSR* [The problem of "abbreviated" words in the languages of the USSR]. *Pis'mennost' i revoljucija*. Moscow–Leningrad, 1933, № 1, pp. 151−160. – in Russian

125. Temnova Je. V. *Teorii tematicheskih polej v sovremennoj rusistike* [Theories of thematic fields in modern Russian Studies]. *Sovremennaja nauka:*

aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: GUMANITARNYE NAUKI. 2019, № 08/2, pp. 100–102. – in Russian

126. Terkulov V. I. *Kompozity russkogo jazyka v onomasiologicheskom aspekte : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.02* [Russian language composites in onomasiological aspect]. Gorlovka, Publishing house of State Institute of Foreign Languages, 2008. 472 p. – in Russian

127. Terkulov V. I. *Univerbalizacija: postanovka problemy* [Univerbalization: statement of the problem]. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija, istorija, vostokovedenie*. 2010, № 3, pp. 135–142. – in Russian

128. Terkulov V. I. *O raznovidnostjah abbrokonstruktov : abrojekvivalent i abbromorfema* [On the varieties of abbro-constructs: abbroequivalent and abbromorpheme]. *Kontinual'nost' i diskretnost' v jazyke i rechi : materialy 5 Mezhdunarodnoj konferencii*. Krasnodar, 2015, pp. 30–33. – in Russian

129. Terkulov V. I. *K tipologii jekvivalentnosti «slozhnosokrashhennoe slovo – slovosochetanie»* [To the typology of equivalence "complex abbreviated word - word combination"]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: IX Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija (8-11 ijunja 2015 g.*). Responsible editor E. Ja. Titarenko. Part I. Simferopol, Antikva Publ., 2015, pp. 6–18.– in Russian

130. Terkulov V. I. *Tipologija sokrashhennyh komponentov abbreviatur* [Typology of abbreviated components of abbreviations]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015, № 3 (98), pp. 127–134. – in Russian

131. Terkulov V. I., Syrovatskaja A. A. *Gnjozda jekvivalentnosti slozhnosokrashhennyh slov v abbreviacionnoj gruppe s abbrokonstruktom BIO* [Nests of equivalence of complex abbreviated words in abbreviation group with abbreviation БИО]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki : ezhekvartal'nyj nauchnyj zhurnal*. № 3 (19). Vladikavkaz, 2015, pp. 99–105. – in Russian

132. Terkulov V. I. *Univerbalizacija, kvaziuniverbalizacija, psevdouniverbalizacija: opredelenie terminov* [Univerbalization, quasi-univerbalization, pseudo-univerbalization: definition of terms]. *Nauka i mir v jazykovom prostranstve: sbornik nauchnyh trudov II Respublikanskoj ochno-zaochnoj nauchnoj konferencii*. Makeevka, Publishing house of DonNASA, 2016, pp. 37–41. – in Russian

133. Terkulov V. I. *Kompozity i slozhnosokrashhennye slova: o smezhnosti javlenij* [Composites and complex abbreviated words: about the mixing of phenomena]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: X Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija (8–11 ijunja 2016 g.)*. Simferopol', Antikva Publ., 2016. Part I, pp. 230–241. – in Russian

134. Terkulov V. I. *Materialy k slovarju terminov Jeksperimental'noj laboratorii issledovanija tendencij abbreviacii* [Materials for the dictionary of terms Experimental Laboratory for the Study of Abbreviation Trends]. *Vostochnoslavjanskaja filologija : sb. nauch. tr*. Issue 3 (29). Gorlovka, Publishing house of State Institute of Foreign Languages, 2016, pp. 13–25. – in Russian

135. Terkulov V. I. *Ob abbreviacii* [About abbreviation]. *Pedagogicheskaja sokrovishhnica Donbassa*. № 1, 2016, pp. 8–11. – in Russian

136. Terkulov V. I. *Interfiks v kompozitah i chastichnosokrashhennyh slovah* [nterfix in composites and partially abbreviated words]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki*. 2016, № 3(23), pp. 82–86. – in Russian

137. Terkulov V. I. *Gnezdo jekvivalentnosti abbreviatury v sinhronnom osveshhenii* [Abbreviation equivalence nest in synchronic coverage]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: I Mezhdunarodnyj simpozium*. Vol. 2. Simferopol, 2017, pp. 140–147. – in Russian

138. Terkulov V. I. *Slozhnosokrashhennye slova: sinhronnyj i diahronnyj aspekty opisanija* [Complex abbreviated words: synchronic and diachronic aspects of the description].*Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija*. 2017, № 6, pp. 73–97. – in Russian

139. Terkulov V. I. *Tipologija formal'nyh jekvivalentnostnyh abbreviaturnyh traktovok slozhnosokrashhjonnogo slova* [Typology of formal equivalence abbreviation interpretations of a complex abbreviated word]. *Stalingradskaja gvozdika: Sb. materialov mezhdunar. konf*. Edited by I. A. Prihozhan and V. I. Suprun. Volgograd, Fortess Publ., 2018, pp. 82–91.– in Russian

140. Terkulov V. I. *Metodika prognozirovanija otnoshenij jekvivalentnosti dlja slozhnosokrashhennyh slov* [Methodology of predicting equivalence relations for complex abbreviated words]. *Lingvisticheskie issledovanija i ih ispol'zovanie v praktike prepodavanija russkogo i inostrannyh jazykov: Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii (21 maja 2018 g.*). Donetsk, Publishing house of DonNTU, 2018, pp. 69–79. – in Russian

141. Terkulov V. I., Krest'janinova E. S. *Ierarhija deshifroval'nyh stimulov v gnezde jekvivalentnosti: k postanovke problemy* [Hierarchy of decoding stimuli in the equivalence nest: to the problem statement]. *Novye gorizonty rusistiki*. 2018, № 4, pp. 27–33. – in Russian

142. Terkulov V. I. *Tekst kak pokazatel' abbreviaturnoj jekvivalentnosti* [Text as an indicator of abbreviation equivalence]. *Jazyk. Tekst. Diskurs*. Issue 16. Stavropol, 2018, pp. 34–41. – in Russian

143. Terkulov V. I. *Slozhnosokrashhennye apelljativy kak avtonomnaja raznovidnost' abbreviatur* [Complex abbreviated appellatives as an autonomous variety of abbreviations]. *Rusistika*. Moscow, Publishing house of RUDN University, № 1, 2020, pp. 97–112. – in Russian

144. Tibilova M. I. *Semasiologicheskie osobennosti abbreviaturnyh innovacij* [Semasiological features of abbreviated innovations]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015, № 12-3(54), pp. 194–197. – in Russian

145. Uluhanov I. S. *Motivacija v slovoobrazovatel'noj sisteme russkogo jazyka* [Motivation in the word-formation system of the Russian language]. Moscow, 2005. 314 p. – in Russian

146. Urazgaliev V. Sh. *Stanovlenie i razvitie neftjanogo dela v Rossijskoj imperii* [Formation and development of oil business in the Russian Empire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jekonomika*. 2013, № 1, pp. 69–80. – in Russian

147. Ustimenko I. A. *Javlenie semanticheskoj kondensacii v jazyke i rechi* [The phenomenon of semantic condensation in language and speech]. *Teorija jazykoznanija i rusistiki: nasledie B. N. Golovina*. Nizhniy Novgorod, 2001, pp. 317–319. – in Russian

148. Ustinova I. A. *Abbreviacionnaja gruppa «avto» (avtomaticheskij) v russkom jazyke* [Abbreviation group "авто" (автоматический) in Russian]. *Nauka i mir v jazykovom prostranstve: sbornik nauchnyh trudov II Respublikanskoj ochno-zaochnoj nauchnoj konferencii*. Makeevka, Publishing house of DonNASA, 2016, pp. 568–573. – in Russian

149. Fillmor Ch. *Delo o padezhe* [The Case of Case]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Moscow, Progress Publ., 1981. Issue 10, pp. 369–495. – in Russian

150. Chukovskij K. I. *Zhivoj kak zhizn' : o russkom jazyke* [Alive as life: about Russian language]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1966. 208 p. – in Russian

151. Shanskij N. M. *Affiksoidy v slovoobrazovatel'noj sisteme russkogo jazyka* [Affixoids in the word-formation system of the Russian language]. *Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku*. Moscow, 1970, pp. 157–171. – in Russian

152. Shtel'man T. A. *Strukturnye nesootvetstvija v onimnoj abbreviaturnojgruppe min-* [Structural inconsistencies in the onymic abbreviation group мин-]. *Novye gorizonty rusistiki*. 2021, № 14, pp. 85–89. – in Russian

153. Shtel'man T. A. *Tipy otstuplenija ot principa jekvivalentnosti pri formirovanii slozhnosokrashhennyh onimov s konstruktom Ros-* [Types of derogation from the principle of equivalence in forming complex abbreviated onyms with the construct Рос-]. *Jazyk. Kul'tura. lichnost' : materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii molodyh uchenyh, Samara, 16 dekabrja 2021 goda*. Samara: Scientific and Technical Center Publ., 2022, pp. 70–76. – in Russian

154. Shumarin S. I. *Leksikograficheskoe predstavlenie semanticheskih i derivacionnyh processov v sfere abbreviacii* [Lexicographic representation of semantic and derivational processes in the sphere of abbreviation]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2011, № 3(33), pp. 94–96. – in Russian

155. Shumarin S. I. *Slovarnoe opisanie abbreviatur: lingvokul'turovedcheskij aspekt* [Dictionary description of abbreviations: linguocultural aspect]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2014, № 3 (45), pp. 31–33. – in Russian

156. Jarmashevich M. A. *Struktura i semantika abbreviatur* [Structure and semantics of abbreviations]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija. Zhurnalistika.* 2013. Vol. 13, № 3, pp. 3–5. – in Russian

157. Adams V. Complex words in English. Harlow, Pearson Education/Longman Publ., 2001. 173 p.

158. Bauer L. When is a sequence of two nouns a compound in English? English Language and Linguistics 2: 1, 1998, pp. 65–86.

159. Marchand H. The Categories and Types of Present-day English Word-formation. A synchronic-diachronic approach. Alabama Linguistic and Philological series. Alabama, University of Alabama Press, 1966. Vol. 13. 379 p.

160. Zakhtser E. M. An Introduction to Teaching English Compound Nouns in EFL Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2019. Vol. 9, No 6(42), pp. 125–132.

ILLUSTRATIVE MATERIAL:

161. Alekseev D. I. *Slovar' sokrashhenij russkogo jazyka : okolo 17 000 sokrashhenij* [Dictionary of Russian Language Abbreviations : about 17 000 abbreviations]. Ed. 4-th, revised. Moscow, Russian language Publ., 1984. 485 p. – in Russian

162. Baranova L. N. *Slovar' abbreviatur inojazychnogo proishozhdenija : okolo 1 000 abbreviatur : rasshifrovka i proiznoshenie, upotreblenie v rechi* [Dictionary of abbreviations of foreign origin : about 1,000 abbreviations: decoding and pronunciation, speech usage]. Moscow, ASTPressKniga Publ., 2009. 320 p. – in Russian

163. Bulatov A. I. *Sovremennyj anglo-russkij i russko-anglijskij slovar' po nefti i gazu : okolo 60 000 terminov* [Modern English-Russian and Russian-English Dictionary of Oil and Gas : about 60,000 terms]. Moscow, Publishers RUSSO, 2006. 752 p. – in Russian

164. Borisov A. B. *Bol'shoj juridicheskij slovar'* [Big dictionary of law]. Moscow, Book World Publ., 2010. 848 p. – in Russian

165. Eliseev I. A. *Slovar' abbreviatur i akronimov russkogo jazyka* [Dictionary of abbreviations and acronyms of Russian language.]. Moscow, Infra-M Publ., 2015. 716 p. – in Russian

166. National Corpus of the Russian language. Access mode: www.ruscorpora.ru. – in Russian

167. Novichkov N. N. *Slovar' sovremennyh russkih sokrashhenij i abbreviatur: Okolo 12 000 sokrashhenij i abbreviatur* [Dictionary of modern Russian abbreviations and acronyms: About 12,000 abbreviations and acronyms]. Infoglob Publ., 1995. 298 p. – in Russian

168. *Novye sokrashhenija v russkom jazyke. 1996–1999* [New abbreviations in Russian language. 1996-1999]. Edited by I. V. Fahradyants. Moscow, 2000. – in Russian

169. Skljarevskaja G. N. *Slovar' sokrashhenij sovremennogo russkogo jazyka* [Dictionary of abbreviations of modern Russian language]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 448 p. – in Russian

170. *Slovar' neftegazovyh terminov i abbreviatur* [Dictionary of oil and gas terms and abbreviations]. Access mode: https://oilgasinform.ru/science/glossary. – in Russian

171. *Slovar' po geologii nefti i gaza* [Dictionary of oil and gas geology]. Leningrad, Nedra Publ., 1988. 679 p. – in Russian

172. *Slovar' sokrashhenij i abbreviatur armii i specsluzhb : okolo 7 000 slov* [Dictionary of abbreviations and abbreviations of army and special services : about 7,000 words]. Compiled by. A A. Shhjolokov. Moscow, AST, Heleos Publ., 2003. 318 p. – in Russian

173. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Under the editorship of D. V. Dmitriev. Moscow, Astril, AST Publ., 2003. 1578 p. – in Russian

174. Fadeev S. V. *Tematicheskij slovar' sokrashhenij sovremennogo russkogo jazyka: okolo 20 000 sokrashhenij* [Thematic dictionary of abbreviations of the modern Russian language: about 20 000 abbreviations]. Moscow, 1998. – in Russian